

Народно **аселение**

ISSN 1561-7785

3 . 2023

июль-сентябрь

- **Демография: вопросы теории и практики**
- **Качество и условия жизни населения**
- **Проблемы социальных и финансовых систем**
- **Научная жизнь ИСЭПН ФНИСЦ РАН**

МОСКВА

ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ
ИМЕНИ Н. М. РИМАШЕВСКОЙ ФНИСЦ РАН (ИСЭПН ФНИСЦ РАН)

Народонаселение

Е Ж Е К В А Р Т А Л Ы Н Ы Й Н А У Ч Н Ы Й Ж У Р Н А Л

2023. Том 26. №3 (июль-сентябрь)

DOI: 10.19181/population.2023.26.3



Учредитель: Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН (ФНИСЦ РАН)

(117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5)

Издатель: ИСЭПН ФНИСЦ РАН

(117218, Москва, Нахимовский пр-т, д. 32).

ISSN1561–7785 (print)

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ПИ № ФС77–78718 от 20.06.2020

Индекс подписки в «Каталог периодики» агентства «Урал-пресс» – 79183.

Журнал включён ВАК в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, учёной степени доктора наук» (категория К1), индексируется РИНЦ и WoS RSCI.

Главный редактор:

Локосов В.В., член-корр. РАН (Москва, Россия).

Редакционная коллегия:

Аганбегян А.Г., академик РАН (Москва, Россия);
Аксенова Е.И., д.э.н., проф. (Москва, Россия);
Александрова О.А., д.э.н. (Москва, Россия);
Доброхлеб В.Г., д.э.н. (Москва, Россия);
Дохолян С.В., д.э.н., проф. (Москва, Россия);
Медведева Е.И., д.э.н. (Москва, Россия);
Назарова И.Б., д.э.н. (Москва, Россия);
Риччери М., д.э.н., проф. (Рим, Италия);
Русанова Н.Е., д.э.н. (Москва, Россия);
Рыбаковский Л.Л., д.э.н., проф. (Москва, Россия);
Рыбаковский О.Л., д.э.н. (Москва, Россия);
Рюмина Е.В., д.э.н., проф. (Москва, Россия);
Рязанцев С.В., член-корр. РАН (Москва, Россия);
Синельников А.Б. д.соц.н., проф. (Москва, Россия);
Сухоцка Л., к.псх.н., проф. (Люблин, Польша);
Теодорович М.Л., д.соц.н., проф. (Н. Новгород, Россия);
Токсанбаева М.С., д.э.н. (Москва, Россия);
Фуци С., д.фил.н., проф. (Пекин, Китай);
Шабунова А.А., д.э.н. (Вологда, Россия);
Яршова А.В. д.э.н., проф. (Москва, Россия).

Ответственный секретарь:

Симагин Ю.А., к.геогр.н., доцент (Москва, Россия).

Редактор перевода на английский язык:

Войтенкова Г.Ф., к.ист.н. (Москва, Россия).

© Редакция журнала «Народонаселение», 2023.

© ИСЭПН ФНИСЦ РАН, 2023.

Адрес редакции:

Адрес редакции: 117218, Москва, Нахимовский пр-т, д. 32. Тел.: +7 499 129-08-01.

Website: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/population>; e-mail: isesp-population@yandex.ru.

Отпечатано в типографии ООО «Фабрика Офсетной Печати»

Адрес: 111024, Москва, ул. Авиамоторная, д. 2, к. 18.

Website: www.for.ru; e-mail: info@for.ru.

Заказ № 24116. Тираж 500 экз. Цена: бесплатно.

Дата выхода в свет 30.09.2023.

INSTITUTE OF SOCIO-ECONOMIC STUDIES
OF POPULATION FCTAS RAS (ISESP FCTAS RAS)

Population

QUARTERLY SCIENTIFIC JOURNAL

2023. Vol. 26. No. 3 (July-September)

DOI: 10.19181/population.2023.26.3



**Founder: Federal Center of Theoretical and Applied
Sociology RAS (FCTAS RAS)**

(24/35, kor. 5, Krzhizhanovskogo str.,
Moscow, Russia, 117218)

Publisher: ISESP FCTAS RAS

(32 Nakhimovsky prospect, Moscow, Russia, 117218)

ISSN1561–7785 (print)

The journal was registered by the Federal Service
for Supervision of Communications, Information
Technology, and Mass Media (Roskomnadzor)
on 20.6. 2020

Series ПИ № ФС77–78718.

Subscription index in the Ural-Press catalogue of
periodicals – 79183.

The journal is included by the State Commission for
Academic Degrees and Titles in the List of Russian
peer-reviewed scientific journals, publication in which
is required for defense of Candidate's and Doctor's
theses (Category K1), it is indexed in RSCI and WoS
RSCI.

Editor in Chief:

Lokosov V.V., RAS Corr. Member, (Moscow, Russia)

Editorial Board:

Aganbegian A. G., RAS Academician (Moscow, Russia);
Aksenova E. I., Dr. Sc. (Econ.), Prof. (Moscow, Russia);
Aleksandrova O.A., Dr. Sc. (Econ.) (Moscow, Russia);
Dobrokhleb V. G., Dr. Sc. (Econ.) (Moscow, Russia);
Dokholyan S. V., Dr. Sc. (Econ.), Prof. (Moscow, Russia);
Medvedeva E. I., Dr. Sc. (Econ.) (Moscow, Russia);
Nazarova I. B., Dr. Sc. (Econ.) (Moscow, Russia);
Riccery M., Dr. Sc. (Econ.), Prof. (Rome, Italy);
Rusanova N. E., Dr. Sc. (Econ.) (Moscow, Russia);
Rybakovsky L. L., Dr. Sc. (Econ.), Prof. (Moscow, Russia);
Rybakovsky O. L., Dr. Sc. (Econ.) (Moscow, Russia);
Ryumina E. V., Dr. Sc. (Econ.), Prof. (Moscow, Russia);
Ryazantsev S. V., RAS Corr. Member (Moscow, Russia);
Sinelnikov A. B., Dr. Sc. (Sociol.), Prof. (Moscow, Russia);
Suchocka L., Cand. Sc. (Psychol.), Prof. (Lublin, Poland);
Teodorovich M. L., Dr. Sc. (Sociol.), Prof. (N. Novgorod, Russia);
Toksanbaeva M. S., Dr. Sc. (Econ.) (Moscow, Russia);
Futsi X., Dr. Sc. (Philos.), Prof. (Beijing, China);
Shabunova A. A., Dr. Sc. (Econ.) (Vologda, Russia);
Yarasheva A. V., Dr. Sc. (Econ.), Prof. (Moscow, Russia).

Executive secretary:

Simagin Yu. A., Cand. Sc. (Geogr.) (Moscow, Russia).

Editor of English translation:

Voytenkova G. F. Cand.Sc. (Hist.) (Moscow, Russia).

© Editorial Board of the journal «Narodonaselenie» (Population), 2023.

© ISESP FCTAS RAS, 2023.

Postal address of the Editorial Board:

32 Nakhimovsky prospect, Moscow, Russia, 117218. Tel.: +7 499 129–08–01

Website: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/population>; e-mail: isesp-population@yandex.ru.

Printed at the printing house "Offset Printing House"

Address: 2, kor. 18, Aviamotornaya str., Moscow, Russia, 111024

Website: www.fop.ru; e-mail: info@fop.ru.

Order № 24116. Circulation 500 copies. Price: free.

Date of publication 30.09.2023.

СОДЕРЖАНИЕ

Народонаселение. 2023. Том 26. № 3 (июль-сентябрь)

ДЕМОГРАФИЯ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Рыбаковский Л. Л. ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ БУДУЩЕЕ РОССИИ: ПРОГНОЗЫ И РЕАЛЬНОСТЬ	4
Соколова А. А., Калачикова О. Н. МАЯТНИКОВАЯ ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ В РОССИИ: МАСШТАБЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ	16
Соколов А. А., Руднева О. С. РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В РОССИЙСКО-КАЗАХСТАНСКОМ ТРАНСГРАНИЧЬЕ	30
Соян Ш. Ч. СОВРЕМЕННЫЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РЕСПУБЛИКИ ТЫВА	43
Бабаев К. В. ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В КНР И ЕЁ ПОТЕНЦИАЛЬНОЕ ВЛИЯНИЕ НА ЭКОНОМИКУ КИТАЯ	55
Ван Ш., Цзя С., Мищук С. Н. ИЗМЕНЕНИЯ В ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ КИТАЯ ЗА 2010–2021 ГОДЫ	66

КАЧЕСТВО И УСЛОВИЯ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ

Гришина Е. Е., Цацура Е. А. АДРЕСНЫЕ ВЫПЛАТЫ НА ДЕТЕЙ 3–7 И 8–17 ЛЕТ: ДОСТУПНОСТЬ, РЕЗУЛЬТАТИВНОСТЬ И УРОКИ ДЛЯ ЕДИНОГО ПОСОБИЯ	77
Логинов Д. М. СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ В УСЛОВИЯХ КОРОНАКРИЗИСА: КТО ПРИНЯЛ ОСНОВНОЙ УДАР?	93
Рюмина Е. В. АНАЛИЗ ФАКТОРОВ РЕГИОНАЛЬНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ПОТРЕБЛЕНИЯ ЭЛЕКТРОЭНЕРГИИ НАСЕЛЕНИЕМ РОССИИ	107
Мельникова Т. Б., Портнова Л. В., Обидовская Н. Н., Приходько К. С. МНЕНИЕ ГОРОЖАН РОССИИ О ВОВЛЕЧЁННОСТИ В ИХ ЖИЗНЬ ОХРАНЯЕМЫХ ПРИРОДНЫХ ТЕРРИТОРИЙ	116

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНЫХ И ФИНАНСОВЫХ СИСТЕМ

Антонов А. И., Назарова И. Б., Карпова В. М., Ляликowa С. В. ПОРОГ НАСТУПЛЕНИЯ СТАРОСТИ: ОБЪЕКТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ И СУБЪЕКТИВНОЕ ВОСПРИЯТИЕ	131
Хакумура Н. ОТНОШЕНИЯ В ЯПОНСКИХ СЕМЕЙНЫХ ПАРАХ, ВОСПИТЫВАЮЩИХ «ОСОБЕННЫХ» ДЕТЕЙ, И СВЯЗАННЫЕ С НИМИ РИСКИ	144
Коленникова О. А. ПРИЧИНЫ ДИСФУНКЦИИ ИНСТИТУТА АТТЕСТАЦИИ МЕДИЦИНСКИХ СПЕЦИАЛИСТОВ	158
Ярашева А. В., Аликперова Н. В., Марков Д. И. ОСОБЕННОСТИ КРЕДИТНОГО ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЁЖИ РОССИИ: ТЕНДЕНЦИИ И РИСКИ	170

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ ИСЭПН ФНИСЦ РАН

VI МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ – РИМАШЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ «СБЕРЕЖЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ: ЗДОРОВЬЕ, ЗАНЯТОСТЬ, УРОВЕНЬ И КАЧЕСТВО ЖИЗНИ»	183
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «МЕДИЦИНСКИЕ КАДРЫ: ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ»	189
V МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «СОЦИАЛЬНАЯ ДИНАМИКА НАСЕЛЕНИЯ И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ»	196

CONTENTS

Narodonaselenie [Population]. 2023. Vol. 26. No. 3 (July-September)

DEMOGRAPHY: THEORY AND PRACTICE ISSUES

Leonid L. Rybakovsky RUSSIA'S DEMOGRAPHIC FUTURE: FORECASTS AND REALITY.....	4
Anastasia A. Sokolova, Olga N. Kalachikova COMMUTING IN RUSSIA: SCALE AND CONSEQUENCES	16
Aleksandr A. Sokolov, Oksana S. Rudneva REGIONAL FEATURES OF THE DEMOGRAPHIC PROCESSES IN THE RUSSIAN-KAZAKH CROSS- BORDER REGIONS.....	30
Shonchalay Ch. Soyan MODERN DEMOGRAPHIC PROBLEMS OF THE REPUBLIC OF TUVA	43
Kirill V. Babaev DEMOGRAPHIC SITUATION IN CHINA AND ITS POTENTIAL INFLUENCE ON THE CHINESE ECONOMY	55
Shaofu Wang, Xianning Jia, Svetlana N. Mishchuk CHANGES IN CHINA'S DEMOGRAPHIC POLICY IN 2010–2021.....	66

QUALITY AND CONDITIONS OF LIFE OF POPULATION

Elena E. Grishina, Elena A. Tsatsura TARGETED ALLOWANCES FOR CHILDREN AGED 3–7 AND 8–17: ACCESSIBILITY, EFFECTIVENESS AND LESSONS FOR UNIFIED BENEFIT	77
Dmitry M. Loginov SOCIAL WELL-BEING IN CORONACRISIS: WHO TOOK THE BRUNT OF IT?.....	93
Elena V. Ryumina ANALYSIS OF THE REGIONAL DIFFERENTIATION FACTORS OF INDICATORS OF ELECTRICITY CONSUMPTION BY THE POPULATION OF RUSSIA	107
Tatyana B. Melnikova, Lidia V. Portnova, Natalya N. Obidovskaya, Karina S. Prikhodko OPINIONS OF RUSSIAN TOWNSPEOPLE ABOUT INVOLVEMENT OF PROTECTED NATURAL AREAS IN THEIR LIFE	116

ISSUES OF SOCIAL AND FINANCIAL SYSTEMS

Anatoly I. Antonov, Inna B. Nazarova, Vera M. Karpova, Sofia V. Lyalikova THRESHOLD OF OLD AGE: OBJECTIVE SIGNS AND SUBJECTIVE PERCEPTION	131
Naoya Hakumura FUTURE RISK IN JAPANESE PARENTS RAISING CHILDREN WITH SPECIAL NEEDS.....	144
Olga A. Kolennikova INSTITUTION OF CERTIFICATION OF MEDICAL WORKERS: THE REASONS FOR DYSFUNCTION.....	158
Aziza V. Yarasheva, Natalia V. Alikperova, Dmitry I. Markov FEATURES OF CREDIT BEHAVIOR OF RUSSIAN YOUTH: TRENDS AND RISKS.....	170

SCIENTIFIC LIFE AT ISESP FCTAS RAS

VI INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE: RIMASHEVSKAYA READINGS “SAVING RUSSIAN POPULATION: HEALTH, EMPLOYMENT, STANDARDS AND QUALITY OF LIFE”.....	183
SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE “MEDICAL PERSONNEL: A LOOK INTO THE FUTURE”	189
V INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE “SOCIAL DYNAMICS OF POPULATION AND HUMAN POTENTIAL”	196

ДЕМОГРАФИЯ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ



DOI: 10.19181/population.2023.26.3.1
EDN: ILGXMB

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ БУДУЩЕЕ РОССИИ: ПРОГНОЗЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

Рыбаковский Л.Л.

ИДИ ФНИСЦ РАН

(119333, Россия, Москва, ул. Фотиевой, 6, корп. 1)

E-mail: 1284781@mail.ru

Для цитирования:

Рыбаковский Л.Л. Демографическое будущее России: прогнозы и реальность // Народонаселение. – 2023. – Т. 26. – № 3. – С. 4-15. DOI: 10.19181/population.2023.26.3.1; EDN: ILGXMB

Аннотация. В статье говорится о прогнозе как инструменте, позволяющем предположить возможное демографическое развитие, которое может произойти либо само по себе вследствие продолжения сложившихся тенденций, либо в результате осуществления специально принятых для этого мер. Кратко показана история развития демографического прогнозирования, его осуществление в советские годы и в современной России. Раскрывается практическая значимость достоверных прогнозов для России, рост населения которой является одним из условий сохранения ею своей независимости, территориальной целостности и статуса великой державы. В статье высказывается мнение автора относительно многовариантности прогнозов в демографической сфере и применения методов, не свойственных общественным явлениям, каковым является население. Большое внимание уделено характеристике прогнозов, составляемых Росстатом и его предшественником Госкомстатом России, их сопоставлению с прогнозами ООН, сравнению с фактической численностью населения. В заключительной части статьи сопоставляются различные варианты современных прогнозов Росстата, обосновывается необходимость осуществления тех из них, которые соответствуют практическим интересам страны и её регионов. В выводах подчёркивается, что одним из упущений Росстата является использование для практических целей так называемого среднего варианта прогноза по населению, который им считается наиболее реалистичным. Как добиться выполнения нормативного для страны варианта, если регионы ориентируются на достижение численности населения согласно среднему варианту? Если исходить из стратегической цели демографического развития России, то очевидно, что для этого помимо прогноза-экстраполяции, показывающего, что будет, если сохранятся сложившиеся тенденции, нужен нормативный прогноз, указывающий необходимые соответствующее национальным интересам страны параметры динамики населения. Поэтому для регионов должны доводиться их численности населения, соответствующие высоким вариантам, поскольку только сумма этих величин во всех регионах соответствует нормативному прогнозу по России. Этот вариант, а не средний должен обеспечиваться необходимым набором мер демографической политики.

Ключевые слова. демографическое развитие России, воспроизводство населения, депопуляция, рождаемость, смертность, миграция, нормативный прогноз, варианты прогнозов, гипотезы, передвижка возрастов, экстраполяция.

Демографические прогнозы, их российская предыстория

Прогноз — это своего рода инструмент, позволяющий предположить возможное изменение параметров того или иного явления, которое может произойти, либо само по себе вследствие продолжения сложившихся тенденций его развития, либо в результате осуществления специально принятых для этого мер. Собственно, демографический прогноз — это предвидение вектора возможного количественного и структурного изменения населения в перспективе.

Проявление в том или ином обществе интереса к демографическому будущему относится к далёкому прошлому. Попытки представить это будущее предпринимались ещё в античном мире, но лишь в XVII в. после того, как стали формироваться знания о демографических процессах, появилась возможность придать этим представлениям научный характер. Одну из таких попыток предпринял в середине XVII в. Дж. Граунт, основатель демографической науки. Он полагал, что население Англии удваивается каждые 280 лет. В конце XVIII в. Т. Р. Мальтус сформулировал положение, наделавшее много шума в последующей политической жизни, о том, что увеличение населения происходит в геометрической прогрессии, тогда как средства его существования возрастают в арифметической. В дореволюционной России «геометрическую прогрессию» использовал Д. И. Менделеев при расчёте демографических показателей на основе данных Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года.

В России научное прогнозирование демографического развития в том виде, как оно понимается ныне, появилось в советское время. Один из таких прогнозов был сделан в 1922 г. С. Г. Струмилиным. Прогноз определял численность населения на 1939 г. в 172,3 млн человек, а перепись на тот же год зафиксировала 190,7 млн человек. В это число было включено население возвращённых территорий западных

районов Украины, Белоруссии и Молдавии, а также Прибалтийских республик. При корректировке численности населения на 1939 г. было принято, что в состав СССР вошли территории с населением чуть больше 20 млн человек. Без этой численности население СССР в 1939 г. составило бы в границах СССР до 17 сентября 1939 г. — 170,6 млн человек¹. Совпадение данных прогноза С. Г. Струмилина и Всесоюзной переписи населения 1939 г. — это случайность, поскольку автор прогноза не предполагал сокращения численности населения в результате коллективизации, репрессий 1937–1938 гг., а также фальсификации переписных данных. Вслед за С. Г. Струмилиным последовали, опирающиеся теперь уже на переписные данные 1926 г., демографические прогнозы, выполненные Б. Бабыниным (1926–1928 гг.), Ю. А. Корчак-Чепурковским (1928 г.), М. В. Птухой (1930 г.), А. П. Хоменко (1931 г.), С. А. Новосельским и В. В. Паевским (1933 г.) и другие [1, с. 353].

В послевоенные годы, когда стали возрождаться демографические исследования, не остались в стороне и демографические прогнозы. Помимо Центрального статистического управления (ЦСУ) СССР демографические прогнозы составлялись также в Госплане, причём не только в целом по стране, но и по её регионам. Оценка перспективной численности населения по районам была необходима в связи с планируемым размещением производительных сил. Однако, реально этой увязки даже в самом Госплане СССР не было. Планированием развития производительных сил занимался один отдел, а прогнозированием населения — другой. Поскольку первое по времени опережало второе, то экономический рост в регионах никак не был связан с оценкой наличия там трудовых ресурсов. Демографические прогнозы разрабатывались не только в плановых и статистических органах, но и в научных учреждениях. Так, в начале 1960-х гг. демографические прогнозы для регио-

¹ Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. СССР (сводный том). — Москва: Госстатиздат, 1962. — 284 с.

нов Сибири и Дальнего Востока были составлены в Институте экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения АН СССР.

В 1976 г. образованная по инициативе Министерства обороны межведомственная комиссия запретила публиковать в открытой печати основную демографическую статистику. Это создало трудности в получении сведений о прогнозах, выполнявшихся в плановых и статистических органах. Насколько нам известно, последний демографический прогноз, осуществлённый Госпланом СССР, опирался на данные переписи населения 1989 года. Он был рассчитан до 2015 года. К началу этого года численность населения СССР должна была возрасти до 350 млн человек, то есть увеличиться на 60 млн человек по сравнению с 1990 годом. Фактическая численность населения во всех государствах, возникших на постсоветском пространстве, составила 290 млн человек². Она оказалась такой же, какой была и в год прогнозирования.

Демографическое прогнозирование в постсоветской России

Развал СССР и получение Россией статуса независимой страны не только не прервало деятельность государственных органов в области демографического прогнозирования, но и сделало общедоступными их результаты. Более того, параметры демографического развития, как и их прогнозы, сразу же заняли прочное место в общественной жизни страны. Это было инициировано процессами, которые возникли в стране: начавшейся приватизацией общественной собственности, сокращением объёмов внутреннего валового продукта, растущими финансовыми трудностями, падением уровня жизни населения, увеличением количества безработных и пр. Все это не могло не сказаться на демографических показателях, особенно смертности населения. В 1994 г. число

умерших в России превысило 2,3 млн человек, что было на 0,6 млн человек больше, чем в 1990 году. В 1993 г. смертность от убийств увеличилась в 2,1 раза, от самоубийств — на 43%, от употребления алкоголя — в 2,9 раза³. Разраставшаяся в те годы депопуляция широко освещалась в печати, о ней сообщалось в выступлениях политиков. Уже в то время политические силы были озабочены не только происходящим в социально-экономической сфере, но и грядущим демографическим будущим России.

Собственно, этим можно объяснить, что сразу вслед за возникновением суверенной Российской Федерации в декабре 1992 г. её Верховным Советом (ВС РСФСР) было принято Постановление «О неотложных мерах по изучению населения и демографических перспектив Российской Федерации». В числе этих мер был пункт «разработать в 1993–1994 гг. научно обоснованную концепцию и прогноз демографического развития России на перспективу». К сожалению, в тот период это Постановление с мерами жизненно необходимыми для России оказалось невыполнимым, так как ВС РСФСР всего спустя 8 месяцев был разогнан силами, поддержавшими Б.Н. Ельцина. Второй части этого пункта — прогнозам населения повезло больше, поскольку они разрабатывались и до и после этого Постановления, то есть осуществлялись уже почти три десятка лет. Это, естественно, не умаляет значения заботы, проявленной в то время депутатами ВС РСФСР о демографическом будущем России. Не говоря о прогнозах населения, которые осуществлялись демографической службой ООН, а также учёными, работавшими в тех или иных научных учреждениях России (МГУ им. М.В. Ломоносова, Институт народнохозяйственного прогнозирования (ИНП) РАН, Институт социологии РАН, Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН и другие), они с начала 1990-х гг. стали ре-

² Сборник статистических материалов. 1990. Госкомстат СССР. — Москва: Финансы и статистика, 1991. — С. 64–66.

³ Российский статистический ежегодник 1994. Стат. сборник. — Москва: Госкомстат России, 1994. — С. 50–51.

гулярно разрабатываться Госкомстатом России (сейчас — Росстат).

Каждая страна живёт в определённых геополитических координатах, и каково её место в мире и как оно меняется, независимо от точности прогнозов, представляет для неё практический интерес. Это особенно важно для России с её геополитическим статусом великой державы. Наличие у страны самой большой территории в мире, выгодного географического положения и колоссальных природных ресурсов, настоятельно требует преумножать демографический потенциал, без которого невозможно сохранение потенциала экономического и оборонного. Ещё до того, как Россия приобрела статус суверенного государства, её удельный вес в мировом населении стал сокращаться. В частности, в 1985 г. доля России в населении мира достигала 3,0% (СССР — 5,8%) и лишь в четырёх странах (США, Китай, Индия и Индонезия) численность населения была большей, чем в России. Спустя 7 лет, в 1992 г. доля России сократилась до 2,4%, по численности населения её обошла Бразилия. С тех пор продолжилось уменьшение удельного веса России в мировом населении и её порядкового номера по этой величине. В 2003 г. доля России снизилась до 2,3% и её обошли ещё две страны (Пакистан и Бангладеш). В 2011 г. удельный вес России составлял 2,1%, а список стран с населением большим, чем у неё, пополнился за счёт Нигерии.

Ознакомление с демографическими прогнозами, созданными ООН, несмотря на их условность, примерность и крайне малую вероятность, тем не менее, показывает, что может случиться с демографическим потенциалом России, если эти предсказания сбудутся, хотя бы в минимальной степени. В частности, прогноз ООН, выполненный в 2019 г. на 2050 и 2100 гг показывает, что в первом случае доля России сократится до 1,7% и во втором — до 1,2%. В мире будет не менее 17 стран с населением большим, чем у России.

Добавим, что независимо от того, 15 или 20 стран будут иметь большее насе-

ление, чем у России, и будет ли её доля в растущем мировом населении 1,2% или 1,5%, скорее всего, возрастёт «нажим» на неё из-за того, что она владеет колоссальными природными богатствами, проводит самостоятельную внешнюю политику и многое другое. К американским и западноевропейским политикам и политологам вроде З. Бжезинского, М. Олбрайт, Дж. Мейджора уже присоединились современные недруги России из США, Великобритании, других европейских стран. Россия многие годы находится во враждебном к ней отношении стран, входящих в блок НАТО. Поэтому, рост населения России — это одно из условий сохранения ею своей независимости и статуса великой державы. К сожалению, все прогнозы, выполненные не только ООН, но и самой Россией (Росстатом) свидетельствуют о неблагоприятном демографическом развитии страны.

Прежде чем приступить к анализу демографических прогнозов, выполненных Росстатом, необходимо сделать два замечания, первое из которых касается методических вопросов прогнозирования. Нет необходимости говорить об этих вопросах подробно, т.к. о них не только написано в демографических учебниках, но и сообщается Росстатом в специальных «Методических пояснениях», публикуемых перед каждым прогнозом населения. Здесь лишь отметим, что любое демографическое прогнозирование опирается на общеизвестные приёмы повозрастной передвижки, а также, и это главное, на принятую гипотезу (сценарий) изменения используемых для этого повозрастных показателей смертности и рождаемости.

Вот что об этом говорится в одном из демографических ежегодников: «Перспективные расчёты численности населения строятся на некоторых гипотезах относительно будущих тенденций рождаемости, смертности и миграции». Достоверность прогнозов зависит как от исходной информации, так и обоснованности гипотез. Расчёты представляют передвижки возрастов для населения разного пола

(мужчины и женщины) и разного административно-территориального статуса (город, село)⁴. К сожалению, в «Методических пояснениях» допущена одна методологическая неточность, применяемая во всех прогнозах. В них не различаются подходы к прогнозированию внутренней компоненты демографической динамики (рождаемости и смертности) и внешней компоненты, какой в данном случае является международная миграция. Дело в том, что миграционный прирост, да ещё «расписанный» по половозрастным группам, при отсутствии сколько-нибудь достоверной информации, это уже не прогноз, а фантазия.

В нашей стране о необходимости учёта в демографических прогнозах миграции заговорили с 1960-х годов. В то время переводятся и издаются в Советском Союзе работы У. Изарда (США), Р. Пресса (Франция), Э. Роскета (Польша) и другие. В частности, в фундаментальной монографии У. Изарда писалось, что «методика прогноза численности населения в открытых районах по необходимости связана с оценкой миграционных потоков» [2, с. 57–61.]. Р. Пресса, осуществляя прогнозы населения Франции, замечал, что надо подумать об учёте в них миграции населения. Э. Роскет также допускал учёт миграции в прогнозах численности населения. В отечественной литературе первые упоминания о необходимости учёта миграции в прогнозах (1963 г.) связаны с именем Е. М. Левицкого, учёного Сибирского отделения АН СССР. О необходимости и процедуре включения миграции в демографические прогнозы писали Ю. А. Корчак-Чепурковский, Н. А. Творогова и другие. Собственно, это признавалось уже в то время в Госплане и ЦСУ СССР. [3, с. 145–147]. О том, что необходимо в региональных прогнозах учитывать не только миграционное сальдо, но и сопоставлять структуры прибывших и выбывших говорилось ещё в 1965 г. [4, с. 15]. Уже тогда отмечалось, что сколько-нибудь заметные различия между этими структурами во

внутренних миграциях были лишь в северных и восточных регионах.

В настоящее время во внешних миграционных процессах России происходит столько изменений, как в структуре доноров и реципиентов, так и в ежегодно меняющихся масштабах внешней миграции, что бессмысленно вносить дополнения в возрастные группы прогнозного населения. Забегая вперёд, заметим, каким надо обладать воображением, чтобы, например, прогнозом, сделанным в 2019 г., предусмотреть миграционный прирост в 2022–2036 гг. в размере 352–387 тыс. человек в год? И это при том, что после 2010 г. такой миграционный прирост был лишь однажды, да и то только после включения в состав постоянных мигрантов, тех, кто пребывал в России 9 месяцев и более. В результате этой «операции» число иммигрантов в 2011 г. по сравнению с 2010 г. увеличилось почти в 2 раза, а число эмигрантов сократилось в 6,6 раза. Как следствие миграционный прирост возрос со 158 тыс. в 2010 г. до 320 тыс. в 2011 году. Но затем это искусственное число стало постоянно снижаться, и в 2017 г. составило 212 тыс., а в 2018 г. — 125 тыс. человек. Естественно, комбинируя с перспективным миграционным приростом, возникла возможность получаемую только от воспроизводственной компоненты прогнозную численность населения довести до 145 млн человек (без Крыма), то есть величины, установленной Концепцией демографической политики на 2025 год. Вместе с Крымом даже без других новых территорий (Донбасса и других), численность населения России на 1 января 2023 г. превысила 146,4 млн человек (в том числе население Крыма около 2,5 млн человек).

Второе замечание касается варианности прогнозов и методов их составления. Ещё в советские годы предлагались различные прогнозы, в том числе и демографические. Этим увлекались не только учёные, но и работники управленческих организаций. О различных вариантах прогнозов можно было прочитать и в зарубежной литературе. В обилии вариантов

⁴ Демографический ежегодник Российской Федерации. Стат. сборник. — Москва: Госкомстат России, 1997. — С. 546.

были прогнозы аналитические, оптимистические, пессимистические, нормативные, интервальные, гипотетические, концептуальные и другие. К перечисленным следует добавить прогнозы-экстраполяции, прогнозы-предупреждения, а также озвученные уже в постсоветское время функциональные прогнозы и прогнозы, классифицируемые в зависимости от применяемых методов, среди которых прогнозы на основе математических методов, передвижки возрастов (метода компонент), даже «теории циклического этногенеза». К этому списку следует отнести прогнозы на основе гравитационных моделей, гиперболических кривых и Марковских цепей.

К перечислению всех этих вариантов прогнозов, добавим, что многие из них основаны не на выборе и обосновании гипотез перспективного изменения того или иного явления (в нашем случае численности и структуры населения), а на специфике применяемых методов для расчёта этих изменений. Более того, само применение всех этих гравитационных моделей, Марковских цепей и так далее — всё это не более чем «научный блуд». Ещё задолго до того, как стали предлагаться все эти, да и другие им подобные методы, основоположник кибернетики Н. Винер, предупреждал, что «гуманитарные науки — убогое поприще для новых математических методов» [5, с. 153]. Подобное высказывание можно найти и в публикации известного советского статистика П. П. Маслова, который справедливо считал, что с помощью моделей можно выразить только развитие явлений природы, но не общественной жизни [6, с. 5]. Примерно в то же время известный польский демограф Э. Россет, говоря о применении подобных методов писал: «Ценность перспективных расчётов, выполненных путём пунктуальных и математически тонких вычислений, ничуть не выше, чем ценность простой примерной прикидки» [7, с. 17]. Наконец, И. С. Матлин, работавший в Центральном экономико-математическом институте АН СССР, считал, что модели типа Мар-

ковских мало пригодны для прогнозирования [5, с. 111].

Да и многовариантность прогнозов не делает их точными. Можно представить 10–15 сценариев, используемых для прогнозов. Возможно, у некоторых из них будут совпадения с фактическим населением. Но вопрос лишь в том, как выбрать наиболее вероятный из обилия вариантов, зависящих от изменения трех компонент — рождаемости, смертности и миграции, величины которых к тому же могут оставаться неизменными, уменьшаться или увеличиваться. К примеру, демографы ИНИ РАН ещё в середине 1990-х гг. предложили 9 вариантов прогноза населения России в зависимости только от того каково принято значение миграции — нулевое, среднее и высокое [8]. А вот набор вариантов прогнозов в зависимости от полноты исходной информации и сложности используемых гипотез, предложенный в середине десятых годов XXI в. демографами МГУ им. М. В. Ломоносова: В. Н. Архангельский и В. В. Елизаров выделяют прогнозы с постоянным режимом воспроизводства; с переменным режимом воспроизводства; с учётом миграции; с учётом смертности по причинам; с расчётом рождаемости по когортам; на основе модели стабильного населения и др. [9, с. 524–545].

В середине 1990-х гг. Госкомстат России создал 4 варианта прогнозов населения на период до 2010 года. Численность населения в 2000 г. согласно этим вариантам, должна была составить 145,6; 145,0; 144,7 и 145,9 млн человек. Различие между минимальным и максимальным вариантами было 1,2 млн человек. На начало 2000 г. фактическое население России составило 146,9 млн человек, то есть разница с прогнозами 2,2–1,0 млн человек. В 2010 г. по первому варианту должно было стать 141,0 млн человек, второму — 139,3 млн человек, третьему — 134,7 млн человек и четвёртому — 143,7 млн человек⁵. Вилка от минимального до максимального варианта прогноза увеличилась до 9 млн че-

⁵ Демографический ежегодник Российской Федерации. Стат. сборник. — Москва: Госкомстат России, 1997. — С. 549–550.

людей, то есть в 7,5 раз. Фактическая численность населения в 2010 г. составила 142,8 млн человек, то есть попала в эту вилку. Очевидно, что если бы вариантов было не четыре, а хотя бы 8–9, и различие между минимальным и максимальным вариантами достигало бы 10–12 млн человек, то, возможно, в 2000 г. как и в 2010 г., какой-нибудь из вариантов прогноза попал бы в точку. Правда, зачем все эти варианты, если неизвестно каким из них следует пользоваться для практических нужд. Составляя прогнозы, надо вспоминать «принцип Питера» о том, что обилие вариантов так же плохо, как и их полное отсутствие.

Особенности демографических прогнозов Росстата в XXI столетии

Начиная с 1997 г. Госкомстат России, отказавшись от составления четырёх вариантов демографических прогнозов, стал осуществлять «расчёт трех вариантов прогноза на основе различных гипотез относительно будущих тенденций рождаемости, смертности и миграции»⁶. Эти варианты названы как низкий, средний и высокий. В методических пояснениях, предвещающих прогноз, опубликованных в 1998 г., говорится, что сценарий, соответствующий среднему варианту прогноза, предполагает стабилизацию рождаемости и смертности на среднем уровне, высокий возможен при условии подъёма рождаемости и снижения смертности и низкий вариант предполагает рост смертности и снижение рождаемости⁷. Конечно, при такой неопределённости можно «рисовать» в каждом варианте любые численности населения. В методических пояснениях к прогнозу, выполненному уже после утверждённой Указом Президента «Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года», говорится,

что «низкий вариант прогноза основан на экстраполяции существующих демографических тенденций, высокий вариант является нормативным и ориентирован на достижение целей, определённых в «Концепции...». Средний вариант прогноза считается наиболее реалистичным, в нем учтены сложившиеся демографические тенденции и принимаемые меры демографической политики»⁸.

В связи с тем, что год, когда выполнен прогноз в опубликованных демографических ежегодниках, не указан, он может быть принят либо как год, предшествующий его публикации, либо как год, в котором он опубликован, либо как год, с которого начинаются данные прогноза (обычно на один год позже даты публикации). В табл. 1 датами создания прогнозов, приняты годы их публикации в демографических ежегодниках, а именно в 1998, 2008 и 2013. Два других (2017 и 2019 гг.) взяты из Интернет-источников.

Начиная с 1993 г. вплоть до 2019 г. при анализе прогнозов Росстата возможно сопоставление некоторых из них, к примеру, с прогнозами ООН, и, что особенно важно, сравнение прогнозных величин с фактической численностью населения. Сразу заметим, что чем раньше был осуществлён прогноз, а также чем ближе дата прогнозной численности населения от времени её расчёта, тем меньше расхождений между прогнозами Росстата и демографической службы ООН. Так, согласно прогнозу, выполненному в 2007 г. ООН и Росстатом, численность населения России в 2020 г. должно была составить 132,4 и 131,8 млн человек. Различие между этими прогнозами на период в 13 лет составило всего 0,6 млн. Прогнозы, выполненные в 2009 г. на 2025 г. (на конец шестнадцатилетнего периода), расходятся на 3,2 млн человек. (132,3 млн и 135,5 млн человек).

При анализе табл. 1, главным являются, конечно, не совпадения или расхождения между прогнозами Росстата и ООН, а соответствие предположений Росстата с фак-

⁶ Демографический ежегодник Российской Федерации. Стат. сборник. – Москва: Росстат, 2013. – С. 515.

⁷ Демографический ежегодник Российской Федерации. Стат. сборник. – Москва: Госкомстат России, 1998. – С. 373.

⁸ Демографический ежегодник Российской Федерации. Стат. сборник. – Москва: Росстат, 2008. – С. 529.

Таблица 1

**Численность населения России в прогнозах Госкомстата
(Росстата) на начало года, млн человек**

Table 1

Population of Russia in the forecasts of the State Statistics Committee
(Rosstat) at the beginning of the year, million people

Численность населения на начало года прогнозирования		2000	2010	2015	2020	2025	2030	2035
Год	Численность							
1993	148,6	150,4	148,3					
1996		144,1	134,7					
1998		145,4	137,1	131,6				
2007					131,8	126,2		
2008	142,7		140,9	138,1	134,6	130,3		
2009	142,7				137,4	135,5	128,5	
2012				143,0	140,5	136,7	131,9	
2013				143,5	141,7	138,2	133,8	129,0
2014	143,7				146,9	145,4	142,6	139,2
2017					147,0	145,6	142,6	139,1
2018					146,6	144,9	142,1	138,8
2019					146,7	144,0	139,8	135,2

Источники: Демографический ежегодник Российской Федерации. Стат. сборник. — Москва: Госкомстат России / Росстат, 1997, 1998, 2007, 2009, 2010, 2012, 2013, 2014, 2015, 2017. — URL: <https://rosstat.gov.ru/>; <https://fedstat.ru/>; [10, с. 37].

тической численностью населения России. В первой половине 1990-х гг. ещё не была такой драматичной демографическая ситуация в России, как это стало в нулевых годах XXI века. В 2007 г. прогнозом Росстата предполагалось, что к 2020 г. население России сократится до 132,4 млн человек, а оно оказалось –144,4 млн человек (разница 12 млн человек). Численность населения в 2000 г. в соответствии с прогнозом 1993 г. должна была составить 150,4 млн человек, прогнозом 1996 г. — 144,1 млн человек и прогнозом 1998 г. — 145,4 млн человек. Фактически в 2000 г. было 146,9 млн человек. Прогноз 1998 г. оказался ближе всего к фактической величине, так как его отделила от 2000 г. всего два года.

Численность населения на 2010 г. уже даётся четырьмя прогнозами: 1993 г. — 148,3 млн человек, 1996 г. — 134,7 млн человек, 1998 г. — 137,1 млн человек и 2008 г. — 140,9 млн человек. Фактическая численность составила 142,8 млн человек. Различие составило для прогноза 1993 г., ко-

гда ещё не было представления о том, что в России наступает длительная и глубокая депопуляция, плюс 5,5 млн человек. Затем произошло занижение населения на 8,1 млн человек (1996 г.), на 5,7 млн человек (1998 г.) и на 1,9 млн человек (2008 г.). Величины населения в прогнозах на 2015 г. составляли: 1998 г. — 131,6 млн человек, 2008 г. — 138,1 млн, 2012 г. — 143,0 млн и 2013 г. — 143,5 млн человек.

Прогнозы на 2020 г., сделанные в 2007–2012 гг. все оказались заниженными: на 12,6 млн (2007 г.), 9,8 млн (2008 г.), 7,0 млн (2009 г.) и 3,9 млн (2012 г.) человек. Таким образом, чем позже делался прогноз, тем меньше было его занижение. В этом смысле прогнозы, выполненные в 2014–2019 гг. идеальны, так как они почти совпадают с реальным населением. Численность населения в 2020 г. составляла 146,7 млн (вместе с Крымом), а согласно прогнозу 2014 г. — 146,9 млн человек, 2017 г. — 147,0 млн, 2018 г. — 146,6 млн и 2019 г. — 146,7 млн человек.

Приведённые сопоставления относятся к низкому варианту прогнозов. Но их можно сделать и по сравнительно высокому варианту, что вскрывает любопытную особенность. Суть её в том, что численность населения на 2010 г., представленная высоким вариантом прогноза, сделанного в 1998 г., когда ещё депопуляции была в полном разгаре, оказалась на 4,9 млн человек больше фактической (в свою очередь низкий вариант — меньше на 5,7 млн человек), тогда как прогнозом 2008 г., а это был уже третий год успешного преодоления депопуляции, предположительное население по высокому варианту на один миллион человек было меньше фактической величины (низкий — меньше на 1,9 млн человек). В прогнозах на 2015 г. все повторилось: в 1998 г. высокий вариант был больше фактической численности населения в 2015 г. на 3,3 млн человек, в прогнозе 2008 г. — меньше на 1,4 млн человек. Нечто подобное наблюдалось и в более поздних прогнозах. На 2020 г. высокий вариант прогноза 2008 г. определил численность населения, которая оказалась меньше фактической на 0,2 млн человек, а прогноз 2013 г. — больше на 2,9 млн человек. Перечень всех этих прогнозных чисел и их сопоставление с фактическим населением на даты прогнозов — это свидетельство отсутствия какой-либо логики в таком прогнозировании. И последнее, с чем трудно не согласиться. Чем позже сделан прогноз, тем меньше разрыв между вариантами. Это относится к прогнозам на любую дату от 2010 до 2035 года. Для иллюстрации возьмём 2025 год. Разница численности населения, принятой для низкого и высокого вариантов в прогнозе 2008 г. составляет 14,7 млн человек, в прогнозе 2013 г. — 11,7 млн человек, в прогнозах 2017 г. и 2019 г. — 3,6 млн человек⁹ [9, с. 517].

Заключение

Разработка демографических прогнозов, а это относится, прежде всего, к Росстату, не может быть сама по себе, а уж тем более, для простого удовлетворения любопытства. Прогнозы не должны парить в заоблачных высотах, они призваны удовлетворять практические нужды и содействовать поддержанию той демографической динамики, которая отвечает геополитическим интересам российского государства. В начале второй половины нулевых годов эти интересы отражены в «Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года». «Концепцией...» было установлено, чтобы к концу 2015 г. численность населения России достигла 142–143 млн человек. Фактическая численность (без населения Крыма) превысила 144 млн человек (144,2–144,3 млн человек). Такая численность населения была угадана высоким вариантом прогноза, сделанного в 2013 году. В соответствии с «Концепцией...» численность населения в 2025 г. должна достигнуть 145 млн человек (вместе с Крымом превысит 147 млн человек, а с донецкими и другими новыми территориями окажется свыше 150 млн человек). Установка на достижение именно этой численности населения и есть не что иное, как тот норматив, которого должен придерживаться Росстат в своём верхнем варианте прогноза. В этом претензий к Росстату нет. Верхний вариант прогноза 2008 г. равен 145 млн человек (без Крыма), 2013 г. — 149,9 млн человек, 2017 г. — 148,5 млн человек и 2019 г. — 147,6 млн человек.

Главным упущением является не сопоставление низкого прогноза в первые два (2008 и 2013) и последние два (2017 и 2019) года, а использование для практических целей так называемого среднего варианта, который, по мнению Росстата, считается наиболее реалистичным. Он то и рекомендуется для практического использования. Ещё в 1990-е гг. в демографические ежегодники помещались средние вариан-

⁹ Демографический ежегодник Российской Федерации. Стат. сборник. — Москва: Госкомстат России. 1998. — С. 533–534; Росстат. — URL: <https://rosstat.gov.ru/>; <https://fedstat.ru/> (дата обращения: 20.12.2022).

ты прогнозов населения регионов¹⁰. А зря. Как добиться выполнения нормативного для страны варианта, если регионы ориентируются на достижение численности населения согласно среднему варианту? Если исходить из стратегической цели демографического развития России, то для этого помимо прогноза-экстраполяции, показывающего, что будет, если сохранятся сложившиеся тенденции, нужен нормативный прогноз, указывающий необходимые соответствующее национальным интересам страны параметры динамика населения. Поэтому для регионов должны доводиться их численности населения, соответствующие высоким вариантам, поскольку только сумма этих величин во всех регионах соответствует нормативно-

му прогнозу по России. Этот вариант, а не средний обеспечивается или должен обеспечиваться необходимым набором мер демографической политики.

И последнее. Навряд ли кто-нибудь станет возражать, что численность населения России — это сумма численности всех 85 (ныне 89 субъектов) РФ. Кстати, ещё в далёкие 1970-е гг. плановые органы СССР считали, что более точный прогноз населения на перспективу получается суммированием прогнозов населения республик. Обосновывалось это тем, что когда счёт идёт «сверху», то занижается перспективная численность населения. Таким образом, при разработке высоких вариантов, которые являются, по сути, нормативными, обязательными для всех регионов и, естественно, Росстата, является именно их публикация и доведение до субъектов РФ.

¹⁰ Демографический ежегодник Российской Федерации. Статистический сборник. М. Росстат. 2013. с. 178–180.

Литература и Интернет-источники

1. Народонаселение. Энциклопедический словарь / гл. ред. Г. Г. Меликьян. — Москва : Большая Российская энциклопедия, 1994. — 640 с.
2. **Изард, У.** Методы регионального анализа: введение в науку о регионах / У. Изард. — Москва : Прогресс, 1966. — 660 с.
3. **Рыбаковский, Л. Л.** Методологические вопросы прогнозирования населения / Л. Л. Рыбаковский. — Москва : Статистика. 1978. — 208 с.
4. Использование трудовых ресурсов в районах Дальнего Востока / под ред. Л. Л. Рыбаковского и П. А. Тарасова. — Хабаровск : Хабаровское книжное издательство, 1965. — 240 с.
5. **Матлин, И. С.** Моделирование размещения населения / И. С. Матлин. — Москва : Наука, 1975. — 167 с.
6. **Маслов, П. П.** Статистика в социологии / П. П. Маслов. — Москва : Статистика, 1971. — 247 с.
7. Демографические прогнозы / под ред. А. Г. Волкова. — Москва : Статистика, 1973. — 165 с.
8. Население России 1996 / под ред. А. Г. Вишневого. — Москва : ИНП РАН, 1997. — 166 с.
9. **Архангельский, В. Н.** Демографические прогнозы в современной России: Анализ результатов и выбор гипотез. Научные труды ИНП РАН / В. Н. Архангельский, В. В. Елизаров. — Москва : МАКС Пресс, 2016. — С. 521–545. EDN: XGSMUP
10. Демографическое будущее России / под ред. Л. Л. Рыбаковского и Г. Н. Кареловой. — Москва : Права человека, 2001. — 53 с.

Сведения об авторе:

Рыбаковский Леонид Леонидович, д.э.н., проф., главный научный сотрудник, ИДИ ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: 1284781@mail.ru; ORCID: 0000-0002-9702-2534; РИНЦ AuthorID: 71691.

DOI: 10.19181/population.2023.26.3.1

RUSSIA'S DEMOGRAPHIC FUTURE: FORECASTS AND REALITY

Leonid L. Rybakovsky

*Institute for Demographic Research of the Federal Center of Theoretical
and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences
(6, bld.1, Fotievoy str., Moscow, Russia, 1119333)*

E-mail: 1284781@mail.ru

For citation:

Rybakovsky L. L. Russia's demographic future: forecasts and reality. *Narodonaselenie [Population]*. 2023. Vol. 26. No. 3. P. 4-15. DOI: 10.19181/population.2023.26.3.1 (in Russ.)

Abstract. *The article refers to the forecast as a tool to suggest a possible demographic development, which may occur either by itself as a result of the continuation of the current trends, or as a result of the implementation of measures specially taken for this purpose. The history of the development of demographic forecasting, its implementation in the Soviet years and in modern Russia is briefly shown. The practical significance of reliable forecasts for Russia, whose population growth is one of the conditions for preserving its independence, territorial integrity and status as a Great Power, is highlighted. The article expresses the author's opinion regarding the multivariate forecasts in the demographic sphere and the use of methods that are not peculiar to social phenomena, such as population. Much attention is paid to characteristics of the forecasts compiled by Rosstat and its predecessor Goskomstat of Russia, their comparison with UN forecasts, comparison with the actual population. The final part of the article compares various versions of modern forecasts of Rosstat, substantiates the need to implement those of them that correspond to the practical interests of the country and its regions. The conclusions emphasize that one of the omissions of Rosstat is the use for practical purposes of the so-called average version of the population forecast, which it considers the most realistic. How to achieve implementation of the normative option for the country, if the regions are focused on achieving the population size according to the average option? If we proceed from the strategic goal of Russia's demographic development, it is obvious that for this, in addition to the forecast — extrapolation, which shows what will happen if the current trends continue, only a normative forecast is needed that indicates the necessary parameters of the population dynamics, corresponding to the national interests of the country. Therefore, for the regions, their population sizes corresponding to high options should be brought up, since only the sum of these values in all regions corresponds to the normative forecast for Russia. This option, rather than the middle one, is or should be provided by the necessary set of population policies.*

Keywords: *demographic development of Russia, population reproduction, depopulation, fertility, mortality, migration, normative forecast, forecast options, hypotheses, age shifting, extrapolation.*

References and Internet sources

1. Narodonaselenie. Entsiklopedicheskiy slovar' [Population. Encyclopedic dictionary]. Ed. G. G. Melik'yan. Moscow. Bol'shaya Rossiyskaya Entsiklopediya [Big Russian Encyclopedia]. 1994. 640 p. (in Russ.)
2. Isard W. Metody regional'nogo analiza: vvedeniye v nauku o regionakh [Methods of Regional Analysis: An Introduction to Regional Science]. Moscow. Progress. 1966. 660 p. (in Russ.)

3. Rybakovsky L.L. Methodologicheskiye voprosy prognozirovaniya naseleniya [*Methodological Issues of Population Forecasting*]. Moscow. Statistika [Statistics]. 1978. 208 p. (in Russ.)
4. Ispol'zovaniye trudovykh resursov v rayonakh Dal'nego Vostoka [*Use of Labor Resources in the Regions of the Far East*]. Eds. L.L. Rybakovsky and P.A. Tarasov. Khabarovsk. 1965. 240 p. (in Russ.)
5. Matlin I.S. Modelirovaniye razmeshcheniya naseleniya [*Modeling of Population Distribution*]. Moscow. Nauka [Science]. 1975. 167 p. (in Russ.)
6. Maslov P.P. Statistika v sotsiologii [*Statistics in Sociology*]. Moscow: Statistika [Statistics]. 1971. 247 p. (in Russ.)
7. Demograficheskiye prognozy [*Demographic Projections*]. Ed. A.G. Volkov. Moscow: Statistika [Statistics]. 1973. 165 p. (in Russ.)
8. Naselenie Rossii 1996. [*Population of Russia 1996*]. Ed. A.G. Vishnevsky. Moscow. INP RAN [The Institute of Economic Forecasting RAS]. 1997. 166 p. (in Russ.)
9. Arkhangel'skiy V.N., Elizarov V.V. Demograficheskiye prognozy v sovremennoy Rossii: Analiz rezultatov i vybor gipotez [*Demographic forecasts in modern Russia: Analysis of results and selection of hypotheses*]. Nauchnyye trudy INP RAN [*Scientific Works of the Institute of Economic Forecasting RAS*]. Moscow. MAKS Press. 2016. P. 521–545. (in Russ.)
10. Demograficheskoye budusheye Rossii [*Russia's Demographic Future*]. Eds. L.L. Rybakovsky and G.N. Karel'ova. Moscow. Prava cheloveka [Human Rights]. 2001. 53 p. (in Russ.)

Information about the author:

Rybakovsky Leonid Leonodovich., Doctor of Economics, Professor, Chief Researcher, Institute for Demographic Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: 1284781@mail.ru; ORCID: 0000-0002-9702-2534; Elibrary AuthorID: 71691.

Статья поступила в редакцию 20.03.2023, утверждена 15.08.2023, опубликована 30.09.2023.



DOI: 10.19181/population.2023.26.3.2
EDN: JBPLJS

МАЯТНИКОВАЯ ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ В РОССИИ: МАСШТАБЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Соколова А. А., Калачикова О. Н.*

Вологодский научный центр РАН
(160014, Россия, Вологда, ул. Горького, 56А)

*E-mail: onk82@yandex.ru

Финансирование:

Исследование выполнено за счёт гранта РФ «Причины и социально-демографические последствия отходничества в контексте регулирования миграционных процессов в современной России» (проект № 23–28–01395) – URL: <https://rscf.ru/project/23–28–01395/>.

Для цитирования:

Соколова А. А., Калачикова О. Н. Маятниковая трудовая миграция в России: масштабы и последствия // Народонаселение. – 2023. – Т. 26. – № 3. – С. 16–29. DOI: 10.19181/population.2023.26.3.2; EDN: JBPLJS

Аннотация: В статье представлены масштабы маятниковой трудовой миграции по данным Всероссийской переписи населения-2020 и статистического бюллетеня «Итоги выборочного обследования рабочей силы в России». Авторами рассмотрены и систематизированы последствия маятниковой трудовой миграции, представленные на уровне территории, работодателя и работника, которые могут иметь как отрицательное, так и положительное воздействие. Для территории-реципиента маятниковые мигранты становятся источником трудовых ресурсов, налоговых отчислений, что можно оценивать положительно. Условно негативным можно считать рост нагрузки на транспортную инфраструктуру, ухудшение экологической ситуации, неточности в оценке демографического потенциала. На уровне работодателя за счёт маятниковой миграции решаются проблемы кадрового обеспечения, особого статуса маятниковые мигранты не имеют, поэтому работодатель может нести риски нарушения трудовой дисциплины, которые регулируются в общем порядке. Что касается уровня работника, то оценка последствий зависит от жизненного контекста, который определяет баланс преимуществ и издержек такой трудовой стратегии, а именно от размера заработной платы, должности и статуса, продолжительности перемещений и расстояния до работы, семейных обстоятельств, а также вынужденности или добровольности совершаемых поездок. В заключительной части статьи представлена методика оценки экономических последствий от внешней маятниковой трудовой миграции по регионам России.

Ключевые слова: маятниковая трудовая миграция, трудовая миграция, последствия маятниковой трудовой миграции, консолидированный бюджет, налоговые доходы, налог на доходы физических лиц.

Миграция — один из самых сложно измеряемых и прогнозируемых демографических процессов. Внутренняя миграционная активность занятого населения дополнительно трансформируется под воздействием кризисных аномалий последних лет (пандемия COVID-19, нестабильное экономическое положение, вызванное введёнными санкциями и другое). Адаптируясь под новые реалии, население выбирает нестандартные формы занятости, включающие в себя и маятниковую трудовую миграцию, которая занимает лидирующее место среди других видов трудоустройства, предполагающих выход на работу в другую местность. Учитывая наметившиеся тенденции субурбанизации, улучшающуюся транспортную связанность территорий, существенные дисбалансы рынка труда, маятниковая трудовая миграция нередко становится компромиссом потребностей работника и работодателя. Однако, подобные перемещения могут иметь негативные эффекты для экономики субъекта проживания индивида, поскольку бюджет региона недополучает средства от трудовой деятельности работника.

Масштабы маятниковой трудовой миграции

Всероссийская перепись населения-2020 (далее ВПН-2020), основной этап, которой пришёлся на 2021 г., позволяет учесть тех, кто работают вне места своего проживания и выезжают на работу ежедневно или несколько раз в неделю. В нашем исследовании мы относим данную категорию работающего населения к маятниковым трудовым мигрантам, поскольку придерживаемся точки зрения, что цикличность маятниковых трудовых миграций выходит за рамки ежедневных перемещений. Схожую группу людей позволяет оценить и статистический бюллетень «Итоги выборочного обследования рабочей силы» (далее ИВОРС), где с 2013 г. был введён раздел по периодичности выхода на работу лиц, которые

заняты вне места своей регистрации. Между этими двумя источниками данных есть существенные отличия. ВПН-2020 показывает нам периодичность выхода маятниковых трудовых мигрантов в разрезе страны, федеральных округов и регионов, в то время как ИВОРС содержит в себе данные только по стране в целом. Открытые данные ВПН-2020 не содержат в себе информации о поле работающих, тогда как ИВОРС — содержит. Но главное различие состоит в методологии сбора данных. В период каждого обследования рабочей силы опрашивается 0,06% от численности населения в возрасте 15 лет и старше, в то время как по официальным данным ВПН-2020 было учтено 147,59 млн человек. Собранная в ходе ВПН-2020 и ИВОРС информация строится на предположении, что индивиды, совершающие перемещения на работу в другой населённый пункт ежедневно и несколько раз в неделю и являются маятниковыми трудовыми мигрантами.

ИВОРС помогает нам проследить динамику масштабов маятниковой трудовой миграции начиная с 2013 г., в то время как данные переписи дают информацию только за 2021 г. (рис. 1). Численность маятниковых мигрантов увеличивалась, начиная с 2013 года. С 2018 г., наметилась тенденция на снижение масштабов маятниковых перемещений к 2020 г., а в период с 2020 по 2022 гг. наблюдается относительная стабильность объёмов изучаемого явления. Наметившийся с 2018 г., убывающий тренд может быть связан с периодом ограничительных мер, вызванных пандемией COVID-19 [1]. Данные переписи оценивают масштабы маятниковой трудовой миграции в 4,7 раза выше, чем ИВОРС, что является следствием применения различных методологий сбора данных.

ВПН-2020 содержат в себе данные о потоках маятниковой трудовой миграции, об участии городского и сельского населения. Большой удельный вес в субъектах имеет внутрорегиональная маятниковая миграция, доля которой составляет 76,6% от всего занятого населения, а 20,1% при-



Рис. 1. Динамика маятниковой трудовой миграции в 2013–2022 гг., %

Fig. 1. Dynamics of commuting in 2013–2022, %

Источник: данные ВПН-2020 и ИВОРС за 2013–2022 годы.

ходится на внешние перемещения, которые включают в себя выходы на работу на территорию другого региона и иностранных государств (доля последних по России не превышает 1%). Примечательно, что в Центральном и Северо-Западном федеральных округах доля внешних перемещений составляет 37,5% и 37,8% соответственно. Северо-Западный и Центральный федеральные округа имеют более густое территориально-административное деление по сравнению с остальной частью РФ, что делает пересечение границ регионов более вероятным. Кроме того, в данных округах находятся две самые крупные агломерации России, а также много региональных центров, которые находятся относительно близко друг другу и выступают точками притяжения для трудовых мигрантов. Все это в совокупности увеличивает долю внешних (из других регионов) маятниковых трудовых миграций в выделенных федеральных округах.

В среднем по России среди населения, участвующего в маятниковых трудовых перемещениях, доля городского населения составляет 31%, а доля сельского — 69% (табл. 1). Доля сельского населения является стабильно высокой вне зависимости

от периодичности перемещений. В более урбанизированных федеральных округах, таких как Центральный и Северо-Западный, наблюдается больший удельный вес городского населения по сравнению с другими федеральными округами. Отсюда закономерно предположить, что чем выше доля городского населения в составе территориального субъекта, тем выше доля участия городского населения в маятниковых трудовых перемещениях.

Данные ИВОРС раскрывают нам демографический состав маятниковых трудовых мигрантов, трансформацию которого мы можем проследить с 2013 г. (рис. 2). Участие женщин в маятниковых трудовых перемещениях на 29,4 процентных пункта (п.п.) ниже, чем мужчин. Доля маятниковых перемещений у мужчин снизилась в 2022 г. по сравнению с 2013 г., в то время, как доля женщин увеличилась на 2,9 п.п. Ежедневные перемещения, как у женщин, так и у мужчин, встречаются значительно чаще, что так же подтверждается данными ВПН-2020, где на долю ежедневных перемещений приходится 61,2% от всех маятниковых трудовых перемещений по России. Частота ежедневных перемещений продолжает расти, как у женщин, так и мужчин.

Таблица 1

Доля городского и сельского населения, участвующая в маятниковых трудовых перемещениях, 2021 г.

Table 1

Share of urban and rural population participating in commuting, 2021

Население	ЦФО	СЗФО	ЮФО	СКФО	ПФО	УФО	СФО	ДФО
Ежедневные перемещения (% от маятниковой трудовой миграции)								
Городское население	47,1	41,8	16,3	14,7	15,7	30,7	25,7	22,4
Сельское население	52,9	58,2	83,7	85,3	84,3	69,3	74,3	77,6
Перемещения несколько раз в неделю (% от маятниковой трудовой миграции)								
Городское население	43,0	38,2	14,1	13,0	16,1	28,7	24,0	22,6
Сельское население	57,0	61,8	85,9	87,0	83,9	71,3	76,0	77,4
"Маятниковая трудовая миграция (МТМ: ежедневно + несколько раз в неделю) (% от занятого населения, работающего за пределами своего населённого пункта)								
Городское население	45,5	40,5	15,5	14,1	15,8	29,9	24,8	22,5
Сельское население	54,5	59,5	84,5	85,9	84,2	70,1	75,2	77,5

Источник: составлено авторами по данным ВПН-2020.— URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul (дата обращения: 10.04.2023).

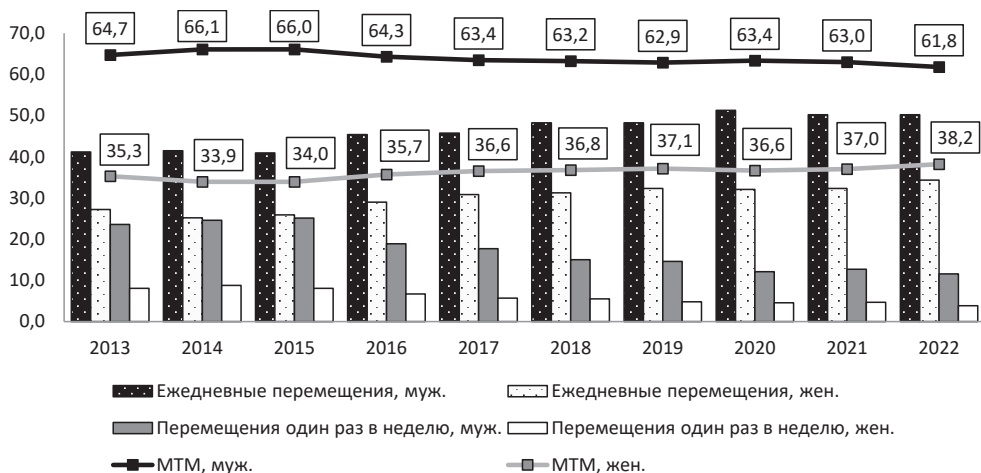


Рис. 2. Динамика маятниковой трудовой миграции по полу и периодичности передвижений в 2013–2022 гг., %

Fig. 2. Dynamics of commuting by sex and frequency in 2013–2022, %

Источник: данные ИВОРС с 2013 по 2022 год.

Последствия маятниковой трудовой миграции

Длительные поездки на работу, могут не только отнимать много времени, но и быть крайне утомительными. В исследовании S. Steinmann и его коллег

было доказано, что каждая добавленная минута в пути коррелирует с увеличением проблем со здоровьем [2]. Поездки на работу на расстояние свыше 50 км в одну сторону отрицательно влияют на качество жизни, самочувствие, здоровье и социальные отношения [3]. В исследо-

ваниях А. Künн-Nelen было выявлено, что у тех индивидов, которые тратят на дорогу до работы значительное количество времени, чаще случаются приступы головной боли и боли в спине, возникают проблемы с пищеварением, кровяным давлением, нарушением сна, хронической усталостью и концентрацией внимания [4]. Британскими авторами В. Clark, К. Chatterjee и другими было выявлено, что каждые дополнительные 10 минут в пути (в каждую сторону) связаны со снижением удовлетворённости от досуга [5]. То есть маятниковая трудовая миграция негативно сказывается на досуге и отдыхе индивида, что вызывает ухудшение субъективного ощущения благополучия и снижает качество жизни [3].

Шведские исследователи М. Öhman и U. Lindgren подчёркивают, что маятниковая трудовая миграция позволяет поддерживать и обеспечивать более высокий доход, тем самым повышая уровень жизни всего домохозяйства [6]. Подобный вид миграционных перемещений для индивида может привести к выгодам с точки зрения карьерного роста и финансового обогащения. Однако, есть и отрицательные последствия длительных поездок на работу, по оценке группы британских учёных, подобная трудовая стратегия может привести к затратам времени, к увеличению расходов на поездки, и к дополнительным физическим и умственным нагрузкам, стрессам [7].

Маятниковая миграция негативно сказывается на брачно-семейных отношениях: маятниковые мигранты отмечают, что имеют натянутые отношения со своими детьми, так как длительные поездки на работу препятствуют исполнению родительского долга [7]. Последствия маятниковой трудовой миграции по-разному отражаются на женщинах и мужчинах мигрантах, а также на разных типах домохозяйств [8]. Подобные различия обуславливаются устоявшимися гендерными стереотипами. Женщины традиционно имеют больше обязанно-

стей по дому, уходу за детьми, что вынуждает их совершать более кратковременные поездки на работу [9], что сказывается на уровне их доходов. Однако, при сбалансированном распределении семейных обязанностей, шансы у женщин получить работу на более дальнем расстоянии от дома с более высокой оплатой труда возрастают [10]. Исследование, проведённое в Германии С. Borowsky, S. Drobnič и M. Feldhaus показало, что в следствии длительных поездок на работу у отцов, возникает больше проблем в межличностном общении с ребёнком, чем у женщин, использующих аналогичную трудовую стратегию [11]. Так же было выявлено, что с увеличением времени, затрачиваемого на рабочие поездки матерью, уменьшается количество её межличностных конфликтов с ребёнком. Авторский коллектив объясняет это тем, что женщины используют время общения с ребёнком более качественно. Однако, это может происходить и по другой причине: матери, сокращают время, которое они могут тратить «на себя», что может сказываться на психофизиологическом состоянии матери-мигранте.

Оценка последствий от маятниковых передвижений во многом зависит от способа транспортировки до рабочего места. Индивид, как правило, более позитивно оценивает длительные поездки на работу в случае, когда он сам решает на каком виде транспорта ему добираться, может ли он регулировать время выезда и подобное [12]. Например, В.Е. Ashforth и коллеги [13] отмечают, что время, затрачиваемое на дорогу до работы, может использоваться индивидом с пользой. Группа учёных из Гарвардской бизнес-школы выявили, что данный промежуток времени трудовой мигрант может использовать как психологическую разгрузку и переключение от выполнения определённых социальных ролей, которые использует индивид дома и/или на работе. Люди, с более высоким уровнем самоконтроля используют время в пути для целеполагания и для того, чтобы

настроить себя на продуктивный рабочий процесс. Положительные эффекты от длительных поездок для физического и психоэмоционального состояния индивида могут достигаться и при выборе определённых способов передвижения, например, при велосипедных поездках на работу [14]. И наоборот, если человек не может выбрать самостоятельно как ему добираться до работы и на каком виде транспорта, если он вынужден подстраиваться под негибкий график общественного транспорта или воспринимает поездки на работу как неприятные, то это с большей долей вероятности будет ухудшать психологическое состояние маятникового мигранта, отражаясь на его уровне субъективного благополучия и здоровье.

Компании и организации, в значительной степени, зависящие от человеческого капитала, как правило, более охотно соглашаются на условия, при которых сотрудники не обязательно должны жить в непосредственной близости от своего рабочего места [6]. Обращаясь к уровню работодателя, мы можем отметить, что маятниковая трудовая миграция позволяет работодателю привлекать высококвалифицированные кадры с целью обеспечения решения производственных задач из других населённых пунктов. Такой тип миграционных перемещений может быть выгоднее, чем вахтовая организация труда, поскольку позволяет минимизировать затраты на обеспечение работников жильём на время выполнения ими трудовых функций. Так, сравнивая с вахтовым способом организации труда, работодателю требовалось бы организовывать места бытового обслуживания и питания работников, наличие минимального количества учреждений социального обслуживания. В случае с маятниковой трудовой миграцией работодателю, заинтересованному в кадрах из других населённых пунктов, максимум, что требуется, это организовать доставку работников служебным транспортом к месту выполнения ими

трудовых функций, что дополнительно может минимизировать риски от нарушения трудовой дисциплины, связанные с опозданиями на работу ввиду того, что работник проживает рядом с местом работы.

Маятниковая миграция способствует возникновению экологических издержек, которые связаны с ухудшением экологической ситуации и развитием траффика [7]. Выбор маятниковыми мигрантами такого способа транспортировки, как автотранспорт, увеличивает выбросы загрязняющих веществ в атмосферу и повышает уровень шума [13]. Маятниковые перемещения сильно меняют географию городов, поскольку некоторые основные виды деятельности индивидов происходят за пределами города, вызывая тем самым расширение зоны городской среды [15]. С другой стороны, возрастающий спрос на перемещение между населёнными пунктами стимулирует развитие транспортного сообщения. Такие перемещения не вызывают роста постоянной численности городов, так как маятниковые мигранты не проживают в них постоянно. Это может быть положительным аспектом для крупных городов, поскольку сдерживает их бесконтрольное разрастание. Подобная занятость приводит к увеличению диспропорции на рынке труда, потери части трудового и кадрового потенциала в месте проживания индивида. Работа и получение заработной платы в других регионах, трудовые мигранты обогащают своими налогами бюджет того административного субъекта, в котором работают, а не проживают.

Исходя из представленного анализа источников, можно сделать вывод, что последствия от маятниковой миграции могут затрагивать различные сферы жизнедеятельности человека: социально-демографические, экономические, политические, экологические и другие. Помимо этого, последствия затрагивают разные уровни: от личности самого работника до территории (табл. 2).

Таблица 2

Последствия маятниковой трудовой миграции

Table 2

Consequences of commuting

Уровень	Положительные последствия	Отрицательные последствия
Территория	Стимулирует развитие транспортного сообщения за счёт увеличивающегося спроса	Рост трафика, переизбыток транспортных средств в населённом пункте
	Снижение напряжённости на рынке труда	Увеличение диспропорции на рынке труда, потеря части трудового и кадрового потенциала, особенно в молодом трудоспособном возрасте
		Ухудшение экологической ситуации
Работодатель	Минимизация издержек на строительстве жилых помещений для иногородних работников	Риск нарушения трудовой дисциплины
	Привлечение высококвалифицированных специалистов	Издержки на транспортные расходы
Индивид	Карьерный рост	Ухудшение психофизиологического здоровья человека
	Финансовое благополучие	Расходы времени и денежных средств на перемещения
	Экономия на аренде жилья	Ухудшение брачно-семейных отношений
	Сохранение социальных связей по месту жительства	Ослабление социальных и личных связей.
	Профессиональная самореализация	Отсутствие досуга
	Повышение уровня субъективного благополучия	Снижение качества жизни и ухудшение ощущения субъективного благополучия

Источник: составлено авторами.

Влияние маятниковой трудовой миграции на экономику региона

Экономические последствия маятниковой трудовой миграции на страновом уровне оценить затруднительно в связи с недостаточностью статистических данных и отсутствием методики оценки. Например, в отношении иностранных работников, прибывающих на территорию России, согласно п. 2 ст. 18.1 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»¹ на уровне ре-

гионов разрабатываются методики оценки использования иностранной рабочей силы, а также вклада иностранных работников в социально-экономическое развитие субъекта². Оценка эффективности использования иностранной рабочей силы происходит в трёх направлениях: 1) влия-

www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37868/a713943e504d9ca387760e413d845247675fae71/ (дата обращения: 10.04.2023).

² Для примера: Приказ Государственного комитета Псковской области по труду и занятости населения от 15.01.2015 № «Об утверждении Методики оценки эффективности использования иностранной рабочей силы, а также вклада иностранных работников, прибывающих в Российскую Федерацию на основании визы, в социально-экономическое развитие Псковской области» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов «Консорциум Кодекс»: [сайт]. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/462707796> (дата обращения: 10.04.2023).

¹ Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ (ред. от 29.12.2022) «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.01.2023) // Консультант Плюс: [сайт]. – URL: <https://>

ние на социально-экономическое развитие региона и расходы бюджета; 2) влияние на рынок труда; 3) оценка криминальной обстановки.

Экономические последствия временной трудовой миграции (речь идёт о работающих за пределами города проживания и приезжающих домой не чаще одного раза в неделю) приблизительно рассчитали Н. В. Мкртчян и Ю. Ф. Флоринская, используя опрос трудовых мигрантов, подкреплённый данными «Обследования населения по проблемам занятости» Росстата (ОМПЗ) и материалами полевых исследований в четырёх малых городах России. Авторы, используя получившуюся оценку численности внутристрановых трудовых мигрантов и их средний заработок, рассчитали приблизительный объём межмуниципальных денежных трансфертов, который составил 660–710 млрд рублей за 2015 г. [16].

По мнению Е. С. Мальцевой и А. В. Плахова маятниковая трудовая миграция способствует повышению сбалансированности рынка труда муниципального образования тем, что снижают нагрузку на бюджет, связанную с необходимостью выплаты пособия по безработице, участия в программах переподготовки и так далее [17]. Данный коллектив авторов рассчитал приблизительный объём упущенных доходов бюджетов муниципальных образований и внебюджетных фондов Орловской области вследствие маятниковой трудовой миграции, а именно недополученный налог на доходы физических лиц (далее НДФЛ) в бюджет муниципального образования и недополученные средства в бюджет ПФР и ФСС. Трудовая мобильность данной группы работников оказывает влияние на формирование налогового потенциала региона проживания. Помимо этого, маятниковые трудовые мигранты, создавая товары и услуги вне места постоянной регистрации, уплачивая налоговые отчисления в бюджет другого региона, влияют на бюджет региона, в котором трудоустроены, а не проживают.

Параметр, который условно возможно оценить — это потери доходной части

бюджета региона. Уезжая работать в другой регион, маятниковый трудовой мигрант получает заработную плату в том субъекте, в котором работает, поэтому налоги с заработной платы остаются в бюджете того субъекта, в котором он осуществляет свою трудовую деятельность. Так, 85% налога на доходы физических лиц оседает в бюджете субъекта, в котором работает маятниковый мигрант, а 15% — в бюджете муниципалитета³, то есть вся сумма НДФЛ остается в регионе работы, а не проживания маятникового трудового мигранта. Доля налоговых доходов от НДФЛ в структуре доходов консолидированного бюджета может быть значительной и варьируется от 7,5% в Республике Ингушетия до 39,7% в Санкт-Петербурге; в среднем же по России налоговые доходы от НДФЛ составляют 26,6%, что составляет треть от всех доходов консолидированного бюджета субъекта.

Для оценки потерь от недополученного НДФЛ доходной части бюджета от внешней маятниковой трудовой миграции мы использовали следующую формулу:

$$ПДЧБ_{НДФЛ} = \frac{(ВМТМ \times НДФЛ_{ВМТМ}) \times 12 мес.}{ИКБС} \times 100\%$$

где ПДЧБ_{ндфл} — потери от недополученного НДФЛ доходной части бюджета субъекта проживания маятникового трудового мигранта; ВМТМ — внешняя маятниковая трудовая миграция, человек; НДФЛ_{вмтм} — сумма налога на доходы физических лиц маятникового трудового мигранта, рассчитанная по среднемесячной номинальной начисленной заработной плате работников по полному кругу организаций в целом по экономике в субъекте проживания работника, рублей; ИКБС — исполненный консолидированный бюджет на 1 декабря 2021 г. субъекта проживания маятникового трудового мигранта, рублей. Доля недополученного НДФЛ от внешней маятниковой

³ Статьи 56 и 61, «Бюджетный кодекс Российской Федерации» от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 14.04.2023) // Консультант Плюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/c347478b850fb7c4a92141cb188a76d83ac72e0f/ (дата обращения: 10.04.2023).

трудоустройству в структуре налоговых доходов консолидированного бюджета Ленинградской, Московской области и Республики Адыгея оцутима (табл. 3).

Таблица 3

Потери доходной части бюджета от внешней маятниковой трудовой миграции, 2021 год

Table 3

Loss of budget revenue from personal income tax of long-distance commuting, 2021

Регион*	Доля доходов от НДФЛ в структуре доходов консолидированного бюджета субъекта, %	Доля НДФЛ от внешней маятниковой миграции	
		в структуре доходов от НДФЛ консолидированного бюджета субъекта, %	в структуре налоговых доходов консолидированного бюджета субъекта, %
Ленинградская область	24,540	25,631	7,553
Московская область	32,435	21,233	8,002
Республика Адыгея	13,945	19,199	6,016
Владимирская область	24,679	7,016	2,372
Калужская область	26,164	6,897	2,364
Еврейская АО	18,596	6,118	2,725
Тульская область	24,911	5,718	1,892
Тверская область	23,681	5,242	1,785
Республика Марий Эл	17,857	5,168	1,911
Ненецкий АО	7,976	3,316	0,606
...			...
Саратовская область	22,998	0,039	0,014
Республика Саха (Якутия)	12,365	0,038	0,010
Новосибирская область	25,172	0,035	0,012
Сахалинская область	16,112	0,026	0,004
Хабаровский край	28,095	0,026	0,010
Магаданская область	23,512	0,025	0,009
Чеченская Республика	8,338	0,025	0,013
Камчатский край	21,218	0,022	0,013
Иркутская область	23,719	0,005	0,002
Чукотский АО	11,844	0,004	0,001

*Регионы ранжированы по доле НДФЛ от внешней маятниковой трудовой миграции в структуре доходов от НДФЛ консолидированного бюджета субъекта.

Источники: составлено по данным ВПН-2020. — URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul; Рынок труда, занятость и заработная плата. — URL: https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries; Данные об исполнении консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации. — URL: https://minfin.gov.ru/ru/document/?id_4=135273 (дата обращения: 10.04.2023).

Масштабы внешней маятниковой трудовой миграции демонстрируют, что регионы, обладающие наибольшим удельным весом внешних маятниковых трудовых мигрантов это: АО Ненецкий (97,9%) и Ханты-Мансийский-Югра (95,6%), город Санкт-Петербург (72,2%), Ленинградская область (64%), Ямало-Ненецкий АО (63,6%). В первую десятку регионов по доле потерь доходной части консолидированного бюджета из данного списка вошли только Ленинградская область и Ненецкий АО. Таким образом, экономические последствия маятниковой трудовой миграции в большей степени зависят не от количества человек, работающих в другой области, а от уровня оплаты труда и объёма доходов консолидированного бюджета конкретного региона.

Таким образом, масштаб экономических последствий от внешней маятниковой трудовой миграции неоднороден в различных регионах и в некоторых случаях значительно ощущается в структуре консолидированного бюджета. При сохранении тенденции на увеличение количества маятниковых трудовых мигрантов доля недополученного налога, вероятно, будет расти, что в условиях нестабильности экономической ситуации и наложения все большего числа санкций будет выступать ещё одним фактором препятствующим сохранению источников пополнения доходной части бюджета (включая доходы от НДФЛ).

Заключение

По оценкам ВПН-2020 маятниковая трудовая миграция составляет 8% от занятого населения. Большая часть подобных перемещений совершается представителями сельского населения внутри региона своего проживания. Среди маятниковых трудовых миграций наблюдается значительное преобладание мужского населения. Самой распространённой периодичностью перемещений, как у женщин, так и мужчин являются ежедневные поездки на работу, доля которых увеличивается с 2013 года.

Последствия маятниковой трудовой миграции могут быть представлены на разных уровнях: территории, работодателя и работника. Продолжительность поездок оказывает влияние на состояние индивида, что приводит к различным последствиям: ухудшению здоровья, к снижению уровня субъективного благополучия, проблемам во взаимоотношениях в семье. Работодатель, как правило, выигрывает от трудоустройства маятниковых трудовых мигрантов, так как он имеет возможность получить требуемые кадры из других населённых пунктов, ему не нужно организовывать место проживания и отдыха для таких работников а, например, организовав доставку служебным транспортом, он избегает рисков нарушения трудовой дисциплины. Маятниковая миграция накладывает отпечаток не только на самого работника и работодателя, но также влияет на окружающую среду. Из-за возрастающего потока транспорта ухудшается экологическая ситуация, возрастает уровень шумового загрязнения, но, при этом, развиваются транспортные коммуникации и сдерживается разрастание крупных городов. Для территории-реципиента маятниковые мигранты становятся источником трудовых ресурсов, налоговых отчислений, что также можно оценивать положительно.

Более широкое участие в подобных перемещениях жителей сельских населённых пунктов может решать проблему занятости в сельской местности без её обезлюдивания. Часто уровень цифровизации в таких населённых пунктах остаётся низким [18], и это делает невозможным организацию дистанционной работы, что может выступать фактором, усугубляющим отток населения. Маятниковая трудовая миграция в таких случаях даёт альтернативу переезду и позволяет сохранить населённые пункты.

Экономические последствия маятниковой трудовой миграции на уровне регионов оценены нами через её влияние на формирование бюджета. Внешние для региона маятниковые трудовые миграции

значительно отражаются на доходной части консолидированного бюджета ряда субъектов. Однако, их роль связана с уровнем заработной платы в большей степени, чем с масштабом маятниковых перемещений. Это косвенно свидетельствует о неоднородности влияния маятниковой трудовой миграции на экономку субъектов

при наличии ряда положительных эффектов, в том числе, демографических. Для более чёткого понимания последствий маятниковой трудовой миграции на региональное развитие необходимо дальнейший поиск возможностей комплексной оценки её эффектов.

Литература и Интернет-источники

1. **Ахметова (Хилажаева), Г. Ф.** Субъекты РФ в межрегиональной трудовой миграции: уровень участия, причины и факторы / Г. Ф. Ахметова (Хилажаева) // ДЕМИС. Демографические исследования. — 2022. — Т. 2. — № 2. — С. 76–89. DOI: 10.19181/demis.2022.2.2.6; EDN: FQLCMS
2. **Steinmann, S.** Mobilität in der Arbeitswelt: Datenanalyse und Aktuelle Studienlage / S. Steinmann, T. G. Grobe, H. C. Tendyck, F. Mess. — Hamburg, Germany : Techniker Krankenkasse, 2018. — 65 p.
3. **Chatterjee, K.** Commuting and wellbeing: A critical overview of the literature with implications for policy and future research / K. Chatterjee, S. Chng, B. Clark, A. Davis, J. de Vos, D. Ettema, S. Handy, A. Martin, L. Reardon // Transport Review. — 2020. — No. 40. — P. 5–34.
4. **Künn-Nelen, A.** Does Commuting Affect Health? / A. Künn-Nelen // Health Economics. — 2016. — No. 25. — P. 984–1004.
5. **Clark, B.** How commuting affects subjective wellbeing / B. Clark, K. Chatterjee, A. Martin, A. Davis // Transportation. — 2020. — No. 47. — P. 2777–2805. DOI: 10.1007/s11116-019-09983-9
6. **Öhman, M.** Who are the long-distance commuters? Patterns and driving forces in Sweden / M. Öhman, U. Lindgren // Cybergeog. European journal of geography. — URL: <https://journals.openedition.org/cybergeog/4118?Lang=en#citedby> (дата обращения: 25.03.2022). DOI: 10.4000/cybergeog.4118
7. **Green, A. E.** Longer Distance Commuting as a Substitute for Migration in Britain: A Review of Trends, Issues and Implications / A. E. Green, T. Hogarth, R. E. Shackleton // International journal of population geography. — 1999. — No. 5. — P. 49–67.
8. **Kwon, K.** Have the gender differences in commuting been shrinking or persistent? Evidence from two-earner households in the U.S / K. Kwon, G. Akar // International Journal of Sustainable Transportation. — 2021. — No. 12. — P. 1121–1130. DOI: 10.1080/15568318.2021.1971345
9. **Skora, T.** Commuting and the Motherhood Wage Gap: Evidence from Germany / T. Skora, H. Rüger, N. Stawarz // Sustainability. — 2020. — No. 12. — P. 1–19. DOI: 10.3390/su12145692
10. **Rapino M. A.** Commuting, Gender Roles, and Entrapment: A National Study Utilizing Spatial Fixed Effects and Control Groups / M. A. Rapino, T. J. Cooke // The Professional Geographer. — 2011. — Vol. 63(2). — P. 1–18. DOI: 10.1080/00330124.2010.547790
11. **Borowsky, C.** Parental commuting and child well-being in Germany / C. Borowsky, S. Drobnič, M. Feldhaus // Journal of Family Research. — 2020. — No. 32. — P. 357–392. DOI: 10.20377/jfr-370
12. **Stein, M.** Impacts of Commuting Practices on Social Sustainability and Sustainable Mobility / M. Stein, L. Nitschke, L. Trost, A. Dirschauer, J. Deffner // Sustainability. — 2022. — No. 14(8). — P. 1–18. DOI: 10.3390/su14084469
13. **Ashforth, B. E.** Role transitions in organizational life: An identity-based perspective / B. E. Ashforth. — New York, NY: Macmillan, 2000. — 376 p.
14. **Jacob, N.** Does commuting mode choice impact health? / N. Jacob, L. Munford, N. Rice, J. Roberts // Health Economics. — 2021. — No. 30. — P. 207–230. DOI: 10.1002/hec.4184

15. **Thomas, I.** Migration and commuting interactions fields: a new geography with community detection algorithm? / I. Thomas, A. Adam, A. Verhetsel // BELGEO.— 2017.— No. 4.— P. 1–17. DOI: 10.4000/belgeo.20507
16. **Мкртчян, Н. В.** Социально-экономические эффекты трудовой миграции из малых городов России / Н. В. Мкртчян, Ю. Ф. Флоринская // Вопросы экономики.— 2016.— № 4.— С. 203–123. DOI: 10.32609/0042–8736–2016–4–103–123; EDN: VTILPF
17. **Мальцева, Е. С.** Влияние маятниковой трудовой миграции на налоговые доходы бюджетов муниципальных образований / Е. С. Мальцева, А. В. Плахов // Вестник Орёл ГИЭТ.— 2014.— № 4(30).— С. 85–89. EDN: UGRKMJ
18. **Груздева, М. А.** Города и сельская периферия: ключевые тенденции цифровизации / М. А. Груздева // Society and Security Insights.— 2022.— № 4.— С. 90–107. DOI: 10.14258/ssi(2022)4–05; EDN: JSVJBC

Сведения об авторах:

Соколова Анастасия Алексеевна, аспирант, младший научный сотрудник, Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия.

Контактная информация: e-mail: anastasia.alekseevna.ran@yandex.ru; ORCID: 0000–0001–5434–8094; РИНЦ AuthorID: 1128805.

Калачикова Ольга Николаевна, к.э.н., зам. директора по научной работе, зав. отделом, ведущий научный сотрудник, Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия.

Контактная информация: e-mail: onk82@yandex.ru, ORCID: 0000–0003–4681–4344; РИНЦ AuthorID: 613291.

DOI: 10.19181/population.2023.26.3.2

COMMUTING IN RUSSIA: SCALE AND CONSEQUENCES

Anastasia A. Sokolova, Olga N. Kalachikova*

*Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences
(56A Gor`kogo str., Vologda, Russia, 160014)*

**E-mail: onk82@yandex.ru*

Funding:

The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation “Causes and socio-demographic consequences of otkhodnichestvo in the context of regulating migration processes in modern Russia” (project No. 23–28–01395).— URL: <https://rscf.ru/project/23–28–01395/>.

For citation:

Sokolova A.A., Kalachikova O.N. Commuting in Russia: scale and consequences. *Narodonaselenie [Population]*. 2023. Vol. 26. No. 3. P. 16–29. DOI: 10.19181/population.2023.26.3.2 (in Russ.)

Abstract. *The article presents the scale of such a phenomenon as commuting according to the data of the All-Russian Population Census 2020 and Labor Force Sample Survey by Rosstat. The authors examined and systematized the consequences of commuting, which can be represented at three levels: at the level of territory, employer and employee, which can have both negative and positive impacts. For the recipient territory, commuting migrants become a source of labor resources and tax revenue that can be assessed positively. Increase in the burden on the transport infrastructure, the environment, and inaccuracies in assessing the demographic potential can be considered as conditionally negative. At the level of the employer, commuting solves staffing problems; commuting migrants do not have a special status, so the employer may bear the risks of violating labor discipline, which are regulated in a general manner. With regard to the level of worker, assessment of*

the consequences depends on the life context, which determines the balance of advantages and costs of such an employment strategy, namely: wage size, position and status, duration of movement and distance to work, family circumstances, necessary or voluntary character of trips. In the final part of the article, the authors present a methodology for assessing the economic consequences of long-distance commuting for Russian regions.

Keywords: commuting, labor migration, consequences of commuting, consolidated budget, tax revenues, personal income tax.

References and Internet sources

1. Akhmetova (Khilazheva) G.F. Sub”jekty RF v mezhregional’noj trudovoj migratsii: uroven’ uchastiya, prichiny i faktory [Russian regions in interregional labor migration: level of participation, causes and factors]. DEMIS. Demograficheskije issledovaniya [DEMIS. Demographic Research]. 2022. Vol. 2. No. 2. P. 76–89. DOI: 10.19181/demis.2022.2.2.6 (in Russ.)
2. Steinmann S., Grobe T. G., Tendyck H. C., Mess F. *Mobilität in der Arbeitswelt: Datenanalyse*. Techniker Krankenkasse. Hamburg, Germany. 2018. 65 p.
3. Chatterjee K., Chng S., Clark B., Davis A., de Vos J., Ettema D., Handy S., Martin A., Reardon L. Commuting and wellbeing: A critical overview of the literature with implications for policy and future research. *Transport Review*. 2020. No. 40. P. 5–34.
4. Künn-Nelen A. Does commuting affect health? *Health Economics*. 2016. № 25. 984–1004.
5. Clark B., Chatterjee K., Martin A., Davis A. How commuting affects subjective wellbeing. *Transportation*. 2020. No. 47. P. 2777–2805.
6. Öhman M., Lindgren U. Who are the long-distance commuters? Patterns and driving forces in Sweden. *Cybergeog. European Journal of Geography*. Available at: <https://journals.openedition.org/cybergeog/4118?Lang=en#citedby> (Accessed: 25 March 2022).
7. Green A. E., Hogarth T., Shackleton R. E. Longer distance commuting as a substitute for migration in Britain: a review of trends, issues and implications. *International Journal of Population Geography*. 1999. No. 5. P. 49–67.
8. Kwon K., Akar G. Have the gender differences in commuting been shrinking or persistent? Evidence from two-earner households in the U. S. *International Journal of Sustainable Transportation*. 2021. No. 12. P. 1121–1130.
9. Skora T., Rüger H., Stawarz N. Commuting and the motherhood wage gap: evidence from Germany. *Sustainability*. 2020. No. 12. P. 1–19.
10. Rapino M. A., Cooke T. J. Commuting, gender roles, and entrapment: a national study utilizing spatial fixed effects and control groups. *The Professional Geographer*. 2011. Vol. 63(2). P. 1–18.
11. Borowsky C., Drobnick S., Feldhaus M. Parental commuting and child well-being in Germany. *Journal of Family Research*. 2020. No. 32. P. 357–392.
12. Stein M., Nitschke L., Trost L., Dirschauer A., Deffner J. Impacts of commuting practices on social sustainability and sustainable mobility. *Sustainability*. 2022. No. 14(8). P. 1–18.
13. Ashforth B. E. *Role Transitions in Organizational life: An Identity-Based Perspective*. New York. Macmillan. 2000. 376 p.
14. Jacob N., Munford L., Rice N., Roberts J. Does commuting mode choice impact health? *Health Economics*. 2021. No. 30. P. 207–230.
15. Thomas I., Adam A, Verhetsel A. Migration and commuting interactions fields: a new geography with community detection algorithm? *BELGEO*. 2017. No. 4. P. 1–17.

16. Mkrtchan N. V., Florinskaya Yu.F. Social'no-ekonomicheskie efekty trudovoj migracii iz malyh gorodov Rossii [Socio-economic effects of labor migration from small cities of Russia]. *Voprosy ekonomiki* [*Economic Issues*]. 2016. No. 4. P. 203–123. DOI: 10.32609/0042–8736–2016–4–103–123 (in Russ.)
17. Maltseva E. S., Plakhov A.V. Vliyanie mayatnikovoj trudovoj migratsii na nalogovyje dohody byudzhetov munitsipal'nyh obrazovaniy [Impact of pendulum labor migration on tax revenues of municipal budgets]. *Vestnik Orol GIET* [*Bulletin of Orel State University of Economy and Trade*]. 2014. No. 4(30). P. 85–89. (in Russ.)
18. Gruzdeva M.A. Goroda i sel'skaya periferiya: klyuchevye tendentsii tsifrovizatsii [Cities and rural periphery: key digitalization trends]. *Society and Security Insights*. 2022. No. 4. P. 90–107. DOI: 10.14258/ssi(2022)4–05 (in Russ.)

Information about the authors:

Sokolova Anastasia Alekseevna, Post-graduate student, Junior Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences, Vologda, Russia.

Contact information: e-mail: anastasia.alekseevna.ran@yandex.ru; ORCID: 0000–0001–5434–8094; Elibrary AuthorID: 1128805.

Kalachikova Olga Nikolaevna, Candidate of Economics, Deputy Director for Research, Head of Department, Leading Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences, Vologda, Russia.

Contact information: e-mail: onk82@yandex.ru; ORCID: 0000–0003–4681–4344; Elibrary AuthorID: 613291.

Статья поступила в редакцию 13.04.2023, утверждена 15.08.2023, опубликована 30.09.2023.



DOI: 10.19181/population.2023.26.3.3
EDN: JDGOEC

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В РОССИЙСКО-КАЗАХСТАНСКОМ ТРАНСГРАНИЧЬЕ

Соколов А. А., Руднева О. С.*

Институт степи Оренбургского федерального научного центра РАН
(460000, Россия, Оренбург, ул. Пионерская, 11)

*E-mail: Ksen1909@mail.ru

Финансирование:

Исследование выполнено при финансовой поддержке РАН в рамках проекта АААА-А21-121011190016-1.

Для цитирования:

Соколов А. А., Руднева О. С. Региональные особенности демографических процессов в российско-казахстанском трансграничье // Народонаселение. – 2023. – Т. 26. – № 3. – С. 30-42. DOI: 10.19181/population.2023.26.3.3; EDN: JDGOEC

Аннотация. Формирование новых границ трансформировало сопредельные территории России и Казахстана в новое политическое и социально-экономическое пространство. Цель работы состоит в анализе демографических процессов с учётом территориальных особенностей российско-казахстанского приграничья в условиях современных политико-экономических и социальных интеграций. Использование методов экономико-статистического анализа позволило определить вектор и динамику процессов изменения структуры населения и его численности на сопредельных приграничных территориях. На основе анализа пространственной дифференциации изменения численности населения по административным образованиям российско-казахстанского трансграничного региона в период 1989–2021 гг. было выделено шесть региональных групп с различными уровнями демографической ситуации — от критической до наиболее благоприятной. В результате проведённого анализа демографических показателей выявлены значительные различия в исследуемых территориях. На макроуровне с обеих сторон российско-казахстанского приграничья в целом отмечается схожая демографическая ситуация как по своей направленности, так и по относительным значениям основных демографических показателей. На мезоуровне, сопоставляя региональные показатели, наблюдается разнонаправленная динамика. Лидерами роста по численности населения являются преимущественно ресурсодобывающие регионы. Регионы, в которых численность населения сократилась больше всего, являются сопредельными приграничными территориями, между которыми наблюдается низкая асимметрия показателей и почти полная синхронность протекающих процессов. На микроуровне, сравнивая города и районы, наблюдаются существенные контрасты по всем демографическим показателям. Причём в казахстанской части приграничья эти различия более значительные. В целом в трансграничной зоне происходит перемещение населения из стагнирующих сельских поселений в районные центры, из малых городов — в региональные центры и крупные города.

Ключевые слова: российско-казахстанское трансграничье, демографические процессы, интеграция, депопуляция, приграничные регионы.

© Соколов А. А., Руднева О. С., 2023.

Российско-казахстанский трансграничный регион представляет собой пространство площадью 2,6 млн км², где проходит самая протяжённая в мире сухопутная граница длиной 7,5 тыс. км. По административно-территориальному делению регион состоит из 12 субъектов Российской Федерации (Астраханская область, Алтайский край, Волгоградская область, Курганская область, Новосибирская область, Омская область, Оренбургская область, Республика Алтай, Самарская область, Саратовская область, Тюменская область (без автономных округов), Челябинская область) и 8 областей Республики Казахстан (Актюбинская, Атырауская, Восточно-Казахстанская, Западно-Казахстанская, Костанайская, Павлодарская, Северо-Казахстанская).

Важными характеристиками состояния российских и казахстанских приграничных регионов являются демографические показатели. На этих территориях наблюдаются общие и отличительные процессы динамики народонаселения. Основу благоприятного трансграничного взаимодействия регионов обеспечивает усиление контактной функции на основе снижения асимметричности в приграничных демографических процессах. Значительная диспропорция в показателях, отображающих социальное благополучие и экономическую эффективность или их общее ухудшение, формирует негативный фон для межрегиональной интеграции в приграничье. Оценка демографических процессов в российско-казахстанском трансграничье способствует выявлению перспектив и вызовов приграничному сотрудничеству путём определения расхождений в темпах и степени развития территорий [1–3].

Материалы и методы

Изучение состояния народонаселения в постсоветский период проводилось на уровне стран в целом или по отдельным приграничным регионам [4], также приграничье рассматривалась как единая территориальная структура [5; 6]. Иссле-

дователи выделяют комплексы причин, формирующих современную демографическую картину в приграничье: этнические и социокультурные процессы [7; 8], миграционные потоки [9–11], межрегиональная интеграция [12; 13].

В работе использованы методы пространственного анализа, статистический и математические методы, картографический метод. Изучение демографических процессов в российско-казахстанском приграничье проведено как на региональном, так и на уровне муниципальных образований (районов), что позволяет проследить тенденции проявления феномена приграничности на разных уровнях.

Результаты и обсуждение

На 1 января 2022 г. на территории российско-казахстанского трансграничного региона проживало 29,5 млн человек, из них в российской части — 23,8 млн человек, в казахстанской — 5,7 млн человек. Особенность такого неравномерного размещения населения характеризуется тем, что граница между Россией и Казахстаном примерно совпала с границей основной полосы расселения со стороны российской части приграничья и южной зоны очагового расселения в казахстанской части приграничья, имеющие различную степень заселённости и конфигурацию сетей расселения.

Современная демографическая ситуация в трансграничном регионе характеризуется постепенным снижением общего демографического потенциала. С 1990 г. все население российско-казахстанского трансграничного региона сократилось на 9%, при этом в приграничных регионах России оно сократилось на 8%¹, а в регионах казахстанского приграничья — на 11%². В тоже время доли населения в 2021 г. к численности 1990 г. по обе стороны гра-

¹ Здесь и далее данные по регионам России: Росстат. — URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 26.02.2023).

² Здесь и далее данные по регионам Республики Казахстан: Бюро национальной статистики Республики Казахстан. — URL: <https://taldau.stat.gov.kz/ru/Search/SearchByKeyword> (дата обращения: 26.02.2023).

ницы существенно не изменились. На российский сектор приходится 80,6% в 2021 г. при 80,4% в 1990 г., в казахстанском приграничье — 19,4% и 19,6% соответственно. Наряду с этим в 1990 г. население казахстанской части трансграничного региона в общей численности жителей республики было выше и составляло 39% против 30% в 2021 г., в то время как доля российской части трансграничного региона от общей численности населения мало изменилось и составляло 17% (2021) против 16% (1990) от всех жителей России.

Изучение динамики заселённости приграничных регионов в 1990–2021 гг. выявило тенденцию изменения в разных на-

правлениях. Только в 6 регионах российско-казахстанского трансграничья произошло увеличение численности населения. Наибольший прирост населения отмечался в Атырауской (+49%), Актыбинской (+20%) и Тюменской областях (+11%). В остальных регионах приграничной зоны за тот же период наблюдалось сокращение численности населения. Больше всего оно уменьшилось в Северо-Казахстанской (–36%), Курганской (–27%) и Костанайской (–24%) областях. При этом наибольший абсолютный прирост населения наблюдался в Атырауской области (+220 тыс. человек), а наибольшее сокращение — в Алтайском крае (–390 тыс. человек) (рис. 1).

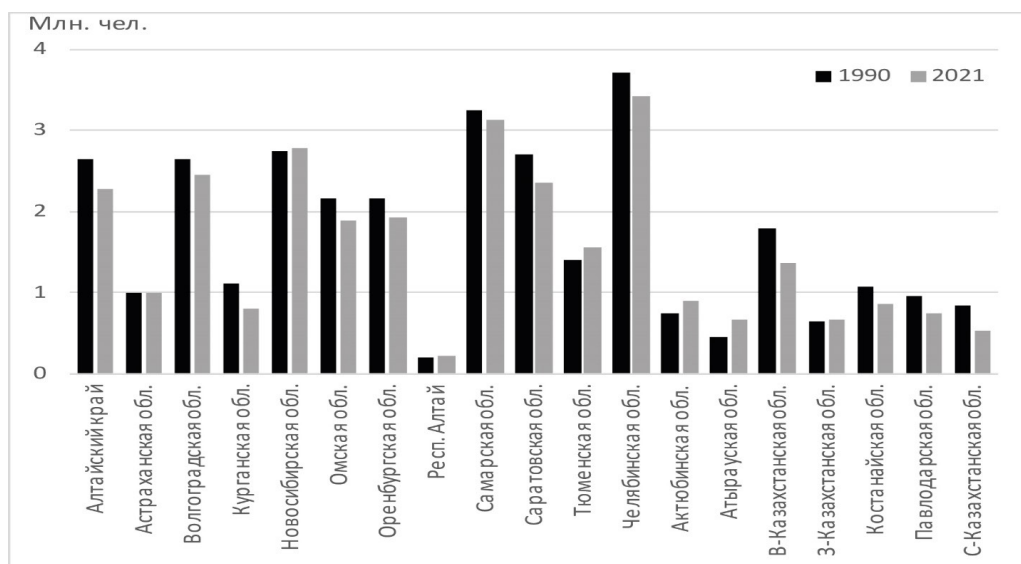


Рис. 1. Изменение численности населения по регионам российско-казахстанского трансграничья

Fig. 1. Population change by regions of the Russian-Kazakh cross-border area

Источник: составлено по данным Росстата и Бюро национальной статистики Республики Казахстан.

Проводя параллели в анализе численности населения в региональном разрезе отметим, что в большинстве случаев основными причинами сокращения численности населения в регионах российского приграничья являются естественные причины, а в регионах казахстанского при-

граничья — это миграционная убыль населения. Противоположную тенденцию мы наблюдаем в причинах, влияющих на рост численности населения — в регионах российского приграничья это в основном миграционный прирост, а в казахстанских такими являются естественные причины.

За 1990–2021 гг. в 10 из 12 российских регионах естественный прирост сменился естественной убылью и лишь в 2 регионах (Тюменская область и Республика Алтай) по-прежнему сохраняется естественный прирост населения, но уже в существенно меньших масштабах. В тоже время в казахстанских приграничных регионах высокая рождаемость (в ряде регионов составляет

24–27‰) и низкая смертность 7–8‰ (Актюбинская и Атырауская области) является причиной быстрого роста численности населения, вследствие чего в этих регионах естественный прирост в 2021 г. превысил показатели 1990 года. В 5 казахстанских приграничных регионах наблюдается естественный прирост населения и лишь в 2—фиксируется убыль (рис. 2).

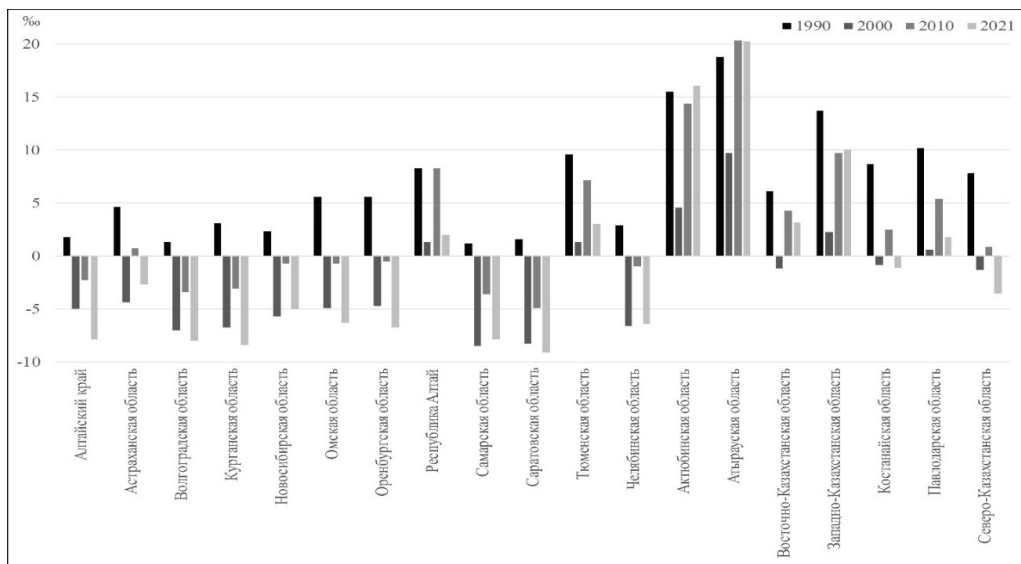


Рис. 2. Изменение показателя естественного прироста (убыли) населения по регионам российско-казахстанского трансграничья
 Fig. 2. Change in the indicator of natural population growth (loss) by regions of the Russian-Kazakh cross-border area

Источник: составлено по данным Росстата и Бюро национальной статистики Республики Казахстан.

Особое внимание следует обратить на демографические показатели миграции населения. Несмотря на разнонаправленную динамику по отдельным периодам, территория российского приграничья более привлекательна для миграции. В настоящее время в 5 регионах наблюдается положительное миграционное сальдо, которое вносит существенный вклад в увеличение численности населения или в замедление темпов его снижения. Стоит отметить, что именно миграция 1990–2000 гг. в регионы российского пригра-

ничья (в основном из стран Средней Азии и Казахстана) способствовала стабилизации демографической ситуации в них. Иная ситуация в регионах казахстанского приграничья: в целом положительное миграционное сальдо 1990 г. в последующем сменилось почти повсеместным миграционным оттоком, и в настоящее время во всех казахстанских приграничных регионах наблюдается существенное превышение численности выбывающего населения над прибывающим (рис. 3).

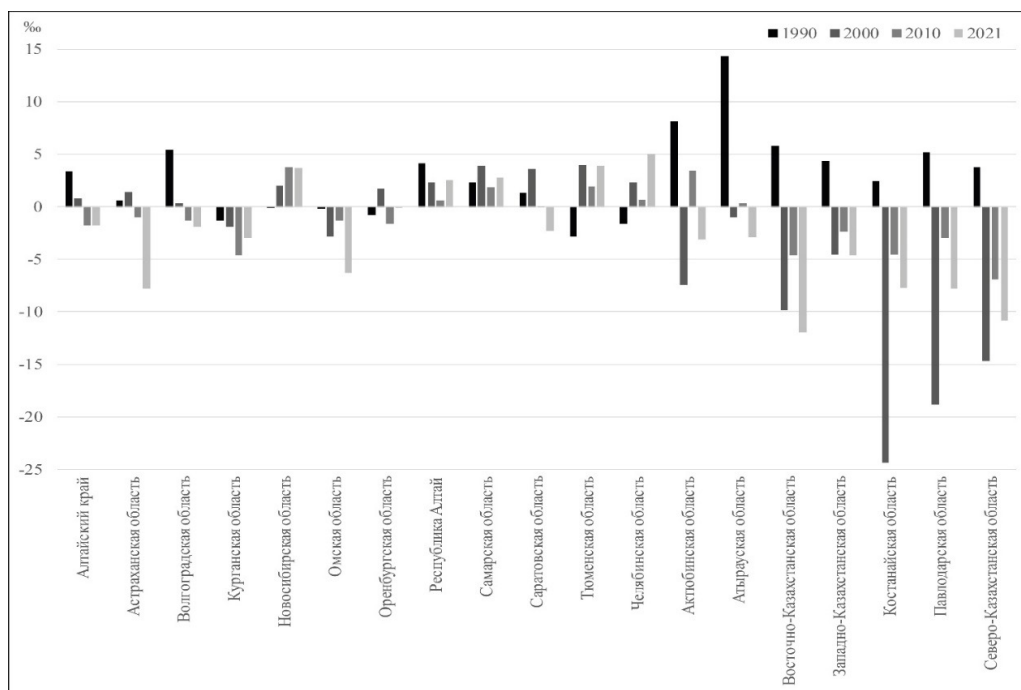


Рис. 3. Изменение показателя миграционного прироста (убыли) по регионам российско-казахстанского трансграничья

Fig. 3. Change in the indicator of migration growth (loss) by regions of the Russian-Kazakh cross-border area

Источник: составлено по данным Росстата и Бюро национальной статистики Республики Казахстан.

Оценка демографической ситуации в городах и муниципальных районах приграничья

Современное состояние демографических процессов в различных регионах российско-казахстанском приграничья можно охарактеризовать как разнонаправленное, но не существенно различающиеся по анализируемым показателям (рождаемость, смертность, миграция, ожидаемая продолжительность жизни, младенческая смертность и другие). Однако в разрезе городов и муниципальных районов такие различия значительно шире, и это хорошо заметно по показателям изменения численности населения.

На основе анализа пространственной дифференциации изменения численности

населения по городам и районам российско-казахстанского трансграничного региона в период 1989–2021 гг. было выделено шесть групп: 1) с критической демографической ситуацией; 2) с кризисной демографической ситуацией; 3) с неблагоприятной демографической ситуацией; 4) с устойчивой демографической ситуацией; 5) с благоприятной демографической ситуацией; 6) с наиболее благоприятной демографической ситуацией (рис. 4 и 5).

Районы с критической демографической ситуацией целиком состоят из сельских территорий, на их долю приходится около 10% сельского населения трансграничья. В основном они широко распространены в казахстанской части приграничья в Костанайской, Павлодарской и Северо-Казахстанской области, а также в рос-

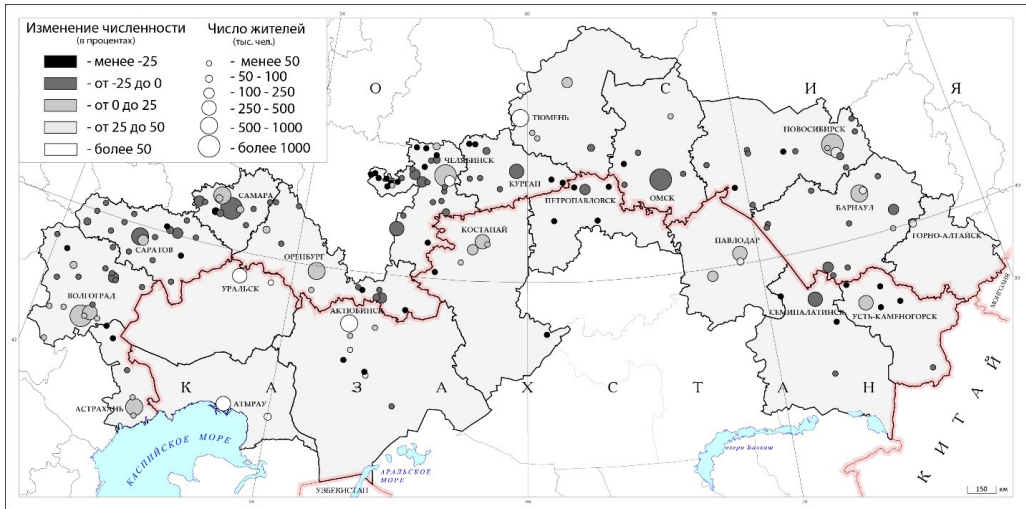


Рис. 4. Изменение численности городского населения российско-казахстанского трансграничного региона в период 1989–2022 гг.,%

Fig. 4. Change in the urban population in the Russian-Kazakh cross-border area in the period of 1989–2022, %

Источник: составлено по данным Росстата и Бюро национальной статистики Республики Казахстан.

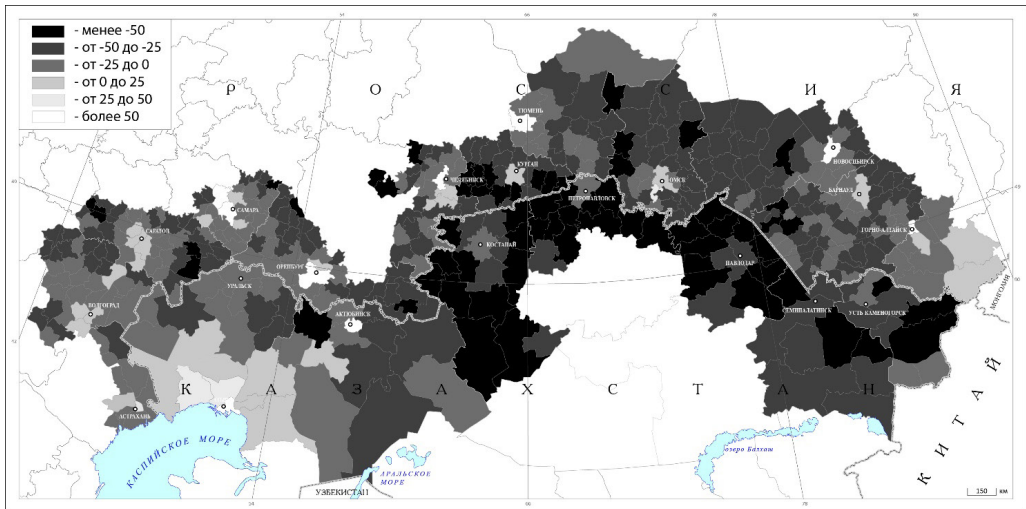


Рис. 5. Изменение численности сельского населения российско-казахстанского трансграничного региона в период 1989–2022 гг., %

Fig. 5. Change in the number of rural population in the Russian-Kazakh cross-border area in the period of 1989–2022, %

Источник: составлено по данным Росстата и Бюро национальной статистики Республики Казахстан.

сийском приграничье в Курганской области. В районах данного типа наблюдается критическое уменьшение численности населения, в среднем — 57%. Общая демогра-

фическая картина отмечается значительным миграционным оттоком, существенной естественной убылью населения, низкой ожидаемой продолжительностью жиз-

ни, высокой детской смертностью. Основными причинами, определившими убыль населения на большей части территории, являются повсеместная экономическая депрессия, глубокие этнические и социальные проблемы. Эти территории не отличаются достаточно развитой инфраструктурой и комфортной социально-гуманитарной сферой, во многих случаях население покидает эти места и превращается в вынужденных переселенцев.

В число городов и районов с кризисной демографической ситуацией вошли территории с падением численности населения от 25 до 50%. Это обширная по площади территория, на которую приходится 4% от городского и 33% сельского населения трансграничного региона. Демографическая ситуация этой группы городов и районов характеризуется негативными демографическими процессами — значительным сокращением численности населения, высоким естественным и механическим оттоком, низкой ожидаемой продолжительностью жизни и прочее. Подавляющая часть городов этой группы приходится на небольшие населённые пункты с численностью населения менее 50 тыс. человек, в основном это промышленные моногорода, некоторые бывшие и нынешние закрытые административно-территориальные образования (ЗАТО). В тоже время сельские районы данной группы являются наиболее типичными и занимают большую часть территории трансграничного региона. В целом районы с падением численности населения от 25 до 50% являются доминирующими в 13 из 20 приграничных регионов.

Самая многочисленная группа городов и районов — это территории с неблагоприятной демографической ситуацией, где падение численности населения составляет от 0 до 25%, к ним относится около 39% городского населения и 36% сельского населения приграничной зоны. Данные территории характеризуются относительно высокими показателями сокращения численности населения, значительной естественной убылью, отрицательной миграцией, а в ряде случаев и небольшим миграционным притоком. В данной группе расположились города различ-

ного статуса и численности населения, среди которых имеются такие областные центры как: Курган (–14,3%), Саратов (–9,5%), Самара (–9,4%), Петропавловск (–9,1%), Семипалатинск (–2,7%), Омск (–1,9%). Среди других крупных городов этой группы можно выделить большие промышленные центры — Балашов (–24%), Златоуст (–23%), Новотроицк (–23%), Рубцовск (–20%), Орск (–18%), Бийск (–16%), Миасс (–12%), Магнитогорск (–6,4%) и другие. Сельские территории данной группы характеризуются высокой смертностью, низкой рождаемостью, но относительно лучшими показателями миграции населения. Данные районы преимущественно располагаются в ресурсодобывающих регионах (Тюменской, Астраханской, Оренбургской, Самарской, Актюбинской и Западно-Казахстанской областях), а также на территориях с хорошо развитым аграрным сектором (Волгоградской, Саратовской областях и Алтайском крае).

В муниципалитетах с устойчивой демографической ситуацией, где рост численности населения составляет от 0 до 25%, проживает 44% городского и 10% сельского населения. Данные территории отличаются неоднородным уровнем по всем демографическим показателям. В городах отмечается устойчивый миграционный прирост, ожидаемая продолжительность жизни выше среднего значения, при этом естественный прирост остаётся, как правило, отрицательным. Большинство городов данной группы относится к категории крупных и крупнейших, из которых половина приходится на региональные центры: Волгоград (+0,2%), Астрахань (+1,9%), Челябинск (+3,2%), Усть-Каменогорск (+3,9%), Барнаул (+4,3%), Оренбург (+4,7%), Павлодар (+9,3%), Новосибирск (+12,9%), Костанай (+13,3%). Сельское население этой категории в основном располагается в районах, примыкающих к крупным городам и областным центрам. Эти территории обладают хорошо развитой социальной и транспортной инфраструктурой, демографические характеристики схожи с показателями городов. Отдельно выделим обширные, но малозаселённые территории в Атырау-

ской области и республике Алтай, отличающиеся высоким естественным приростом.

Самая малочисленная группа городов и районов — с благоприятной демографической ситуацией, где рост численности населения составил от 25 до 50%, включает в себя 2% городского и 2% сельского населения трансграничья. Населённые пункты данной группы в основном являются городами-спутниками областных центров за исключением Горно-Алтайска, который сам является региональным центром. При этом сельские районы этой группы являются пригородами и относятся к спальному району, а население, проживающее в них, было бы корректно рассматривать как преимущественно городское.

Ещё одна немногочисленная категория городов и районов относится к группе с наиболее благоприятной демографической ситуацией. Рост численности населения здесь составляет более 50%. Доля городского населения этой группы насчитывает 11%, а число сельских жителей составляет 9% от общего населения трансграничья. Практически все города данной группы являются центрами крупных ресурсодобывающих районов, где рост численности населения, прежде всего, обусловлен большим притоком населения, а также более высокими показателями рождаемости и ожидаемой продолжительности жизни. Значительный рост населения

наблюдается в городах Уральск (59%) и Тюмень (74%); более существенный рост отмечен в небольших по численности населения нефтегазодобывающих городах — Кульсары (87%) и Аксай (93%), при этом отдельно стоит выделить крупные областные центры, где численность населения выросла в два раза — Атырау (99,5%) и Актюбинск (107%). Оставшиеся сельские районы, как и в предыдущей группе, представлены пригородами крупных городов и имеют однородные с ними демографические показатели.

В результате проведенного многоуровневого анализа показателей можно сделать ряд выводов о демографической ситуации в российско-казахстанском трансграничном регионе.

1. На макроуровне, сравнивая зоны российского и казахстанского приграничья в период 1990–2021 гг., в целом отмечается схожая демографическая ситуация как по своей направленности, так и по относительным значениям таких показателей как: темпы снижения численности населения, изменения пропорции численности населения по обе стороны границы, рождаемость, смертность, ожидаемая продолжительность жизни, младенческая смертность. И не столь значительные различия в механическом движении населения и изменении доли численности населения от общего населения своих стран (табл. 1).

Таблица 1

Динамика основных демографических показателей в российско-казахстанском трансграничном регионе

Table 1

Dynamics of the main demographic indicators in the Russian-Kazakh cross-border area

Показатель	Российское приграничье		Казахстанское приграничье	
	1990	2021	1990	2021
Численность населения (млн человек)	25,7	23,8	6,3	5,7
Рождаемость (‰)	14,4	9,7	21,0	18,8
Смертность (‰)	10,4	17,4	8,1	12,1
Младенческая смертность (‰)	18,5	5,0	27,2	8,8
Ожидаемая продолжительность жизни (лет)	69,1	69,2	68,7	69,5
Миграция (‰)	0,9	-0,4	6,3	-7,0
Доля численности населения по обе стороны границы (%)	80,6	80,4	19,4	19,6
Доля численности населения от общего населения своих стран (%)	17	16	39	30

Источник: составлено по данным Росстата и Бюро национальной статистики Республики Казахстан.

2. На мезоуровне, сопоставляя показатели на региональном уровне, уже наблюдается разнонаправленная динамика. Так, в российском приграничье в исследуемый период сокращение численности населения наблюдалось в 9 из 12 регионов, а в казахстанском приграничье таких регионов было 4 из 7. При этом лидерами роста по численности населения являются преимущественно ресурсодобывающие регионы: в российском приграничье — это Тюменская область (+12%), в казахстанской части — Атырауская (+54%) и Актыубинская (+27%) области. Регионы, в которых численность населения сократилась больше всего, являются сопредельными приграничными территориями, между которыми наблюдается низкая асимметрия показателей и почти полная синхронность протекающих процессов — это области Северо-Казахстанская (–36%), Костанайская (–26%) и Курганская (–26%). Среди основных причин роста численности населения в регионах казахстанского приграничья выделяются высокая рождаемость и низкая смертность, а в российских приграничных регионах это в основном миграционный приток. В тоже время основными причинами падения численности населения в российских приграничных регионах в основном является естественные движение населения, а в регионах казахстанского приграничья — естественное и механическое движение населения.

3. На микроуровне, при сравнении городов и районов, наблюдаются существенные контрасты почти по всем демографическим показателям. Максимальные различия изменения численности населения по городам приграничья составляют от –44% в городе Ясном до +107% в городе Актыубинск, в сельской местности эти различия ещё более существенные: от –68% до +103%. Причём в казахстанской части приграничья эти различия более значительные. Население городов вследствие внутренней миграции и высокой рождаемости растёт более высокими темпами (+19%), иногда достигая двукратного роста (Актыубинск +107%, Атырау +99,5%,

Аксай +93%). При этом происходит обезлюдение значительных пространств в сельской местности (–40%), особенно в Северо-Казахстанской (–54%), Павлодарской (–49%) и Костанайской (–48%) областях, демографические показатели в которых свидетельствуют о явной депрессивности и критической демографической ситуации, обусловленной совокупностью социально-экономических, расселенческих и этнических факторов. В российской части приграничья сложившиеся кризисные тенденции в изменении демографических показателей определяют тренд дальнейшего сокращения как городского (–1%), так и сельского (–19,5%) населения, но уже в существенно меньшем масштабе.

Заключение

Формирование новых границ, произошедшее в результате распада СССР, сопровождалось глубокой перестройкой экономики, трансформацией национальных и региональных связей, социальным и демографическим кризисом. Волнообразность и темпы этих процессов стали определяющими для формирования современной структуры народонаселения в приграничье, для форм и направлений интеграционных процессов. Наиболее значительными демографическими проблемами для российской-казахстанского приграничья стали естественная и миграционная убыль, невысокая продолжительность жизни и пространственная поляризация, особенно в соседствующих территориях. В большинство регионов в российско-казахстанском трансграничье снижение численности населения идёт более активно, чем в среднем по России и Казахстану, что привело к усилению периферийности этих территорий. В целом в трансграничном регионе прослеживается тенденция концентрации населения в городах и развитых районных центрах. Идёт процесс поляризации в виде миграции населения из депрессивных сельских территорий и небольших городов в региональ-

ные центры и населённые пункты более высокого административного уровня. При этом имеет место значительный разрыв в современной демографической ситуации и потенциале воспроизводства населения в сопредельных регионах по разные стороны границы, что в дальнейшем будет усиливать асимметрию трансграничных коммуникаций и формировать очаги неустойчивости трансграничного развития.

Литература и Интернет-источники

1. **Вардомский, Л. Б.** Россия и постсоветская регионализация / Л. Б. Вардомский // Россия и современный мир. — 2009. — № 3(64). — С. 83–107. EDN: KUZZIL
2. Введение в исследование границ / под ред. С. В. Севастьянова, Ю. Лайне, А. А. Киреева. — Владивосток : Дальнаука, 2016. — 426 с. EDN: YHSFUZ
3. **Колосов, В. А.** Структурные особенности экономики и градиенты социально-экономического развития приграничных регионов Беларуси, России и Украины / В. А. Колосов, М. В. Зотова, А. Б. Себенцов // Известия Российской академии наук. Серия географическая. — 2014. — № 5. — С. 32–46. EDN: SUIWUL
4. **Сдыков, М. Н.** Казахстан и Россия в системе приграничных миграций. Россия-Казахстан: фронтьерские миграции / ред. Ж. А. Зайончковская и М. Н. Сдыков. — Москва-Уральск : Центр изучения проблем вынужденной миграции в СНГ, 2002. — 236 с. EDN: VUVMSH
5. **Белозеров, В. С.** Российско-казахстанское пограничье: теория и практика исследования социально-демографических процессов / В. С. Белозеров, В. В. Чихичин, А. Н. Панин [и др.] // Региональные исследования. — 2012. — № 3. — С. 117–127. EDN: PFSBGJ
6. **Соколов, А. А.** Российско-казахстанский трансграничный регион: динамика демографических процессов за 25 лет / А. А. Соколов, О. С. Руднева // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Биологические, технические науки и науки о Земле. — 2017. — № 1. — С. 49–53. EDN: YRIESX
7. **Герасименко, Т. И.** Роль этнокультурной основы в формировании трансграничных регионов / Т. И. Герасименко // Россия и Запад: диалог культур. — 2013. — № 2. — С. 7. EDN: SJJLRZ
8. **Карпенко, М. С.** Демографические и социокультурные вызовы приграничному сотрудничеству на российско-казахстанской границе / М. С. Карпенко, А. Б. Себенцов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле. — 2022. — № 67(3). — С. 454–474. DOI: 10.21638/spbu07.2022.304; EDN: ZAZGEO
9. **Григоричев, К. В.** Миграционные связи между Алтайским краем и Казахстаном в 1992–2001 годах: региональные особенности / К. В. Григоричев, Е. В. Тарасова // Вестник Евразии. — 2004. — № 1. — С. 152–168. EDN: HYYWTN
10. **Мкртчян, Н. В.** Этническая структура миграционных потоков из Центральной Азии в Российское приграничье / Н. В. Мкртчян // Россия — Казахстан: фронтьерские миграции. Сб. науч. Трудов. — Москва-Уральск, 2002. — С. 52–64. EDN: WLGLFT
11. **Соболева, С. В.** Миграция населения в приграничных регионах Сибири / С. В. Соболева, Н. Е. Смирнова, О. В. Чудаева // Всероссийский экономический журнал ЭКО. — 2014. — № 8(482). — С. 18–31. EDN: SMJVLX
12. **Голунов, С. В.** Приграничное сотрудничество России и Казахстана: проблемы и пути развития / С. В. Голунов // Мировая экономика и международные отношения. — 2009. — № 6. — С. 84–91. EDN: KMLQPF
13. **Иванов, В. Н.** Межрегиональное и приграничное сотрудничество России и Казахстана: основные приоритеты / В. Н. Иванов, М. К. Жундубаев // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. — 2015. — № 7. — С. 38–51. EDN: THCBQT

Сведения об авторах:

Руднева Оксана Сергеевна, к.геогр.н., старший научный сотрудник, Институт степи Оренбургского федерального научного центра Уральского отделения Российской академии наук, Оренбург, Россия.

Контактная информация: e-mail: ksen1909@mail.ru; ORCID: 0000-0001-8425-3301; РИНЦ AuthorID: 178631.

Соколов Александр Андреевич, к.геогр.н., старший научный сотрудник, Институт степи Оренбургского федерального научного центра Уральского отделения Российской академии наук, Оренбург, Россия.

Контактная информация: e-mail: SokolovAA@rambler.ru; ORCID: 0000-0002-0093-3420; РИНЦ AuthorID: 178270.

DOI: 10.19181/population.2023.26.3.3

REGIONAL FEATURES OF THE DEMOGRAPHIC PROCESSES IN THE RUSSIAN-KAZAKH CROSS-BORDER REGIONS

Aleksandr A. Sokolov, Oksana S. Rudneva*

*Institute of Steppe of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
(11 Pionerskaya str., Orenburg, Russia, 460000)*

**E-mail: Ksen1909@mail.ru*

Funding:

The study was carried out with the financial support of the Russian Academy of Sciences within the framework of the project AAAA-A21-12101190016-1.

For citation:

Sokolov A.A., Rudneva O.S. Regional features of the demographic processes in the Russian-Kazakh cross-border regions. *Narodonaselenie [Population]*. 2023. Vol. 26. No. 3. P. 30-42. DOI: 10.19181/population.2023.26.3.3 (in Russ.)

Abstract. *Formation of new borders has transformed the adjacent territories of Russia and Kazakhstan into a new political and socio-economic space. The purpose of the work is to analyze demographic processes with the account of the territorial features of the Russian-Kazakh border area in the conditions of modern political, economic and social integrations. The use of methods of economic and statistical analysis made it possible to identify the vector and dynamics of the demographic processes in the adjacent border territories. Based on the analysis of spatial differentiation of population changes by administrative entities of the Russian-Kazakh cross-border area in the period 1989–2021, there were identified six regional groups with different character of the demographic situation — from critical to most favorable. As a result of the analysis of demographic indicators, significant differences were revealed depending on the level of the studied territories. At the macro level, on both sides of the Russian-Kazakh border, there is generally a similar demographic situation both in its orientation and in the relative values of the main demographic indicators. At the meso level, there is a multidirectional dynamics of regional indicators. The leaders of population growth are mainly resource-producing regions. The regions, in which the population has decreased most of all, are adjacent border territories, between which there is a low asymmetry of indicators and almost complete synchronicity of the ongoing processes. At the micro level, comparing cities and districts, there are significant contrasts in almost all demographic indicators. Moreover, in the Kazakh part of the border area, these differences are more significant. In general, there is the same*

trend throughout the border regions—the population is moving to more developed areas—from depressed rural areas to district centers and small towns, from small and medium-sized cities to large regional centers and big cities.

Keywords: *Russian-Kazakh cross-border, demographic processes, integration, depopulation, border regions.*

References and Internet sources

1. Vardomsky L. B. Rossiija i postsovetskaja regionalizatsija [Russia and post-Soviet regionalization]. Rossiija i sovremennyy mir [Russia and the Contemporary World]. 2009. No. 3 (64). P. 83–107. (in Russ.)
2. Vvedenije v issledovanija granits [Introduction to Boundary Studies]. Eds. S. V. Sevastianova, Yu. Layne, A. A. Kireeva. Vladivostok. [Dalnauka]. 2016. 426 p. (in Russ.)
3. Kolosov V. A., Zotova M. V., Sebentsov A. B. Strukturnye osobennosti ekonomikii gradient sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya prigranichnykh regionov Belarusi, Rossii i Ukrainy [Structural features and gaps in the economic and social development of Russian, Ukrainian and Belorussian border regions]. Izvestija Rossijskoj akademii nauk. Serija geograficheskaja [Proceedings of the Russian Academy of Sciences. Series: Geography]. 2014. No. 5. P. 32–46. (in Russ.)
4. Sdykov M. N. Kazahstan i Rossiija v sisteme prigranichnykh migratsij. Rossiija-Kazahstan: front'erskiemigracii [Kazakhstan and Russia in the System of Border Migrations. Russia-Kazakhstan: Frontier Migrations]. Moskva-Ural'sk. Tsentr izuchenija problem vynuzhdennoj migratsii v SNG. [Moscow-Uralsk. Center for the Study of Forced Migration in the CIS]. 2002. 236 p. (in Russ.)
5. Belozеров V. S., Chikhichin V. V., Panin A. N., et. al. Rossijsko-kazahstanskoje pogranichje: teorija i praktika issledovanija sotsial'no-demograficheskikh processov [Russian-Kazakhstan border region: theory and practice of research on socio-demographic processes]. Regional'nyje issledovanija [Regional Studies]. 2012. No. 3. P. 117–127. (in Russ.)
6. Sokolov A. A., Rudneva O. S. Rossijsko-kazahstanskij transgranichnyj region: dinamika demograficheskikh processov za 25 let [Russian-Kazakh cross-border region: dynamics of demographic processes over 25 years]. Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Biologicheskije, tehničeskije nauki o Zemle [Bulletin of Kemerovo State University. Series: Biological, Engineering and Earth Sciences]. 2017. No. 1. P. 49–53. (in Russ.)
7. Gerasimenko T. I. Rol' etnokul'turnoj osnovy v formirovanii transgranichnykh regionov [The role of the ethno-cultural regional specificity in the formation of transborder regions]. Rossiija i Zapad: dialog kul'tur [Russia and the West: Dialogue of Cultures]. 2013. No. 2. P. 7. (in Russ.)
8. Karpenko M. S., Sebentsov A. B. Demograficheskije i sotsiokul'turnye vyzovy prigranichnomu sotrudničestvu na rossijsko-kazahstanskoj granitse [Demographic and socio-cultural challenges to cross-border cooperation on the Russian-Kazakhstan border]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Nauki o Zemle [Bulletin of St. Petersburg University. Earth Sciences]. 2022. No. 67(3). P. 454–474. DOI: 10.21638/spbu07.2022.304 (in Russ.)
9. Grigorichev K. V., Tarasova E. V. Migratsionnye svjazi mezhdru Altajskim kraem i Kazahstanom v 1992–2001 godah: regional'nyje osobennosti [Migration relations between the Altai Krai and Kazakhstan in 1992–2001: regional features]. Vestnik Evrazii [Acta Eurasica]. 2004. No. 1. P. 152–168. (in Russ.)
10. Mkrtychyan N. V. Etnicheskaja struktura migratsionnykh potokov iz Tsentral'noj Azii v Rossijskoje prigranichje. [Ethnic structure of migration flows from Central Asia to the Russian border area]. Rossiija-Kazahstan: front'erskije migratsii [Russia-Kazakhstan: Frontier Migrations]. Moscow-Uralsk. Tsentr izuchenija problem vynuzhdennoj migratsii v SNG [Center for the Study of Forced Migration in the CIS]. 2002. P. 52–54. (in Russ.)
11. Soboleva S. V., Smirnova N. E., Chudaeva O. V. Migratsija naselenija v prigranichnykh regionah Sibiri [Population migration in the border regions of Siberia]. EKO [ECO]. 2014. No. 8(482). P. 18–31. (in Russ.)

12. Golunov S. V. Prigranichnoje sotrudnichestvo Rossii i Kazahstana: problemy i puti razvitija [Border-line collaboration between Russia and Kazakhstan: problems and ways of development]. *Mirovaja ekonomika i mezhdunarodnyje otnoshenija* [*World Economy and International Relations*]. 2009. No. 6. P. 84–91. (in Russ.)
13. Ivanov V. N., Zhundubaev M. K. Mezhregional'noje i prigranichnoje sotrudnichestvo Rossii i Kazahstana: osnovnyje priority [Inter-regional and cross-border cooperation between Russia and Kazakhstan: main priorities]. *Natsional'nyje interesy: priority i bezopasnost'* [*National Interests: Priorities and Security*]. 2015. No. 7. P. 38–51. (in Russ.)

Information about the authors:

Rudneva Oksana Sergeevna, Candidate of Geography, Senior Researcher, Institute of Steppe of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Orenburg, Russia

Contact information: e-mail: ksen1909@mail.ru; ORCID: 0000-0001-8425-3301; Elibrary AuthorID: 178631.

Sokolov Aleksandr Andreevich, Candidate of Geography, Senior Researcher, Institute of Steppe of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Orenburg, Russia

Contact information: e-mail: SokolovAA@rambler.ru; ORCID: 0000-0002-0093-3420; Elibrary AuthorID: 178270.

Статья поступила в редакцию 06.04.2023, утверждена 15.08.2023, опубликована 30.09.2023.



DOI: 10.19181/population.2023.26.3.4
EDN: MCQLTG

СОВРЕМЕННЫЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РЕСПУБЛИКИ ТЫВА

Соян Ш. Ч.

Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов Сибирского отделения РАН
(667007, Россия, Кызыл, ул. Интернациональная, 117А)

E-mail: Soyan77@mail.ru

Финансирование:

Статья выполнена по теме НИР Тувинского института комплексного освоения природных ресурсов Сибирского отделения РАН № FUF5-2021-0001 «Оценка территориальной организации и рисков развития приграничного региона на основе геоинформационного и математического моделирования опасных природных процессов, экстремальных явлений и социально-экономических изменений».

Для цитирования:

Соян Ш. Ч. Современные демографические проблемы Республики Тыва // Народонаселение. – 2023. – Т. 26. – № 3. – С. 43-54. DOI: 10.19181/population.2023.26.3.4; EDN: MCQLTG

Аннотация. В статье дана оценка современных демографических проблем в Республике Тыва. Результаты исследования представлены методами группировки, обобщения, сравнительного, структурного, логического и статистического анализов, графическим методом. Эмпирической базой для теоретических обобщений и практических разработок послужили данные Росстата, Красноярскстата, Министерства здравоохранения Республики Тыва и другие. В Республике Тыва наблюдается высокий коэффициент рождаемости (20,0‰) (2-е место в 2021 г. среди регионов России после Чеченской Республики (20,1‰)), превышающая смертность населения, что благоприятно выглядит на общероссийском фоне. Тем не менее, по результатам исследования демографических процессов в республике выявлены и неблагоприятные тенденции в демографической ситуации: снижение рождаемости, рост смертности, убыль населения в большинстве кожуунов (муниципальных районов). К 2021 г. по сравнению с 2000 г. произошло снижение численности населения в 10 из 17 кожуунов республики. Тревогу вызывает миграционная убыль населения, что является главным фактором снижения числа населения приграничных кожуунов Республики Тыва. Проведённое прогнозирование на краткосрочную перспективу показало незначительное увеличение численности населения республики. Проведённый кластерный анализ позволил выделить кожууны с наиболее благоприятной, ухудшающейся и неблагоприятной демографической обстановкой. Благоприятной демографической ситуацией отмечается только город Кызыл – столица Республики Тыва. Относительно благоприятной демографической характеристикой отмечены 6 кожуунов республики, риски сокращения численности населения наблюдаются в 5 кожуунах, в 7 кожуунах отмечена неблагоприятная демографическая ситуация.

Ключевые слова: Республика Тыва, демография, население, рождаемость, смертность, воспроизводство населения, естественный прирост.

© Соян Ш. Ч., 2023.

Негативные процессы в демографии, такие как снижение численности населения, высокие показатели смертности, заболеваемости, пандемии последних лет вызывают тревогу. Проблемам демографии посвящены работы многих учёных, среди которых можно выделить В.В. Попадейкина и других [1], А.В. Кашепова [2], А.В. Смирнова [3], А.Г. Аганбеяна [4], В.В. Локосова [5], А.В. Воронцова [6], В.Т. Сакаева [7], Х. Ляна [8], Р. Райт и М. Эллис [9], коллектива авторов во главе М.А. Кантемировой [10], С.В. Макара [11], В.Н. Маркова [12] и другие. Выступая на Петербургском международном экономическом форуме в июне 2022 г., Президент России В.В. Путин сказал, что демографическая ситуация в стране крайне сложная, меры поддержки семей с детьми должны быть кардинальными, необходима настройка систем здравоохранения и образования под запросы семей¹.

В настоящее время в стране действует много мер поддержки семей с детьми — это «материнский капитал» в 524,5 тыс. рублей на первого ребёнка и 693 тыс. рублей на второго (если семья не получала такие выплаты на первого ребёнка), при рождении ребёнка единовременная выплата 20,4 тыс. рублей, пособие по уходу за ребёнком в размере 7,6 тыс. рублей ежемесячно, пособие для детей дошкольного (3–7 лет) и школьного (8–17 лет) возрастов, выплата многодетным семьям на покрытие ипотеки в размере 450 тыс. рублей и другие. Но, тем не менее, в большинстве случаев взятие матерью отпуска по беременности и родам по уходу за ребёнком в возрасте до трёх лет способствует возникновению бедности, поскольку основным источником дохода, как правило, являются только социальные пособия. Несмотря на оказываемую государством поддержку, демографическая ситуация в стране не улучшается.

Методологическая база исследования представлена методами группировки, обобщения, сравнительного, структурного, логического и статистического анализов, графи-

ческим методом. Анализ демографических показателей осуществлён на основе метода кластерного анализа. Эмпирической базой для теоретических обобщений и практических разработок послужили данные Росстата, Красноярскстата, Министерства здравоохранения Республики Тыва (РТ) и другие. Для обработки показателей рядов динамики применён способ аналитического выравнивания [13]. Для классификации кожуунов (муниципальных образований) РТ на относительно однородные группы в работе использован метод кластерного анализа. Кожууны в группе схожи с точки зрения этих переменных и отличаются от кожуунов в других группах. С применением иерархической схемы метода Варда (Ward method) проведена многомерная классификация кожуунов по демографическим параметрам [14]. Однородные группы кожуунов образованы по критерию минимального приращения внутригрупповой суммы квадратов отклонений.

С начала XX в. высокие показатели рождаемости в тувинских семьях постепенно стали снижаться. В настоящее время семьи, где родились и воспитываются 8–10 детей — редкость. Можно сделать вывод о том, что произошла смена модели многодетности тувинских семей. Тем не менее, несмотря на значительное сокращение числа детей в семьях, в Туве рождаемость высокая по сравнению со среднероссийским показателем, общий коэффициент смертности ниже, чем общий коэффициент рождаемости. По данным 2021 г. по рождаемости республика занимает второе место в стране, уступив только Чеченской Республике. В 2020 г. также наблюдался наибольший в России суммарный коэффициент рождаемости (СКР) со значением 2,97 ребёнка на одну женщину. В то же время ожидаемая продолжительность жизни при рождении (ОПЖ) в Туве значительно ниже, чем в регионах Сибирского федерального округа (69,6 года) и в России в целом (71,54 года). Значение ОПЖ в 2020 г. составило в республике 66,25 лет, что в России выше только показателя Чукотского АО (65,82 лет) [15, с. 65]. Разрыв продолжительности жизни между женщинами и мужчинами в республике больше, чем в других регионах страны.

¹ Путин назвал крайне сложной демографическую ситуацию в России // РБК: [сайт]. — URL: <https://www.rbc.ru/politics/17/06/2022/62aca2619a7947d21df4116b> (дата обращения: 09.11.202).

Начиная с 1990-х гг. численность населения в сельской местности РТ постепенно снижается при росте численности всего населения (рис. 1).

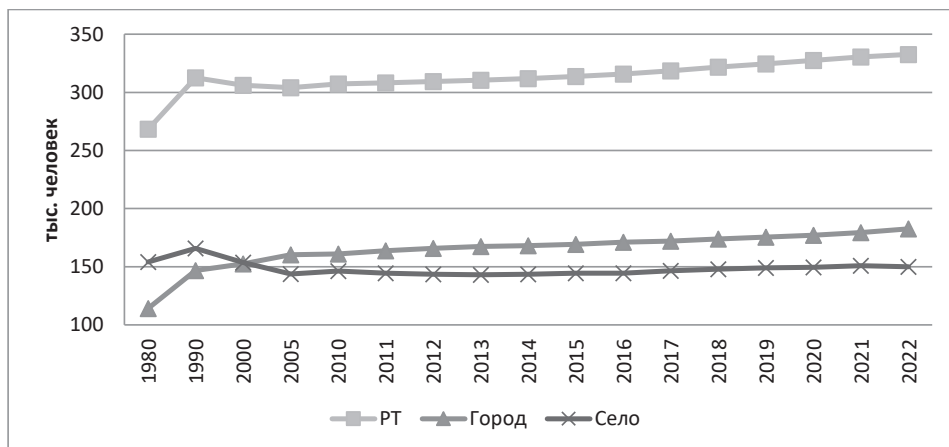


Рис. 1. Динамика численности населения Республики Тыва за 1980–2022 годы

Fig. 1. Dynamics of the population of the Republic of Tuva for 1980–2022

Источник: составлено автором на основе данных Красноярскстата.

Одной из отличительных особенностей в демографическом положении населения можно отнести то, что стабильно за последние годы первое место (как и в России в целом) среди причин смертности в республике занимают болезни системы кровообращения (32,7% в 2021 г.), но второе — смертность от несчастных случа-

ев (22,8% в 2021 г.), третье — смертность от онкологических заболеваний (11,6% в 2021 г.), на четвёртом месте — смертность от COVID-19 с показателем 11,2%. По сравнению с общероссийским уровнем, а также с уровнем сибирских регионов высока доля смертности от туберкулёза (3,6% в 2021 г.) (рис. 2).

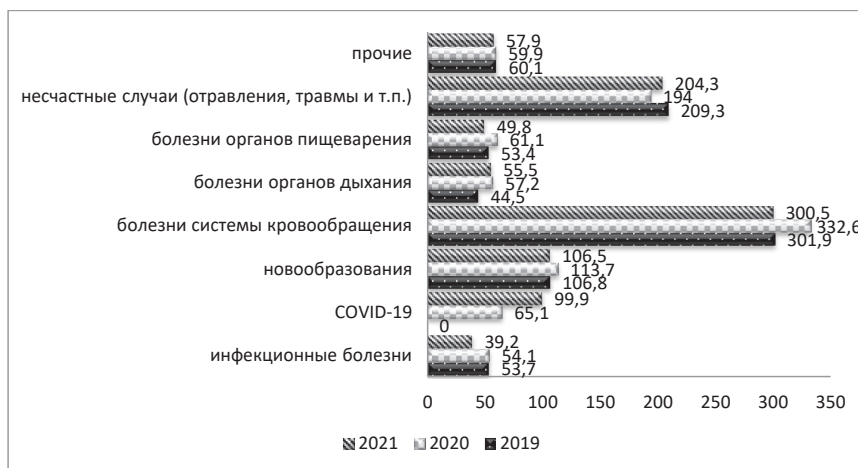


Рис. 2. Причины смерти населения Республики Тыва за 2019–2021 гг. (на 100 тыс. человек)

Fig. 2. Causes of mortality of the population of the Republic of Tuva for 2019–2021 (per 100000 persons)

Источник: составлено автором на основе данных Красноярскстата.

В сравнении с доковидным 2019 г. показатель смертности вырос на 11%. Рост смертности населения зафиксирован в Тере-Хольском (в 1,5 раза), Каа-Хемском (на 16%), Чаа-Хольском (на 13%), Тандинском (на 5,6%) кожуунах, а также в городах Ак-Довурак (на 29,4%) и Кызыл (на 5,2%). Количество трудоспособного населения среди умерших в 2021 г. снизилось на 1,6% по сравнению с 2020 г., но остаётся выше среднероссийского уровня на 41,1%. Тревожно, что трудоспособное население региона умирает в основном от внешних причин (40,5% от всех умерших данного возраста).

В 2021 г. по сравнению с предыдущим периодом из 17 кожуунов Тувы произо-

шло снижение численности населения в 10-ти. Больше всего население сократилось в Бай-Тайгинском кожууне (на 16,2% или на 2053 человек по сравнению с данными 2000 г.) (рис. 3). На втором месте сокращение числа населения зафиксировано в Пий-Хемском кожууне (13,1% или 1529 человек). В Овюрском кожууне — снижение на 12,6%, в Каа-Хемском — 12,4%, в Дзун-Хемчикском — 9,3%, в Чаа-Хольском — 8,1%, Сут-Хольском — 6,9%, в Барун-Хемчикском — 6,7%, в Тес-Хемском — 5,3%, в Улуг-Хемском — на 2,8%. Это говорит о том, что в кожуунах Тувы имеется негативная динамика численности населения, как и во многих других приграничных регионах Сибири [16; 17].

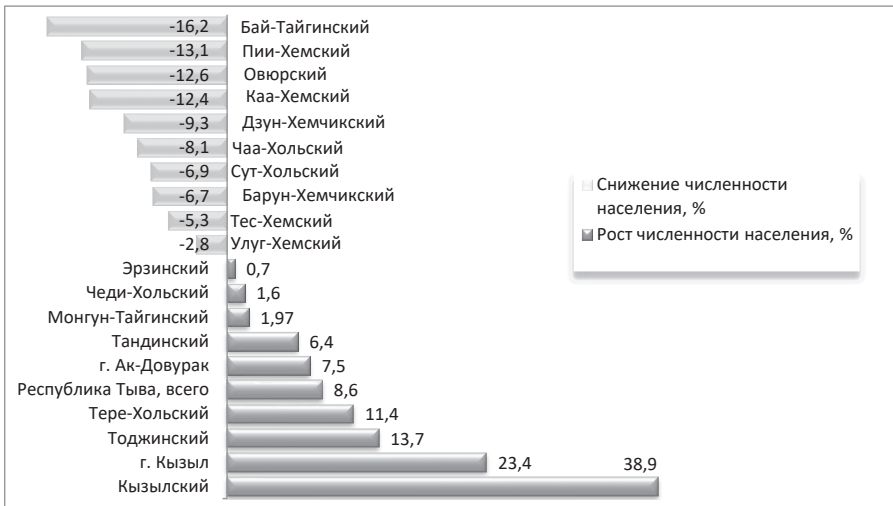


Рис. 3. Изменение численности населения по городам и кожуунам Республики Тыва в 2021 г. в сравнении с 2000 г. в %

Fig. 3. Population change by cities and kozhuuns of the Republic of Tuva in 2021 compared to 2000 in %
Источник: составлено автором на основе данных Красноярскстата.

Несмотря на снижение численности населения в ряде кожуунов коэффициент рождаемости остаётся высоким. Наибольший показатель общего коэффициента рождаемости в 2020 г. был в городе Кызыле со значением 23,8‰, что почти в 2,5 раза больше среднероссийского уровня (9,8‰), на втором месте находится Дзун-Хемчикский кожуун со значением 22,6‰, на третьем — Бай-Тайгинский ко-

жуун (21,9‰). Выше среднереспубликанского значения (18,4‰) коэффициент рождаемости имеют почти все кожууны региона, исключение составляют Тандинский (12,4‰), Пий-Хемский (14,7‰), Чеди-Хольский (15,4‰), Тере-Хольский (16,5‰) кожууны. В то же время следует отметить, что общий уровень смертности населения в этих кожуунах республики остаётся высоким по сравнению с другими районами

региона². Самый высокий общий коэффициент смертности населения наблюдается в Пии-Хемском кожууне с показателем 14,5%, что в 1,5 раза превышает средний показатель по региону (9,4‰), на втором месте — Каа-Хемский кожуун со значением 13,9‰. Меньше всего смертность была в Тере-Хольском кожууне с показателем 5,9‰, что на 37,2% меньше среднереспубликанского уровня.

Во многих кожуунах демографическая ситуация требует реагирования со сторо-

больше показателя 2019 года. Миграционная убыль в Туве за 2020 г. составила 579 человек³. Кроме того, в некоторых кожуунах сохраняются высокий уровень смертности сельского населения, уменьшение числа лиц трудоспособного возраста, продолжение старения населения, что ограничивает развитие села [18].

По данным Красноярскстата, средний возраст населения республики в 2022 г. составил 30 лет. В анализируемом периоде количество женщин превысило количество

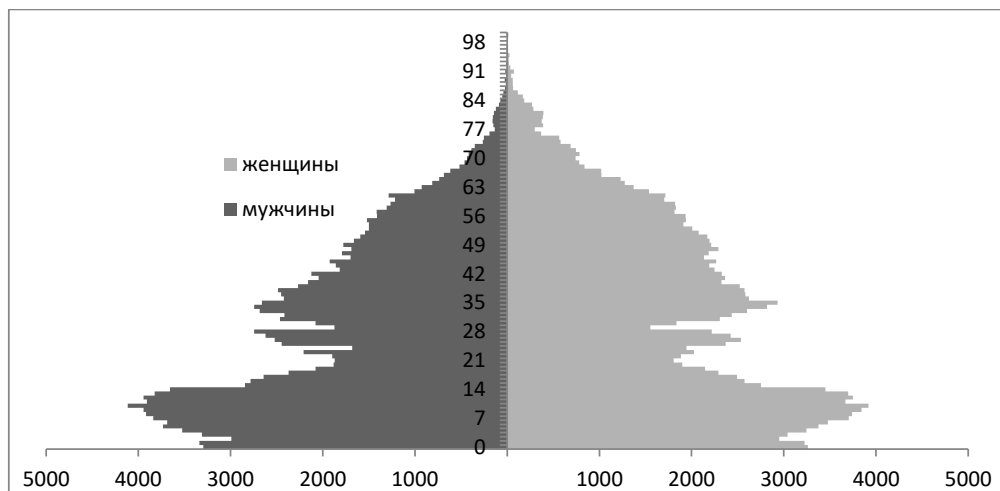


Рис. 4. Половозрастная пирамида населения Республики Тыва на начало 2022 года

Fig. 4. Sex-age pyramid of the population of the Republic of Tuva at the beginning of 2022

Источник: составлено автором на основе данных Красноярскстата.

ны властей региона: если не принять эффективных мер для её улучшения, то намечившаяся депопуляция может стать долгосрочной. Главной причиной сокращения числа сельского населения является миграционный отток молодёжи и трудоспособного населения в город Кызыл — столицу Республики Тыва или в близлежащие к городу Кызылу кожууны республики. В 2020 г., по данным Красноярскстата, из Тувы уехали 5345 человек или 1,6% от общего числа жителей республики, в том числе в зарубежные страны переехали жить 506 человек, что в 3,3 раза

мужчин на 8,3% (рис. 4). От общего количества жителей региона максимальное число приходится на детей в возрасте до 10 лет, их число оказалось равным 8035 человек (4116 мальчиков, 3919 девочек). Половозрастной состав населения наглядно показывает демографическую яму начиная с 14-тилетнего возраста и до 30 лет. Женщин возрастной категории 35–99 лет больше числа мужчин аналогичного возраста, причём, чем старше возраст, тем больше разрыв.

Демографический прогноз Росстата, выполненный по среднему варианту, по

² Статистический ежегодник Республики Тыва. 2021: Стат. сб. — Красноярск, 2021. — С. 419.

³ Красноярскстат подвёл итоги миграции населения в регионах Енисейской Сибири за 2020 год. — URL: <https://krasstat.gks.ru/news/document/115299?print=1> (дата обращения: 15.11.2022).

расчёту на основе гипотезы относительно будущих тенденций рождаемости, смертности и миграции⁴ предполагает увеличение в 2023–2030 гг. численности населения региона на 4,5% (на 14923 человек). Ожидается также повышение уровня демографической нагрузки на трудоспособное население и снижение численности женщин репродуктивного возраста.

Демографическая ситуация в республике отличается неоднородностью. Вариация общего коэффициента рождаемости населения колеблется от 12,4‰ в Тандинском кожууне до 23,8‰ в Кызыле. Дифференциация общего коэффициента смертности населения составляет 5,9–13,9‰ (Тере-Хольский и Каа-Хемский кожууны). Различия демографических показателей населения Тувы требуют проведения исследования региональных особенностей демографических парамет-

тров. С этой целью на основе кластерного анализа выполнена демографическая типология населения муниципалитетов РТ. Для классификации взяты такие демографические показатели, как коэффициент рождаемости, коэффициент смертности, коэффициент младенческой смертности, коэффициент естественного прироста населения, коэффициент миграционного прироста (убыли), доля населения моложе трудоспособного возраста, доля трудоспособного населения, доля населения старше трудоспособного возраста, численность населения.

В результате многомерной классификации кожуунов РТ по демографическим показателям с применением иерархической схемы методом Варда получены 4 кластера (рис. 5). Типически однородные группы кожуунов с примерно одинаковыми демографическими параметрами образованы по критерию минимального приращение внутригрупповой суммы квадратов отклонений.

⁴ Демографический прогноз до 2035 года // Росстат. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 08.10.2022).

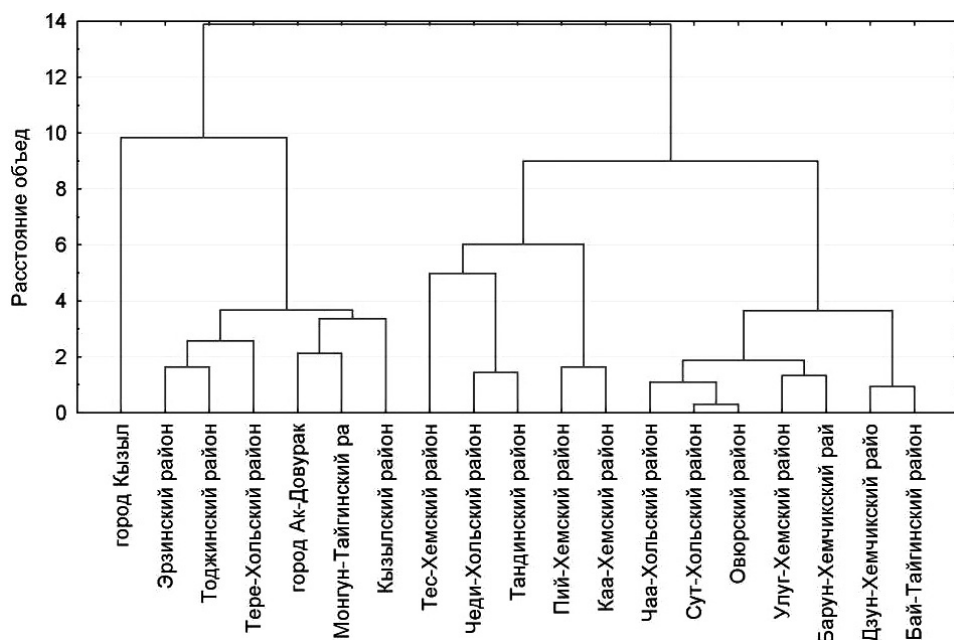


Рис. 5. Типология кожуунов Республики Тыва по демографическим показателям методом классификации Варда

Fig. 5. Typology of kozhuuns of the Republic of Tuva by demographic indicators by Ward classification method

Источник: составлено автором.

Для определения значимости различия между полученными кластерами проведён дисперсионный анализ, результаты

которого подтвердили значимость различий $p < 0,05$ (табл. 1).

Результаты дисперсионного анализа*

Таблица 1

Table 1

Results of the analysis of variance

Переменные	Между SS	сс	Внутри SS	сс	F	Значимость, p
Численность населения моложе трудоспособного возраста, в % ко всему населению	13,18860	4	4,811396	14	9,59391	0,000598
Численность населения в трудоспособном возрасте, в % ко всему населению	14,94998	4	3,050019	14	17,15561	0,000027
Численность населения старше трудоспособного возраста, в % ко всему населению	11,96509	4	6,034905	14	6,93927	0,002692
Коэффициент естественного прироста населения, на 1000 человек населения	15,12879	4	2,871207	14	18,44199	0,000018
Общие коэффициенты рождаемости	10,66384	4	7,336154	14	5,08760	0,009615
Общие коэффициенты смертности	9,80227	4	8,197735	14	4,18505	0,019556
Коэффициенты младенческой смертности	14,65434	4	3,345660	14	15,33037	0,000051
Миграционный прирост, человек	15,82358	4	2,176421	14	25,44661	0,000003
Численность всего населения	16,70048	4	1,299519	14	44,97948	0,000000

*SS — общая сумма квадратов отклонений; сс — средний квадрат отклонений; F — критерий фактического распределения; p — уровень статистической значимости.

Источник: рассчитано автором с применением программы Statistica.

С применением метода k-средних кластерного анализа было выделено 4 типа

кожуунов Тувы по демографическим параметрам (табл. 2).

Классификация кожуунов Республики Тыва по демографическим показателям, 2020 г.

Таблица 2

Table 2

Classification of kozhuuns of the Republic of Tuva by demographic indicators, 2020

Характеристика демографической ситуации	Состав кластера	Число кожуунов
Благоприятная	г. Кызыл	1
Относительно благополучная	Эрзинский, Тоджинский, Тере-Хольский, г. Ак-Довурак, Монгун-Тайгинский, Кызылский	6
Риски сокращения численности населения	Тес-Хемский, Чеди-Хольский, Тандинский, Пиин-Хемский, Каа-Хемский	5
Неблагополучная	Чаа-Хольский, Сут-Хольский, Овюрский, Улуг-Хемский, Барун-Хемчикский, Дзун-Хемчикский, Бай-Тайгинский	7

Источник: составлено автором.

Город Кызыл отнесён в отдельную первую группу с благоприятной демографической ситуацией. В Кызыле проживает 36,3% населения Тувы. Для Кызыла присущи высокий показатель общего коэффициента рождаемости (23,8‰) и низкий — смертности (8,2‰). Сохраняется отрицательное сальдо миграции (–1237 человек), этому не помешала значительная внутрорегиональная миграция в город. Низкая демографическая нагрузка складывается за счёт низкой доли детей (27,1%) и пожилого населения (11,4%). В столице РТ преобладают лица трудоспособного возраста (61,5%), что положительно сказывается на рынке труда.

Во второй кластер вошли кожууны с относительно благополучной демографической картиной — Эрзинский, Тоджинский, Тере-Хольский, Монгун-Тайгинский, Кызылский кожууны, а также город Ак-Довурак. В этих кожуунах наблюдается выше среднего по региону преобладание числа лиц трудоспособного возраста, что колеблется от показателя 55,2% в Ак-Довураке до 64,8% в Тере-Хольском кожууне. Положительное влияние на относительно благополучную демографическую ситуацию оказывает существенно низкая по сравнению с другими кожуунами численность людей старше трудоспособного возраста. Так, в Монгун-Тайгинском кожууне числится всего 4,5% старше трудоспособного возраста, в Тере-Хольском — 6,4%. Несмотря на высокую рождаемость в этих кожуунах наблюдается низкая доля детей. В кожуунах этого кластера естественный прирост населения больше, чем в среднем по республике (8,44‰) и колеблется от 9 до 12,9‰. Показатели общего коэффициента рождаемости в указанных кожуунах Тувы выше среднереспубликанского уровня (18,4‰), исключения составляют Тере-Хольский и Кызылский кожууны со значениями 16,3‰ и 17,6‰. Относительно среднереспубликанского уровня (9,92‰) наблюдаются и значения общих коэффициентов смертности населения в данном кластере. Наименьший показатель 5,9‰ зафиксирован в Тере-Хольском кожууне и в этом же кожууне не было ни одного

случая младенческой смерти. Низкие показатели общего коэффициента младенческой смертности отмечены и в Кызылском кожууне и в Ак-Довураке. В труднодоступных, отдалённых приграничных кожуунах — Монгун-Тайгинском, Тоджинском и Эрзинском — детская смертность превышает средний показатель по региону. Во всех кожуунах данного кластера отмечается миграционный прирост населения за исключением Монгун-Тайгинского кожууна, здесь имеется убыль населения на 11 человек. Наибольший миграционный прирост населения (513 человек) был отмечен в Кызылском кожууне.

В третью группу с рисками сокращения численности населения вошли 5 кожуунов — Тес-Хемский, Чеди-Хольский, Тандинский, Пии-Хемский, Каа-Хемский. Основу группы составляют кожууны, расположенные в центральной части республики, кроме Тес-Хемского кожууна. В структуре населения этих кожуунов доля молодого населения выше, чем по республике за исключением Пии-Хемского кожууна с показателем 32,7%. Во всех кожуунах данной группы демографическая нагрузка трудоспособного населения выше в связи с высокой долей детей и людей старше трудоспособного возраста, зафиксированы также низкие показатели общего коэффициента рождаемости, высокие значения общих коэффициентов смертности населения отмечены среди взрослого и младшего населения. Тревогу вызывает высокая смертность населения Пии-Хемского и Каа-Хемского кожуунов. В Тес-Хемском кожууне отмечен максимально высокий показатель общего коэффициента младенческой смертности (34,1‰) среди всех районов республики, превышающий среднереспубликанский уровень в 5 раз. По сравнению с другими кожуунами республики в кожуунах этого кластера низкие показатели естественного прироста (от 0,2‰ в Пии-Хемском до 6,4‰ в Чеди-Хольском кожууне). Положительным моментом в демографических показателях этих кожуунов можно отнести прирост населения за счёт миграции, только

в Каа-Хемском кожууне отмечена миграционная убыль населения на 11 человек. В этих кожуунах сохраняется риск сокращения численности населения.

В последней группе с неблагоприятной демографической ситуацией находятся 7 кожуунов — Чаа-Хольский, Сут-Хольский, Овюрский, Улуг-Хемский, Барун-Хемчикский, Дзун-Хемчикский, Бай-Тайгинский. В них выше среднереспубликанского значения доля детей (от 38,8 до 43,9%) и старшего поколения, что создаёт дополнительную демографическую нагрузку на трудоспособное население. А доля трудоспособного населения меньше, чем по РТ в среднем. Показатели естественного прироста населения в кожуунах данного кластера ниже, чем по региону в среднем. Исключение составляют Бай-Тайгинский и Барун-Хемчикский кожууны (10,0‰ и 11,4‰). Отмечены высокие показатели суммарного коэффициента рождаемости во всех кожуунах кластера. В пяти из семи кожуунов данного кластера (Бай-Тайгинском, Барун-Хемчикском, Дзун-Хемчикском, Овюрском, Сут-Хольском) уровень общего коэффициента смертности населения выше среднерегionalного. Младенческая смертность отсутствует в Овюрском, Сут-Хольском и Чаа-Хольском кожуунах, в Улуг-Хемском кожууне её значение было 2,6‰, что также ниже среднереспубликанского уровня. В трёх кожуу-

нах (Бай-Тайгинском, Барун-Хемчикском и Дзун-Хемчикском) младенческая смертность выше. Миграционная убыль населения отмечается во всех кожуунах за исключением Барун-Хемчикского. В этом районе прирост населения составил 45 человек за счёт миграции. В последнюю группу с неблагоприятной демографической обстановкой вошли все западные кожууны Тувы, кроме Монгун-Тайгинского. Несмотря на высокие показатели рождаемости, отмечается убыль населения в этих районах.

Проведённый анализ демографических процессов в Республике Тыва показывает постепенный рост численности населения региона. Но, тем не менее, вызывает тревогу снижение числа населения в большинстве приграничных кожуунов республики. Проведённый кластерный анализ отражает как общие закономерности, так и специфические особенности демографического развития кожуунов Республики Тыва. Высокие межкожуунные различия демографических параметров воспроизводства населения выступают главной характеристикой демографической ситуации в регионе. Кластеризация позволила выделить четыре типа кожуунов Тувы с благоприятной, относительно благоприятной, с рисками сокращения населения и неблагоприятной демографической обстановкой.

Литература и Интернет-источники

1. **Попадейкин, В.В.** Проблемы демографии: Монография / В.В. Попадейкин, М.Ю. Архипова, В.П. Сиротин, С.Ю. Нарциссова. — Москва : Академия МНЭПУ, 2022. — 220 с. EDN: Q1HVYS
2. **Кашепов, А.В.** Взаимосвязи экономики и демографии: Монография / А.В. Кашепов. — Москва : МАКС Пресс, 2020. — 180 с. EDN: VCSPLD
3. **Смирнов, А.В.** Прогнозирование миграционных процессов методами цифровой демографии / А.В. Смирнов // Экономика региона. — 2022. — Т. 18. — № 1. — С. 133–145. DOI: 10.17059/ekon.reg.2022-1-10; EDN: FELHOC
4. **Аганбегян, А.Г.** Негативный демографический тренд в России — возможности преодоления или смягчения / А.Г. Аганбегян // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. — 2020. — № 1(60). — С. 5–16. EDN: WKQFWX
5. **Локосов, В.В.** Демографическое развитие России: динамика и социально-экономические риски / В.В. Локосов // Вестник РАН. — 2020. — Т. 90. — № 3. — С. 251–258. DOI: 10.31857/S086958732003010X; EDN: BOPSEX
6. Демографическая ситуация в России: риски и перспективы / ред. А.В. Воронцов. — Санкт-Петербург : Астерион, 2020. — 152 с. EDN: TRJHKG

7. **Сакаев, В. Т.** Политика и демография: проблемы взаимодействия и взаимозависимости / В. Т. Сакаев.— Казань : Изд-во Казанского ун-та, 2016.— 244 с. EDN: CDPННХ
8. **Лян, Х.** Демографическая политика в России: исторический аспект / Х. Лян // Мир русско-говорящих стран.— 2019.— № 2(2).— С. 33–43. DOI 10.24411/2658–7866–2019–10004; EDN: РТМУНВ
9. **Wright, R.** Perspectives on Migration Theory: Geography. / R. Wright, M. Ellis. // International Handbook on Migration and Population Distribution.— Dordrecht : Springer, 2016.— P. 11–30.
10. **Kantemirova, M. A.** Regional features in implementation of the Demography national project / M. A. Kantemirova, A. E. Gurina, Z. R. Alikova, [и др.]. // Indo American Journal of Pharmaceutical Sciences.— 2019.— Vol. 6.— No. 11.— P. 15098–15100.
11. **Макар, С. В.** Демографическая ситуация в России и социальная инфраструктура / С. В. Макар, Ю. А. Симагин, А. В. Ярашева // Народонаселение.— 2020.— Т. 23.— № 1.— С. 67–75. DOI: 10.19181/population.2020.23.1.6; EDN: ТКНГЕК
12. **Markova, V. N.** Analysis and forecast of the poverty rate in the Arctic Zone of the Republic of Sakha (Yakutia) / V. N. Markova, K. I. Alekseeva, A. B. Neustroeva, [и др.]. // Studies on Russian Economic Development.— 2021.— No. 32.— P. 415–423. DOI: 10.1134/S1075700721040109; EDN: WIFPIK
13. **Кендалл, М.** Многомерный статистический анализ и временные ряды. Пер. с англ. Э. Л. Пресмана, В. И. Ротаря / ред. А. Н. Колмогоров, Ю. В. Прохоров / М. Кендалл, М. Стьюарт.— Москва : Наука, 1976.— 736 с.
14. **Ward, J. H.** Hierarchical grouping for optimization of the objective function / J. H. Ward // Journal of the American Statistical Association.— 1963.— No. 58.— P. 236–244.
15. **Соян, Ш. Ч.** Особенности современных демографических преобразований населения региона / Ш. Ч. Соян // Научное обозрение.— 2017.— № 22.— С. 64–69. EDN: ХОСКСГТ
16. **Хамина, Н. В.** Оценка демографической внутрирегиональной дифференциации регионов Восточной Сибири / Н. В. Хамина // Геополитика и экогеодинамика регионов.— 2019.— Т. 5(15).— Вып. 3.— С. 240–246. EDN: ZTIVRR
17. **Сергиенко, А. М.** Социальная триада: демография–занятость–доходы в алтайских селах / А. М. Сергиенко, Л. В. Родионова // ЭКО.— 2020.— № 1(547).— С. 138–165. DOI: 10.30680/ЕСО0131–7652–2020–1–138–165; EDN: JLFNRR
18. **Блинова, Т. В.** Кластерный анализ регионов России по демографическим параметрам развития села / Т. В. Блинова, С. Г. Былина // Аграрный научный журн.— 2015.— № 10.— С. 68–72. EDN: ULZYLX

Сведения об авторе:

Соян Шончалай Чудурукпаевна, к.э.н., доцент, ведущий научный сотрудник, Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов Сибирского отделения Российской академии наук, Кызыл, Россия.

Контактная информация: e-mail: Soyаn77@mail.ru; ORCID: 0000–0002–5734–0482; PИНЦ AuthorID: 637809.

DOI: 10.19181/population.2023.26.3.4

MODERN DEMOGRAPHIC PROBLEMS OF THE REPUBLIC OF TUVA

Shonchalay Ch. Soyаn

*Tuvinian Institute for Exploration of Natural Resources
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
(117a Internatsionalnaya str., Kyzyl, Russia, 667007)*

E-mail: Soyаn77@mail.ru

Funding:

The article was prepared within the research project of the Tuvinian Institute for Exploration of Natural Resources of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences No. FUF5-2021–0001 “Assessment of territorial organization and development risks of the border region based on geoinformation and mathematical modeling of dangerous natural processes, extreme events and socio-economic changes”.

For citation:

Soyan Sh. Ch. Modern demographic problems of the Republic of Tuva. *Narodonaselenie [Population]*. 2023. Vol. 26. No. 3. P. 43–54. DOI: 10.19181/population.2023.26.3.4 (in Russ.)

Abstract. *The article gives an assessment of modern demographic problems in the border region of Russia – the Republic of Tuva. The results of the study are presented by methods of grouping, generalization, comparative, structural, logical and statistical analysis, graphic method. The empirical basis for theoretical generalizations and practical developments was the data of Rosstat, Krasnoyarsk State Statistics Service, Ministry of Health of the Republic of Tuva and others. The Republic of Tuva has a high birth rate (20.0‰) (2nd place in 2021 among the regions of Russia after the Chechen Republic (20.1‰), exceeding the mortality rate of the population, which looks favorably against the all-Russian background. Nevertheless, according to the results of the study of demographic processes in the republic, unfavorable trends in the demographic situation have also been revealed: a decrease in the birth rate, an increase in mortality rate, a decrease in the population of the majority of kozhuuns (municipal districts). By 2021, in comparison with 2000, there was a decrease in the population in 10 of 17 kozhuuns of the republic. Of particular concern is migration outflow, which is the main factor of the decline in the population of the border kozhuuns of the Republic of Tuva. The conducted forecasting for the short term showed a slight increase in the population of Tuva. The cluster analysis made it possible to identify the kozhuuns with the most favorable, deteriorating and unfavorable demographic situation. Favorable demographic situation is observed only in the city of Kyzyl – the capital of the Republic of Tuva. A relatively favorable demographic characteristic is observed only in 6 kozhuuns of the republic. The risks of population decline are observed in 5 kozhuuns. 7 kozhuuns of Tuva are marked by an unfavorable demographic situation.*

Keywords: *Republic of Tuva, demography, population, fertility, mortality, reproduction of the population, natural growth.*

References and Internet sources

1. Popadeykin V. V., Arkhipova M. Yu., Sirotin V. P., Nartsissova S. Yu. Problemy demografii [Problems of Demography]. MNEPU Academy [International Independent University of Environmental and Political Sciences]. Moscow. 2022. 220 p. (in Russ.)
2. Kashepov A. V. Vzaimosvjazi ekonomiki i demografii [The Relationship between Economy and Demography]. Moscow. MAX Press. 2020. 180 p. (in Russ.)
3. Smirnov A. V. Prognozirovaniye migratsionnykh protsessov metodami tsifrovoj demografii [Digital demography methods for forecasting migration processes]. *Ekonomika regiona [Economy of Regions]*. 2022. No. 1. P. 133–145. DOI: 10.17059/ekon.reg.2022–1–10 (in Russ.)
4. Aganbegyan A. G. Negativnyj demograficheskij trend v Rossii vozmozhnosti preodolenija ili smjagchenija [The negative demographic trend in Russia – the options for overcoming or mitigating]. *Ekonomika Severo-Zapada problemy i perspektivy razvitiya [Economy of the North-West: Problems and Prospects of Development]*. 2020. No. 1(60). P. 5–16. (in Russ.)
5. Lokosov V. V. Demograficheskoje razvitiye Rossii dinamika i sotsialno-ekonomicheskije riski [Demographic development of Russia: dynamics and socio-economic risks]. *Vestnik RAN [Bulletin of the Russian Academy of Sciences]*. 2020. Vol. 90. No. 3. P. 251–258. DOI: 10.31857/S086958732003010X (in Russ.)

6. Demograficheskaja situatsija v Rossii riski: i perspektivy [Demographic Situation in Russia: Risks and Prospects]. Ed. A. V. Vorontsov. St. Petersburg. Asterion. 2020. 152 p. (in Russ.)
7. Sakaev V. T. Politika i demografija: problemy vzaimodejstviya i vzaimozavisimosti [Politics and Demography: Problems of Interaction and Interdependence]. Kazan. Kazan University Publ. 2016. 244 p. (in Russ.)
8. Liang H. Demograficheskaja politika v Rossii istoricheskij aspekt [Demographic crisis in Russia: historical aspect]. Mir russkogovorjashchikh stran [World of Russian-Speaking Countries]. 2019. No. 2(2). P. 33–43. DOI: 10.24411/2658–7866–2019–10004 (in Russ.)
9. Wright R., Ellis M. Perspectives on migration theory: Geography. *International Handbook on Migration and Population Distribution*. Dordrecht. Springer. 2016. P. 11–30.
10. Kantemirova M. A., Gurina A. E., Alikova Z. R. et al. Regional features in implementation of the Demography national project. *Indo American Journal of Pharmaceutical Sciences*. 2019. No. 11. P. 15098–15100.
11. Makar S. V., Simagin Yu. A., Yarasheva A. V. Demograficheskaja situatsija v Rossii i sotsialnaja infrastruktura [Demographic situation in Russia and social infrastructure]. *Narodonaselenie [Population]*. 2020. Vol. 23. No. 1. P. 67–75. DOI: 10.19181/population.2020.23.1.6 (in Russ.)
12. Markova V. N., Alekseeva K. I., Neustroeva A. B. et al. Analysis and forecast of the poverty rate in the Arctic Zone of the Republic of Sakha (Yakutia). [Studies on Russian Economic Development]. 2021. No. 32. P. 415–423. DOI: 10.1134/S1075700721040109
13. Kendall M. Mnogomernyj statisticheskij analiz i vremennye rjady [Original title: *The Advanced Theory of Statistics*]. Transl. from English by E. L. Presman and V. I. Rotar. Eds. A. N. Kolmogorov and Yu. V. Prokhorov. Moscow. Nauka [Science]. 1976. 736 p. (in Russ.)
14. Ward J. H. Hierarchical grouping for optimization of the objective function. *Journal of the American Statistical Association*. 1963. No. 58. P. 236–244.
15. Soyán Sh. Ch. Osobennosti sovremennykh demograficheskikh preobrazovanij naselenija regiona [Peculiarities of modern demographic transformations of the region]. *Nauchnoje obozrenije [Scientific Review]*. 2017. No. 22. P. 64–69. (in Russ.)
16. Khamina N. V. Otsenka demograficheskoy vnutrireionalnoj differentsiatsii regionov Vostochnoj Sibiri [Evaluation of the demographic intraregional differentiation of the regions of Eastern Siberia]. *Geopolitika i ekogeodinamika regionov [Geopolitics and Ecogeodynamics of Regions]*. 2019. Vol. 5(15). No. 3. P. 240–246. (in Russ.)
17. Sergienko A. M., Rodionova L. V. Sotsialnaja triada: demografija-zanijatost-dokhody v altaiskikh selakh [The social triplet: demography–employment–income in Altai villages]. *ECO*. 2020. No. 1(547). P. 138–165. DOI: 10.30680/ECO 0131–7652–2020–1–138–165 (in Russ.)
18. Blinova T. V., Bylina S. G. Klasternyj analiz regionov Rossii po demograficheskim parametram razvitija sela [Cluster analysis of Russian regions by demographic parameters of rural development]. *[The Agrarian Scientific Journal]*. 2015. No. 10. P. 68–72. (in Russ.)

Information about the author:

Soyán Shonchalay Chudurukpaevna, Candidate of Economics, Associate Professor, Leading Researcher, Tuvinian Institute for Exploration of Natural Resources of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Kyzyl, Russia.

Contact information: e-mail: Soyán77@mail.ru; ORCID: 0000–0002–5734–0482; Elibrary AuthorID: 637809.

Статья поступила в редакцию 28.02.2023, утверждена 15.08.2023, опубликована 30.09.2023.



DOI: 10.19181/population.2023.26.3.5
EDN: HFVAED

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В КНР И ЕЁ ПОТЕНЦИАЛЬНОЕ ВЛИЯНИЕ НА ЭКОНОМИКУ КИТАЯ

Бабаев К. В.

Институт Китая и современной Азии РАН
(117997, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 32)

E-mail: kbabaev@gmail.com

Для цитирования:

Бабаев К. В. Демографическая ситуация в КНР и её потенциальное влияние на экономику Китая // Народонаселение. – 2023. – Т. 26. – № 3. – С. 55-65. DOI: 10.19181/population.2023.26.3.5; EDN: HFVAED

Аннотация. В статье анализируются истоки современной демографической ситуации в Китайской народной республике (КНР), её восприятие в западных научных и экспертных кругах, меры современной демографической политики властей КНР и прогнозы дальнейшего изменения структуры экономики Китая в условиях происходящего в стране «второго демографического перехода». Кратко перечислены основные фазы в демографической политике Китая, начиная с создания КНР: от политики активного поощрения рождаемости в 1950-е — 1960-е гг. к политике жёстких ограничений рождаемости под лозунгом «одна семья — один ребёнок» (1980–2015) и далее снова к поощрению рождаемости с 2016 г. по настоящее время. Показано, что сегодняшняя политика властей КНР, помимо экономических факторов, имеет и фактор социально-идеологический, возвращая страну к традиционным конфуцианским представлениям о роли народонаселения и прироста населения в могуществе и процветании страны. При этом отмечено, что меры сегодняшних властей КНР пока отличаются недостаточной упорядоченностью и не демонстрируют высокой эффективности, они вряд ли способны переломить тенденцию демографического перехода. Однако в работе делается вывод о том, что прогнозы ряда экспертов о неизбежной утрате китайской экономикой импульса роста в условиях начавшейся с 2022 г. естественной убыли населения не могут считаться оправданными. В области демографии Китай фактически следует общемировому тренду перехода на «плато» роста народонаселения, что является следствием его перехода в число развитых экономик мира. Будущее положение Китая в мире, его экономическое развитие будут зависеть скорее от качества, нежели от количества населения и трудовых ресурсов.

Ключевые слова. Китай (КНР), демография, демографический переход, демографическая политика, политика «одна семья — один ребёнок», американо-китайское противостояние.

© Бабаев К. В., 2023.

В январе 2023 г. ведущие средства массовой информации всего мира активно обсуждали новость, вышедшую на сайте Национального статистического бюро КНР. Под оптимистичным заголовком десятистраничного релиза «Экономика страны выдержала давление и достигла нового уровня» скрывалась сенсационная и весьма тревожная новость. Население полутора миллиардного Китая впервые за последние десятилетия сократилось¹: КНР перешла к фазе демографического спада, который, по мнению практически всех аналитиков как внутри страны, так и за её пределами, продлится как минимум до конца столетия.

Впрочем, на Западе эта новость была воспринята скорее оптимистично. Бурный рост экономики Китая в последние 40 лет привёл к появлению нового конкурента американскому и в целом западному лидерству, появлению новой сверхдержавы с глобальными политическими и экономическими амбициями и окончательно оформил противостояние «глобального Запада» с «глобальным Востоком». В результате этого 40-летнего непрерывного роста «дружба» США и Китая, провозглашённая президентом Рейганом в 1984 г.,² трансформировалась в политическое и военное соперничество, а Пекин для Запада окончательно превратился в «вызов» и «угрозу», возродив утраченный было в последние десятилетия XX в. страх перед Китаем.

Этот страх в западном обществе сегодня базируется на «трёх китах». Во-первых, на непостижимом и неудержимом экономическом росте, который в США нередко сравнивали с возвышением Японии в конце XIX — первой половине XX в. (в США хорошо помнят, к чему это привело). Во-вторых, на историческом страхе перед коммунизмом, с которым Америка и Западная Европа боролись всё последнее столетие. И в-третьих, на опасении перед гигантским населением

Китая, которое само по себе воспринималось многими на Западе как оружие — особенно с тех пор, как вступление в 1950 г. сотен тысяч китайских народных добровольцев в Корею переломило ход Корейской войны, оказав впечатление на армию США и американское общество.

В период противостояния Вашингтона и Пекина в 1950-е и 1960-е гг. КНР пережила фазу демографического взрыва, и опасения, которые испытывали западные стратеги перед этим лавинообразным ростом населения коммунистического Китая, приводили к появлению на Западе апокалиптических теорий о неизбежном крахе китайской экономики и политической системы в результате перенаселения. Демографический бум в Китае рассматривался как слабость коммунистического противника, который в скором времени будет вынужден отказаться от внешнеполитической экспансии в пользу борьбы с собственными внутренними проблемами. Голод в Китае в 1956–1961 гг., ставший, впрочем, следствием не быстрого роста населения, а, скорее, политики «большого скачка», казалось, подтверждал эти прогнозы. На этой волне в 1968 г. в США вышла ставшая популярной книга П. Эрлиха «Популяционная бомба» [1], эпиграфом к которой была фраза «Пока вы читаете эти слова, трое детей умрут от голода, и в то же время 24 новых ребёнка появятся на свет»³. Книга описывала катастрофические последствия глобального демографического взрыва для экономики и социальных отношений не только самих стран Востока, где он достигал пика, но и для всего мира — прежде всего для США. Выводы, сделанные тогда аналитиками западных «мозговых центров», преимущественно сводились к тому, что Китай погубит его собственное население.

Сегодня, спустя 55 лет после выхода книги П. Эрлиха, выводы западных аналитиков парадоксальным образом мало отличаются от тех, что делали их предшественники в 1960-х годах. Западные эксперты, комментирующие новости о падении рождае-

¹ Национальное статистическое бюро Китая — 2023. — URL: http://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202301/t20230117_1892094.html (дата обращения: 01.03.2023).

² Cannon L., Reagan Ends Trip With a 'Dream' Of Friendship. The Washington Post. 1 May 1984. — URL: https://www.washingtonpost.com/archive/politics/1984/05/01/reagan-ends-trip-with-a-dream-of-friendship/?hpid=hp_hp-top-table-main-reagan-ends-trip-with-a-dream-of-friendship_7aeba501-1f8d-4d0b-90fb-c7b05bd3ca0c/ (дата обращения: 01.03.2023).

³ “While you are reading these words, three children are dying of starvation, and twenty four more babies are being born”.

мости и убыли трудоспособного населения в КНР, видят в этом одну из важнейших предпосылок будущего замедления роста экономики Китая и утраты им в перспективе положения великой державы. Вновь причиной будущего коллапса азиатского гиганта называется демография — только на этот раз уже не кризис перенаселения, а кризис в результате естественной убыли. Знаменем этих аналитиков стала фраза американского журналиста и писателя Джеймса Кинджа: «С экономической точки зрения население Китая парадоксальным образом составляет, с одной стороны, главную силу страны, с другой — её угрожающую серьёзными последствиями слабость» [2, с. 82].

Масштабный и беспрецедентный демографический кризис в Китае уже начинает давать о себе знать. Прогнозируется, что к концу нынешнего столетия население Китая, составляющее в настоящее время около 1,4 млрд человек, сократится примерно наполовину, поскольку его трудоспособное население уже находится в процессе сокращения. Увеличение продолжительности жизни означает, что к 2035 г. на Земле будет насчитываться более 400 млн китайских граждан старше 65 лет⁴, и в обществе, где один ребёнок в настоящее время является нормой, за ними некому будет ухаживать. Соотношение пенсионеров и работающих неуклонно растёт в пользу первых, оказывая давление на семьи и государственные финансы, и уже скоро государство вынуждено будет повысить объём социальных расходов. Годы предпочтения детей мужского пола привели к перекосу в соотношении полов при рождении, что уже гарантирует стране более 50 млн избыточных неженатых взрослых мужчин в ближайшие годы: это больше, чем всё мужское население Германии. Всё это приведёт к тому, что к середине или к концу XXI в. население КНР будет меньше, чем в США — невыносимая ситуация. Экономическое чудо КНР последних сорока лет закончится навсегда вместе с попытками Китая конкурировать с США.

⁴ Численность пожилого населения Китая к 2035 году может превысить 30% // ТАСС, 20.09.2022: [сайт]. — URL: <https://tass.ru/obschestvo/15802457> (дата обращения: 16.05.2023).

Эти и другие предсказания являются лейт-мотивом западной научной мысли последних лет, включая сотни статей и десятки монографий, в том числе [3–5]. Есть смысл попытаться проанализировать, насколько эти прогнозы реалистичны и какую роль демографические проблемы, с которыми сегодня столкнулся Китай, а также меры его правительства по их преодолению могут оказать влияние на экономический рост и, в конечном счёте, на престиж Китая в мировом сообществе.

В течение первых десятилетий правления Коммунистической партии Китая (КПК) власти страны считали демографический рост безусловным благом для страны, её экономики и для восстановления роли Китая как мировой державы. Мао Цзэдун в 1958 г. говорил: «Нашей стране, возможно, не потребуется так много времени, как предполагалось раньше, чтобы догнать крупные капиталистические страны в области промышленного и сельскохозяйственного производства. Помимо руководства партии, решающим фактором является 600-миллионное население. Когда много людей — много суждений, много энтузиазма и энергии»⁵. Результатом этой политики поощрения рождаемости стали такие меры, как запрет производства и импорта противозачаточных средств и публичное одобрение государством многодетных семей. В результате уже к моменту ухода из жизни Мао Цзэдуна Китай практически достиг миллиардного уровня населения⁶.

Смертность при этом упала до стабильно низких значений общего коэффициента — на уровне 6–7‰, что стало результатом глобальной эпидемиологической революции. Если раньше эпидемии уносили в Китае сотни тысяч жизней, то во второй половине XX в. эта опасность была в целом устранена. «Эпидемиологическая революция в стране протекала значительно бы-

⁵ Мао Цзэдун. Выступления и статьи Мао Цзэдуна разных лет, ранее не публиковавшиеся в печати. Сборник. Выпуск 6. — Москва: Прогресс, 1976. — С. 611.

⁶ Денисов И.Е. Второй не лишней. К чему приведёт отмена правила «одна семья — один ребёнок» в Китае // Лента.ру: [сайт]. — URL: <https://lenta.ru/articles/2015/11/06/morechinesechildren/> (дата обращения: 01.03.2023).

стрее, чем в странах пионерного эпидемиологического перехода, и обусловленное ею существенное снижение смертности носило быстрый и устойчивый характер» [6, с. 26].

Точка зрения тогдашнего руководства страны вполне коррелировала с общепринятым в Китае в течение многих столетий конфуцианским взглядом на семью, которая является основной поддерживающей силой для государства. С глубокой древности в Китае хорошо понимали важность численности населения страны, демографический фактор считался необходимым и одним из важнейших элементов роста могущества государства, силы его армии, процветания общества и экспансии китайской культуры. Как философы, так и государственные деятели разделяли положения учения Конфуция о необходимости увеличения количества работников на полях для роста сельскохозяйственного производства. Большие многодетные семьи в сельских районах страны пользовались особым уважением, что проистекало из самого характера китайской экономики, основой которой на протяжении тысячелетий являлось поливное рисовое земледелие. При таком способе хозяйствования силы одного человека значат мало — чем больше будет семья, тем больше работников могут находиться в поле, тем больше земли будет обработано, подготовлено к посеву и засеяно и больше урожая будет собрано. Система ирригации и защита пахотных земель от постоянных в Китае наводнений требовала системных усилий сотен тысяч человек, и «без этих усилий никакое сельскохозяйственное производство..., а значит, и физическое существование его многочисленного населения было бы невозможно»⁷.

Ещё в первые столетия существования объединённого Китая, в эпохи династий Цинь и Хань (III в. до н.э. — III в.н.э.), большинство китайских мыслителей высказывались в поддержку государственной политики поощрению ранних браков и повышения рождаемости. Эти взгляды легли в основу политики практически всех последующих династий Китая [7].

В то же время для истории Китая характерно хорошо известное явление так называемых «династийных циклов» — периодических социально-экономических кризисов, приводящих к распаду государства и смене правящей династии. Это явление, характерное для всей мировой истории, особенно наглядно проявилось именно в Китае с его непрерывной 5000-летней историей. Кризисы, рушившие благополучие страны и власть императорских династий, во многом имели демографическую основу: постоянный рост народонаселения в результате улучшения экономических условий приводит к перенаселению, снижению уровня жизни, повышению доли голодного и обездоленного населения, которое, объединившись, служило источником восстаний, войн и свержения правящей династии. Следующий за этим, как правило, распад государства на отдельные княжества вёл к длительным гражданским войнам, в результате которых новая династия объединяла страну с поредевшим населением, запуская таким образом новый династийный цикл. Средняя продолжительность такого цикла, по одному из расчётов, составляла 168 лет [8].

Хорошим примером династийного цикла и влияния на него демографической ситуации в Китае считают эпоху династии Мин, в которую индикаторами изменения социально-экономической ситуации в стране могут служить данные о ценах на продовольствие. Известно, что династия Мин пришла к власти в 1368 г. в результате масштабной крестьянской войны, предводителем которой и стал родоначальником новой династии. Конфискация новыми властями феодальных надделов в государственный фонд дало возможность восстановить систему крестьянских надделов, что привело к резкому росту производства сельскохозяйственной продукции и снижению стоимости продовольствия едва ли не в десять раз в течение последних десятилетий XIV века. За этим последовал взрывной рост населения: если к моменту прихода к власти династии Мин его численность оценивается в 60 млн человек, то к началу XVII в.

⁷ Васильев Л.С. История Востока. Учебник по специальности «История». Т. 1. — Москва: Высшая школа, 1994. — С. 76.

оно достигло примерно 250 млн человек [7, с. 264]. В сочетании с четырёхкратным ростом населения коррупция государственного аппарата, междоусобные войны и династические кризисы, а также не в последнюю очередь изоляция Китая от внешнего мира привели к социально-экономическому кризису и падению династии в 1644 г. — её период стал одним из самых длительных династийных циклов в истории страны.

Завершением последнего династийного цикла в истории императорского Китая считается Синьхайская революция и падение династии Цин в 1911 году. В крушении цинской империи важнейшим фактором считают именно демографический взрыв в стране, ставший наряду с другими факторами основной причиной упадка и падения императорского Китая [9].

Опасения повторения «династийного сценария» в экономике КНР вкупе с общемировым страхом перед последствиями демографического бума (отражением этого страха и была книга П. Эрлиха) стали одной из причин разворота Китая от поощрения рождаемости к политике контроля над ней в 1970-х — 1980-х гг. Сначала, ещё при жизни Мао Цзэдуна, в обществе начали распространяться рекомендации под общим названием «позже — реже — меньше»: населению советовали (пока без принуждения) не заключать ранних браков, не рожать следующего ребёнка до достижения предыдущим четырёх лет и не рожать в совокупности более двух (в сельской местности — трёх) детей. От запрета контрацептивов власти резко перешли к их бесплатному распространению и популяризации. В 1979–1981 гг. в КНР стартовала политика «реформ и открытости», связываемая прежде всего с личностью Дэн Сяопина. С её началом в стране была оформлена доктрина «одна семья — один ребёнок», которая уже к концу 1980-х гг. привела к окончательному перелому тренда рождаемости: начиная с 1988 г. она постоянно падает по сей день. Общий прирост населения стал снижаться. На этот раз кампания проводилась не столько кнутом, сколько пряником: родителям приходилось платить штрафы за дополнитель-

ного ребёнка, а в случае неуплаты штрафа таких «лишних» детей лишали социальных гарантий. Брачный возраст был повышен, запрещалось создавать студенческие браки. Положение о «плановом деторождении» было зафиксировано даже в Конституции страны⁸.

Эти меры казались объяснимыми: для достижения целей преодоления бедности и выхода на устойчивые темпы прироста не только ВВП, но и показателей среднедушевого дохода, неконтролируемый рост населения был не нужен ни государству, ни обществу. Экономические цели, как мы знаем, были успешно достигнуты: сегодняшний уровень ВВП на душу населения в КНР уже преодолел уровень России. Политика планирования семьи довольно быстро сказалась на демографической ситуации в стране: с 1989 г. естественный прирост населения КНР стал снижаться, что вкупе с быстрой урбанизацией и повышением уровня жизни населения превратилось в устойчивую тенденцию.

С одной стороны, это можно назвать позитивным явлением для развития страны. С точки зрения сокращения естественного прироста населения политика властей КНР привела к изменению типа демографического поведения. Население Китая перешло от традиционного к современному типу воспроизводства, характерного для стран Европы и Америки. По показателям роста населения Китай сейчас сравним с наиболее развитыми государствами мира: в 2019 г. коэффициент естественного прироста снизился до 5,7%, что превзошло планы партии. Демографическая реформа стала важнейшим фактором в выходе страны из бедности. С начала проведения политики реформ и открытости в Китае 740 млн жителей победили бедность, что составило более 70% от общего числа людей, выбравшихся из бедности по всему миру за период с 1945 г. [6, с. 27–28].

Позитивной мерой в демографической политике эпохи Дэн Сяопина и его последо-

⁸ Денисов И.Е. Второй не лишней. К чему приведёт отмена правила «одна семья — один ребёнок» в Китае // Лента.ру: [сайт]. — URL: <https://lenta.ru/articles/2015/11/06/morechinesechildren/> (дата обращения: 01.03.2023).

вателей можно назвать и контролируемую эмиграцию, которая позволила существенно увеличить китайские диаспоры в ряде стран мира — не только в Юго-Восточной Азии, но и в США, Канаде, странах Африки, Южной Америки, Западной Европы и даже в России. Выезжавшие из КНР трудовые и образовательные мигранты отличаются высоким уровнем корпоративного духа, устойчивостью сохранения национальной культуры, они поддерживают крепкие связи между собой на новой родине и успешно продвигают интересы своей страны и своего правительства: стоит упомянуть хотя бы скандал с китайскими «полицейскими участками», обнаруженными в странах Европы и США в конце 2022 г. и якобы функционирующими в тесной связке с силовыми органами КНР⁹. «Можно сказать, что создавалась определённая мировая китайская сеть. Эта сеть, конечно, является одним из инструментов «мягкой силы». Для стимулирования внешней миграции применялись такие меры, как свободный порядок получения заграничных паспортов, направление трудовых мигрантов в зарубежные проекты, где 60–70% может осуществляться китайскими рабочими, защита прав трудовых мигрантов» [10]. Так демографическая политика китайского руководства способствовала росту экономического влияния Китая по всему миру.

Основные негативные результаты демографической политики времён Дэн Сяопина стали видны в начале XXI века. Чаще всего говорят о резком преобладании числа появившихся на свет мальчиков над девочками: семьи в стране чаще предпочитают сыновей и вынуждены были делать аборт, не позволяя дочерям появиться на свет. В итоге в сегодняшней КНР соотношение мальчиков и девочек уже достигает 1,1, а в некоторых регионах — и 1,2.

Снизилось и количество браков: самостоятельные и обеспеченные молодые

люди, жители городов, имеющие стабильную работу, откладывают создание семьи — это естественное явление по всему миру, включая Россию и страны Европы. Разумеется, тревожным явлением стало и продолжающееся старение населения страны. Сегодня в Китае уже более четверти миллиарда человек — это люди старше 60 лет, вышедшие из трудоспособного возраста (пенсионный возраст в КНР составляет 60 лет), и эта возрастная группа будет расти ежегодно на 7–8 млн человек, учитывая и рост ожидаемой продолжительности жизни. В Тяньцзиньне, одной из крупнейших агломераций Китая, уже более четверти населения достигли пенсионного возраста¹⁰, что снижает вклад города в рост национальной экономики. Всё меньше молодёжи выходит на рынок труда, а те, что выходят, часто зовутся в стране «маленькими императорами»: это единственные в семье дети, которых с детства баловали, они не хотят трудиться столь же упорно, как это делали их деды и родители, и вряд ли смогут обеспечить будущему Китаю столь же высокие темпы роста экономики. Все эти негативные тенденции привели к тому, что председателю КНР Си Цзиньпину, пришедшему к власти в 2012 г., пришлось весьма резко разворачивать курс демографической политики правительства, чтобы вновь — уже второй раз за 40 лет — переломить тенденцию, вернувшись фактически к политике поощрения рождаемости при Мао Цзэду.

С 1 января 2016 г. по решению пленума Центрального комитета (ЦК) КПК политика «одна семья — один ребёнок» была окончательно отменена. Было разрешено иметь в семье двух детей. Власти объявили, что эта политика уже в ближайшие годы позволит появиться на свет более 90 млн новых китайских граждан [11]. Затем в 2021 г. было позволено иметь и троих детей в семье. В ряде провинций в последние годы отменили все ограничения по количеству детей: так, в марте 2023 г. в провинции Сычу-

⁹ Santos N. Exclusive: China operating over 100 police stations across the world with the help of some host nations, report claims // London: CNN, 04.12.2022. [сайт]. — URL: <https://edition.cnn.com/2022/12/04/world/china-overseas-police-stations-intl-cmd/index.html> (дата обращения: 02.03.2023).

¹⁰ How Tianjin, once China's fastest-growing region, became its slowest // The economist: [сайт]. — URL: <https://www.economist.com/china/2018/08/02/how-tianjin-once-chinas-fastest-growing-region-became-its-slowest> (дата обращения: 03.03.2023).

ань не только сняли запреты на рождение третьего и последующих детей, но и разрешили получать доступ к бесплатному страхованию детей, рождённых вне брака — невиданная мера для последних нескольких десятилетий в КНР¹¹. Муниципальные власти отдельных городов начали выплачивать пособия за рождение второго и третьего детей, а в парламенте страны обсуждается инициатива ограничивать часы работы увеселительных заведений в городах и сокращать рабочие часы молодёжи, чтобы жители больше времени уделяли семье и деторождению¹².

Меры, уже принятые и принимаемые сейчас органами власти в КНР, хорошо коррелируют с традиционными конфуцианскими представлениями о силе государства как следствии роста его населения, о которых говорилось выше. В этом смысле Си Цзиньпин действует в русле политики возвращения к истокам традиционной китайской общественной мысли. Демографическая политика КНР последнего десятилетия, хоть и представляет собой набор вынужденных мер, подтверждает, что под доктриной «социализма с китайской спецификой» скрывается возвращение к государству, ориентированному на конфуцианские ценности [12].

Реформы нынешних властей Китая в области демографии называют популистскими, запоздалыми и малоэффективными. На сегодняшний день второй демографический переход, который пытаются сгладить власти, происходит всё же весьма резко, несмотря на активное продвижение новых мер демографической политики поощрению рождаемости. С 2017 г. темпы падения прироста населения ускорились, а с 2022 г. оно начало убывать.

Причин этому несколько, и в числе главных, помимо уже перечисленных (самостоятельность молодых людей, желание

«пожить для себя», обеспеченность женщин работой и прочее), называется дороговизна инфраструктуры для расширения семей. В крупных городах, где концентрируется молодое население страны, цены на недвижимость весьма высоки. Обычно в качестве примера чрезмерно высоких цен на жильё в «квартирах-пеналах» приводят Гонконг, и он действительно занимает первую строчку в рейтинге самых дорогих для проживания городов мира¹³, но в том же рейтинге в первой десятке находится и Пекин. Цены на образование для детей также очень высоки: за хороший детский сад в Пекине или Шанхае нужно платить 2–2,5 тыс. долларов США в месяц, не говоря уже о школах и вузах¹⁴. В итоге содержание даже одного ребёнка становится для семьи существенным грузом, а если учесть и необходимость впоследствии содержать престарелых родителей, у которых благодаря политике «одна семья — один ребёнок» не так уж много помощников в жизни.

В результате даже после разрешения ЦК КПК иметь троих детей заводить их в Китае многие не торопятся: темпы снижения рождаемости не реагируют на партийные постановления. Согласно демографическому прогнозу ООН, к 2100 г. в Китае будет проживать около 766 млн человек¹⁵, то есть страна по уровню населения вернётся к середине XX века. За 10 лет с 2011 по 2021 г. доля лиц в трудоспособном возрасте в структуре населения КНР снизилась с 74% до 68% и продолжает медленно снижаться за счёт постоянного роста доли стареющих граждан.

Однако все эти тенденции не являются столь пугающими, если принять во внимание, что они являются нормой и для Запад-

¹³ Рейтинг городов по стоимости жизни Mercer за 2022 год. — URL: <https://www.mercer.com/our-thinking/career/cost-of-living.html#city-ranking> (дата обращения: 02.03.2023).

¹⁴ Зуенко, И. Одна семья — три ребёнка? Почему китайцам разрешили рожать больше // Профиль, 01.06.2021: [сайт]. — URL: <https://profile.ru/columnist/odna-semya-tri-rebenka-874003/> (дата обращения: 02.03.2023).

¹⁵ Диаграмма и таблица численности населения Китая с 1950 по 2023 год. Прогнозы ООН на период до 2100 года. — URL: <https://www.macrotrends.net/countries/CHN/china/population-growth-rate> (дата обращения: 02.03.2023).

¹¹ «Лучше поздно, чем никогда». В Сычуани сняли ограничения на число детей в семье // BBC, 31.01.2023: [сайт]. — URL: <https://www.bbc.com/russian/news-64461245> (дата обращения: 16.05.2023).

¹² Белорусцева А. В Китае предложили сократить рабочий день у молодёжи для повышения рождаемости // Российская газета: [сайт]. — URL: <https://rg.ru/2023/03/06/detiavremia.html> (дата обращения: 03.05.2023).

ной Европы и России, и для наиболее развитых стран Восточной Азии. Говоря о неизбежном крахе КНР в результате демографического спада, нельзя забывать, что аналогичная проблема угрожает и американской экономике¹⁶. Второй демографический переход стал основным трендом демографической ситуации в развитом мире во второй половине XX в., и то, что КНР после достижения уровня среднезажиточного общества также попала в этот тренд, не является удивительным и не делает Китай в чём-либо проигравшим по отношению к западным странам. Из крупнейших развивающихся экономик мира к этой тенденции подходят и «догоняющие»: например, Индия, в 2023 г. впервые в истории человечества обогнавшая Китай по количеству жителей и ставшая самой густонаселённой страной мира. Индийские учёные справедливо указывают на то, что индийская экономика в ближайшие десятилетия может получить преимущество над китайской именно благодаря своему более молодому населению [13], однако и ей придётся столкнуться с теми же проблемами, что и нынешней КНР, только к середине XXI века.

Помимо этого, важно понимать, что в экономике XXI в., в отличие от предшествующих столетий, демография уже не будет играть определяющей роли. Так, авторы стратегического анализа Агентства стратегических инициатив и Платформы НТИ, выпущенного в 2021 г. и посвящённого анализу трендов развития планеты в ближайшее столетие, справедливо отмечают: «Рост населения как таковой для индустриальной мировой экономики перестал быть определяющим фактором развития. Наличие дополнительного населения зачастую даёт не дополнительные возможности и даже создаёт проблемы — поскольку это население надо вовлекать в экономическую деятельность, а она не всегда гарантирована — нужно, чтобы население было «нужного качества» (в том числе должен быть определён-

ный процент предпринимателей, способных создавать рабочие места). Способности людей, а также наличие политико-экономических институтов, обеспечивающих богатство населения и рост его потребностей, имеют больше значения, чем количество людей как таковое»¹⁷.

Качество населения начинает превалировать над количеством, и Китаю, вкладывающему больше своего национального дохода в науку и образования, чем любая другая современная держава, это хорошо понятно. Такое в истории бывало и раньше, когда небольшие по численности населения государства оказывались лидерами всемирной экономической и политической гонки (например, Португалия XV–XVI вв. или Нидерланды в XVII в.), однако лишь на короткий период — в конечном итоге их одолевали более населённые державы. Сегодняшняя тенденция смещения фокуса национального могущества с количества работающих (или воюющих) на их качество имеет все предпосылки к длительному существованию. «Второй демографический переход», который на наших глазах осуществляет Китай в последние несколько лет, произошёл или будет происходить повсеместно. Население перестаёт расти и в ближайшие десятилетия выйдет на устойчивое плато либо начнёт снижаться даже в беднейших странах Азии и Африки, где сегодня ещё не завершён «демографический бум». К концу нынешнего столетия при условии благоприятных экономических и геополитических сценариях население Земли должно стабилизироваться, по прогнозам ООН, в районе 10–11 млрд человек¹⁸.

Задача правительства КНР, таким образом, состоит не в том, чтобы «обмануть» или переломить тренд, являющийся глобальным и долгосрочным. Задача в том, чтобы сделать демографический переход минимально болезненным для экономики,

¹⁶ Денисов, И.Е. Второй не лишней. К чему приведёт отмена правила «одна семья — один ребёнок» в Китае // Лента.ру, 06.11.2015: [сайт]. — URL: <https://lenta.ru/articles/2015/11/06/morechinesechildren/> (дата обращения: 01.03.2023).

¹⁷ Лукша П. и др. Как мы и наши дети проживём следующие 100 лет. Результаты форсайта столетия. — Москва: АСИ, Платформа НТИ, Университет 20.35, Global Education Futures, 2021. — С. 19.

¹⁸ Прогноз ООН: осенью этого года население планеты достигнет восьми миллиардов // Новости ООН, 11.07.2022: [сайт]. — URL: <https://news.un.org/ru/story/2022/07/1427472> (дата обращения: 16.05.2023).

сгладить его кривую, подготовить страну, её систему социального обеспечения, образования, переподготовки кадров, внутренней миграции и другие сферы жизнедеятельности к предстоящим изменениям демографической ситуации. Дальнейший рост экономики Китая, а следовательно, и его политического влияния в мире, успех его противодействия растущему давлению со стороны США и других стран Запада не столько зависит от динамики народонаселения в стране, сколько от способности властей далее совершенствовать области высоких технологий, переводить экономику на ци-

фровые рельсы, совершенствовать и реформировать систему образования, обеспечивать рост человеческого капитала нового типа, причём в условиях не только внутреннего демографического давления, но и внешнего — санкционного [14].

Насколько это удастся сделать руководству КНР — сказать сложно, но можно отчётливо заявить, что именно это будет одним из самых сложных вызовов, с которыми придётся столкнуться председателю КНР Си Цзиньпину на протяжении его третьего (а возможно, и четвёртого) срока пребывания у власти.

Литература и Интернет-источники

1. **Ehrlich, P.** Population Bomb / P. Ehrlich. — New York : River city Press, 1968. — 223 p.
2. **Киндж, Д.** Китай, который потряс мир / Д. Киндж. — Москва : АСТ, 2009. — 380 с.
3. **Beardson, T.** Ageing Giant: China's Looming Population Collapse / T. Beardson. — Signal Books, 2021. — 320 p.
4. **Guo, Zhigang.** China's Low Birth Rate and the Development of Population / Zhigang Guo, Feng Wang, Yong Cai. — Routledge, 2020. — 274 p.
5. **Riley, N.** Population in China / N. Riley. — Polity, 2017. — 224 p.
6. **Регент, Т. М.** Особенности и последствия Китайской демографической политики / Т. М. Регент, А. В. Масленникова // Общество, человек, социальные институты в XXI веке. Вопросы социальной и политической модернизации: Сборник научных статей / ред. О. В. Архипова, А. И. Климин. — Санкт-Петербург : Фора-принт, 2020. — С. 25–32. EDN: UVKZNB
7. **Сысоева, А. В.** Исторические предпосылки возникновения демографической проблемы в КНР / А. В. Сысоева, Я. В. Чернявская // Инновационное развитие науки и образования: сборник статей II Международной научно-практической конференции: в 2 частях (Пенза, 20 мая 2018 года) / отв. ред. Г. Ю. Гуляев. Часть 2. — Пенза : МЦНС «Наука и Просвещение», 2018. — С. 262–264. EDN: XPIPTV
8. **Ларионов, Ал. В.,** Демографический вызов современному развитию Китая: проблемы и перспективы / Ал. В. Ларионов, Анд. В. Ларионов, Е. Н. Чиркова // Вестник Института экономики Российской академии наук. — 2015. — № 5. — С. 182–196. EDN: UMLXIP
9. **Orlandi, G.** Structural-demographic Analysis of the Qing Dynasty (1644–1912) Collapse in China / G. Orlandi & al. // SocArXiv. — 4 Nov. 2022. DOI: 10.5281/zenodo.7267757
10. **Дубровин, И. А.** Демографическая ситуация в Китае в 2020 г.: вызовы и перспективы / И. А. Дубровин // Философия хозяйства. — 2021. — № 6(138). — С. 265–275. EDN: VTTBGU
11. **Liu, Y., Qin Q., Xiao Y., Li H., Guang S., Tao S., Hu Y.** Changes of second-time mothers and their infants under the universal two-child policy in Changsha, China / Y. Liu, Q. Qin, Y. Xiao [и др.] // Research Square. — 2019. — P. 32–36.
12. **Переломов, Л. С.** Конфуцианство и современный политический курс КНР / Л. С. Переломов. — Москва : Издательство ЛКИ, 2007. — 256 с. EDN: QOGVMF
13. **Das, S.** Population Trends in China and India: An Analysis of Demographic Dividend and Economic Growth. International Conference on India and China: Economic, Social and Cultural Perspectives. December 2018 / S. Das. — URL: https://www.researchgate.net/publication/329864304_Population_Trends_in_China_and_India_An_Analysis_of_Demographic_Dividend_and_Economic_Growth (дата обращения: 05.03.2023).

14. **Bairoliya, N.** Demographic Transition, Human Capital and Economic Growth in China / N. Bairoliya, R. Miller // Journal of Economic Dynamics and Control.— March 2021.— No. 127(1).— P. 104–117. DOI: 10.1016/j.jedc.2021.104117

Сведения об авторе:

Бабаяв Кирилл Владимирович, д.фил.н., директор, Институт Китая и современной Азии РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: kbabaev@gmail.com; ORCID: 0000-0001-5731-8667; РИНЦ AuthorID: 672218.

DOI: 10.19181/population.2023.26.3.5

DEMOGRAPHIC SITUATION IN CHINA AND ITS POTENTIAL INFLUENCE ON THE CHINESE ECONOMY

Kirill V. Babaev

*Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences
(32 Nakhimovsky prospect, Moscow, Russia, 117218)*

E-mail: kbabaev@gmail.com

For citation:

Babaev K.V. Demographic situation in China and its potential influence on the Chinese economy. *Narodonaselenie [Population]*. 2023. Vol. 26. No. 3. P. 55-65. DOI: 10.19181/population.2023.26.3.5 (in Russ.)

Abstract. *The article analyses the origins of the current demographic situation in China, its perception in Western scientific and expert circles, as well as the measures of today's demographic policy of the PRC authorities and forecasts for further changes in the structure of the Chinese economy in the context of the "second demographic transition" taking place in the country. The main phases in the demographic policy of China since the creation of the PRC are briefly described: from the active encouragement of fertility in the 1950s and 1960s to the "one family— one child" policy of severe restrictions (1980–2015) and then return to the encouragement of fertility. It is shown that the current demographic policy of the Chinese authorities not only meets the economic needs but also has a social and ideological dimension, returning the country to traditional Confucian ideas of the role of population growth as a factor of the country's power and prosperity. At the same time, the measures of the present Chinese authorities do not demonstrate a high level of efficiency and are unlikely to reverse the trend of the demographic transition. Still the paper concludes that the forecasts of some experts about the inevitable loss of growth momentum in the Chinese economy in the context of the natural population decline that began in 2022 cannot be considered fully realistic. China actually follows the global trend of transition to a "plateau" in population growth, as gradually becoming one of developed economies of the world. China's future political and economic influence in the world will depend rather on the quality than on the size of its population and labor force.*

Keywords: *China (PRC), demography, demographic transition, demographic policy, "one family— one child" policy, the US-China confrontation.*

References and Internet sources

1. Ehrlich P. *Population Bomb*. New York. River city Press. 1968. 223 p.
2. Kindzh D. *Kitaj, kotoryj potrijas mir [China that Shook the World]*. Moscow. AST. 2008. 380 p. (in Russ.)

3. Beardson T. *Ageing Giant: China's Looming Population Collapse*. Signal Books. 2021. 320 p.
4. Guo Zhigang, Wang Feng, Cai Yong. *China's Low Birth Rate and the Development of Population*. Routledge. 2020. 274 p.
5. Riley N. *Population in China*. Polity. 2017. 224 p.
6. Regent T.M. Osobennosti i posledstvija Kitaiskoj demograficheskoj politiki [Features and consequences of the Chinese demographic policy]. Obshchestvo, chelovek, sotsial'nyje instituty v 21 veke. Voprosy sotsial'noj i politicheskoy modernizatsii [Society, Man, Social Institutions in the 21st Century. Issues of Social and Political Modernization]. Eds. O. V. Arkhipova, A. I. Klimin. Saint-Petersburg. For-a-print. 2020. P. 25–32. (in Russ.)
7. Sysoeva A. V. Istoricheskije predposylki vozniknovenija demograficheskoj problemy v KNR [Historic background of the demographic problem in the PRC]. Innovatsionnoje razvitije nauki i obrazovanija [Innovative Development of Science and Education]. Proceedings of the 2nd international scientific and practical conference. Ed. G. Yu. Gulyaev. Part 2. Penza. Nauka i Prosveshchenije [Science and Education]. 2018. P. 262–264. (in Russ.)
8. Larionov A. V., Larionov A. V., Chirkova E. N. Demograficheskij vyzov sovremennomu razvitiju Kitaja: problemy i perspektivy [Demographic challenge to the Chinese development: problems and perspectives]. Vestnik Instituta ekonomiki Rossijskoj akademii nauk [Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences]. 2015. No. 5. P. 182–196. (in Russ.)
9. Orlandi G. & al. *Structural-Demographic Analysis of the Qing Dynasty (1644–1912) Collapse in China*. SocArXiv. 4 Nov. 2022. DOI: 10.5281/zenodo.7267757
10. Dubrovin I. A. Demograficheskaja situatsija v Kitaje v 2020 g.: vyzovy i perspektivy [Demographic situation in China in 2020: challenges and prospects]. Filosofija khozajstva [Philosophy of Economy]. 2021. No 6(138). P. 265–275. (in Russ.)
11. Liu Y., Qin Q., Xiao Y., Li H., Guang S., Tao S., Hu Y. Changes of second-time mothers and their infants under the universal two-child policy in Changsha, China. *Research Square*. 2019. P. 32–36.
12. Perelomov L. S. Konfutsianstvo i sovremennyy politicheskij kurs KNR [Confucianism and the Modern Political Course of the People's Republic of China]. Moscow. LKI. 2007. (in Russ.)
13. Das S. Population Trends in China and India: An Analysis of Demographic Dividend and Economic Growth. *International Conference on India and China: Economic, Social and Cultural Perspectives*. December 2018. Available at: <https://www.researchgate.net/publication/329864304> (Accessed: 5 March 2023).
14. Baioliya N., Miller R. Demographic transition, human capital and economic growth in China. *Journal of Economic Dynamics and Control*. March 2021. No. 127(1). P. 104–117. DOI: 10.1016/j.jedc.2021.104117

Information about the author:

Babaev Kirill Vladimirovich, Doctor of Philology, Director, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: kbabaev@gmail.com; ORCID: 0000-0001-5731-8667; Elibrary AuthorID: 672218.

Статья поступила в редакцию 17.03.2023, утверждена 15.08.2023, опубликована 30.09.2023.



DOI: 10.19181/population.2023.26.3.6
EDN: GYDUBM

ИЗМЕНЕНИЯ В ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ КИТАЯ ЗА 2010–2021 ГОДЫ

Ван Ш.¹, Цзя С.¹, Мищук С. Н.^{2*}

¹МГУ имени М.В. Ломоносова
(119234, Россия, Москва, Ленинские горы, 1)

²ИДИ ФНИСЦ РАН
(119333, Россия, Москва, ул. Фотиевой, 6, корп. 1)

*E-mail: svetamic79@mail.ru

Для цитирования:

Ван Ш., Цзя С., Мищук С. Н. Изменения в демографической политике Китая за 2010–2021 годы // Народонаселение.— 2023.— Т. 26.— № 3.— С. 66–76. DOI: 10.19181/population.2023.26.3.6; EDN: GYDUBM

Аннотация. Для демографической ситуации Китая в конце XX — начале XXI вв. характерны трансформационные процессы, затрагивающие как общую динамику численности населения, так и изменения возрастной, гендерной, образовательной структур. Меры демографической политики Китая в начале XXI в. значительно эволюционировали. Основная задача данного исследования — выявление основных направлений демографической политики в части поддержки рождаемости на современном этапе. В статье представлены результаты анализа основных демографических показателей, предложена типология факторов современной демографической ситуации, включающая исторические, идеологические и материальные предпосылки. Во второй части работы проведён анализ мероприятий, направленных на поддержку рождаемости на уровне страны в целом и отдельных провинций. Основу анализа составляют нормативно-правовые документы, регулирующие политику рождаемости в Китае в период с 2010 по 2021 гг., а также официальные данные Национального бюро статистики Китая. Показано, что за последнее десятилетие в Китае планирование семьи и ограничение рождаемости сменилось на активную политику стимулирования увеличения числа детей в семьях. Финансовые инструменты играют важную роль в формировании основных направлений поддержки рождаемости. Кроме того, большое внимание со стороны государства уделяется вопросу расширения инфраструктуры присмотра за детьми, воспитательных и образовательных учреждений, создания льготных условий в сфере занятости для женщин с детьми.

Ключевые слова: демографические изменения, демографическая политика, показатели, рождаемость, Китай.

© Ван Ш., Цзя С., Мищук С. Н., 2023.

Введение

Политика в области народонаселения всегда была острой проблемой в Китае. Задачи и ожидаемые результаты политики планирования семьи привлекали большое внимание со стороны отечественных и зарубежных специалистов, общественности. Для Китайской Народной Республики (КНР) регулирование рождаемости привело к современным демографическим проблемам, связанным с низким естественным приростом населения, ускоренным процессом старения населения. Демографический кризис стал одним из основных кризисов в современном Китае, что привело к принятию изменений в сфере регулирования рождаемости. Начиная с 2015 г. в КНР реализуется политика в области народонаселения, направленная на выход из этого кризиса [1].

В августе 2022 г. Национальная комиссия здравоохранения КНР¹ впервые отметила, что население Китая вошло в стадию отрицательного роста, а старение и снижение рождаемости станут нормой. В ближайшие 20–30 лет численность китайской молодёжи будет сокращаться ускоренными темпами. Проблема сокращения молодёжи, которая является основной экономической проблемы Китая, является острой и требует принятия соответствующих мер [2].

Китайское правительство в последние годы провело два заседания, чтобы принять рекомендации об оптимизации политики рождаемости и содействии долгосрочному сбалансированному развитию населения. В октябре 2015 г. на Пятом пленуме Центрального комитета Коммунистической партии Китая (ЦК КПК) восемнадцатого созыва утверждено решение об улучшении стратегии развития населения и полной либерализации политики двух детей. В мае 2021 г. состоялось заседание Политбюро ЦК КПК, на котором было объявлено о реализации политики трёх детей.

В этой статье анализируется демографическая политика Китая и её изменения с учётом демографической ситуации в стране, результатов опросов молодёжи об отношении к браку и рождению детей. Основу работы составляют данные официальных нормативно-правовых документов КНР, регулирующих вопросы рождаемости, официальные статистические данные, результаты социологических опросов молодёжи Китая.

Результаты исследования

Реализация политики одного ребёнка привела к значительному снижению рождаемости в Китае, что вызвало необходимость принятия мер по улучшению демографической ситуации в стране. В 2011 г. китайское правительство либерализовало политику, позволяющую семейной паре, один из членов которой являлся единственным ребёнком у своих родителей, рождение второго ребёнка. Однако, принятые меры не принесли ожидаемых результатов. К 2021 г. суммарный коэффициент рождаемости (СКР) в Китае составил 1,15, что ниже уровня простого воспроизводства населения в 2,1 и ниже международной «предупреждающей черты» в 1,5. Концепция «ловушки низкой рождаемости» была предложена австрийским учёным В. Лутцем в 2005 г.: при достижении в стране значения СКР ниже 1,5 тенденция снижения рождаемости становится практически необратимой [3]. Китай попал в «ловушку низкой рождаемости».

За период 2000–2021 гг. численность населения Китая увеличилась на 10,3%. При этом основные демографические показатели, за исключением доли населения в возрасте 65 лет и старше, к 2021 г. были ниже значений 2000 г. (табл. 1). В 2010 г. общая численность населения страны составляла 1340,9 млн человек, число новорождённых — 15,9 млн человек, соотношение полов новорождённых — 118 мальчиков на 100 девочек, что показывает дисбаланс соотношения полов. Доля населения в возрасте 0–14 лет составила 16,6%, что

¹ Новая глава работы с народонаселением в новую эру (на китайском языке). — URL: http://www.qsttheory.cn/dukan/qs/2022-08/01/c_1128878530.htm (дата обращения: 22.12.2022).

на 6,3 процентных пунктов (п.п.) меньше, чем в 2000 г., а доля населения старше 65 лет увеличилась на 1,9 п.п. за 10 лет. Кроме того, есть ещё один факт, не внушающий оптимизма: число новорождённых в 2021 г. составило 10,6 млн человек, что стало новым минимумом с момента образования КНР, а уровень рождаемости достиг самого низкого уровня с момента

начала учёта. В 2021 г. население увеличилось всего на 480 тыс. человек. По результатам 2022 г. подтвердились расчёты о переходе Китая в фазу отрицательного естественного прироста, представленные в «Докладе о прогнозе численности населения Китая» на 2021–2100 гг., опубликованном Yuwa Population [4].

Таблица 1

Население Китая в 2000–2021 годах

Table 1

China's population in 2000–2021

Год	Численность населения на конец года (млн человек)	Количество новорождённых (млн человек)	Общий коэффициент рождаемости (‰)	СКР	Естественный прирост населения (‰)	Доля населения младше 15 лет (%)	Доля населения старше 65 лет (%)
2000	1267,43	17,65	14,03	1,2	7,6	22,89	6,96
2010	1340,91	15,88	11,9	1,6	4,8	16,60	8,87
2015	1383,26	16,55	11,99	1,4	4,9	16,50	10,50
2016	1392,32	17,86	13,57	1,7	6,5	16,70	10,80
2017	1400,11	17,23	12,64	1,6	5,6	16,80	11,40
2018	1405,41	15,23	10,86	1,5	3,8	16,90	11,90
2019	1410,08	14,65	10,41	1,5	3,3	16,79	12,60
2020	1412,12	12,00	8,52	1,3	1,5	17,90	13,50
2021	1412,60	10,62	7,52	1,2	0,3	17,50	14,20

Источник: Уровень рождаемости, смертность, естественный прирост населения в Китае // Национальное статистическое управление. 2021.— URL: <https://data.stats.gov.cn/easyquery.htm?cn=C01> (дата обращения: 12.12.2022).

Среди факторов снижения рождаемости в Китае на современном этапе можно выделить исторические, материальные и идеологические.

1. Исторические факторы. В 1980 г. китайское правительство начало проводить политику планирования семьи, целью которой было рождение одного ребёнка в одной семье. Фактически, этот «призыв» являлся обязательным и реализовывался вплоть до 2011 г., когда результаты такого планирования рождаемости привели к нехватке молодёжи и быстрому старению населения страны.

2. Материальные факторы. В настоящее время для молодых людей в Китае характерна низкая готовность вступать в брак и иметь детей. С одной стороны, их останавливают традиционно высокие затраты

при создании семьи (принято дарить дорогие подарки невесте, считается обязательным наличие у жениха квартиры и автомобиля, что вынуждает брать кредиты на много лет). С другой стороны, высокие расходы при рождении детей, на их воспитание и образование, медицинские расходы не стимулируют молодёжь к созданию семей и рождению детей. Согласно исследованиям о связи жилищных условий и числа детей [5], в семьях, проживающих в двух-трёхкомнатных квартирах, вероятность иметь несколько детей выше на 24%, чем в семьях, проживающих в однокомнатной квартире. Также при увеличении стоимости квартиры по отношению к доходу домохозяйства на 1%, вероятность рождения последующих детей снизится на 16,8%. Кроме финансовых рисков, вы-

деляют опасения женщин смертности во время родов, профессиональных рисках.

Согласно «Отчёту о расходах на роды в Китае за 2022 год» [6], средняя стоимость за весь период воспитания детей в возрасте 0–17 лет в малообеспеченных семьях (20% населения Китая) составляет 116 тыс. юаней. В группе со средним доходом (60% населения) стоимость воспитания ребёнка до 17 лет составляет 395 тыс. юаней. В семьях с высоким доходом (20% населения) затраты достигают 1208 тыс. юаней. Государство в рамках политики в области рождаемости обеспечивает получение пособия по беременности и родам, а также пособия по уходу за ребёнком. Пособие по беременности и родам составляет от 20 до 30 тыс. юаней. Пособие по уходу за ребёнком составляет 1 тыс. юаней в месяц в период от рождения ребёнка до достижения им 3 лет. В итоге общая сумма пособий со стороны государства может достигать 56–66 тыс. юаней. Таким образом, государственная финансовая поддержка обеспечивает лишь ½ минимальной суммы расходов на воспитание ребёнка, из которых, 1 тыс. юаней в месяц может хватить только на ежемесячное получение сухого молока.

3. Идеологические факторы. В работе [7] представлены результаты социологического обследования населения Китая о влиянии изменения образовательных

и культурных факторов на индивидуальные намерения в отношении рождаемости в 2010-е годы. Анализ влияния уровня образования на планирование рождения детей показал, что при повышении образовательного уровня человека на одну ступень, годы обучения будут увеличиваться в среднем на три года, а количество желаемых детей будет уменьшаться в среднем на 0,07. Кроме того, в результате исследования показано, что в период с 2010 по 2018 гг. процентное распределение ответов о желаемом количестве детей в целом не изменилось. Однако важно отметить увеличение в два раза количества ответов о нежелании рождения детей (рис. 1).

В указанном исследовании для оценки изменения семейной культуры в Китае сравнивались ответы на вопрос «Согласны ли вы со следующим утверждением: мужчины ставят на первое место свою карьеру, женщины — свою семью?». За рассматриваемый период на 14,6 п.п. снизилась доля респондентов с ответами «полностью согласен» и на 10 п.п. — «скорее согласен». В то же время увеличилась доля респондентов, не согласных с данным утверждением (рис. 2). Полученные результаты отражают изменения в оценке респондентов роли мужчины и женщины в обществе и семье, переход от традиционных принципов к более либеральным.

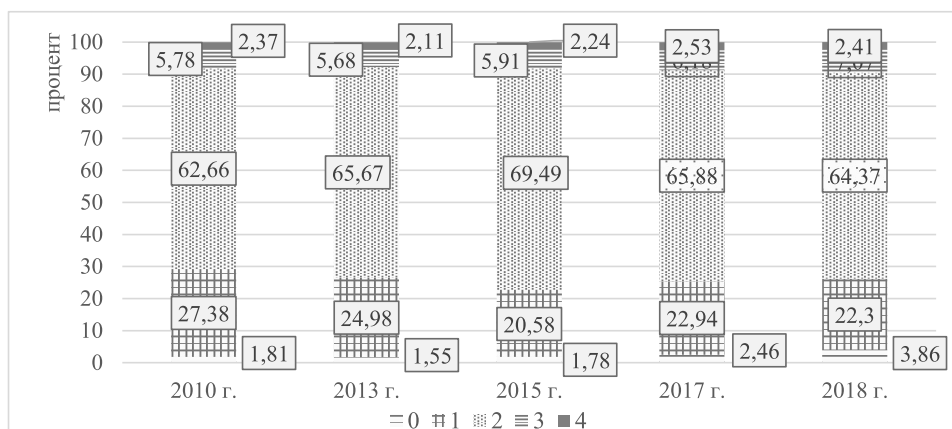


Рис. 1. Распределение семей по числу желаемых детей, %

Fig. 1. Change in the number of children that respondents would like to have, %

Источник: [7].

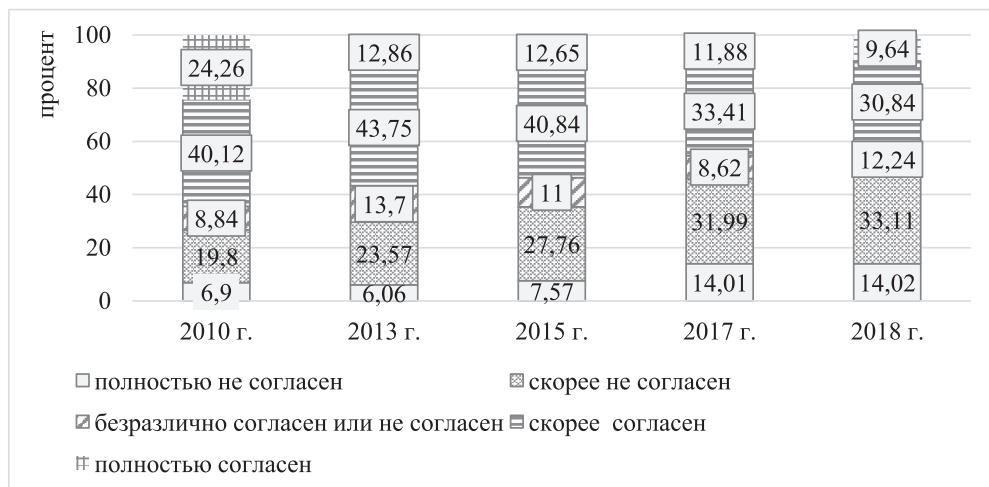


Рис. 2. Изменение представления респондентов о семейной культуре, %
 Fig. 2. Change in respondents' perception of family culture, %

Источник: [7].

В июле 2021 г. Китайский молодёжный исследовательский центр провёл исследование отношения к рождаемости в 11 провинциях Китая. С использованием метода анкетного опроса было опрошено 7150 респондентов. Результаты опроса подтверждают вывод о трансформации взглядов на роль и место женщины в обществе, выражающихся в согласии большинства респондентов с мнением о том, что рождение ребёнка не является обязанностью для женщины (рис. 3) [8]. Отметим, что около 75% респондентов в указанном опросе были женщины.

Изменения в демографической политике Китая в начале XXI века

Происходящие изменения демографических показателей вызвали необходимость принятия новых мер демографической политики. В ответ на демографический кризис, возникший в начале XXI в., в Китае были внесены изменения в демографическую политику в 2015 и 2021 годах. Более существенным корректировка демографической политики в 2015 г. предшествовали изменения в 2013 году. Если ранее рождение второго ребёнка разрешалось се-

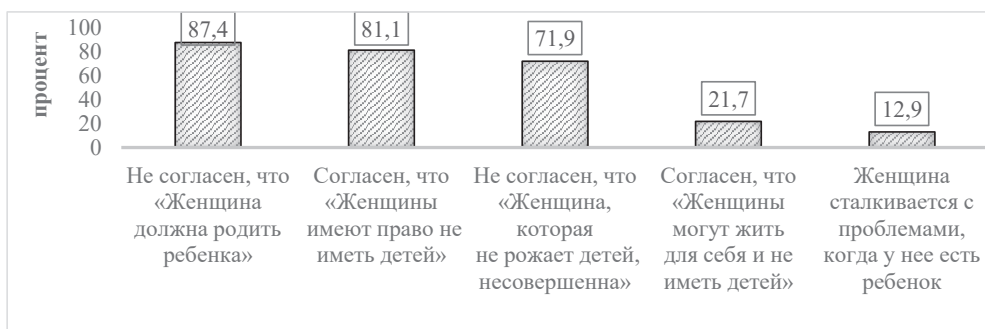


Рис. 3. Результаты ответов на вопросы о женщинах и рождении детей
 Fig. 3. Results of the survey on attitudes to women and birth of children

Источник: [8].

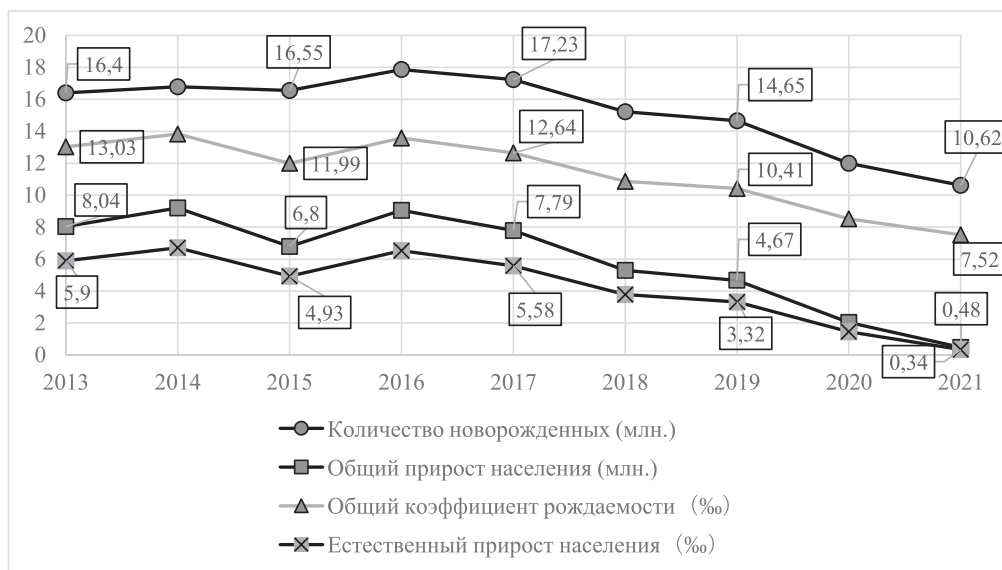


Рис. 4. Изменения после принятия политики двух детей в Китае

Fig. 4. Changes after the introduction of the two-child policy in China

Источник: Национальное бюро статистики Китая. — URL: <https://data.stats.gov.cn/easyquery.htm?cn=C01> (дата обращения: 25.12.2022).

мье, где оба родителя были единственными детьми у родителей, то в 2013 г. было введено положение о том, что единственным ребёнком в семье может быть один из пары. Однако, предложенная мера не оказала ожидаемого положительного эффекта и не привела к росту рождаемости. В результате в 2015 г. в Китае рождение второго ребёнка было разрешено для всех семейных пар. В октябре 2015 г. на Пятом пленарном заседании ЦК КПК 18-го созыва было указано на необходимость сохранения основной национальной политики планирования семьи, реализации мероприятий по борьбе со старением населения и широкомасштабном осуществлении политики «двух детей». Новые правила реализации политики «двух детей» имели положительный эффект лишь в 2016 году. В последующие годы происходит снижение рождаемости, общего и естественного прироста населения (рис. 4). Отсутствие положительных демографических изменений объяснялось продолжающимся ростом доли пожилых иждивенцев и доли детей-иждивенцев. Кроме того, рождение

двух детей подразумевает возрастающие финансовые траты по уходу и воспитанию, что негативно влияет на планирование и рождение ребёнка².

Сохраняющиеся негативные тенденции демографических показателей после 2015 г. вызвали необходимость внесения новых положений в политику рождаемости. 31 мая 2021 г. Политбюро ЦК КПК провело заседание по рассмотрению «Решения об оптимизации политики рождаемости для содействия долгосрочному сбалансированному развитию населения»³ и указало, что в целях дальнейшей оптимизации политики рождаемости, государство будет поддерживать идею рождения трёх детей в китайских семьях. Обозначим основные положения новой политики.

² Чжан Х. Последствия политики в отношении детей для семьи // Китайская новостная сеть – 2020 (на китайском языке). — URL: https://wenku.baidu.com/view/2eb7b1c2866a561252d380eb6294dd88d0d23dea?fr=sogou&wks_1670828588801 (дата обращения: 10.01.2023).

³ Политбюро ЦК КПК провело заседание под председательством Си Цзиньпина (на китайском языке). — URL: http://www.qstheory.cn/yaowen/2021-05/31/c_1127513287.htm (дата обращения: 10.01.2023).

1. Китай — страна с большим населением, и осуществление планирования семьи — основа национальной политики.

2. Страна поддерживает вступление в брак и деторождение в нужном возрасте (женщины от 25 до 29 лет), надеясь, что в каждой семье будут здоровые дети и каждый родившийся ребёнок получит хорошее образование. У пары может быть трое детей.

3. Национальное правительство поддерживает местные провинции и муниципалитеты в установлении отпуска по уходу за ребёнком.

В целом политика Китая в области рождаемости характеризуется различиями как между городскими и сельскими территориями, так и на уровне отдельных провинций. Основные различия связаны, в частности, с пособиями по беременности и родам и социальным обеспечением, что обусловлено различиями в экономических условиях и демографической структуре регионов. Например, в Пекине в дополнение к государственному отпуску по беременности и родам был увеличен отпуск на 30 дней для матерей, отцам — на 15 дней. В Чжэцзяне был продлён отпуск по беременности и родам, в результате чего первоначальный отпуск продолжительностью 128 дней был заменён на отпуск по уходу за ребёнком продолжительностью 158 дней, а отпуск по уходу за двумя и тремя детьми — 188 дней. В провинции Хубэй отпуск по беременности и родам для женщин был продлён на 60 дней, для мужчин — на 15 дней. Родители ребёнка в возрасте до 3 лет имеют право на общий отпуск по уходу за ребёнком продолжительностью 10 дней в год. Пособие по беременности и родам выплачивается в виде заработной платы матери, а не в виде средней заработной платы, установленной государством⁴.

4. Государство гарантирует законные права и интересы женщин в сфере занятости, оказывает услуги по трудоустройству женщин, на занятость которых повлияло рождение ребёнка.

⁴ Список 10 самых популярных новостей 2021 года (на китайском языке). — URL: https://www.sohu.com/a/514993536_121123796 (дата обращения: 12.01.2023).

5. Государство принимает финансовые, налоговые, страховые, образовательные, жилищные, трудовые и другие меры поддержки, чтобы уменьшить расходы семьи по рождению, воспитанию и образованию детей.

6. Государство поощряет и направляет общественные силы на создание учреждений по уходу за детьми, поддерживает детские сады, государственные учреждения, предприятия, учреждения и общины в предоставлении услуг по уходу за детьми⁵.

Основные направления реализации политики поддержки рождаемости в Китае в 2010 г., 2015 г. и в 2021 г. отличаются целью (ограничение/регулирование или стимулирование рождаемости), а также мерами по планированию семьи. На основе анализа Закона Китая о планировании семьи в 2010 г., 2015 г. и 2021 г. изменения мер по планированию рождений представлены в табл. 2.

Обращает внимание введение в 2021 г. дополнительных мер поддержки рождаемости со стороны государства и муниципальных органов власти в части оказания помощи по уходу, содержанию, медицинскому обслуживанию детей. Подробный перечень рекомендаций по повышению рождаемости представлен в отдельном документе, разработанном Департаментом мониторинга населения и развития семьи и утверждённом в июле 2022 года⁶.

Согласно докладу о народонаселении Китая за 2020 г., в связи с проводимой ранее политикой планирования семьи, страна сталкивается со структурными кризисами, такими, как старение населения и снижение рождаемости. По данным ООН, в 2020 г. доля населения Китая

⁵ Ся Хунчжэнь. Закон КНР о народонаселении и планировании семьи // Китайская народная сеть — 2021 (на китайском языке). — URL: <http://www.npc.gov.cn/npc/c30834/202109/9ab0af08773c465aa91d95648df2a98a.shtml> (дата обращения: 25.12.2022).

⁶ Отдел демографического мониторинга и развития семьи. Руководящие указания по дальнейшему совершенствованию и осуществлению мер поддержки активной рождаемости (на китайском языке). — URL: <http://www.nhc.gov.cn/rkjcyjftz/s7785/202208/9247dd64744c42df9522c4fa2cb78e42.shtml> (дата обращения: 12.12.2022).

Таблица 2
Основные направления политики рождаемости в Китае в 2010–2021 годах

Table 2

The main directions of the birth control policy in China from 2010 to 2021

Основные направления политики	2010 год	2015 год	2021 год
Цель	Регулирование рождаемости. Рождение в одной семье только одного ребёнка.	Стимулирование рождаемости. Рождение в одной семье двух детей.	Стимулирование рождаемости. Рождение в одной семье трёх детей.
Планирование семьи	<ol style="list-style-type: none"> Использование противозачаточных средств. В случае позднего вступления в брак или рождения ребёнка оба супруга получают дополнительный отпуск по беременности и родам и другие пособия. Женщинам проводят операции по предотвращению беременности, дополнительный отпуск, льготы от местных властей. Супруги, которые не выполняют требования политики планирования семьи, при рождении более одного ребёнка должны вносить дополнительные взносы на социальное обеспечение. Супружеской паре, члены которой добровольно рожают всего одного ребёнка в течение всей жизни, получают «почётное свидетельство о рождении одного ребёнка», которое предоставляет им дополнительные льготы. 	<ol style="list-style-type: none"> Использование противозачаточных средств. Супружеские пары, которые имеют детей в соответствии с законом, могут получить дополнительные льготы, такие как отпуск по беременности и родам. 4. Реализуются такие же меры планирования семьи, как и в рамках политики 2010 года. 	<ol style="list-style-type: none"> Не реализуются мероприятия по управлению рождаемостью, в том числе через информацию о необходимости применения противозачаточных средств. Супружеские пары, которые имеют детей в соответствии с законом, могут получить дополнительные льготы, такие как отпуск по беременности и родам. Государство оказывает местным властям поддержку в организации отпуска по уходу за ребёнком. Государство гарантирует законные права и интересы женщинам. Дополнительно оказываются услуги по трудоустройству беременных женщин или женщин с детьми. Государство предоставляет финансовые, налоговые, страховые, образовательные, жилищные, трудовые и другие льготы семьям, чтобы облегчить бремя, связанное с рождением детей, их воспитанием и образованием. На уровне округов и провинций расширяются меры поддержки по уходу за младенцами и детьми младшего возраста, обеспечения вакцинации младенцев и так далее.

Источник: составлено авторами на основе: Закон Китая о планировании семьи 2010 года.— URL: https://ishare.iask.sina.com.cn/f/12071645.html?utm_source=sgsc; Закон Китая о планировании семьи 2015 года.— URL: https://wenku.baidu.com/view/7e951fa7c950ad02de80d4d8d15abe23492f0370.html?fr=sogou&wkts_=1670158021346; Закон Китая о планировании семьи 2020 года.— URL: https://mp.weixin.qq.com/s?src=11×tam=1670158043&ver=4206&signature=*BOW3UCVmwE1Wi43ASqrk47pmiN32-BxFpcgwoxr6ZsdqKMnIN2VUNCet10E-RoHSGAeIIPgJXRU10IQBu1*2y0e-97rEkGY7ZEveUzvmC31PEbZTE9S1tAW2-IRu5A&new=1 (дата обращения: 12.12.2022).

в возрасте старше 65 лет составила 13,5%. По прогнозу ООН, к 2035 г. население страны старше 60 лет будет составлять более 30%. Стимулирование рождаемости рассматривается как одно из мероприятий по борьбе со старением населения Китая. В связи с сохраняющимся сокращением рождаемости и повышением доли лиц старших возрастов, в мае 2021 г. в Китае приняли следующие новые инструменты поддержки рождаемости, направленные на рождение в семьях трёх детей.

1. Совершенствование гарантий предоставления отпуска по беременности и родам и включение в сферу охвата медицинского страхования большего числа вопросов, касающихся материнства.

2. Предоставление многодетным семьям более широких кредитных линий при покупке жилья и приоритетное получение государственного арендного жилья многодетными семьями при его наличии.

3. Облегчение работы для многодетных работников, например, досрочное пре-

кращение работы или работа из дома, когда это необходимо. Правительство также ввело «мамин пост», гибкое рабочее место для достижения баланса между работниками и предприятиями⁷.

4. На региональном уровне предоставляются отдельные меры. Например, в провинции Хэбэй увеличили жилищный кредит для семей с несколькими детьми. Так, семьи с двумя детьми могут взять кредит на 100 тыс. юаней больше, семьи с тремя детьми могут взять кредит на 200 тыс. юаней больше. В провинции Хунань на каждого рождённого ребёнка выплачивается дополнительно 10 тыс. юаней. В провинции Цзянсу сотрудники с двумя детьми будут освобождены от уплаты страховых взносов на 50%, а работники с тремя детьми — на 80%⁸.

Заключение

Политика рождаемости в Китае на рубеже XX–XXI вв. претерпела большие изменения. Планирование семьи и ограничение рождаемости в течение 30 лет сменилось политикой поддержки рождаемости. Изменения связаны с расширением направлений поддержки рождаемости через прямую финансовую помощь, а также посредством создания более благоприятных условий занятости женщин с детьми, расширения инфраструктуры присмотра за детьми, воспитательных и образовательных учреждений.

Новые формы поддержки направлены на преодоление материальных причин сокращения рождаемости. Однако важным негативным условием необходимо признать так называемые идеологические факторы. В обществе увеличивается доля населения, придерживающегося мнения о возможности семьи без детей, реализации женщин вне семьи без обязательного рождения детей, что связано с переходом от традиционных семейных норм к более либеральным. Повышение рождаемости является долгосрочной и стратегически важной задачей для современного Китая.

⁷ Политбюро ЦК КПК провело заседание под председательством Си Цзиньпина (на китайском языке). — URL: http://www.qstheory.cn/yaowen/2021-05/31/c_1127513287.htm (дата обращения: 10.01.2023).

⁸ Список 10 самых популярных новостей 2021 года (на китайском языке). — URL: https://www.sohu.com/a/514993536_121123796 (дата обращения: 12.01.2023).

Литература и Интернет-источники

1. **Доу, С.** Исследование проблем и контрмер по реализации всеобъемлющей политики в отношении двух детей в Китае / С. Доу // Руководство по экономическим исследованиям — 2020. — № С924.21. — С. 34–36. (на китайском языке)
2. **Му, Г.** Население Китая в эпоху большого поворота: кризис и выход / Г. Му // Китайская сеть — 2019. (на китайском языке) — URL: http://www.china.com.cn/opinion/think/2019-02/21/content_74488836.htm (дата обращения: 26.12.2022).
3. **Lutz, W.** Policies Affecting the Tempo Effect in Low Fertility Countries / W. Lutz, V. Skirbekk // Population and Development Review. 2005. — Vol. 31. — No. 4. — P. 699–720. DOI: 10.1111/j.1728-4457.2005.00094.x
4. **Лян, Ц.** Доклад о прогнозе численности населения Китая (2021–2100 гг.) / Ц. Лян [и др.]. — Пекин, 2021. (на китайском языке) — URL: <https://file.c-ctrip.com/files/6/youwa/0R7571200096esn24776D.pdf> (дата обращения: 25.12.2022).
5. **Хуан, Ц.** Исследование влияния жилья на многодетность в семьях / Ц. Хуан, Ч. Ли // Замечания по вопросам государственного управления. — 2022. — № С924.2. — С. 37–54. (на китайском языке) — URL: https://kns.cnki.net/kcms/detail/detail.aspx?dbcode=CJFD&dbname=CJFDLST2022&filename=GGXZ202204010&uniplatform=NZKPT&v=R76_-ql-P_4ueHPtE-e5ozOSVb-7nkUB_NAfxAZ7elf1Gr4I44HSrOfG99Ca0_S (дата обращения: 03.01.2023).
6. **Лян, Ц.** Отчёт о стоимости родов в Китае / Ц. Лян, Ц. Жэнь, В. Хуан, Я. Хэ // Исследования населения ЮВА. — 2022. (на китайском языке) — URL: <http://download.caixin.com/upload/shengyubaogao2022.pdf> (дата обращения: 28.12.2022).

7. **Чжан Гериле, М.** Влияние культуры и образования на стремление к фертильности и тенденции его развития / М. Чжан Гериле // Журнал Аньхойского сельскохозяйственного университета. — 2022 — № С924.21. (на китайском языке) — URL: https://kns.cnki.net/kcms/detail/detail.aspx?dbcode=CJFD&dbname=CJFDLAST2022&filename=AHND202205014&uniplatform=NZKPT&v=dWegABOd1hC4bXeVa-7OIOj2AIrN8CmABOC20tuIai6wKo_Arew-JjnHtG3GBeV (дата обращения: 03.01.2023).
8. **Тянь, Х.** Низкая воля к деторождению в рамках политики трёх детей: ограничения реальности и культурные ограничения / Х. Тянь [и др.] // Молодёжь исследует. — 2022. — № С924.21 — С. 77–86. (на китайском языке)

Сведения об авторах:

Ван Шаофу, магистрант, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: 1489656293@qq.com; ORCID: 0000-0002-9192-8941.

Цзя Сяньнин, магистрант, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: 844834314@qq.com; ORCID: 0000-0001-6099-6821.

Мищук Светлана Николаевна, к.э.н., ведущий научный сотрудник, ИДИ ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: svetamic79@mail.ru; ORCID: 0000-0002-8117-6352; РИНЦ AuthorID: 147787.

DOI: 10.19181/population.2023.26.3.6

CHANGES IN CHINA'S DEMOGRAPHIC POLICY IN 2010–2021

Shaofu Wang¹, Xianning Jia¹, Svetlana N. Mishchuk^{2*}

¹*Lomonosov Moscow State University*

(1 Leninskie gory, Moscow, Russia, 1119234)

²*Institute for Demographic Research of the Federal Center of*

Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

(6, bld.1, Fotievoy str., Moscow, Russia, 1119333)

*E-mail: svetamic79@mail.ru

For citation:

Wang Ch., Jia X., Mishchuk S. N. Changes in China's demographic policy in 2010–2021. *Narodonaselenie. [Population]*. 2023. Vol. 26. No. 3. P. 66–76. DOI: 10.19181/population.2023.26.3.6 (in Russ.)

Abstract. *The demographic situation in China at the end of the 20th—beginning of the 21st centuries was characterized by transformations concerning both the general dynamics of the population, and the changes in the age, gender, and educational structures. At the beginning of the 21st century, China's demographic policy measures evolved significantly. The main objective of this study is to identify the priority directions of demographic policy including support for the birth rate at the present stage. The article presents results of the analysis of the main demographic indicators, proposes a typology of the factors of the current demographic situation including historical, ideological and material backgrounds. The second part of the article provides an analysis of the main measures aimed at supporting the birth rate at the country level as a whole, and in separate provinces. The analysis is based on the regulatory documents concerning the birth rate policy in China in the period from 2010 to 2021, as well as the data from the National Bureau of Statistics of China. It is shown that during the past decade in China the family planning and birth control have been replaced by an active policy of stimulating the birth rate. Financial instruments play an important role in shaping the main areas of birth support. In addition, much attention is paid by the state to the issue of expanding the childcare infrastructure, educational institutions, creating preferential conditions for women with children in the field of employment, etc.*

Keywords: *population change, demographic policy, fertility, China.*

References and Internet sources

1. Dòu Xīn. Wǒguó shíshī quánmiàn èr hái zhèngcè de wèntí yǔ duìcè yánjiū/dòu xīn//jīngjì yánjiū dàodú [Research on the problems and countermeasures for implementing the comprehensive two-child Policy in China]. *Jīngjì yánjiū dàodú [Introduction to Economic Research]*. 2020. No. C924.21. P. 34-36. (in Chinese)
2. Mù G. Dà zhuǎnzhé shídài de zhōngguó rénkǒu: Wéijī yǔ chūlù [China's population in the great turning era: Crisis and way out]. *Jīngjì yánjiū dào kān. Zhōngguó wǎng [Economic Research Guide. China Net]*. 2019. Available at: http://www.china.com.cn/opinion/think/2019-02/21/content_74488836.htm (Accessed: 26 December 2022). (in Chinese)
3. Lutz W., Skirbekk V. Policies affecting the tempo effect in low fertility countries. *Population and Development Review*. 2005. Vol. 31. No. 4. P. 699-720. DOI: 10.1111/j.1728-4457.2005.00094.x
4. Lián G. et al. Nián zhōngguó rénkǒu yùcè [Report on China's Population Forecast. 2021-2100]. Beijing. 2021. Available at: <https://file.c-ctrip.com/files/6/youwa/OR7571200096esn24776D.pdf>. (Accessed: 25 December 2022). (in Chinese)
5. Huang C., Lee Ch. Zhùfáng duì duō zǐnǚ jiātíng de yǐngxiǎng yánjiū [Research on the impact of housing on families with many children]. *Gōnggòng xíngzhèng pínglùn [Public Administration Review]*. 2022. No. C924.2. P. 37-54. Available at: https://kns.cnki.net/kcms/detail/detail.aspx?dbcode=CJFD&dbname=CJFDLAST2022&filename=GGXZ202204010&uniplatform=NZKPT&v=R76_-ql-P_4ueHPtE-e5ozOSVb-7n-kUB_NAfAZ7eIf1Gr4I44HSr0fG99Ca0_S (Accessed: 3 January 2023). (in Chinese)
6. Liáng Qīng, Rèn Qīng, Huáng Wēi, Hé Yì. Zhōngguó fēn miǎn chéngběn bàogào [Report on childbirth costs in China]. *Dōng nán yǎ rénkǒu yánjiū. [Southeast Asian Population Study]*. 2022. Available at: <http://download.caixin.com/upload/shengyubaogao2022.pdf>. (Accessed: 28 December 2022). (in Chinese)
7. Zhāng Gélìlěi M. Wénhuà yǔ jiàoyù duì shēngyù yìyuàn de yǐngxiǎng jí qí yǎnhuà qūshì [The influence of culture and education on fertility intention and its evolution trend]. *Anhuī nóngyè dàxué xuébào [Journal of Anhui Agricultural University]*. 2022. No. C924.21. Available at: https://kns.cnki.net/kcms/detail/detail.aspx?dbcode=CJFD&dbname=CJFDLAST2022&filename=AHND202205014&uniplatform=NZKPT&v=dWegABOd1hC4bXeVa-7OIOj2AIRnE8CmABOC20tuIai6wKo_Apew-JjnHtG3GBeB (Accessed: 3 January 2023). (in Chinese)
8. Tián H. et al, Sān hái zhèngcè xià de dī shēngyù yìyuàn: Xiànré shí shùfù yǔ wénhuà guānniàn zhìyue [Low fertility willingness under the three-child policy: Restrictions of reality and cultural concepts]. *Qīngnián tànsuǒ [Youth Exploration]*. 2022. No. C924.21. P. 77-86. (in Chinese)

Information about the authors:

Wang Shaofu, Master's student, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: 1489656293@qq.com; ORCID: 0000-0002-9192-8941.

Jia Xianning, Master's student, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: 844834314@qq.com; ORCID: 0000-0001-6099-6821.

Mishchuk Svetlana Nikolaevna, Candidate of Economics, Leading Researcher, Institute for Demographic Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: svetamic79@mail.ru; ORCID: 0000-0002-8117-6352; Elibrary AuthorID: 147787.

Статья поступила в редакцию 16.01.2023, утверждена 15.08.2023, опубликована 30.09.2023.

КАЧЕСТВО И УСЛОВИЯ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ



DOI: 10.19181/population.2023.26.3.7
EDN: UHCPDM

АДРЕСНЫЕ ВЫПЛАТЫ НА ДЕТЕЙ 3–7 И 8–17 ЛЕТ: ДОСТУПНОСТЬ, РЕЗУЛЬТАТИВНОСТЬ И УРОКИ ДЛЯ ЕДИНОГО ПОСОБИЯ

Гришина Е. Е.^{1*}, Цацура Е. А.²

¹Научно-исследовательский финансовый институт Минфина России
(127006, Москва, Настасьинский переулок, 3, стр. 2)

²РАНХиГС
(119034, Москва, Пречистенская наб., 11, стр. 1)

*E-mail: grishina@nifi.ru

Финансирование:

Статья подготовлена в рамках выполнения НИР государственного задания РАНХиГС за 2023 год.

Для цитирования:

Гришина Е. Е., Цацура Е. А. Адресные выплаты на детей 3–7 и 8–17 лет: доступность, результативность и уроки для единого пособия // Народонаселение. – 2023. – Т. 26. – № 3. – С. 77–92. DOI: 10.19181/population.2023.26.3.7; EDN: UHCPDM

Аннотация. С января 2023 г. введено единое пособие на детей, распространившее на все категории детского населения правила ежемесячных выплат, предоставлявшихся малоимущим семьям с детьми от 3 до 7 лет и от 8 до 17 лет. На основе репрезентативных по РФ данных 5 волн мониторинговых телефонных опросов, проведённых РАНХиГС в период с октября 2021 г. по ноябрь 2022 г., а также анализа комментариев из интернет-источников в статье анализируется риск бедности семей с детьми от 3 до 17 лет, доступность для них мер социальной поддержки, охват и результативность ежемесячных выплат на детей от 3 до 7 лет и детей от 8 до 17 лет. Показано, что у домохозяйств с детьми от 3 до 17 лет риск бедности более чем в 1,5 раза выше и растёт с увеличением числа детей, а также при наличии безработных граждан и проживании в сельской местности. К концу 2022 г. выплатами было охвачено более 20% домохозяйств с детьми рассматриваемого возраста, среди многодетных — 47%. При этом менее половины бедных домохозяйств с детьми от 3 до 17 лет охвачены этими выплатами. Доля бедных домохозяйств в результате предоставления выплат сокращалась в ноябре 2022 г. в 1,18 раза. Сохраняется ряд факторов, приводящих к существенным ошибкам исключения. При переходе к единому пособию на детей от 0 до 17 лет важно учесть опыт реализации поддержки детей от 3 до 7 лет и от 8 до 17 лет для внесения своевременных корректировок, которые будут способствовать росту охвата нуждающихся семей и повышению влияния пособия на уровень бедности.

Ключевые слова: семьи с детьми, бедность, социальная поддержка, социальные выплаты, единое пособие, критерии нуждаемости.

Введение

Повышенные риски бедности семей с детьми в России [1] обуславливают внимание государства к разработке мер социальной поддержки данной группы. Уровень детской бедности почти в два раза выше среднего по населению. Исследователи отмечают остроту проблемы бедности в неполных семьях [2], многодетных семьях [3], в сельской местности, в семьях с безработными [4]. Например, в [3] отмечено, что домохозяйства с тремя и более детьми имеют более низкий уровень среднедушевых доходов и в структуре их доходов существенно ниже доля доходов от трудовой деятельности. Значимым барьером для занятости женщин является невозможность отдать ребёнка в детское дошкольное учреждение [5]. Особенно остра эта ситуация в малых городах и сельской местности. Кроме того, барьерами для возобновления трудовой деятельности выступают сложность брать больничный по уходу за ребёнком, недоступность гибкой занятости и дистанционной работы.

За последние годы произошли значительные преобразования в системе мер социальной поддержки семей с детьми как на федеральном, так и на региональном уровнях. Так, с 2013 г. была введена ежемесячная денежная выплата для семей с низким доходом при рождении третьего или последующих детей в размере прожиточного минимума (ПМ) на ребёнка до достижения им возраста трёх лет. Данная выплата предоставлялась не во всех регионах, а в тех, где была негативная ситуация с рождаемостью. Право на получение выплаты определялось на основе проверки нуждаемости, причём критерии назначения в регионах были различными.

С 2018 г. были введены ежемесячные выплаты на первого и второго ребёнка из малообеспеченной семьи до достижения им возраста трёх лет в размере ПМ на ребёнка, с июня 2020 г. — ежемесячные выплаты для бедных семей с детьми от 3 до 7 лет, с июля 2021 г. — ежемесячные выплаты для бедных неполных семей с детьми от 8 до 17 лет и беременных женщин, вставших на учёт в медицинской организации в ранние сроки беременности, а с мая 2022 г. выплаты распространены и на полные

семьи с детьми от 8 до 17 лет. Размер пособий на детей от 3 до 7 лет и от 8 до 17 лет определялся в размере 50%, 75% или 100% ПМ на ребёнка в регионе. Право на получение данных мер поддержки зависело от оценки среднедушевых доходов семьи (среднедушевые денежные доходы семьи должны быть ниже ПМ), также применялся имущественный фильтр и правило нулевого дохода, предполагающее, что пособие назначается при наличии у трудоспособных членов семьи заработка или в случае, если отсутствие заработка обосновано объективными жизненными обстоятельствами.

С 1 января 2023 г эти пособия были объединены в единое пособие в связи с рождением и воспитанием ребёнка. Критерии оценки нуждаемости при определении права на получение пособия для беременных женщин, семей с детьми от 3 до 7 лет и от 8 до 17 лет были распространены на все остальные пособия, в том числе черта нуждаемости (1 ПМ), учёт имущества, правило нулевого дохода. Таким образом, с 2013 г. происходило расширение адресных мер поддержки семей с детьми разного возраста для того, чтобы, с одной стороны, средства направлялись только наиболее нуждающимся [6], а с другой, чтобы оптимизировать расходы бюджетных средств [7].

В исследованиях, посвящённых оценке влияния адресных социальных выплат на бедность, отмечается, что ежемесячная выплата на детей от 3 до 7 лет из малоимущих семей, существенно повлияла на снижение рисков бедности семей с детьми в период COVID-19 и привела к сокращению уровня бедности среди всего населения на 1,4 процентных пункта (п.п.) и снижению дефицита доходов [8]. При этом в работе [9] показано, что в 2020 г. менее половины малоимущих семей с детьми от 3 до 7 лет были получателями ежемесячной выплаты и существенная часть из них оставались бедными даже после получения данной выплаты.

Ограниченное влияние социальной поддержки на сокращение бедности может быть обусловлено рядом факторов: несоответствием размера предоставляемых социальных выплат дефициту доходов домохозяйств, распространённостью неформальной занятости, недостаточной точностью оценки доходов домо-

хозяйств, ведущей к ошибкам включения и несовершенством критериев нуждаемости, ведущим к ошибкам исключения [10].

Так, моделируя последствия введения имущественных критериев нуждаемости и правила нулевого дохода, исследователи [11] отмечали, что 25–32% семей со среднедушевыми доходами ниже ПМ могут получить отказ в назначении социальных выплат при применении данных критериев. При этом проведённый в исследовании [12] анализ данных Пенсионного фонда РФ показал, что в 2021 г. среди всех причин отказов в назначении ежемесячной выплаты на детей от 3 до 7 лет более 25% было связано с отсутствием трудовых доходов.

Данная работа, продолжая исследования влияния мер социальной поддержки на бедность семей с детьми, посвящена оценке риска бедности семей с детьми от 3 до 17 лет, доступности для них мер социальной поддержки и охвата их ежемесячными выплатами для семей с детьми от 3 до 7 лет и от 8 до 17 лет. Кроме того, в работе проведена оценка результативности ежемесячных выплат на детей от 3 до 7 лет и от 8 до 17 лет с точки зрения охвата нуждающихся семей поддержкой и сокращения доли бедных домохозяйств с детьми. Представляется, что результаты данного исследования будут полезны для совершенствования правил назначения ежемесячного пособия в связи с рождением и воспитанием ребёнка, введённого с 1 января 2023 г.,

поскольку правила назначения данного пособия совпадают с правилами назначения ежемесячных выплат на детей от 3 до 7 лет и от 8 до 17 лет.

Методология исследования и используемые данные

В работе представлены результаты количественного и качественного исследования. Анализ данных количественного исследования предваряется качественным контент-анализом интернет-обращений и комментариев, касающихся сложностей с получением ежемесячных выплат на детей от 3 до 7 лет и от 8 до 17 лет. Результаты контент-анализа позволили выявить основные барьеры, снижающие доступность данных мер социальной поддержки. Информационную основу анализа составили материалы следующих интернет-сайтов: change.org, nalog-nalog.ru, ngs24.ru, detskie-posobiya.molodaja-semja.ru, gogov.ru, journal.tinkoff.ru.

Количественное исследование основано на репрезентативных по России данных мониторинговых телефонных опросов населения, проведённых РАНХиГС (табл.1). Опросы проводились по всем регионам России. Опрашивались граждане страны в возрасте 18 лет и старше. Выборка телефонных номеров формировалась посредством случайного генерирования.

Таблица 1

Характеристики опросов

Table 1

Survey characteristics

Характеристика	Месяц и год проведения опросов					Справочно: данные Росстата о структуре населения*	
	октябрь 2021 г.	декабрь 2021 г.	февраль 2022 г.	сентябрь 2022 г.	ноябрь 2022 г.	на 1 января 2021 г.	на 1 января 2022 г.
Число респондентов, человек	1617	2015	1623	1606	1814	–	–
В том числе, в %:	100	100	100	100	100	100	100
– Мужчины 18–34 лет	13	14	13	12	11	13	13
– Мужчины 35–54 лет	17	17	18	18	19	17	18
– Мужчин 55 лет и старше	12	11	12	11	12	14	14
– Женщины 18–34 лет	13	14	13	12	12	13	13
– Женщины 35–54 лет	20	22	23	25	22	19	19
– Женщины 55 лет и старше	24	22	22	22	24	23	23

Источник: составлено авторами; Росстат: Численность постоянного населения (мужчин и женщин) по возрасту. — URL: <https://fedstat.ru/indicator/31548>; <https://www.fedstat.ru/indicator/33459>.

Анализ материального положения семей с детьми от 3 до 17 лет

Для того, чтобы оценить охват семей с детьми от 3 до 17 лет выплатами на детей этих возрастов, а также влияние данных выплат на снижение уровня бедности семей с детьми такого возраста, рассмотрим результаты анализа мониторинговых опросов населения, проведённых РАНХиГС в 2021–2022 годах. Данные опроса, проведённого РАНХиГС в ноябре 2022 г., показывают, что риск бедности до-

мохозяйств с детьми от 3 до 17 лет более чем в 1,5 раза выше риска бедности среди всех домохозяйств в целом (рис. 1). Для сравнения: риск бедности домохозяйств без детей, напротив, в 1,5 раза ниже риска бедности среди всех домохозяйств в целом. С увеличением числа детей в домохозяйстве риски бедности возрастают: если риск бедности домохозяйств с 1 ребёнком от 3 до 17 лет составляет 1,29 раза, то риск бедности домохозяйств с 3 и более детьми от 3 до 17 лет — уже 2,40 раза.

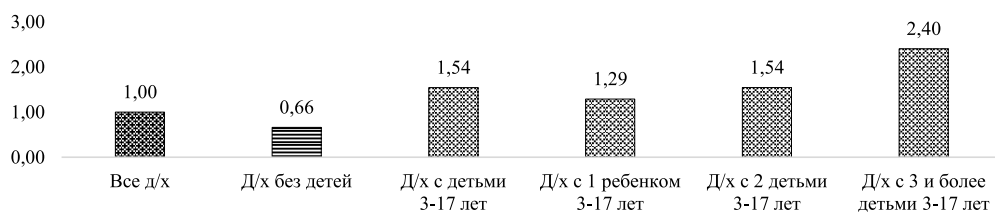


Рис. 1. Риск бедности* домохозяйств с детьми от 3 до 17 лет в зависимости от количества детей, ноябрь 2022 г., раз

Fig. 1. Poverty risk of households with children aged 3 to 17 by number of children, November 2022
Источник: расчёты авторов.

* Риск бедности — соотношение доли домохозяйств определённой социально-демографической группы со среднедушевыми доходами ниже ПМ к доли всех домохозяйств со среднедушевыми доходами ниже ПМ.

Повышенные риски бедности испытывают домохозяйства с детьми от 3 до 17 лет, имеющие в своём составе безработных граждан, а также проживающие в сельской местности (рис. 2). Более высокий уровень бедности семей с детьми и неработающими лицами, а также сельских семей подтверждались также в других исследованиях [4].

Анализ охвата ежемесячными выплатами на детей от 3 до 7 лет и детей от 8 до 17 лет

В ноябре 2022 г. выплатами на детей от 3 до 7 и от 8 до 17 лет было охвачено более 20% домохозяйств с детьми этих возрастов (рис. 3). С октября 2021 г. охват данными выплатами увеличился в 1,3 раза. В основном рост охвата объясняется ростом чис-



Рис. 2. Риск бедности домохозяйств с детьми от 3 до 17 лет в зависимости от места проживания и наличия безработных, ноябрь 2022 г., раз

Fig. 2. Poverty risk of households with children aged 3 to 17 depending on residence type and presence of the unemployed, November 2022, times

Источник: расчёты авторов.

ла получателей ежемесячной выплаты на детей от 8 до 17 лет, т.к. с мая 2022 г. право на получение данной выплаты получили бедные полные семьи, а до этого — имели только одинокие родители.

Охват выплатами среди сельских домохозяйств с детьми от 3 до 17 лет в 1,5 раза выше охвата семей, проживающих в городе (19% и 30% соответственно в ноябре 2022 г.) (рис. 4). В то же время, как было отмечено выше, риск бедности сельских семей с детьми от 3 до 17 лет

в 1,7 раза выше риска бедности городских семей с детьми такого возраста (2,30 раза против 1,33 раза), что свидетельствует о том, что не все бедные сельские семьи с детьми смогли получить рассматриваемые выплаты. Ежемесячной выплатой от 3 до 7 лет в ноябре 2022 г. было охвачено 26% городских семей и 41% сельских семей с детьми такого возраста, от 8 до 17 лет — 15% городских семей и 27% сельских семей.

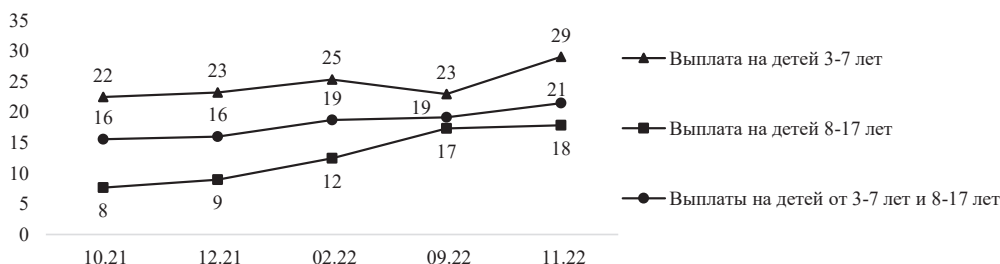


Рис. 3. Доля домохозяйств, получающих ежемесячные выплаты на детей 3–7 и 8–17 лет, %
 Fig. 3. The share of households, receiving social benefits for children aged 3–7 and 8–17, %
 Источник: расчёты авторов.

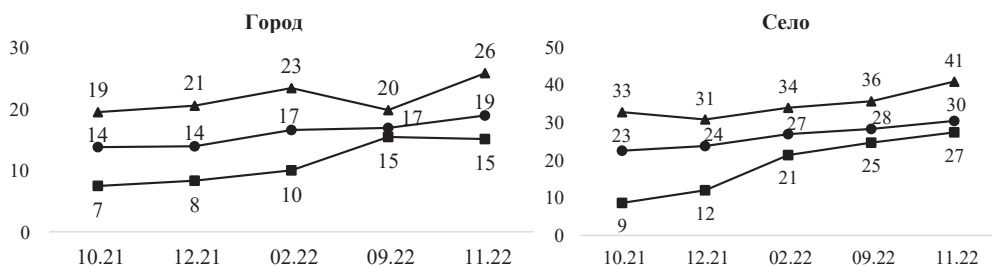


Рис. 4. Доля городских и сельских домохозяйств, получающих ежемесячные выплаты на детей 3–7 и 8–17 лет, %

Fig. 4. The share of urban and rural households, receiving benefits for children aged 3–7 and 8–17, %
 Источник: расчёты авторов.

В период с октября 2021 г. по ноябрь 2022 г. охват ежемесячной выплатой от 8 до 17 лет городских семей увеличился в 2,1 раза, а охват сельских семей — в 3,0 раза. Более быстрый рост охвата сельских семей может объясняться усилением поддержки самозанятости на селе. В соответствии с Постановлением Правительства РФ от 24 декабря 2021 г. № 2451 с 1 января 2022 г.

самозанятые лица, ведущие личное подсобное хозяйство, могут получить субсидии на выращивание овощей, картофеля, производство молока, содержание коров, овец и коз. При этом регистрация и получение дохода в качестве самозанятого позволяет преодолеть правило нулевого дохода при оценке нуждаемости для получения ежемесячных выплат от 3 до 7 лет и от

8 до 17 лет. Наиболее высокий охват ежемесячными выплатами наблюдается среди многодетных домохозяйств с детьми от 3 до 17 лет (47% в ноябре 2022 г.) (рис. 5).

Среди домохозяйств с 2 детьми такого возраста данными выплатами охвачены 26%, а среди домохозяйств с 1 ребёнком — 11%.

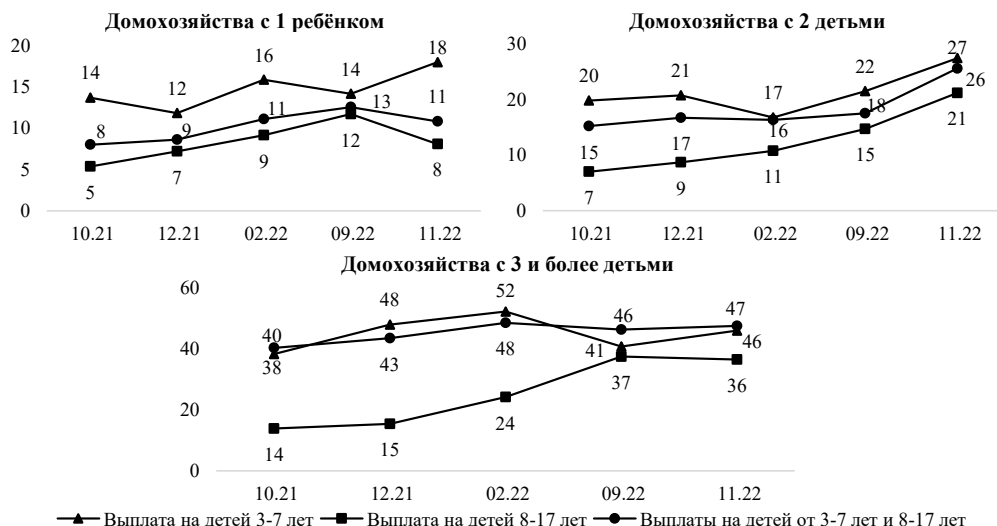


Рис. 5. Доля домохозяйств с 1, 2 и 3 и более детьми, получающих ежемесячные выплаты на детей 3–7 и 8–17 лет, %

Fig. 5. The share of households with 1, 2 and 3+ children, receiving benefits for children aged 3–7 and 8–17, %

Источник: расчёты авторов.

Наличие большого числа иждивенцев приводит к низкому среднедушевому доходу семьи, а условия назначения для домохозяйств с 3 детьми дополнительно смягчены тем, что один из членов домохозяйства может не иметь официальных трудовых доходов и не должен иметь при этом уважительную причину их отсутствия.

Оценка результативности ежемесячных выплат на детей 3–7 и 8–17 лет

В ноябре 2022 г. менее половины бедных домохозяйств с детьми от 3 до 17 лет получали ежемесячную выплату на детей такого возраста (рис. 6). По сравнению с октябрём 2021 г. охват бедных домохозяйств увеличился в 1,4 раза, в первую очередь, за счёт предоставления с мая 2022 г. пра-

ва на получение ежемесячной выплаты на детей от 8 до 17 лет всем бедным семьям с детьми такого возраста. Охват бедных домохозяйств с детьми от 8 до 17 лет ежемесячной выплатой увеличился с октября 2021 г. по ноябрь 2022 г. более чем в 2 раза: с 17% до 38%.

Одной из причин увеличения охвата бедных семей с детьми от 3 до 7 лет ежемесячной выплатой в период с сентября по ноябрь 2022 г. (с 47% до 58%) может быть упрощение критериев нуждаемости при назначении выплат на детей из семей мобилизованных граждан с 1 ноября 2022 г. В соответствии с постановлением Правительства РФ от 29.10.2022 № 1933 доходы мобилизованного не учитываются в составе доходов семьи при оценке нуждаемости. Кроме того, даже если у мобилизованного гражданина в оцениваемый период отсутствовали трудовые доходы,

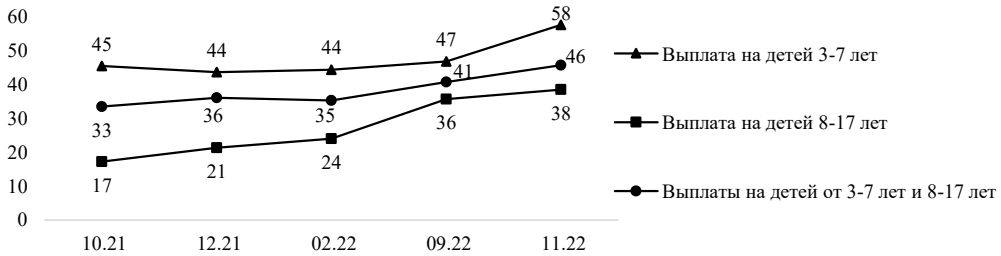


Рис. 6. Доля малоимущих домохозяйств, получающих ежемесячные выплаты на детей 3–7 и 8–17 лет, % от малоимущих домохозяйств с детьми соответствующего возраста

Fig. 6. The share of poor households, receiving benefits for children aged 3–7 and 8–17, % poor households with children of relevant age

Источник: расчёты авторов.

его семье не могут отказать в назначении выплаты по данной причине, т.е. правило нулевого дохода в этом случае не применяется. Поскольку чаще всего под мобилизацию попадали граждане до 35 лет, среди которых выше доля имеющих детей дошкольного возраста, то можно предположить, что введённое упрощение критериев нуждаемости оказало более существенное влияние на предоставление ежемесячной выплаты на детей от 3 до 7 лет.

Проведённые расчёты показывают, что доля бедных домохозяйств с детьми от 3 до 17 лет в результате предоставления ежемесячных выплат на детей сократилась в ноябре 2022 г. в 1,18 раза (рис. 7). Причём предоставление ежемесячной выплаты на детей от 3 до 7 лет снижает долю бедных среди домохозяйств с детьми от 3 до 7 лет более существенно — в 1,25 раза.

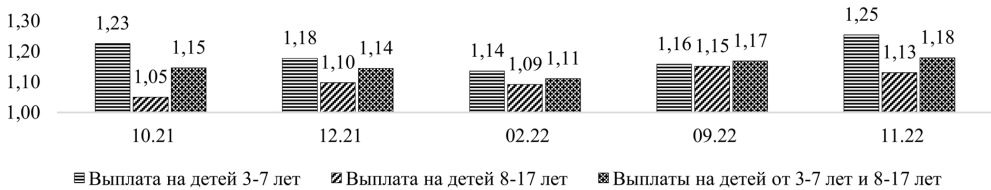


Рис. 7. Сокращение доли бедных домохозяйств с детьми в результате предоставления ежемесячных выплат на детей 3–7 и 8–17 лет, раз

Fig. 7. Decrease in the share of poor households as a result of providing benefits for children aged 3–7 and 8–17, times

Источник: расчёты авторов.

Наблюдаемое усиление влияния ежемесячной выплаты на детей от 8 до 17 лет на снижение уровня бедности среди домохозяйств с детьми такого возраста с октября 2021 г. по ноябрь 2022 г. обусловлено как расширением числа получателей данной выплаты, так и увеличением её среднего размера. Так, с 1 июля 2021 г. по 1 мая 2022 г. право на ежемесячную выплату на детей от 8 до 17 лет имели только неполные

семьи с детьми со среднедушевыми доходами ниже ПМ и размер предоставляемой им выплаты составлял 50% ПМ, а с 1 мая 2022 г. право на указанную выплату было предоставлено всем семьям с детьми этого возраста со среднедушевыми доходами ниже ПМ и размер предоставляемой им выплаты варьировался в зависимости от дефицита их дохода и составлял 50%, 75% или 100% ПМ.

Что касается ежемесячной выплаты на детей от 3 до 7 лет, то влияние данной выплаты на снижение уровня бедности среди домохозяйств с детьми от 3 до 7 лет сокращалось с октября 2021 г. по февраль 2022 г. и увеличилось в сентябре-ноябре 2022 г. Ослабление влияния ежемесячной выплаты на детей от 3 до 7 лет на сокращение уровня бедности в феврале 2022 г. обусловлено повышением ПМ, рассматриваемого в рамках данной статьи в качестве черты бедности, с 1 января 2022 г., что, при прочих равных, ведёт к увеличению доли домохозяйств за чертой бедности. При этом размер данной выплаты для семей, уже получающих такую выплату, не увеличился автоматически при повышении ПМ — для перерасчёта размера выплаты необходимо было пройти перерегистрацию. Беззаявительный перерасчёт ежемесячной выплаты на детей от 3 до 7 лет в связи с ежегодным изменением ПМ был введён с 1 апреля 2022 г. в соответствии с постановлением Правительства РФ от 28 января 2022 г. № 68. Усилению влияния ежемесячной выплаты на детей от 3 до 7 лет на сокращение уровня бедности среди домохозяйств с детьми от 3 до 7 лет в ноябре 2022 г. способствовало расширение охвата указанной выплатой бедных домохозяйств.

Анализ интернет-обращений и комментариев, касающихся сложности с получением выплат на детей от 3 до 7 лет и от 8 до 17 лет

На основе анализа интернет-обращений и комментариев опишем ключевые сложности, с которыми сталкиваются домохозяйства с детьми при обращении за получением выплат на детей от 3 до 7 лет и от 8 до 17 лет.

Правило «нулевого дохода». В соответствии с постановлениями Правительства РФ от 31.03.2020 № 384, от 28.06.2021 № 1037 и от 16.12.2022 № 2330 правило «нулевого дохода» предполагает, что пособие назначается при наличии у взрослых членов семьи заработка (стипендии, зарплаты, дохо-

дов от предпринимательской деятельности или пенсии). В результате анализа интернет-обращений можно выделить следующие ситуации, из-за которых часть населения не может выполнить требование ненулевого дохода, но является нуждающейся в социальной поддержке. Например, проживающие в сельской местности, где мало мест с официальным трудоустройством, сталкивающиеся с недоступностью детских садов, или имеющие детей, которые не могут посещать детский сад по состоянию здоровья, часто болеют, из-за чего родитель должен оставаться с ребёнком дома, а других родственников, которые могут побыть с ребёнком рядом нет.

Категории семей, которые имеют право иметь не работающего трудоспособного члена домохозяйства — один из родителей в многодетной семье или единственный родитель — несмотря на это сталкиваются на местах с отказами. *«Подала на повышение выплат с 3 до 7, сегодня пришёл отказ в связи с отсутствием дохода. В правилах нулевого дохода есть пункт о матерях одиночках. Я мать-одиночка, ребёнку 4 годика, работаю неофициально»¹. «Многодетная семья! Сказано, что один может не работать! В итоге пришёл отказ по причине нет дохода у мужа. Так как удостоверение многодетной семьи оформлено не на мужа, а на меня! Что за абсурд? Мы семья, мы не в разводе и все дети наши общие. Какая разница, на кого из родителей оформлено удостоверение?»². Люди готовы оформить развод, чтобы получить право на пособие. «У меня 3 детей. Муж не работает, на больничном с октября 2020 г., многодетная семья. Я не работаю. Работы официальной нет в селе, нам отказали в пособие с 3 до 7. А если разведёмся, смогу ли я оформить пособие?»³.*

¹ Подала на повышение выплат с 3 до 7, сегодня пришёл отказ в связи с отсутствием дохода // Налог-налог.ру: [сайт]. — URL: <https://nalog-nalog.ru/forum/answers/65940/> (дата обращения: 10.06.2022).

² Ответы на популярные вопросы и детали выплат пособий за детей от 3 до 7 лет в 2021 году // NGS24.RU Красноярск онлайн: [сайт]. — URL: <https://ngs24.ru/text/economics/2021/05/07/69903323/comments/> (дата обращения: 10.06.2022).

³ У меня 3 детей. Муж не работает на больничном с октября 2020 года, многодетная семья. Я не работаю... //

Согласно действующему законодательству, длительная безработица, обусловленная отсутствием рабочих мест в месте проживания, не рассматривается как уважительная причина отсутствия трудовых доходов. Кроме того, не все категории могут быть признаны безработными и получить пособие по безработице. Например, если у человека есть разрешение на временное проживание, то он может быть поставлен в центре занятости на учёт как ищущий работу без назначения пособия. В этом случае семья получит отказ в назначении пособия. Для многих семей выходом стало оформление самозанятости, так как даже минимальный доход достаточен для выполнения правила нулевого дохода.

Период учёта среднедушевых доходов домохозяйства. На сайте Минтруда России отмечено, что для соответствия правилу нулевого дохода достаточно иметь трудовой доход в течение хотя бы одного месяца в рассматриваемом периоде⁴. Однако, на практике в регионах могут требовать подтверждение доходов за все 12 месяцев [13] или, например, в течение минимум 10 месяцев. *«В этом году нам пришёл отказ по причине «отсутствие дохода за указанный период», хотя в 2020 году (который у меня является указанным периодом) официально я работала 8 месяцев, остальные неофициально»⁵.*

С проблемами сталкиваются сельские жители, имеющие сезонную официальную занятость. «Живём в деревне, в выплате от 3 до 7 отказали. У нас нет ни садиков, ни работы, у мужа работа посезонная, то есть он работает в сезон на зерноуборочном комбайне. Отчисления в налоговую все делаются. Я стояла на бирже полгода, потом просто сняли, работы-то нет,

а на бирже больше не держат. Плюс у нас ЛПХ — коровка, поросятки, огород. В выплате отказывают, т.к. говорят работы стаж в году должен быть не менее 10 мес., но как, если биржа не держит, а у мужа только на сезон и так каждый год»⁶.

Отказ в пособии является стимулирующей мерой для оформления самозанятости или статуса индивидуального предпринимателя. Доход самозанятого, подтверждённый через приложение «Мой налог», учитывается при назначении пособия на детей от 3 до 7 лет. Однако, обращаясь, например, через 5 месяцев после оформления самозанятости, люди получают отказы. «Я с июля 2021 года зарегистрирован как самозанятый, жена по уходу за 3-я детьми. 7 декабря я подал документы, чтоб признали малоимущим. Сегодня получил отказ. Причина в том, что расчётный период берется за весь год, т.е. с июня 2020 по июль 2021 года. И доходы должны быть за каждый из этих месяцев!!! И это в Москве»⁷.

Учёт алиментов. В соответствии с п. 21 Постановления Правительства РФ от 31.03.2020 № 384, п. 18 Постановления Правительства РФ от 28.06.2021 № 1037, п. 47 Постановления Правительства РФ от 16.12.2022 № 2330 при расчёте среднедушевого дохода семьи учитывается сумма полученных алиментов. При этом об учёте или исключении алиментов, которые члены семьи отдают в другую семью, ничего не сказано. Получается, что одна и та же сумма может учитываться дважды, в двух семьях и даже дважды внутри одной семьи. *«Муж платит алименты 1 ребёнку и нашему совместному ребёнку (мы в браке). При оформлении пособия, мало того они не вычитают в виде расходов алименты на первого ребёнка (будто эти деньги в семье), так и считают на второго ребёнка деньги*

Налог-налог.ру: [сайт]. — URL: <https://nalog-nalog.ru/forum/comments/40287/> (дата обращения: 10.06.2022).

⁴ Пенсионный фонд принял уже почти 90 тыс. заявлений на новые выплаты // Минтруд России, 1 июля 2021 г.: [сайт]. — URL: <https://mintруд.gov.ru/social/335> (дата обращения: 18.03.2023).

⁵ У меня двое детей, 4х и 6ти лет, отец платит алименты, но на три прожиточных минимума не выходим, и... // Налог-налог.ру: [сайт]. — URL: <https://nalog-nalog.ru/comments/40859/> (дата обращения: 10.06.2022).

⁶ Отказ в назначении пособия на ребенка от 3 до 7 лет: как и куда подать жалобу // GOGOV — о главном в России без политики: [сайт]. — URL: <https://gogov.ru/services/child-benefit/3-7/complaint> (дата обращения: 10.10.2022).

⁷ Можно ли стать самозанятым для получения пособия от 3 до 7 лет? // Детские пособия: энциклопедия молодой мамы: [сайт]. — URL: <http://detskie-posobiya.molodaja-semja.ru/ejemesyachnye-posobiya/ot-3-do-7-let/samozanyatym/> (дата обращения: 3.10.2022).

2 раза. Считают его полную з/п (без вычета НДФЛ и всех алиментов) и прибавляют мне выплаченные им алименты! Абсурд!»⁸. При этом в определении от 25 апреля 2022 года № 65-КГПР22–1-К9 Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ указала, что уплаченные алименты не должны учитываться в составе доходов семьи, претендующей на господдержку.

Учёт имущества. Существующие имущественные критерии люди также считают несправедливыми в ряде ситуаций, например, когда речь о жилье, купленном в ипотеку и требующем ежемесячных расходов. «Мы ранее получали выплату 50% на ребёнка, была однокомнатная квартира в ипотеку. Детей двое, появился такой вариант (благодаря материнскому капиталу) купить двушку. Купили, теперь две квартиры в ипотеке, в выплатах отказывают из-за недвижимости. А то, что они в ипотеке, и у нас нет прав их продавать, никого не волнует. Неужели ничего нельзя сделать? Доход небольшой, да две квартиры, так две ипотеки и платим»⁹.

Также люди отмечают, что если у них только доля в квартире, то они не могут получать дополнительный доход с этой доли, сдав её в аренду, так как в квартире живут другие родственники. Несмотря на то, что в правилах назначения ежемесячного пособия в связи с рождением и воспитанием ребёнка, ежемесячных выплат на детей от 3 до 7 лет и от 8 до 17 лет не отмечено, что единственное жильё с большой площадью может стать причиной отказа в назначении данных мер поддержки, встречаются случаи неправомерных отказов. «Позвонила в Пенсионный фонд в отдел детских пособий. Они долго мне читали свои постановления и сказали, что независимо сколько квартир или домов, надо чтобы метраж был не больше 24 кв и 40 кв на человека! Я им стала объяснять, что если по од-

ной квартире или одному дому, то метраж не важен! В пенсионном фонде ответили, что они получают ответы с Росреестра об этом и рассчитывают именно с 24 кв и 40 кв, соответственно. Как-то так. Сотрудники Пенсионного фонда лишают семьи пособий, так как не в курсе»¹⁰.

У семей с детьми возникают вопросы о том, почему учитывается только количество объектов имущества, но не учитывается его стоимость. При этом исследователи [9] отмечают, что в зарубежных странах при оценке имущественной обеспеченности семьи учитывается не только отдельные характеристики имущества, но и его рыночная стоимость. «А две машины!.. Очень много есть мест, где без машины совсем никак, даже под Москвой, не говоря уж о сельской местности. И в чем вообще смысл считать эти машины в лошадиных силах? Тогда уж надо оценку имущества проводить, за сколько прожиточных минимумов машину продать можно. Машина сто тысяч может стоить, но нет, её всё равно нельзя иметь»¹¹. Удивление вызывает и то, что при продаже имущества (квартиры, дома, автомобиля) полученные деньги учитываются в доходах и становятся поводом для отказа в пособии, в то время как они используются на покупку взамен другого жилья или автомобиля.

Регистрация по месту жительства. Сложности с доступом к мерам социальной поддержки могут быть связаны с различием в адресах регистрации по месту жительства матери и ребёнка. Представляется, что в таких ситуациях первоочередным должен быть факт совместного проживания, а не документы о регистрации. «В прошлом году я оформляла выплату с 3 до 7, в этом году мне отказали из-за разной прописки с ребёнком, хотя ситуация не менялась. Муж подал. Ему одобрили, но сказали, что перерасчёта с января ему не будет.

⁸ Для выплат с 3 до 7 лет больше не нужны справки об алиментных. В чём подвох? //Тинькофф Журнал: [сайт].— URL: <https://journal.tinkoff.ru/user2299051/> (дата обращения: 20.12.2022).

⁹ Как имущество влияет на детские выплаты с 3 до 7 лет // Тинькофф Журнал: [сайт].— URL: <https://journal.tinkoff.ru/user2068422/> (дата обращения: 20.12.2022).

¹⁰ Единое пособие на детей до 17 лет в 2023 году: условия, размер выплат // Тинькофф Журнал: [сайт].— URL: <https://journal.tinkoff.ru/news/edinoe-posobie-na-detei/> (дата обращения: 15.03.2023).

¹¹ Единое пособие на детей до 17 лет в 2023 году: условия, размер выплат // Тинькофф Журнал: [сайт].— URL: <https://journal.tinkoff.ru/news/edinoe-posobie-na-detei/> (дата обращения: 15.03.2023).

Т.к. новый заявитель на пособие. Как так???? Пособие же на ребёнка, одного того же, причём тут заявитель?»¹²

Отмена региональных пособий. В соответствии с Постановлением Правительства РФ от 16 декабря 2022 г. № 2330 «О порядке назначения и выплаты ежемесячного пособия в связи с рождением и воспитанием ребёнка» при введении ежемесячного пособия в связи с рождением и воспитанием ребёнка регионы должны провести инвентаризацию установленных на региональном уровне мер поддержки для бедных семей, имеющих детей, и дать оценку целесообразности дальнейшего их предоставления. Это позволило регионам отменить отдельные региональные меры поддержки, в том числе, ежемесячное пособие на ребёнка до 16 лет, которое до 1 января 2023 г. предоставлялось в каждом регионе в соответствии со ст. 16 Федерального закона от 19.05.1995 № 81-ФЗ «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей». *«Я по старым правилам получала больше, чем теперь с единым пособием, да и региональную выплату ещё под шумок отменили. Короче, как обычно, рекламы много, а по сути выплаты урезали»¹³.* При этом некоторые из отменённых региональных выплат могут предоставляться до 23 лет, в то время как ежемесячное пособие в связи с рождением и воспитанием ребёнка предоставляется до достижения ребёнком возраста 17 лет. *«Дочери исполнилось 17, и нам отказали в последующей выплате. Она обучается на дневном обучении, я единственный родитель, папа дочерью не интересуется, и где он мы не знаем. ПФР региона отказал в выплате ссылаясь на закон, о том, что ребёнок 17 лет. Доход мой официальный составляет 15000 на двоих. Как быть? Куда обращаться? Почему*

¹² Как рассчитать пособие по новым правилам? 15 важных вопросов про выплаты на детей от 3 до 7 лет // NGS24. RU Красноярск онлайн: [сайт]. – URL: <https://ngs24.ru/text/economics/2021/05/07/69903323/comments/> (дата обращения: 24.10.2022).

¹³ Единое пособие на детей до 17 лет в 2023 году: условия, размер выплат // Тинькофф Журнал: [сайт]. – URL: <https://journal.tinkoff.ru/news/edinoe-posobie-na-detei/> (дата обращения: 15.03.2023).

мой ребёнок не имеет право на поддержку государства пока обучается?»¹⁴

Однако, как отмечают исследователи [14], непредоставление социальной поддержки на детей в возрасте от 17 и старше, очно обучающихся в высших и средних специальных учебных заведениях, увеличивает их риски бедности и может привести к отказу таких детей от продолжения обучения. В связи с этим, крайне важно расширить границы социальной поддержки семей с детьми до момента окончания ребёнком учебного заведения.

Таким образом, выявлен ряд трудностей, которые могут привести к тому, что отдельные семьи с детьми даже при наличии среднедушевых доходов ниже ПМ не смогут получить указанные выплаты. Большинство из проблем, упоминаемых в рассмотренных интернет-обращениях, могут быть решены путем внесения соответствующих изменений в нормативно-правовые акты, регламентирующие правила назначения указанных выплат.

Заключение

Проведённый анализ позволил выявить ряд законодательных изменений, которые содействовали росту охвата семей с детьми от 3 до 17 лет социальной поддержкой и/или сокращению уровня их бедности: 1) расширение охвата семей с детьми от 8 до 17 лет ежемесячными выплатами за счёт перехода от предоставления выплат бедным одиноким родителям к предоставлению выплат всем бедным семьям с детьми такого возраста; 2) увеличение среднего размера ежемесячной выплаты на детей от 8 до 17 лет и его дифференциация с учётом дефицита дохода семьи; 3) переход к автоматическому повышению размера предоставляемых выплат при росте ПМ; 4) упрощение порядка назначения ежемесячных выплат на детей от 3 до 7 лет и от 8 до 17 лет из семей мобилизованных граждан за счёт исклю-

¹⁴ Единое пособие на детей до 17 лет в 2023 году: условия, размер выплат // Тинькофф Журнал: [сайт]. – URL: <https://journal.tinkoff.ru/news/edinoe-posobie-na-detei/> (дата обращения: 15.03.2023).

чения дохода мобилизованных при оценке нуждаемости семьи.

Вместе с тем проведённый контент-анализ интернет-сообщений семей с детьми, столкнувшихся с трудностями при оформлении детских пособий, показал наличие ряда факторов, ограничивающих возможности влияния рассматриваемых ежемесячных выплат на снижение уровня бедности: 1) сложности с выполнением требований правила «нулевого дохода» при проживании в удалённых территориях с отсутствием рабочих мест, в том числе, в сельских территориях с отсутствием возможностей реализации продукции от личного подсобного хозяйства; 2) отсутствие чёткого нормативно-правового определения длительности периода ненулевого дохода, который должен быть у трудоспособного члена семьи (например, от 1 до 12 месяцев (включительно) из 12 месяцев расчётного периода); 3) включение суммы алиментов, уплаченных в другую семью, в составе доходов семьи; 4) отсутствие учёта обязательных расходов семьи в виде арендных и ипотечных платежей; 5) учёт долевой собственности при оценке нуждаемости семьи; 6) отсутствие учёта стоимости имущества в собственности семьи; 7) одновременный учёт доходов от продажи объекта имущества и нового объекта имущества, купленного взамен старого; 8) отсутствие учёта факта совместного проживания родителя и ребёнка в случае различий в адресах их регистрации; 9) отмена отдельных региональных мер поддержки семей с детьми при введении ежемесячного пособия в связи с рождением и воспитанием ребёнка. Отмеченные факторы могут приводить к неполному охвату социальной поддержкой бедных семей с детьми от 3 до 17 лет.

Проведённый анализ показал важность внесения изменений и дополнений в Постановление Правительства РФ от 16.12.2022 № 2330 «О порядке назначения и выплаты ежемесячного пособия в связи с рождением и воспитанием ребёнка» в части учёта стоимости имущества и исключения долевой собственности при оценке нуждаемости семьи; чёткого определения длительности периода ненулевого дохода; исключения из

состава доходов семьи уплаченных алиментов и суммы, соответствующей расходам по арендным и ипотечным платежам; дифференцированного подхода к учёту доходов от продажи недвижимости и предоставления возможности заявителям подтверждения состава семьи на основании факта совместного проживания. Принятие указанных поправок будет способствовать повышению охвата бедных семей пособием в связи с рождением и воспитанием ребёнка, и снижению дефицита дохода таких семей.

Анализ данных опросов населения, проведённых РАНХиГС с октября 2021 г. по ноябрь 2022 г., показал, что более половины домохозяйств с детьми от 3 до 17 лет со среднедушевым доходом ниже ПМ не получали ежемесячные выплаты на детей от 3 до 7 лет и от 8 до 17 лет. Уровень бедности многодетных и сельских семей с детьми от 3 до 17 лет оставался высоким даже с учётом получения указанных выплат, поскольку дефицит доходов таких семей часто больше, чем объём предоставляемой им социальной помощи.

Зарубежные исследования¹⁵ говорят о важности увеличения охвата бедных семей социальной поддержкой и обеспечения адекватности размера предоставляемых им выплат. Повышение информированности населения о существующих мерах поддержки, упрощение процедур обращения за помощью, ликвидация правовых и практических барьеров, препятствующих получению помощи отдельными уязвимыми группами малоимущего населения, обеспечение чётких и доступных процедур обжалования решения органов, ответственных за назначение помощи, являются важными инструментами, направленными на расширение охвата нуждающихся социальной поддержкой в целях снижения бедности.

¹⁵ Non-take-up of Rights in the Context of Social Protection. United Nations Report of the special rapporteur on extreme poverty and human rights (A/HRC/50/38). – URL: <https://www.ohchr.org/en/special-procedures/sr-poverty>; Charting a Course Towards Universal Social Protection: Resilience, Equity, and Opportunity for All. World Bank. 2022. – URL: <https://openknowledge.worldbank.org/entities/publication/84ba2380-624c-553a-b929-2882e72c7468> (дата обращения: 22.03.2023).

Литература и Интернет-источники

1. **Ропова, D.** Measuring Individual Material Well-being Using Multidimensional Indices: An Application Using the Gender and Generation Survey for Russia / D. Popova, A. Pishnyak // Social Indicators Research. — 2017. — No. 130(3). — P. 883–910. EDN: YUJYWF
2. **Ржаницына, Л. С.** Улучшение положения детей в разведённых семьях — путь к снижению бедности в России / Л. С. Ржаницына, С. И. Рыбальченко // Народонаселение. — 2021. — Т. 24. — № 1. — С. 24–32. DOI: 10.19181/population.2021.24.1.3; EDN: NBNLUG
3. **Архангельский, В. Н.** Оценка уровня жизни семей с детьми: аналитические возможности обследований Росстата / В. Н. Архангельский, В. В. Елизаров, Н. Г. Джанаева // Уровень жизни населения регионов России. — 2019. — № 1(21). — С. 65–79. EDN: JSHDDF
4. **Бондаренко, Л. В.** Занятость и социальная защита безработных в системе факторов преодоления концентрации российской бедности на сельских территориях / Л. В. Бондаренко, Н. А. Симановский // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. — 2022. — № 11. — С. 4–23. DOI 10.33938/2211–4; EDN: DNLVGT
5. **Пишняк, А. И.** Занятость российских женщин после рождения детей: стимулы и барьеры / А. И. Пишняк, Е. В. Надеждина // Журнал исследований социальной политики. — 2020. — Т. 18. — № 2. — С. 221–238. DOI: 10.17323/727–0634–2020–18–2–221–238; EDN: INVKIR
6. **Горина, Е. А.** Трансформация социальной поддержки населения в регионах России: направления и приоритеты / Е. А. Горина // The Journal of Social Policy Studies. — 2019. — № 17(2). — С. 163–176. EDN: ZRNARC
7. **Малева, Т. М.** Региональные системы социальной защиты: как и зачем вводится адресность / Т. М. Малева, Е. Е. Гришина, Е. А. Цацура // Регион: Экономика и социология. — 2016. — № 4 (92). — С. 153–175. DOI: 10.15372/REG20160407; EDN: XDNIFH
8. **Андреева, Е. И.** COVID-19 и антикризисная социальная поддержка / Е. И. Андреева, Д. Г. Бычков, О. А. Феоктистова // Финансовый журнал. — 2021. — Т. 13. — № 1. — С. 28–38. DOI: 10.31107/2075–1990–2021–1–28–38; EDN: MWDKBL
9. **Гришина, Е. Е.** Семьи с детьми от 3 до 7 лет в период пандемии COVID19: оценка материального положения и охвата поддержкой / Е. Е. Гришина, Е. А. Цацура // Народонаселение. — 2022. — Т. 25. — № 1. — С. 55–64. DOI: 10.19181/population.2022.25.1.5; EDN: LLCDYQ
10. **Колосницына, М. Г.** Детские пособия и бедность в России / М. Г. Колосницына, А. В. Филиппова // Экономическая политика. — 2017. — Т. 12. — № 4. — С. 118–153. DOI: 10.18288/1994–5124–2017–4–05; EDN: ZFJDIT
11. Социальная защита в России до и после пандемии: развилки будущего. Доклад к XXIII Ясинской (Апрельской) международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества / ред. Л. Н. Овчарова, О. В. Синявская; НИУ «Высшая школа экономики». — Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. — 184 с.
12. **Селиванова, О. В.** Анализ влияния ежемесячной денежной выплаты на ребёнка в возрасте от трёх до семи лет включительно на снижение уровня бедности в регионах России / О. В. Селиванова, М. В. Данилина // Экономика: вчера, сегодня, завтра. — 2022. — Т. 12. — № 8А. — С. 93–101. DOI: 10.34670/AR.2022.27.40.011; EDN: MDLFSG
13. **Рощепко, Н. В.** Дискуссионные вопросы оценки нуждаемости в контексте предоставления мер социальной поддержки семьям с детьми / Н. В. Рощепко // Вестник ЯрГУ. Гуманитарные науки. — 2022. — Т. 16. — № 2. — С. 284–293. EDN: QEKXJX
14. **Корчагина, И. И.** Семьи с детьми старшего школьного возраста: потребность в социальной поддержке / И. И. Корчагина, Л. М. Прокофьева // Народонаселение. — 2022. — Т. 25. — № 3. — С. 153–162. DOI: 10.19181/population.2022.25.3.12; EDN: LWSALJ

Сведения об авторах:

Гришина Елена Евгеньевна, к.э.н, ведущий научный сотрудник, Научно-исследовательский финансовый институт Министерства финансов Российской Федерации, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: grishina@nifi.ru; ORCID: 0000-0001-8548-5497; РИНЦ AuthorID: 547472.

Цацура Елена Алексеевна, к.соц.н, старший научный сотрудник, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: tsatsura-ea@ranepa.ru; ORCID: 0000-0001-9142-2070; РИНЦ AuthorID: 243493.

DOI: 10.19181/population.2023.26.3.7

TARGETED ALLOWANCES FOR CHILDREN AGED 3–7 AND 8–17: ACCESSIBILITY, EFFECTIVENESS AND LESSONS FOR UNIFIED BENEFIT

Elena E. Grishina^{1*}, Elena A. Tsatsura²

¹*Financial Research Institute of the Ministry of Finance of the Russian Federation
(3 Nastasinsky lane, Moscow, Russian Federation, 127006)*

²*Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
(11 Prechistenskaya nab., Moscow, Russian Federation, 119034)*

*E-mail: grishina@nifi.ru

For citation:

Grishina E.E., Tsatsura E.A. Targeted allowances for children aged 3–7 and 8–17: accessibility, effectiveness and lessons for unified benefit. *Narodonaselenie [Population]*. 2023. Vol. 26. No. 3. P. 77–92. DOI: 10.19181/population.2023.26.3.7 (in Russ.)

Abstract. Families with children can receive monthly payments of a substantial amount (from 50% to 100% of the child's subsistence minimum). In January 2023, a unified benefit for children was introduced, extending to all categories of the child population the rules of monthly payments provided to low-income families with children aged 3–7 and 8–17. Based on 5 waves of telephone surveys conducted by RANEPA in the period from October 2021 to November 2022, as well as an analysis of comments from Internet sources, the article analyzes the risk of poverty for families with children from 3 to 17 years of age, accessibility of social support, coverage and effectiveness of monthly payments for children aged 3–17. It is shown that households with children aged 3–17 have 1.5 times higher risk of poverty that rises with an increase in the number of children, as well as in the presence of the unemployed, and living in rural areas. By the end of 2022, more than 20% of households with children of this age were covered by payments in question, among families with 3 and more children — 47%. At the same time, less than half of poor households with children aged 3–17 are covered by these payments. Due to provision of payments, the share of poor households decreased in November 2022 by 1.18 times. Several factors remain, which lead to significant exclusion errors that reduces the impact of the monthly payments on poverty. When switching to the unified benefit for children from 0 to 17 years of age, it is important to take into account the experience of providing support for children aged 3–7 and 8–17 in order to make timely adjustments that will increase the coverage of needy families and raise the impact of the benefit on poverty.

Keywords: families with children, poverty, social support, social benefits, unified benefit, eligibility criteria.

References and Internet sources

1. Popova D., Pishnyak A. Measuring individual material well-being using multidimensional indices: An application using the gender and generation survey for Russia. *Social Indicators Research*. 2017. 130 (3): 883–910.
2. Rzhanitsina L. S., Rybalchenko S. I. Uluchsheniye polozheniya detey v razvedennykh sem'yakh – put' k snizheniyu bednosti v Rossii [Improving the situation of children in divorced families – the way to reduce poverty in Russia]. *Narodonaselenie*. [Population]. 2021. Vol. 24. No. 1. P. 24–32. DOI: 10.19181/population.2021.24.1.3 (in Russ.)
3. Arkhangel'skiy V. N., Elizarov V. V., Dzhanayeva N. G. Otsenka urovnya zhizni semey s det'mi: analiticheskiye vozmozhnosti obsledovaniy ROSSTATa [Evaluating living standards of families with children: Analytical capabilities of research studies performed by Rosstat]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]*. 2019. Vol. 21. No. 1. P. 65–79. (in Russ.)
4. Bondarenko L. V., Simanovsky N. A. Zanyatost' i sotsial'naya zashchita bezrabotnykh v sisteme faktorov preodoleniya kontsentratsii rossiyskoy bednosti na sel'skikh territoriyakh [Employment and social protection of the unemployed in the system of factors for overcoming the concentration of Russian poverty in rural areas]. *Ekonomika, trud, upravleniye v sel'skom khozyaystve. [Economy, Labor, Management in Agriculture]*. 2022. No. 11. P. 4–23. DOI 10.33938/2211–4. (in Russ.)
5. Pishnyak A. I., Nadezhkina E. V. Zanyatost' rossiyskikh zhenshchin posle rozhdeniya detey: stimuly i bar'yery [Employment of Russian women after childbirth: incentives and barriers]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki [The Journal of Social Policy Studies]*. 2020. No. 2. P. 221–238. DOI: 10.17323/727–0634–2020–18–2–221–238. (in Russ.)
6. Gorina E. A. Transformatsiya sotsial'noy podderzhki naseleniya v regionah Rossii: napravleniya i priority [Transformation of social support in the regions of Russia: directions and priorities]. *The Journal of Social Policy Studies*. 2019. No. 17(2). P. 163–176. (in Russ.)
7. Maleva T. M., Grishina E. E., Tsatsura E. A. Regional'nyye sistemy sotsial'noy zashchity: kak i zachem vvoditsya adresnost' [Means-testing in regional systems of social assistance: how and what for?]. *Region: Ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology]*. 2016. No. 4 (92). P. 153–175. DOI: 10.15372/REG20160407 (in Russ.)
8. Andreeva Ye. I., Bychkov D. G., Feoktistova O. A. COVID-19 i antikrizisnaya sotsial'naya podderzhka [COVID-19 and anti-crisis social support]. *Finansovyy zhurnal [Financial Journal]*. 2021. Vol. 13. No. 1, P. 28–38. DOI: 10.31107/2075–1990–2021–1–28–38 (in Russ.)
9. Grishina E. E., Tsatsura E. A. Sem'i s det'mi ot 3 do 7 let v period pandemii COVID19: otsenka material'nogo polozheniya i okhvata podderzhkoy [Families with children aged 3–7 during COVID19: estimate of financial situation and benefit coverage]. *Narodonaselenie [Population]*. 2022. Vol. 25. No. 1. P. 55–64. DOI: 10.19181/population.2022.25.1.5 (in Russ.)
10. Kolosnitsyna M. G., Filippova A. V. Detskiye posobiya i bednost' v Rossii [Child benefits and poverty: the case of Russia]. *Ekonomicheskaya Politika [Economic Policy]*. 2017. Vol. 12. No. 4. P. 118–153. DOI: 10.18288/1994–5124–2017–4–05 (in Russ.)
11. Sotsial'naya zashchita v Rossii do i posle pandemii: razvilki budushchego [Social Protection in Russia before and after the Pandemic: Choices of the Future]. *Proceedings of the XXIII Yasin (April) Conference on Economic and Social Development*. 2022. Eds. L. N. Ovcharova, O. V. Sinyavskaya. Vysshaya Shkola Ekonomiki [Higher School of Economics]. Moscow. 2022. 184 p. (in Russ.)
12. Selivanova O. V., Danilina M. V. Analiz vliyaniya ezheemesyachnoy denezhnoy vyplaty na rebenka v vozraste ot trekh do semi let vklyuchitel'no na snizheniye urovnya bednosti v regionakh Rossii [Analysis of the impact of a monthly cash payment for a child aged three to seven years inclusive on poverty reduction in the regions of Russia]. *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra [Economics: Yesterday, Today and Tomorrow]*. 2022, 12 (8A). P. 93–101. DOI: 10.34670/AR.2022.27.40.011. (in Russ.)

13. Roshchepko N. V. Diskussionnyye voprosy otsenki nuzhdayemosti v kontekste predostavleniya mer sotsial'noy podderzhki sem'yam s det'mi [Debatable issues of need assessment in the context of providing social support measures to families with children]. *Vestnik YarGU. Gumanitarnye nauki [Bulletin of Yaroslavl State University. Humanities]*. 2022. Vol. 16. No. 2. P. 284–293. (in Russ.)
14. Korchagina I. I., Prokofieva L. M. Sem'i s det'mi starshego shkol'nogo vozrasta: potrebnost' v sotsial'noy podderzhke [Families with high school children: the need for social assistance]. *Narodonaselenie [Population]*. 2022. Vol. 25. No. 3. P. 153–162. DOI: 10.19181/population.2022.25.3.12 (in Russ.)

Information about the authors:

Grishina Elena Evgenievna, Candidate of Economics, Leading Researcher, Financial Research Institute of the Ministry of Finance of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: grishina@nifi.ru; ORCID: 0000–0001–8548–5497; Elibrary AuthorID: 547472.

Tsatsura Elena Alekseevna, Candidate of Sociology, Senior Researcher, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: tsatsura-ea@ranepa.ru; ORCID: 0000–0001–9142–2070; Elibrary AuthorID: 243493.

Статья поступила в редакцию 23.03.2023, утверждена 15.08.2023, опубликована 30.09.2023.



DOI: 10.19181/population.2023.26.3.8
EDN: NYSYJI

СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ В УСЛОВИЯХ КОРОНАКРИЗИСА: КТО ПРИНЯЛ ОСНОВНОЙ УДАР?

Логинов Д. М.

ИНСАП РАНХиГС

(119034, Москва, Пречистенская наб., 11, стр. 1)

E-mail: loginov-dm@ranepa.ru

Финансирование:

Статья подготовлена в рамках выполнения НИР государственного задания РАНХиГС.

Для цитирования:

Логинов Д. М. Социальное самочувствие в условиях коронакризиса: кто принял основной удар? // Народонаселение. — 2023. — Т. 26. — № 3. — С. 93-106. DOI: 10.19181/population.2023.26.3.8; EDN: NYSYJI

Аннотация. На материалах репрезентативного социологического опроса, проведённого Институтом социального анализа и прогнозирования Российской академии народного хозяйства и государственной службы (ИНСАП РАНХиГС) в марте 2021 г., рассмотрены социально-экономические трудности, с которыми столкнулись различные группы российского населения в течение первого года пандемии. Выявлено, что кризисные явления повлияли на различные аспекты жизнедеятельности разных групп населения. Так, негативный тренд материальной обеспеченности в наибольшей мере был распространён в средневозрастной когорте, а также среди работающих, занимающих низшие должностные позиции. Обращение к практике потребительской экономии, крайне незначительно дифференцированное по демографическим группам, в максимальной степени (более 80%) относится к тем, кто имеет низкий материальный статус и существенную долговую нагрузку. С разнообразными проблемами в сфере занятости, вызванными особенностями кризисного контекста, столкнулись две трети работающих, в наибольшей мере — представители управленческого звена. Массовый переход на дистанционный формат занятости, ставший успешным в качестве ситуативного адаптационного механизма, оказался сопряжён со снижением продуктивности и комфорта выполнения трудового функционала. С изменениями привычных рекреационно-досуговых практик столкнулись более половины россиян, в том числе 23% — в значительной степени. Наиболее остро соответствующие изменения воспринимаются женщинами, представителями молодой когорты и жителями мегаполисов. Рассматриваемый период характеризуется существенной негативной динамикой межличностного доверия за пределами «близкого круга» во всех социально-демографических группах населения. Социальные взаимодействия россиян в значительной мере развиты в составе «ближнего круга» общения, в первую очередь — родственного; уровень доверия и надежды на получение помощи в случае необходимости от государственных и общественных институтов существенно ниже. Представители наименее ресурсообеспеченных групп населения демонстрируют суженный уровень включённости в сети потенциальной социальной поддержки, что дополнительно ограничивает адаптационные возможности уязвимых слоёв общества.

Ключевые слова: население, социально-экономическая адаптация, качество жизни, COVID-19, рынок труда, рекреационные практики, социальные взаимодействия.

Введение

Начало 2020-х гг. стало для российского населения периодом многоаспектной нестабильности, вызванной пандемией коронавируса и административными мерами ограничений социальной и экономической активности. Результаты исследований, реализованных в период активной фазы эпидемиологического неблагополучия, подтверждают кризисный характер социально-экономического контекста и разнообразие издержек, с которыми столкнулось российское население. Большинство россиян были склонны оценивать ситуацию в стране как неблагоприятную, уровень их неуверенности в своём будущем достигал высоких значений [1; 2], прокрастинация и психическая напряжённость стали устойчивым фоном повседневной жизни [3], а показатели социального оптимизма имели заниженный характер [4]. При этом с течением времени чувство опасности в условиях достаточно длительного периода пандемии субъективно ослабло. Одним из базовых ощущений безопасности выступает возможность сохранять социальную активность, которая оказалась ограниченной введением жёстких ограничительных мер [5]. Существенный уровень негатива отмечался вследствие необходимости соблюдения режима «самоизоляции» [6]. На рынке труда в условиях пандемии также произошли заметные изменения. В ходе исследований выявлены массовые проблемы, связанные с потерей работы и вынужденными отпусками части занятых, при этом с какими-либо изменениями в условиях труда столкнулись большинство российских работников [7–9]. Существенной проблемой является сохранение приемлемого уровня жизни и материального благополучия. Представители массовых групп населения в условиях пандемии фиксировали снижение собственных финансовых возможностей, что стимулировало оптимизацию потребительских расходов [10; 11].

Сегодня, в период стабилизации эпидемиологической обстановки, представля-

ется актуальным углублённое рассмотрение социально-экономических процессов, происходивших в стрессовых условиях первого года коронавирусной пандемии. Предлагаемое исследование посвящено выявлению групп российского общества, которые оказались в наибольшей мере подвержены рискам неблагоприятного получения, приняв на себя «удар» снижения уровня и качества жизни в рассматриваемых условиях. Эмпирической базой исследования выступают данные социологического опроса, реализованного ИНСАП РАНХиГС весной 2021 года¹. Опросная выборка репрезентирует взрослое население страны и позволяет рассмотреть особенности жизнедеятельности россиян в течение «года пандемии» в разрезе социально-демографических групп, с выявлением тех из них, которые столкнулись с наибольшими трудностями.

Динамика материальной обеспеченности и потребительских возможностей

По итогам года, прожитого в условиях эпидемиологического неблагополучия, более трети (38%) опрошенных россиян заявили об ухудшении уровня собственного материального положения; об обратной ситуации — только 12%. Отмеченная тенденция характеризует представителей всех демографических групп российского общества. При этом молодёжная когорта (в возрасте до 35 лет) представляется более благополучной, поскольку в её составе 20% отметили улучшение материальной обеспеченности. С максимальными трудностями столкнулись россияне, находящиеся в воз-

¹ Выборка для опроса, проведённого методом телефонного анкетирования, сформирована на основе случайной систематической стратификации номеров мобильных телефонов, которые сгенерированы по задействованному DEF-диапазонам на территории России. Диапазоны позволили таргетировать телефонные номера до субъектов РФ для создания территориальных страт. Распределение выборки по стратам рассчитано на основе данных Росстата о численности населения, проживающего на территории выделенных страт, на 1 января 2021 года. Для массива данных рассчитан вес, выравнивающий половозрастную структуру (по информации Росстата). Объём выборочной совокупности составил 3569 респондентов. Статистическая погрешность данных исследования при использованном дизайне выборки не превышает 2%.

расте 35–54 лет: среди данной когорты ухудшение материального статуса отметили 42% респондентов. Представители старшей группы в условиях эпидемиологической нестабильности и массовых ограничений подтверждают статус самого стабильного сегмента, в составе которого неизменность материального статуса характеризует более 55% опрошенных.

Социально-экономической характеристикой, существенно дифференцирующей российское население по актуализации как рисков снижения материальной обеспеченности, так и возможностей его повышения в рассматриваемых условиях, выступает статус занятости. Работающие, занимающие высокие должностные позиции, заметно чаще отмечают улучшение своего благосостояния (табл. 1).

Таблица 1

Динамика материального положения в течение «года пандемии» по статусу занятости, % по строке

Table 1

Dynamics of financial well-being while the «pandemic year» by employment status, % by line

Статус занятости	Динамика материального положения		
	Ухудшилось	Не изменилось	Улучшилось
Руководители	34,1	46,3	19,6
Специалисты высшей квалификации	32,5	49,5	18,0
Специалисты средней квалификации, рядовые работники торговли и сферы услуг	36,7	49,6	13,7
Рабочие	39,9	47,5	12,6
Не занятые	39,1	53,1	7,8
В целом	37,6	50,8	11,6

Источник: расчёты автора по данным репрезентативного социологического анкетного опроса россиян ИНСАП РАНХиГС.

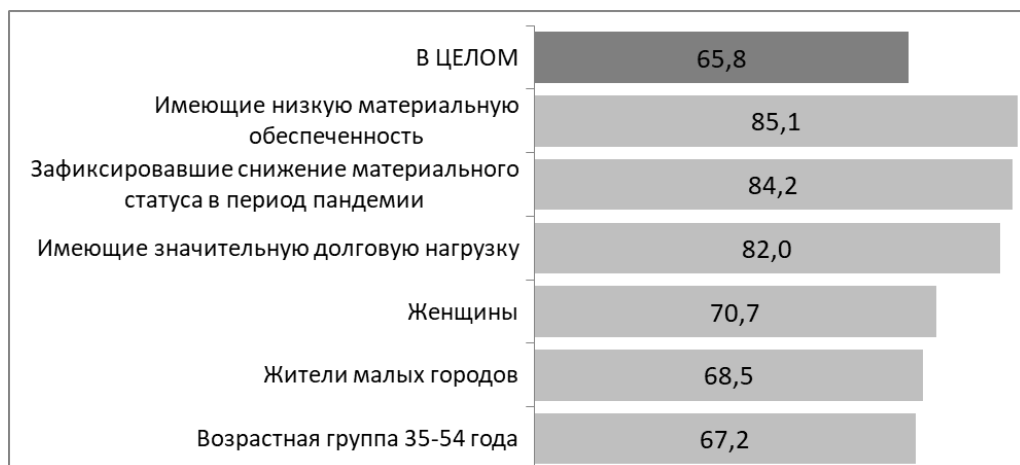


Рис. 1. Социально-демографические группы, в которых максимизирована практика потребительской экономии в период коронавируса, %

Fig. 1. Socio-demographic groups in which the practice of consumer saving was maximized in the coronavirus period, %

Источник: расчёты автора по данным репрезентативного социологического анкетного опроса россиян ИНСАП РАНХиГС.

В условиях новых эпидемиологических и социально-экономических рисков, а также снижения уровня определённости жизненных перспектив, россиянами оказалась массово актуализирована модель потребительской экономии. О том, что в течение предшествующего года сэкономили, в том числе отказываясь от приобретения каких-либо ранее привычных товаров и услуг, а также заменяя их сравнительно дешёвыми аналогами, заявили почти две трети опрошенных.

Обращение к практике снижения потребительских затрат крайне незначительно дифференцировано по демографическим группам, но несколько чаще об этом заявляли женщины, жители малых городов и представители средневозрастной когорты (рис. 1).

Необходимость потребительской экономии в кризисных условиях в наибольшей степени определяется уровнем и динамикой материального положения, при этом даже среди представителей группы относительно благополучных (чей материальный статус характеризуется как средний или выше среднего) необходимость сокращения расходов была актуальной для 35% опрошенных. Крайне значительное влияние на воспроизводство практик экономии оказывает уровень имеющейся долговой нагрузки: высокое кредитное обременение сопряжено с соответствующей потребительской моделью в 85% случаях, тогда как при отсутствии долговой нагрузки экономящими оказались 55% опрошенных.

Проблемы на рынке труда

Реализация ограничительных мер в отношении экономической и социальной активности в период пандемии значительно повлияла на положение различных групп населения на рынке труда. По истечении года, прожитого в условиях эпидемиологического неблагополучия, только 37% занятых заявили о том, что при выполнении рабочих задач не столкнулись ни с какими сложностями, свя-

занными с этими условиями. Для около половины опрошенных соответствующие сложности носили умеренный характер, а для 15% они оказались крайне существенными.

Отмеченные затруднения в сфере занятости в равномерной степени характеризуют представителей различных возрастных групп работников, при этом мужчины в большей мере включены в «зону полярных ответов», соответствующую как отсутствию влияния внешних условий на процесс и результат выполняемой работы, так и существенно-му влиянию изменившейся в ходе пандемии обстановки. Рынок труда сельских населённых пунктов предсказуемо оказался более устойчивым к вызовам пандемии: городские жители чаще указывали на существенное влияние эпидемиологической обстановки и в меньшей степени заявляли об отсутствии каких-либо сложностей.

Фактором, в наибольшей мере определяющим влияние пандемии на трудовые позиции россиян, выступает категория занятости. Наличие существенных сложностей в максимальной степени характеризует мнения руководящего звена. При переходе к каждой нижестоящей группе (с точки зрения профессиональных компетенций, уровня выполняемой работы и широты полномочий) также значительно увеличивается распространённость ответов об отсутствии влияния эпидемиологических рисков и административных ограничений на выполняемые рабочие процессы (рис. 2).

Владельцы собственного бизнеса, индивидуальные предприниматели и самозанятые представляют собой сегмент трудового рынка, для которого риски в условиях пандемии оказались наиболее высоки. Около 60% опрошенных, имеющих такой статус занятости, заявили, что в рассматриваемый период ощутили потребность в сфокусированной государственной поддержке, в том числе четверть отнесли себя к остро нуждающимся в подобной помощи. При этом получили

сколь-либо значимую помощь со стороны государственных органов только 18% представителей предпринимательского сообщества. Таким образом, мы можем говорить о том, что предпринимательский сегмент рынка труда выступал мас-

совым реципиентом поддержки в условиях кризиса, однако масштабы предпринятых государством мер оказались значительно рассогласованы с объёмом соответствующих потребностей и ожиданий.



Рис. 2. Наличие сложностей, вызванных ситуацией пандемии, с точки зрения выполняемой работы, по категориям занятых, %

Fig. 2. Existence of difficulties caused by the pandemic situation, in terms of work performed, by employment category, %

Источник: расчёты автора по данным репрезентативного социологического анкетного опроса россиян ИНСАП РАНХиГС.

Лишь около 3% участников исследования, имевших трудовую занятость до начала пандемии, отнесли себя к не имеющим работы и находящимся в её поиске спустя год эпидемиологического неблагополучия. При этом в сложившихся условиях массовой практикой оказалась трудовая мобильность, в том числе вынужденная. В течение рассматриваемого года 13% занятых сменили работу, и в более чем 40% случаев это было вызвано негативными факторами: прекращение деятельности организации; разрыв трудовых отношений по инициативе работодателя; ухудшение условий труда. По собственной инициативе, стремясь найти новое место работы при отсутствии негативных изменений на предшествующем, в период пандемии наиболее часто меняли работу занятые с высоким должностным статусом (руководители и специалисты высшей квалификации). Среди специалистов

средней квалификации и рабочих смена работы по собственной инициативе происходила лишь в трети случаев, и представители этих групп чаще руководителей и специалистов демонстрировали вынужденные трудовые перемещения.

Важной формой адаптации рынка труда к ситуации ограничительных мер выступил переход части занятых на дистанционный режим работы. С учётом специфики различных сегментов трудового рынка, подобный формат занятости оказался возможен лишь для части работников. Как показывают данные (рис. 3), опыт дистанционной работы на протяжении первого года пандемии получили около четверти опрошенных. В наименьшей мере подобный адаптационный переход совершили мужчины, работающие старшего возраста, жители сельских поселений и малых городов, а также занимающие невысокие квалификационные позиции.

	В ЦЕЛОМ	23,3
ПОЛ	Мужской	19,0
	Женский	28,2
ВОЗРАСТ	18-34 года	26,5
	35-54 года	22,4
	55 лет и старше	19,8
ТИП ПОСЕЛЕНИЯ	Город более 1 миллиона человек	34,2
	Город более 100 тысяч человек	24,3
	Город до 100 тысяч человек	18,8
	Сельское поселение	15,6
КАТЕГОРИИ ЗАНЯТЫХ	Руководители	34,1
	Специалисты высшей квалификации	48,8
	Специалисты средней квалификации	15,1
	Рабочие/ сфера обслуживания	8,5

Рис. 3. Переход на дистанционную занятость в период пандемии по группам работников, %

Fig. 3. Shift to remote employment in the pandemic by occupational groups, %

Источник: расчёты автора по данным репрезентативного социологического анкетного опроса россиян ИНСАП РАНХиГС.

При всей важности ситуативной смены формата занятости на дистанционный (что позволило сохранить возможность выполнения трудовых функций и получения доходов для значительной части российских работников в условиях пандемии) более 30% опрошенных указали на снижение качества необходимых в ходе выполнения трудового функционала коммуникаций, эмоционального комфорта в ходе выполнения работы, а также её общей эффективности. Положительные изменения, произошедшие в результате перехода на дистанционный формат, зафиксироваликратно меньшие группы работающих, при этом наибольшая доля позитивных оценок (17%) характеризует эмоциональный комфорт, связанный с процессом трудовой деятельности.

Большинство опрошенных (53%) характеризуют достигнутые к весне 2021 г. трудовые позиции как «скорее удовлетворительные», а каждый третий склоняется к однозначно позитивной оценке имеющейся работы. Столь заметный «позитив-

ный вектор» может объясняться тем, что для значительных групп населения безусловной ценностью является любая оплачиваемая работа. В сравнительно уязвимом положении с точки зрения восприятия имеющихся трудовых позиций в период пандемии находились рабочие, занятые в сфере обслуживания и женщины.

Досуг и рекреация в условиях пандемии

Внешние ограничения и реализация самоограничительного поведения в условиях пандемии сужали возможности досуговых практик массовых групп россиян. Результаты исследования позволяют оценить содержание и динамику воспроизводства соответствующих практик в контексте трёх направлений досуга: посещения учреждений организованного досуга, выездов на природу и встреч с представителями родственно-дружеского круга (табл. 2).

Таблица 2

Практики досугового времяпрепровождения в условиях пандемии и их изменения по сравнению с допандемийным периодом, % по строке

Table 2

Recreational practices in the pandemic conditions and their changes compared to the pre-endemic period, % by line

Практики досугового времяпрепровождения	Частота воспроизводства (в скобках приведён уровень изменений по сравнению с допандемийным периодом по ретроспективной оценке респондентов, п.п.)		
	Регулярно	Время от времени	Практически никогда
Посещение учреждений организованного досуга (кино, концерты, музеи, театры)	3,2 (-18,2)	27,9 (-21,2)	68,9 (+39,4)
Выезды на природу	10,3 (-22,8)	30,3 (-9,8)	59,4 (+32,6)
Встречи с друзьями и проживающими отдельно родственниками	23,2 (-26,1)	62,6 (+17,0)	14,2 (+9,1)

Источник: расчёты автора по данным репрезентативного социологического анкетного опроса россиян ИНСАП РАНХиГС, 3569 респондентов, март 2021 года.

При масштабности сокращения разнообразной активности времяпровождения, связанного с социальными контактами, надо отметить, что наиболее массовые перетоки в отношении выездных мероприятий отмечены как от регулярной, так и от периодической активности — к её

отсутствию, тогда как встречи с друзьями и родственниками скорее смещаются от регулярного общения к периодическому.

Рассмотрим субъективное восприятие россиянами значимости изменений, произошедших в практиках проведения досуга в период пандемии (рис. 4).



Рис. 4. Субъективное восприятие изменений в практиках проведения досуга в период пандемии, по сравнению с привычными ранее, %

Fig. 4. Subjective perception of changes in leisure practices in the pandemic period compared to habitual practices earlier, %

Источник: расчёты автора по данным репрезентативного социологического анкетного опроса россиян ИНСАП РАНХиГС.

Об отсутствии серьёзных изменений в новых условиях заявили менее половины опрошенных, а для 23% вынужденные коррективы рекреационно-досугового поведения воспринимаются существенными. Наиболее остро воспринимаются изменения женщинами, молодыми людьми до 35 лет и жителями мегаполисов. В разрезе образовательных групп существенно отличаются оценки россиян, имеющих высшее образование.

Влияние материального статуса на сохранение рекреационно-досуговых поведенческих паттернов двойственно. С одной стороны, имеющие сравнительно высокий уровень материальной обеспеченности понесли большие издержки вследствие ограничений ранее доступных платных форм проведения свободного времени. С другой, ресурсная обеспеченность позволяла представителям материально благополучных групп частично замещать недоступные в условиях пандемии формы досуга субъективно равнозначными, что микширует восприятие потерь в образе жизни. В результате, как показывают данные исследования, отсутствие значимых изменений в практиках досугового времяпрепровождения характеризует почти равные доли полярных групп материального статуса (около 46% в каждой), при этом существенные изменения отмечают 19% представителей наиболее благополучной группы и 29% — наименее благополучной.

Отношения доверия и социальные взаимодействия

Эмоциональный комфорт и социальное самочувствие людей в значительной мере определяются уровнем межличностного и институционального доверия, сформировавшимся в обществе. В условиях нестабильности особую важность также приобретает ресурсная функция имеющейся структуры социальных взаимодействий с точки зрения возможностей получения помощи и поддержки. Результаты исследования иллюстрируют высокий

уровень межличностного доверия россиян в системе персонифицированных коммуникаций. О том, что они доверяют или скорее доверяют родственникам, заявили 89% опрошенных, друзьям — 80%. При этом в отношении дружеского круга отмечается дифференциация по образовательным группам: в группе имеющих высшее образование доля положительных оценок доверия составляет 86%, а среди обладающих минимальным образовательным потенциалом — 74%.

В отношении доверия государственным институтам респондентам было предложено оценить здравоохранительную сферу (являющуюся особенно важной в условиях пандемии) и систему правоохранительных органов. В обоих случаях положительные характеристики высказали менее половины опрошенных: о доверии государственной медицине заявили 39% респондентов, органам правопорядка — 42%. Распределения соответствующих оценок в первую очередь зависят от уровня материального положения и его динамики в условиях эпидемиологического неблагополучия. В группах самооценки материального положения как выше среднего, а также позитивной динамики материального статуса, отмечено доверие государственной медицине и органам правопорядка на уровне, превышающем половину опрошенных. Среди тех, кто почувствовал существенное снижение доходов, государственной медицине склонны выражать недоверие 71% опрошенных, а органам правопорядка — 68%.

Федеральным средствам массовой информации доверяют 25% опрошенных, участникам интернет-сообществ — 9%. Восприятие этих информационных каналов в значительной мере зависит от возраста россиян — это единственная зона доверия, где на оценки влияют демографические факторы. Представители группы старшего возраста в существенно большей степени, чем представители молодых когорт, доверяют федеральным СМИ. При этом молодые люди демонстрируют больший уровень доверия участникам сетевых

сообществ, по сравнению с представителями средневозрастных и, особенно, старших групп.

В период пандемии произошли изменения межличностного доверия за пределами «ближнего круга» общения. При этом доля тех, кто отметил, что стал меньше до-

верять людям, существенно больше (19%), чем тех, у кого уровень доверия повысился (всего 2%). Негативная динамика доверия наблюдается во всех группах россиян, вне зависимости от социально-демографических характеристик и материального статуса (табл. 3).

Динамика доверия людям, не входящим в состав «ближнего круга», в период года, прожитого в условиях коронавирусной пандемии, % по строке

Таблица 3

Table 3

Dynamics of trust to people who are not part of the «close circle» while a year lived in conditions of the coronavirus pandemic, % by line

Группы	Динамика доверия		
	Стали больше доверять	Стали меньше доверять	Не изменилось
В целом	2,1	19,1	78,8
Возраст			
До 35 лет	3,3	20,9	75,8
35–54 года	2,0	18,4	79,6
55 лет и старше	1,4	18,2	80,4
Образование			
Высшее	1,9	17,7	80,4
Начальное или среднее профессиональное	1,9	19,9	78,2
Нет профессионального	3,5	20,7	75,8
Уровень материальной обеспеченности			
Выше среднего	4,8	10,5	84,7
Средний	1,9	16,1	82,0
Ниже среднего	1,9	21,5	76,6
Низкий	1,7	26,8	71,5

Источник: расчёты автора по данным репрезентативного социологического анкетного опроса россиян ИНСАП РАНХиГС.

Важной характеристикой системы социальных взаимодействий является её ресурсная значимость, выраженная в возможностях обратиться за получением помощи в случае подобной необходимости. Рассмотрим уровень и дифференциацию включённости россиян в структуру межличностных и институциональных отношений, имеющих, в субъективном восприятии представителей различных общественных групп, потенциальную ресурсную значимость.

Около 75% опрошенных полагают, что могут рассчитывать на помощь со стороны проживающих отдельно родственни-

ков, 57% — друзей, 34% — коллег. Государственные структуры и общественные объединения представляются россиянам кардинально менее перспективными: лишь каждый пятый из опрошенных полагает, что имеет возможность получения значимой помощи от государственных органов и 11% — от общественных организаций. Минимальный уровень ожиданий возлагается россиянами на участников интернет-сообществ, возможности обращения к которым могут быть результативными по мнению лишь 3% респондентов.

Суммирование количества субъектных групп (из шести выделенных в исследова-

нии и обозначенных выше), воспринимаемых россиянами в качестве потенциальных акторов помощи и поддержки, позволяет определить уровень субъектной широты воспринимаемых потенциальными ресурсных доноров (рис. 5): группа низких социальных возможностей, составляющая 16% опрошенных, характеризуется отсутствием субъектов; группа с пониженными социальными возможностями, составляющая менее четверти россиян, выделе-

на на основе наличия единственной субъектной группы; две практически равные группы (около 25% в каждой) обладают средними и расширенными социальными возможностями, отмечая потенциал, соответственно, двух и трёх субъектных групп; группа высоких социальных возможностей (наличие шансов результативного обращения к представителям четырёх и более общественных подсистем) составляет 11% россиян.

В ЦЕЛОМ	15,8	22,6	25,8	24,5	11,3
ГЕНДЕРНЫЕ ГРУППЫ					
Мужской	15,8	19,0	25,8	26,4	13,0
Женский	15,7	25,5	25,8	23,1	9,9
ВОЗРАСТНЫЕ ГРУППЫ					
До 35 лет	9,8	14,5	26,0	33,5	16,2
35-54 года	15,6	20,7	25,3	26,0	12,4
55 лет и старше	20,3	30,5	26,1	16,5	6,6
НАЛИЧИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ					
Нет высшего	18,2	24,2	24,7	22,7	10,2
Есть высшее	12,5	20,6	27,0	27,1	12,8
УРОВЕНЬ МАТЕРИАЛЬНОЙ ОБЕСПЕЧЕННОСТИ					
Выше среднего / высокий	8,3	13,0	22,4	34,6	21,7
Среднее	12,5	19,9	26,3	27,1	14,2
Ниже среднего	18,2	25,5	26,0	22,2	8,1
Низкий	23,3	29,7	25,2	17,2	4,6
□ Низкий (0 субъектов)	□ Пониженный (1 субъект)	▒ Средний (2 субъекта)	■ Расширенный (3 субъекта)	■ Высокий (4-6 субъектов)	

Рис. 5. Уровень потенциально ресурсных социальных взаимодействий (число субъектных групп, воспринимаемых субъектами предоставления помощи и поддержки в случае необходимости), %

Fig. 5. The level of potential resource social interactions (number of subjective groups perceived by providers of assistance and support), %

Источник: расчёты автора по данным репрезентативного социологического анкетного опроса россиян ИНСАП РАНХиГС.

Полученные данные свидетельствуют о том, что широта перспектив получения помощи от различных субъектов и институций существенно варьируется среди представителей различных групп общества. Крайне значительно влияет возраст: с его повышением круг потенциально полезных социальных контактов значительно сужается. Если в группе до 35 лет уровень потенциально ресурсных взаимодействий, превышающий среднее значение,

относится к почти половине опрошенных, то в возрасте 55 лет и старше подобный уровень имеют лишь менее четверти. Несколько большие социальные возможности характеризуют россиян, имеющих высокий образовательный статус. Важно отметить масштабы влияния материального фактора: при переходе к каждой нижестоящей группе материальной обеспеченности ресурсный потенциал общественных взаимодействий снижается, что

ограничивает адаптационные перспективы наиболее уязвимых слоёв населения.

Основные выводы

Период пандемии, который обусловил ограничения экономической и социальной активности, оказался сопряжён для большинства россиян со значительными издержками. При этом разнообразие негативных трендов привело и к разнообразию социальных групп, в которых они сконцентрировались. Около трети российского населения по истечении года эпидемиологического неблагоприятия отметили негативную динамику собственного финансового положения. Рост материального статуса, характеризующий немногочисленный сегмент населения — около 12%, чаще всего отмечается среди представителей двух групп: наиболее молодых, для которых динамика определяется «низкой базой» предшествующих периодов, а также тех, кто занимает привилегированные позиции на трудовой рынке. Наиболее пострадавшими с точки зрения динамики располагаемых доходов в период пандемии оказались россияне, имеющие дефицит материальных возможностей, а в контексте демографической дифференциации — представители средневозрастной когорты. По понятным причинам, низкий материальный статус и наличие существенной долговой нагрузки стимулировали обращение к практикам потребительской экономии, которые в рассматриваемый год актуализировали около двух третей российского общества.

Большинство занятых столкнулись с трудностями, вызванными эпидемиологической обстановкой и административными ограничениями, при выполнении рабочих задач, а для 15% такие сложности оказались крайне значительными. Наличие проблем в этой сфере в наибольшей мере характерно для руководящего звена предприятий и ор-

ганизаций. Предпринимательский сегмент рынка труда выступал активным реципиентом поддержки в условиях кризиса, однако масштабы соответствующих мер оказались далеки от их ожиданий и потребностей. Переход на дистанционный формат занятости был массовым и действенным механизмом адаптации к изменившимся условиям, однако в подавляющем большинстве случаев оказался сопряжённым со снижением эффективности работы и комфортности её выполнения.

Неблагоприятные изменения привели к значительным ограничениям воспроизводства привычных рекреационно-досуговых практик населения. В течение «года пандемии» более половины россиян оказались вынуждены корректировать поведенческие модели в сфере досуга и отдыха, в том числе для 23% соответствующие изменения оказались крайне существенными. Наиболее остро эта ситуация была воспринята представителями молодой когорты и жителями мегаполисов, традиционно демонстрирующими высокую жизненную активность.

Социальное доверие и социальные взаимодействия россиян в значительной мере развиты в составе «ближнего круга» общения, в первую очередь — родственного. При переходе от межличностных систем взаимоотношений к взаимодействиям с социальными институтами уровень доверия и надежды на получение помощикратно сокращается. В период пандемии произошли динамичные негативные изменения межличностного доверия за пределами «ближнего круга» коммуникаций. Представители наименее ресурсообеспеченных групп — как с точки зрения материального благополучия, так и в контексте развития человеческого капитала — демонстрируют существенно суженный уровень включённости в сети потенциальной социальной поддержки, что дополнительно ограничивает адаптационные возможности уязвимых слоёв населения.

Литература и Интернет-источники

1. **Латова, Н.В.** Ситуация в стране и перспективы ее развития через призму общественного мнения в период пандемии / Н.В. Латова // Социологические исследования. — 2021. — № 4. — С. 37–49. DOI: 10.31857/S013216250013734-0; EDN: ICROHI
2. **Логонов, Д.М.** Социальное самочувствие российского населения в период острой фазы эпидемиологического кризиса / Д.М. Логонов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — 2020. — № 6. — С. 470–487. DOI: 10.14515/monitoring.2020.6.1708; EDN: SZRTVA
3. **Хорошилов, Д.А.** Восприятие пандемии и вакцинации в период «второй волны» коронавируса (по результатам глубинных интервью) / Д.А. Хорошилов, О.А. Громова // Национальный психологический журнал. — 2021. — № 2(42). — С. 3–11. DOI: 10.11621/npj.2021.0201; EDN: AYZYPP
4. **Емельянова, Т.П.** Социальное самочувствие молодежи: психолого-политические аспекты / Т.П. Емельянова, Т.В. Семенова // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. — 2021. — Т. 6. — № 4. — С. 87–102. DOI: 10.38098/iran.opwp_2021_21_4_004; EDN: LJLAAN
5. **Донцов, А.И.** Социальные представления о коронавирусе в начале пандемии в России / А.И. Донцов, О.Ю. Зотова, Л.В. Тарасова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. — 2021. — Т. 18. — № 2. — С. 422–444. DOI: 10.22363/2313-1683-2021-18-2-422-444; EDN: LHWURJ
6. **Кертман, Г.** Хроники пандемии: социальные практики и картина мира / Г. Кертман, А. Боброва, К. Глазков, И. Осипова // Социология пандемии. Проект коронаФОМ / рук. авт. колл. А.А. Ослон. — Москва : Институт Фонда Общественное Мнение, 2021. — С. 61–95.
7. **Капелюшников, Р.И.** Анатомия коронакризиса через призму рынка труда / Р.И. Капелюшников // Вопросы экономики. — 2022. — № 2. — С. 33–68. — DOI: 10.32609/0042-8736-2022-2-33-68; EDN: ZAPVNU
8. **Кертман, Г.** Повседневность пандемии: особенности жизнеустройства / Г. Кертман, А. Боброва, К. Глазков [и др.] // Социология пандемии. Проект коронаФОМ / рук. авт. колл. А.А. Ослон. — Москва : Институт Фонда Общественное Мнение, 2021. — С. 96–115.
9. **Золотухина, А.В.** Влияние коронавируса на биржу труда / А.В. Золотухина, К.Е. Фурман, Ю.И. Минина // Вестник современных исследований. — 2020. — № 7–4(37). — С. 24–28. EDN: B1YUOV
10. **Преснякова, Л.** Экономика и пандемия / Л. Преснякова, Н. Гашенина // Социология пандемии. Проект коронаФОМ / рук. авт. колл. А.А. Ослон. — Москва : Институт Фонда Общественное Мнение, 2021. — С. 116–151.
11. **Красильникова, М.Д.** Перемены в уровне жизни российских семей в связи с пандемией COVID-19 / М.Д. Красильникова, А.И. Пишняк, Е.А. Горина, И.И. Корчагина // «Черный лебедь» в белой маске. Аналитический доклад НИУ ВШЭ к годовщине пандемии COVID-19 / под ред. С.М. Плаксина, А.Б. Жулина, С.А. Фаризовой. — Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. — С. 17–38. EDN: BFRRJF

Информация об авторе:

Логонов Дмитрий Михайлович, к.э.н., старший научный сотрудник, ИНСАП РАНХиГС, Москва, Россия.
Контактная информация: loginov-dm@ranepa.ru; ORCID0000-0002-2717-6909; PИНЦ AuthorID: 198576.

DOI: 10.19181/population.2023.26.3.8

SOCIAL WELL-BEING IN CORONACRISIS: WHO TOOK THE BRUNT OF IT?

Dmitry M. Loginov

*Institute of Social Analysis and Forecasting, RANEPa
(11 Prechistenskaya nab., Moscow, Russia, 119034)*

E-mail: loginov-dm@ranepa.ru

Funding:

The article was prepared as a part of the research work under the State assignment to the Russian Presidential Academy of the National Economy and Public Administration (RANEPa).

For citation:

Loginov D.M. Social well-being in coronacrisis: Who took the brunt of it? *Narodonaselenie [Population]*. 2023. Vol. 26. No. 3. P. 93-106. DOI: 10.19181/population.2023.26.3.8 (in Russ.)

Abstract. *Basing on the data from the representative sociological survey held by the Institute of Social Analysis and Forecasting RANEPa in March 2021, the socio-economic difficulties faced by various groups of the Russian population during the pandemic year were studied. It was found out that the negative trend of financial well-being rather widely characterizing Russians was most widespread among the middle-aged Russians and among those holding the lowest employment positions. The practice of consumer savings, which is slightly differentiated by demographic groups, is in the highest degree (at the level higher than 80%) related to those who have low financial status and significant loan burden. Two thirds of the working respondents, primarily representatives of management-level, faced a variety of problems in the sphere of employment caused by the specifics of the crisis context. Mass shift to a remote format of employment which became quite successful as a situational adaptive mechanism has turned out to be associated with decrease in work productivity and comfort of working duties performance. More than half of the respondents faced changes in habitual recreational and leisure practices, and 23% of them — significant changes. Women, representatives of the most active youth cohort and dwellers of megacities perceive these changes most acutely. The period under consideration is characterized by significant negative dynamics in interpersonal trust beyond the “nearest circle” in all socio-demographic groups of the population. Social interactions of Russians are mostly developed within “the nearest circle of communication”, firstly—with relatives; the level of trust and hope for help in case of need from governmental and public institutes is much lower. Representatives of the least resource-rich groups of the population show a lower level of involvement in the networks of potential social support that further limits the adaptation potential of the vulnerable strata of population.*

Keywords: *population, socio-economic adaptation, quality of life, COVID-19, labor market, recreational practices, social interactions.*

References and Internet sources

1. Latova N. Situatsiya v strane i perspektivy yeyo razvitiya cherez prizmu obshchestvennogo mneniya v period pandemii [Situation in the country and its prospects through the prism of public opinion during the pandemic]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya [Sociological Studies]*. 2021. No. 4. P. 37–49. DOI: 10.31857/S013216250013734–0 (in Russ.)
2. Loginov D.M. Sotsial'noye samochuvstviye rossijskogo naseleniya v period ostroj fazy epidemiologicheskogo krizisa [Social well-being of the Russian population during the acute stage of the epidemiological crisis]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]*. 2020. No. 6. P. 470–487. DOI: 10.14515/monitoring.2020.6.1708 (in Russ.)

3. Khoroshilov D. A., Gromova O.A. Vospriyatiye pandemii i vaksinatсии v period «vtoroy volny» koronavirusa (po rezul'tatam glubinyh interv'yuu) [Perception of pandemic and vaccination in the period of COVID-19 “second wave” (On the basis of in-depth interviews)]. *Natsional'nyj psihologicheskij zhurnal [National Psychological Journal]*. 2021. No. 2(42). P. 3–11. DOI: 10.11621/npj.2021.0201 (in Russ.)
4. Emelyanova T. P., Semenova T.V. Sotsial'noye samochuvstviye molodezhi: psihologo-politicheskiye aspekty [Social well-being of youth: psychological and political aspects]. Institut psihologii Rossijskoj akademii nauk. Organizatsionnaya psihologiya i psihologiya truda [*Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Organizational Psychology and Labor Psychology*]. 2021. Vol. 6. No. 4. P. 87–102. DOI: 10.38098/ipran.opwp_2021_21_4_004 (in Russ.)
5. Dontsov A. I., Zotova O. Yu., Tarasova L. V. Sotsial'nyye predstavleniya o koronavirusе v nachale pandemii v Rossii [Social representations of the coronavirus at the beginning of the pandemic in Russia]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Psihologiya i pedagogika [RUDN Journal of Psychology and Pedagogics]*. 2021. Vol. 18. No. 2. P. 422–444. DOI: 10.22363/2313–1683–2021–18–2–422–444 (in Russ.)
6. Kertman G., Bobrova A., Glazkov K., Osipova I. Hroniki pandemii: sotsial'nyye praktiki i kartina mira [Chronicles of the pandemic: social practices and the picture of the world]. *Sotsiologiya pandemii. Proekt koronaFOM [Sociology of the Pandemic. The CoronaFOM project]*. Moscow. Institut Fonda Obshchestvennoye Mneniye (InFOM). 2021. P. 61–95. (in Russ.)
7. Kapeliushnikov R.I. AnATOMIYA koronakrizisa cherez prizmu rynka truda [The anatomy of the corona crisis through the lens of the labor market adjustment]. *Voprosy Ekonomiki [Economic Issues]*. 2022. No. 2. P. 33–68. DOI: 10.32609/0042–8736–2022–2–33–68 (in Russ.)
8. Kertman G., Bobrova A., Glazkov K., Osipova I., Reinyuk A. Povsednevnyy' pandemii: osobennosti zhizneustrojstva [Everyday life in the pandemic: features of the living arrangements]. *Sotsiologiya pandemii. Proekt koronaFOM [Sociology of the Pandemic. The CoronaFOM project]*. Moscow. Institut Fonda Obshchestvennoye Mneniye (InFOM). 2021. P. 96–115. (in Russ.)
9. Zolotukhina A. V., Furman K. E., Minina Yu. I. Vliyanie koronavirusa na birzhu truda [Impact of the coronavirus on the labor exchange]. *Vestnik sovremennyh issledovaniy [Bulletin of Modern Research]*. 2020. No. 7–4(37). P. 24–28. (in Russ.)
10. Presnyakova L., Gashenina N. Ekonomika i pandemiya [Economy and Pandemic]. *Sotsiologiya pandemii. Proekt koronaFOM [Sociology of the Pandemic. The CoronaFOM project]*. Moscow. Institut Fonda Obshchestvennoye Mneniye (InFOM). 2021. P. 116–151. (in Russ.)
11. Krasilnikova M. D., Pishnyak A. I., Gorina E. A., Korchagina I. I. Peremeny v urovne zhizni rossijskih semej v svyazi s pandemiej COVID-19 [Changes in the living standards of Russian families in connection with the COVID-19 pandemic]. «Chernyj lebed'» v beloј maske. Analiticheskij doklad NIU VShE k godovshchine pandemii COVID-19 [*“Black Swan” in a White Mask. Analytical report of the Higher School of Economics on the anniversary of the COVID-19 pandemic*]. Moscow. Higher School of Economics. 2021. P. 17–38. (in Russ.)

Information about the author:

Loginov Dmitry Mikhailovich, Candidate of Economics, Senior Researcher, Institute of Social Analysis and Forecasting, RANEPА, Moscow, Russia.

Contact information: loginov-dm@ranepa.ru; ORCID: 0000–0002–2717–6909; Elibrary AuthorID: 198576.

Статья поступила в редакцию 15.05.2023, утверждена 15.08.2023, опубликована 30.09.2023.



DOI: 10.19181/population.2023.26.3.9
EDN: YRYQVK

АНАЛИЗ ФАКТОРОВ РЕГИОНАЛЬНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ПОТРЕБЛЕНИЯ ЭЛЕКТРОЭНЕРГИИ НАСЕЛЕНИЕМ РОССИИ

Рюмина Е. В.

ИСЭПН ФНИСЦ РАН

(117218, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 32)

E-mail: ryum50@mail.ru

Для цитирования:

Рюмина Е. В. Анализ факторов региональной дифференциации показателей потребления электроэнергии населением России // Народонаселение. – 2023. – Т. 26. – № 3. – С. 107-116. DOI: 10.19181/population.2023.26.3.9; EDN: YRYQVK

Аннотация. В статье отношение населения к энергосбережению рассматривается как одна из характеристик человеческого потенциала. Показана сильная дифференциация показателей потребления электроэнергии населением по странам и российским регионам, проанализирован ряд факторов, влияющих на выявленные различия. Гипотетически выделены следующие семь факторов: климат; среднедушевые доходы населения; уровень бедности; доля лиц, имеющих высшее образование; соотношение городского и сельского населения; возрастная структура населения; уровень газификации жилищного фонда. Информация для анализа бралась из статистических сборников не только федеральных, но и по каждому региону, что сильно затруднило её сбор. Определены корреляционные связи между подушевыми объёмами потребления электроэнергии населением и указанными факторами. Показано, что население больше склонно экономить свои расходы на оплату электричества, чем саму электрическую энергию, т. е. определяющую роль в стимулировании энергосбережения играют тарифы на электроэнергию для населения. Подушевые расходы на электроэнергию имеют положительную связь со среднедушевыми доходами и отрицательную — с уровнем бедности. Сельское население потребляет в расчёте на душу населения меньше электроэнергии, чем городское. Обнаружено влияние на энергопотребление возрастной структуры населения: чем выше доля трудоспособного населения, тем меньше удельное потребление электроэнергии, и наоборот, энергопотребление выше в регионах с большей долей лиц старшего поколения. Вследствие разного уровня газификации регионов отдельно исследовалась их выборка, сформированная из регионов примерно одного уровня газификации жилищного фонда. Результаты корреляционного анализа такой выборки оказались мало отличающимися от результатов, полученных по всем 85 регионам. Исключение составила связь объёмов потребления электроэнергии населения с уровнем высшего образования — в выборке оказалась намного более тесная отрицательная зависимость этих показателей.

Ключевые слова: потребление электроэнергии населением, расходы на электроэнергию, уровень жизни, климат, уровень образования, городское и сельское население, газификация жилищного фонда, возрастная структура населения, региональный анализ.

Введение

В рамках исследования человеческого потенциала [1] выделена тема экологического поведения населения [2]. Более подробно были рассмотрены две характеристики экологического поведения: образование твёрдых коммунальных отходов и водопотребление в быту в расчёте на душу населения [3]. Целью данной статьи является анализ третьей характеристики — показателя потребления электроэнергии населением. При исследовании поведения населения в отношении охраны окружающей среды и ресурсосбережения мы исходим из предположения о стремлении населения к бережному отношению к природе и её ресурсам, которое формируется благодаря экологическому воспитанию и образованию, а также зависит от других факторов.

Проанализировано семь факторов, гипотетически влияющих на объёмы потребления электроэнергии населением в регионах: климат — средние температуры января и июля; среднедушевые доходы населения; уровень бедности; доля лиц, имеющих высшее образование; соотношение городского и сельского населения; возрастная структура населения; уровень газификации жилищного фонда.

Потребление электроэнергии населением

В большинстве исследований по проблемам потребления электроэнергии объектом изучения является общее потребление электроэнергии в сфере экономики и населением в быту. На это ориентирует исследователей широкое распространение в практике сравнительного анализа показателя энергоёмкости ВВП [4]. Поскольку мы рассматриваем потребление электроэнергии только населением, то столкнулись со значительными трудностями в сборе необходимой информации.

Казалось бы, что энергопотребление определяется объективными потребностями населения и больших различий по

странам и регионам быть не должно. Однако рис. 1 свидетельствует об обратном даже при сравнении стран только Европы: потребление электроэнергии на душу населения в год в этих странах различается почти на порядок.

Различия между северными и южными странами можно объяснить климатом только частично, так как вряд ли этот фактор полностью обуславливает более чем 7-кратную разницу значений рассматриваемого показателя в Норвегии и Италии. Исходя из значительных межстрановых различий в потреблении электроэнергии населением, можно ожидать и сильных отличий в энергопотреблении населения в разных российских регионах.

В статистических сборниках¹ потребление электроэнергии даётся в целом по регионам, без разбивки на потребление населением и экономикой. В связи с этим необходимый нам показатель брался из региональных сборников, что сильно усложнило сбор информации. Более того, в большом числе случаев этих данных не было и в региональных сборниках, поэтому искомый показатель определялся через величину потребительских расходов населения и долю в них расходов на электроэнергию. Источниками такой информации были также региональные статистические сборники, в качестве примера можно привести статистический сборник по Республике Адыгея². При таком алгоритме построения показателя подушевого потребления электроэнергии в кВт*ч далее использовались тарифы на электрическую энергию для населения в регионах России в 2021 году³.

В среднем по стране потребление электроэнергии населением в 2021 г. составило 1315 кВт*ч на человека в год, дифферен-

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2022: Стат. сб. // Росстат: [сайт]. — URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2022.pdf (дата обращения: 02.05.2023).

² Республика Адыгея в цифрах. 2021. Краткий статистический сборник. — Майкоп: Росстат, 2022. — 184 с.

³ Тарифы на электрическую энергию для населения в регионах России в 2021 году // ООО «Платформа»: [сайт]. — URL: <https://p4energy.ru/2021/08/ee-2021/> (дата обращения: 30.04.2023).

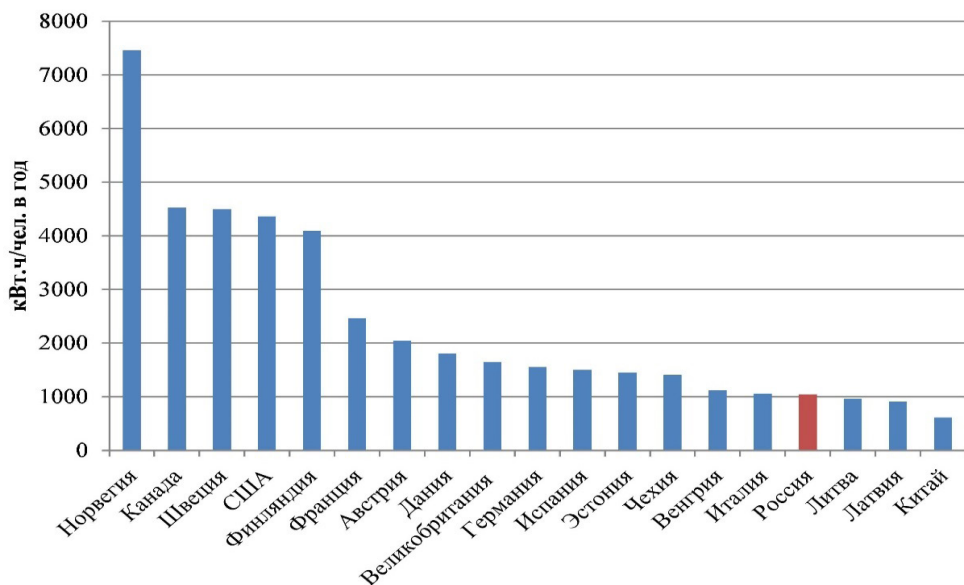


Рис. 1. Подушевое потребление электроэнергии населением в некоторых странах мира

Fig.1. Per capita electricity consumption by the population in some countries

Источник: Нормирование и реальное потребление электроэнергии домашними хозяйствами (социальный и региональный аспекты) // Агентство экономической информации ПРАЙМ: 5 декабря 2018 года. — URL: <https://1prime.ru/science/20181205/829580690.html> (дата обращения: 12.04.2023).

циация этого показателя по регионам отражена в табл. 1.

Иркутскую область с её беспрецедентно высоким потреблением электроэнергии рассмотрим позже, а в отношении остальных регионов в таблице можно видеть,

что максимальное подушевое потребление электроэнергии населением Ленинградской области вдвое превышает среднее по стране значение этого показателя и в 5 раз — минимальное значение, характеризующее энергопотребление в Респуб-

Таблица 1

Потребление электроэнергии населением в российских регионах, кВт*ч на человека в год

Table 1

Electricity consumption by the population in Russian regions

Максимальные значения		Минимальные значения	
Иркутская область	3514	Республика Ингушетия	511
Ленинградская область	2644	Кабардино-Балкарская Республика	609
Московская область	2181	Республика Калмыкия	680
Приморский край	2152	Республика Адыгея	690
Республика Хакасия	2087	Республика Мордовия	766
Республика Карелия	1962	Республика Северная Осетия – Алания	782
Сахалинская область	1828	Чеченская Республика	787
Ханты-Мансийский АО – Югра	1730	Карачаево-Черкесская Республика	841
Краснодарский край	1702	Брянская область	846
Ямало-Ненецкий АО	1700	Республика Тыва	848

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2022: Стат. сб. // Росстат: [сайт]. — URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2022.pdf (дата обращения: 22.04.2023).

лике Ингушетии. Подавляющее большинство регионов (62 региона из 85 в 2021 г.) потребляют в быту электроэнергию меньше, чем среднее значение по стране.

Выявление и оценка факторов, влияющих на потребление электроэнергии

Показанные сильные региональные различия в потреблении электроэнергии населением в расчёте на одного человека вызваны влиянием различных факторов, которые предстоит выявить. Начнём исследование с фактора географического положения региона: представляется очевидным, что в северных регионах, где климатические условия проживания менее комфортны для населения, потребление электроэнергии на отопление, использование бытовых электроприборов и освещение выше, чем в средней полосе и на юге страны. Для анализа рассмотрим средние температуры воздуха за январь 2021 г. по регионам и определим коэффициент корреляции между ними и удельным потреблением электроэнергии населением. Этот коэффициент, как и ожидалось, отрицательный, $R = -0,34$. Причиной невысокого абсолютного значения коэффициента корреляции предположительно можно считать то, что отопление во многих регионах газовое и угольное, а не электрическое, поэтому разброс показателей использования электроэнергии на отопление значительный. Во многих городах и сёлах Сибири частные дома имеют угольное отопление. В апреле 2023 г. Правительством РФ поставлена задача перевода 130 тыс. домов в Красноярском крае, республиках Хакасия, Тыва и Бурятия на электрическое отопление. Эта задача входит в национальный проект «Чистый воздух» и имеет большое экологическое значение, поскольку частный сектор в Сибири и на Дальнем Востоке формирует более половины всех вредных выбросов в атмосферу⁴. Переход на электрическое отопле-

ние экономически оправдан и для южных российских регионов с не слишком холодными зимами и коротким отопительным сезоном.

В летние месяцы электроэнергия расходуется на кондиционирование воздуха, однако этот климатический фактор является существенным в жарких странах, а в российских южных регионах пока не столь заметен.

Следующим фактором, влияющим на объёмы потребления электроэнергии населением и заслуживающим внимания, является уровень жизни в регионах, в качестве измерителей которого будем рассматривать среднедушевые доходы, потребительские расходы на одного человека, уровень бедности. Оказалось, что связь между этими показателями, с одной стороны, и физическим объёмом потребления электроэнергии населением в кВт*ч, — с другой, опосредуется тарифами на электрическую энергию для населения, которые различаются по федеральным округам и ещё сильнее — между регионами внутри ряда округов. В табл. 2 представлен разброс значений тарифов на электроэнергию для населения.

Внутри федеральных округов сильнее всего колеблются тарифы в Сибирском федеральном округе — в 4,5 раза между Республикой Алтай (5,57 рубля за 1 кВт*ч) и Иркутской областью (1,23 рубля за 1 кВт*ч), а также в Дальневосточном федеральном округе — в 2,7 раза между Чукотским АО (8,82 рубля за 1 кВт*ч) и Забайкальским краем (3,22 рубля за 1 кВт*ч). В остальных округах разница в тарифах на электроэнергию для населения между регионами не столь значительна. Тарифы для населения существенно зависят от себестоимости генерации электроэнергии в зависимости от вида источника. На теплоэлектростанциях (ТЭС) себестоимость в среднем составляет 0,97 рубля за 1 кВт*ч, при их работе на природном газе — 0,66 рубля за 1 кВт*ч; на атомных электростанциях (АЭС) — 0,56 рубля за 1 кВт*ч; на

⁴ В 4 регионах России планируется перевод на электроотопление более 130 тыс. домов // Neftegaz.Ru: 10 апреля 2023 г.: [сайт]. — URL: <https://neftegaz.ru/news/energy/>

776274-v-4-regionakh-rossii-planiruetsya-perevod-na-elektrootoplenie-bolee-130-tys-domov/ (дата обращения: 02.05.2023).

Таблица 2

Тарифы на электрическую энергию для населения в 2021 году, рублей за 1 кВт*ч

Table 2

Tariffs for electric energy for the population in 2021, rubles/kWh

Максимальные значения		Минимальные значения	
Регион	Тариф	Регион	Тариф
Чукотский АО	8,82	Иркутская область	1,23
Камчатский край	6,94	Республика Хакасия	2,36
Республика Саха (Якутия)	6,82	Республика Дагестан	2,83
Московская область	5,93	Новосибирская область	2,93
Москва	5,92	Чеченская Республика	2,95

Источник: Тарифы на электрическую энергию для населения в регионах России в 2021 году // ООО «Платформа»: [сайт]. — URL: <https://p4energy.ru/2021/08/ee-2021/> (дата обращения: 02.05.2023).

гидроэлектростанциях (ГЭС) — 0,15 рубля за 1 кВт*ч⁵.

Низкий тариф на электроэнергию в Иркутской области объясняется высокой долей электроэнергии, вырабатываемой тремя мощными ГЭС Ангарского каскада: Иркутской, Братской и Усть-Илимской. Вторая причина дешёвой электроэнергии для населения в Иркутской области состоит в том, что часть расходов населения оплачивают предприятия региона, для которых тариф почти в 3 раза выше⁶. Вследствие этого в последнее время Иркутская область стала привлекательной для лиц, занимающихся майнингом криптовалюты, который требует большого количества электричества.

При переходе от объёмов потребления электроэнергии населением в кВт*ч на человека к платежам за неё в рублях картина максимальных и минимальных платежей меняется в сравнении с данными табл. 1. Максимальные платежи (выше 8 тыс. рубля на человека в год) — в Московской (12930) и Ленинградской (12430) областях, Камчатском крае (11200), Чукотском АО (9540), Приморском крае (8890). В большинстве этих регионов и объёмы потребления электроэнергии большие, и тарифы высокие. Минимальные платежи (ниже

3000 рубля на человека в год) — в республиках Ингушетия (2000), Чеченская (2320), Дагестан (2400), Кабардино-Балкарская (2530 рубля). В этих регионах объёмы потребления электроэнергии и тарифы значительно ниже, чем в остальных. Следующую после них позицию занимает Иркутская область (3130 рубля), в которой объёмы потребления электроэнергии максимальные, а тарифы — минимальные. Получается, что очень низкие тарифы на электроэнергию ведут к её расточительному использованию, и ни о какой склонности к ресурсосбережению, которая предполагалась у населения, говорить не приходится. Анализ всех регионов подтверждает этот вывод: население реагирует только на свои расходы на электроэнергию.

Расчёт коэффициентов корреляции показал, что чем ниже среднедушевые доходы, тем ниже и расходы на электроэнергию ($R = 0,53$). Это можно объяснить двумя причинами. Во-первых, при низких доходах население имеет меньше бытовых электроприборов, которые к тому же ещё и меньшей мощности, чем в «богатых» регионах. Во-вторых, низкие доходы стимулируют к сокращению всех расходов, в том числе расходов на электроэнергию, а значит и к снижению объёмов её потребления. Коэффициент корреляции между всеми потребительскими расходами и расходами на электроэнергию равен 0,61. Обнаружена связь расходов на электроэнергию и с долей лиц, доходы которых ниже про-

⁵ Назван самый дешёвый источник энергии в России // Дзен: [сайт]. — URL: <https://dzen.ru/a/XZWBEOBqQcWkPTQ> (дата обращения: 11.05.2023).

⁶ Почему в Сибири дешёвая электроэнергия // Дзен: [сайт]. — URL: https://dzen.ru/a/X_cr7f50aG9qDlcv (дата обращения: 06.05.2023).

житочного минимума. При этом отметим, что связь физических объёмов потребления электроэнергии в кВт*ч на человека с показателями уровня жизни населения незначима.

И всё-таки хотелось бы найти в поведении населения свидетельства бескорыстной любви к природной среде, её ресурсам, к будущим поколениям и в целом — найти свидетельства понимания важности природы для выживания человечества. С этой целью в качестве факторов, влияющих на снижение потребления электроэнергии, следовало бы рассмотреть экологическое воспитание и экологическое образование. Однако информации об этих факторах недостаточно, и был поставлен более общий вопрос — влияет ли на энергосбережение в регионах доля лиц, имеющих высшее образование? В учебные программы всех вузов в качестве обязательной дисциплины введён курс «Экология». Корреляционный анализ показал, что связи между потреблением электроэнергии и уровнем высшего образования населения нет, причём как при измерении потребления электроэнергии в физических единицах, так и в стоимостных.

Объём потребления электроэнергии населением может зависеть от его места проживания — город или село. Здесь мы исходим из гипотезы, что сельское население потребляет меньше электроэнергии в расчёте на душу населения, чем городское, что объясняем как более экономным расходованием всех природных ресурсов сельским населением, так и стремлением к сбережению своих финансовых ресурсов. Также объяснить это можно более низкими доходами населения в сельской местности, более частыми авариями в электросетях и перебоями в энергообеспечении в сёлах в сравнении с городами. В обратную сторону на потребление электроэнергии сельским населением влияют более низкие тарифы. Так, например, в сельской местности Московской области в 2021 г. для сельского населения стоимость 1 кВт*ч составляла 4,01 рубля, тогда как для городского населения обла-

сти — 5,93 рубля за 1 кВт*ч⁷. Информационно разделить население на городское и сельское в каждом регионе можно через статистический показатель удельного веса городского и сельского населения в общей численности населения⁸. Корреляционный анализ зависимости объёма потребления электроэнергии населением регионов от доли в них сельского населения подтверждает гипотезу о меньшем подушевом потреблении электроэнергии населением сельской местности, чем городов.

Исследуем, влияет ли возрастная структура населения на потребление электрической энергии, определяемая долями населения моложе трудоспособного возраста, трудоспособного возраста и старше трудоспособного возраста. Корреляционной связи между потреблением электроэнергии и населением моложе трудоспособного возраста не обнаружено. Коэффициент корреляции исследуемого показателя с долей населения трудоспособного возраста равен $-0,31$. Отрицательная связь в этом случае объясняется, видимо, тем, что занятое трудом население много времени проводит на работе. Наоборот, коэффициент корреляции между потреблением электроэнергии и долей населения старше трудоспособного возраста равен $0,49$, то есть старшее поколение потребляет больше электроэнергии, поскольку почти всё время проводит дома, смотрит телевизор, «сидит» в Интернете и так далее.

Выше уже говорилось о влиянии уровня газификации регионов на объёмы потребления электроэнергии населением. Количественную определённость в этот аспект благоустройства жилищного фонда вносит показатель удельного веса общей площади, оборудованной газом [5], который представлен в табл. 3 по федеральным округам.

⁷ Полная версия тарифов на 2021 год // Мосэнергосбыт: [сайт]. — URL: <https://www.mosenergosbyt.ru/individuals/tariffs-n-payments/tariffs-mo/archive-mo/archive-mo-2021.php> (дата обращения: 07.05.2023).

⁸ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2022: Стат. сб. // Росстат: [сайт]. — URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2022.pdf (дата обращения: 02.05.2023).

Во всех регионах Центрального (за исключением Москвы и Московской области), Южного, Северо-Кавказского и Приволжского федеральных округов жилищный фонд примерно одинаково обеспечен газом. Наибольший разброс по этому показателю наблюдается между регионами внутри Сибирского федерального округа — от 5,1% в Республике Тыва до 82,8% в Омской области, и Дальневосточного федерального округа — от 0,3% в Кам-

чатском крае до 62,4% в Еврейской АО. Коэффициент корреляции между потреблением электроэнергии и обеспеченностью населения газом по данным табл. 3 равен $-0,78$, а по всем регионам составляет $-0,59$. Это высокое значение, однако далеко не полностью объясняющее причины больших объёмов потребления электроэнергии даже в регионах, не имеющих проблем с газоснабжением.

Таблица 3

Характеристика уровня газификации жилищного фонда, 2021 год

Table 3

Characteristics of gas supply of housing stock, 2021

Федеральный округ	Удельный вес общей площади, оборудованной газом, %	Потребление электроэнергии населением, кВт*ч на человека в год
Центральный	69,5	1258
Северо-Западный	58,0	1377
Южный	84,5	1320
Северо-Кавказский	91,7	798
Поволжский	82,7	1094
Уральский	51,9	1428
Сибирский	28,6	1399
Дальневосточный	22,4	1521
Российская Федерация	65,7	1315

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2022: Стат. сб. // Росстат: [сайт]. — URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2022.pdf (дата обращения: 07.05.2023).

Для выравнивания регионов по виду используемых энергетических ресурсов была сформирована выборка из регионов с показателем доли площади жилищного фонда, оборудованной газом, выше 60%. В неё вошло 55 регионов из 85-ти в 2021 г., не попало в выборку, как и ожидалось, большинство регионов СФО и ДФО. Корреляционный анализ показал, что изъятие из рассмотрения регионов, не вошедших в выборку, несущественно изменило большинство представленных выше результатов. Так, например, коэффициент корреляции между объёмами потребления электроэнергии на душу населения и уровнем бедности по всем 85 регионам составлял $R_1 = -0,30$, а в выборке $R_2 = -0,35$; по влиянию места проживания (город — село) коэффициент корреляции вообще не

изменился. Исключением оказалась зависимость потребления электроэнергии населением от доли в нём лиц с высшим образованием: было $R_1 = -0,18$, а в выборке стало $R_2 = -0,42$. Возможно, причиной этого является непопадание в выборку 5-ти регионов с очень высоким подушевым потреблением электроэнергии и самой высокой долей лиц с высшим образованием (больше 40%). Такими регионами являются города Москва (51,8% лиц с высшим образованием) и Санкт-Петербург (43,8%), Московская область (41,3%), Ямало-Ненецкий АО (44,9%), Магаданская область (41,3%). Таким образом, при элиминировании влияния вида используемых энергетических ресурсов (газ или электроэнергия) всё-таки обнаруживается значимость влияния высшего образования

на объёмы потребления электроэнергии населением.

Заключение

Исследованные факторы влияния на объёмы потребления электроэнергии населением можно разделить на объективные и субъективные. К объективным факторам, которые определяют показатели потребления электроэнергии независимо от склонности населения к энергосбережению, относятся климат и уровень газификации жилищного фонда. Все остальные факторы были бы неважными, если бы каждый человек и всё население получили экологическое воспитание и экологическое образование. Человек, вобравший в себя принципы устойчивого развития, понимающий остроту современных экологических и природно-ресурсных проблем, будет экономить ресурсы и охранять окружающую среду, независимо от своих доходов, возраста, образования, места проживания и так далее. Однако анализ показал некоторую склонность к ресурсосбережению только у сельского населения, да и то, возможно, вытекающую не из сознательного желания беречь природу, а из необходимости экономить свои ограниченные финансы. Хо-

чется думать, что экономия электроэнергии лицами с высшим образованием связана с полученным в вузах экологическим образованием.

Больше всего на уровень потребления электрической энергии влияют доходы населения, что подчёркивает главенство в человеке экономических интересов. В регионах с дешёвой электроэнергией население потребляет её почти неограниченно, не обращая внимания на экологические последствия строительства гидротехнических сооружений и создания водохранилищ, риски эксплуатации атомных электростанций, на крайнюю необходимость оптимального использования природных ресурсов.

Рассмотрев три характеристики экологического поведения населения — объёмы образования твёрдых коммунальных отходов, водопотребления в [3] и потребления электроэнергии в данной статье — можно заключить, что в настоящее время реальными рычагами воздействия на снижение этих показателей являются только экономические. Экологического воспитания и экологического образования ещё недостаточно для развития в человеке бережного отношения к природной среде и её ресурсам.

Литература и Интернет-источники

1. **Локосов, В. В.** Региональная дифференциация показателей человеческого потенциала / В. В. Локосов, Е. В. Рюмина, В. В. Ульянов // Экономика региона. — 2015. — № 4. — С. 185–196. DOI: 10.17059/2015-4-15; EDN: UYGHAR
2. **Рюмина, Е. В.** Экологическая характеристика качества населения / Е. В. Рюмина // Экономика региона. — 2014. — № 3. — С. 82–90. DOI: 10.17059/2014-3-7; EDN: STQTOX
3. **Рюмина, Е. В.** Показатели экологического поведения населения / Е. В. Рюмина // Народонаселение. — 2022. — Т. 25. — № 4. — С. 104–112. DOI: 10.19181/population.2022.25.4.9; EDN: SEBLOM
4. **Мазурова, О. В.** Энергопотребление в России: современное состояние и прогнозные исследования / О. В. Мазурова, Е. В. Гальперова // Проблемы прогнозирования. — 2023. — № 1. — С. 156–168. DOI: 10.47711/0868-6351-196-156-168; EDN: RNZNPO
5. **Семикашев, В. В.** Анализ текущего состояния и перспективы газификации России на период до 2030 г. / В. В. Семикашев, М. С. Гайворонская // Проблемы прогнозирования. — 2022. — № 1. — С. 91–100. DOI: 10.47711/0868-6351-190-91-100; EDN: TYKYLO

Информация об авторе:

Рюмина Елена Викторовна, д.э.н., проф., главный научный сотрудник, ИСЭПН ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: ryum50@mail.ru; ORCID: 0000-0002-7386-1077; РИНЦ AuthorID: 72504.

DOI: 10.19181/population.2023.26.3.9

ANALYSIS OF THE REGIONAL DIFFERENTIATION FACTORS OF INDICATORS OF ELECTRICITY CONSUMPTION BY THE POPULATION OF RUSSIA

Elena V. Ryumina

*Institute of Socio-Economic Studies of Population of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences
(32 Nakhimovsky prospect, Moscow, Russia, 117218)*

E-mail: ryum50@mail.ru

For citation:

Ryumina E. V. Analysis of the regional differentiation factors of indicators of electricity consumption by the population of Russia. *Narodonaselenie [Population]*. 2023. Vol. 26. No. 3. P. 107-116. DOI: 10.19181/population.2023.26.3.9 (in Russ.)

Abstract. *In the article, the attitude of the population to energy conservation is considered as one of the characteristics of human potential. A strong differentiation of the indicator of electricity consumption by the population by countries and Russian regions is shown, a number of factors influencing the identified differences are analyzed. Hypothetically, the following seven factors are identified: climate; average per capita income of the population; rate of poverty; proportion of people with higher education; ratio of urban and rural population; age structure of the population; level of gasification of the housing stock. The information for analysis was taken not only from the federal statistical collections, but also for each region, that made data collecting very difficult. Correlations between the per capita electricity consumption by the population and these factors are determined. It is shown that people are more inclined to save their electricity costs than the electric energy itself, i.e. electricity tariffs for the population play a decisive role in stimulating energy saving. Per capita electricity costs have a positive relationship with average per capita income and a negative relationship with poverty rate. The rural population consumes less electricity per capita than the urban population. The impact of the population age structure on per capita energy consumption was found: the higher the proportion of the able-bodied population, the lower the electricity consumption, and vice versa, energy consumption is higher in regions with a larger proportion of the older generation. Due to the different levels of gasification by regions, the sample, formed from the regions with approximately the same level of gasification of the housing stock, was separately studied. The results of the correlation analysis of this sample turned out to differ little from the results obtained for all 85 regions. The exception was the relationship between the volume of electricity consumption and the level of higher education – in the sample there was a much closer negative relationship between these indicators.*

Keywords: *electricity consumption by the population, electricity costs, living standards, climate, education level, urban and rural population, gasification of housing stock, age structure of the population, regional analysis.*

References and Internet sources

1. Lokosov V. V., Ryumina E. V., Ulyanov V. V. Regional'naya differentsiatsiya pokazateley chelovecheskogo potentsiala [Regional differentiation of human potential indicators]. *Ekonomika regiona* [*Economy of Regions*]. 2015. No. 4. P. 195–196. DOI: 10.17059/2015–4–15 (in Russ.)
2. Ryumina E. V. Ekologicheskaya kharakteristika kachestva naseleniya [Ecological characteristic of quality of the population]. *Ekonomika regiona* [*Economy of Regions*]. 2014. No 3. P. 82–90. (in Russ.)
3. Ryumina E. V. Pokazateli ekologicheskogo povedeniya naseleniya [Indicators of environmental behavior of the population]. *Narodonaselenie* [*Population*]. 2022. Vol. 25. No. 4. P. 104–112. DOI: 10.19181/population.2022.25.4.9 (in Russ.)
4. Mazurova O. V., Gal'perova E. V. Energopotrebleniye v Rossii: sovremennoye sostoyaniye i prognoznyye issledovaniya [Energy consumption in Russia: current state and forecast]. *Problemy prognozirovaniya* [*Studies on Russian Economic Development*]. 2023. No. 1. P. 105–114. DOI: 10.1134/S1075700723010136 (in Russ.)
5. Semikashev V. V., Gajvoronskaya M. S. Analiz tekushchego sostoyaniya i perspektivy gazifikatsii Rossii na period do 2030 g. [Analysis of the present state and prospects of gasification in Russia for the period up to 2030]. *Problemy prognozirovaniya* [*Studies on Russian Economic Development*]. 2022. No. 1. P. 91–100. DOI: 10.47711/0868–6351–190–91–100 (in Russ.)

Information about the author:

Ryumina Elena Viktorovna, Doctor of Economics, Professor, Chief Researcher, Institute of Socio-Economic Studies of Population of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: ryum50@mail.ru; ORCID: 0000–0002–7386–1077; Elibrary AuthorID: 72504.

Статья поступила в редакцию 26.04.2023, утверждена 15.08.2023, опубликована 30.09.2023.



DOI: 10.19181/population.2023.26.3.10
EDN: YSFNSC

МНЕНИЯ ГОРОЖАН РОССИИ О ВОВЛЕЧЁННОСТИ В ИХ ЖИЗНЬ ОХРАНЯЕМЫХ ПРИРОДНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

Мельникова Т. Б.^{1*}, Портнова Л. В.², Обидовская Н. Н.³, Приходько К. С.⁴

¹РЭУ имени Г. В. Плеханова, Севастопольский филиал
(299053, Россия, Севастополь, ул. Вакуленчука, 29)

²РЭУ имени Г. В. Плеханова, Оренбургский филиал
(460000, Россия, Оренбург, ул. Ленинская/Пушкинская, 50/51–53)

³РЭУ имени Г. В. Плеханова, Брянский филиал
(241050, Россия, Брянск, ул. Бежицкая, 8)

⁴РЭУ имени Г. В. Плеханова, Краснодарский филиал
(350002, Россия, Краснодар, ул. Садовая, 23)

*E-mail: nauka_sevrea@mail.ru

Финансирование:

Работа выполнена при финансовой поддержке ФГБОУ ВО «РЭУ имени Г. В. Плеханова».

Для цитирования:

Мельникова Т. Б., Портнова Л. В., Обидовская Н. Н., Приходько К. С. Мнение горожан России о вовлечённости в их жизнь охраняемых природных территорий // Народонаселение. – 2023. – Т. 26. – № 3. – С. 117-130. DOI: 10.19181/population.2023.26.3.10; EDN: YSFNSC

Аннотация. С расширением площади особо охраняемых природных территорий (ООПТ) они вошли в состав многих городов. ООПТ могут играть важную роль в экономических и социальных направлениях местного развития, однако методология изучения вовлеченности ООПТ в жизнь местного населения недостаточно проработана, что определило цель статьи. Предлагается на основе мнения населения, проживающего на сопредельных с ООПТ территориях, и в рамках региона, выявлять особенности культурно-досугового и экономического поведения граждан на ООПТ. Методология апробирована на городских округах Оренбурга, Брянска и Краснодара. В результате опроса выявлено мнение населения о конкретных ООПТ этих городских округов. В среднем ООПТ посещают от 20% до 40% местного населения, которые, преимущественно, находятся от 3 до 5 часов на ООПТ. Более половины местных посетителей ООПТ пользуются услугами питания. Оплата спортивно-досуговых услуг характерна в большей степени для жителей Оренбурга и Брянска. По мнению местных жителей, за одно посещение на ООПТ они расходуют в среднем от 1,1 до 3,6 тыс. рублей. Согласно заявленной населением частоте посещения ООПТ, расходы на одного человека в месяц могут находиться в диапазоне от 13 рублей до 7,9 тыс. рублей. С учётом данных экономической статистики и результатов анкетирования оценены годовые расходы местных жителей на ООПТ, которые по городу Оренбургу составили 1,4 млрд рублей (0,9% доходов населения на территории Оренбурга), 2,1 млрд рублей (1,6%) в Брянске и 8,7 млрд рублей (1,7%) в Краснодаре. Предложенный авторами подход аналитической обработки результатов опросов и сопоставления разных источников информации позволяет расширить данные по муниципальным образованиям.

Ключевые слова: особо охраняемые природные территории (ООПТ), туризм, местное население, расходы местных жителей, Оренбург, Брянск, Краснодар.

Введение

На фоне расширения интереса к туризму на особо охраняемых природных территориях (ООПТ), становятся актуальными вопросы развития прилегающих территорий в региональном и муниципальном контекстах. Экономическая сторона данного вопроса широко обсуждается в рамках экологического туризма. Проводятся опросы местных жителей, гостей и специалистов туристской индустрии с целью выявления как общей экологической культуры, так и потенциальной стоимости экологического тура [1]. Изучаются туристско-рекреационные ресурсы в экономике малых городов [2]. На основе опроса исследуются потребности ООПТ в финансировании в целях развития «зелёной экономики» [3]. Предпринимаются попытки по оценке денежного измерения эффекта от оздоровления населения на ООПТ, привязав его к сокращению срока бюллетеня по болезни [4]. Сопоставляется экономический потенциал конкретных ООПТ и местной экономики с целью оценки динамики благосостояния населения и влияния на социально-экономическое развитие местных сообществ [5–7]. На основе опроса руководителей муниципалитетов формируются представления о взаимосвязи между туристскими возможностями территорий и качестве жизни граждан [8].

В отечественных и зарубежных исследованиях проводится оценка туристских трат на ООПТ в рамках общей методологии деления расходов на прямые и косвенные, а также на основе сопоставления трат туристов и однодневных посетителей [9]. Как правило, оценка экономических эффектов проводится с целью определения экономического потенциала конкретной ООПТ как самостоятельного субъекта хозяйствования. Тогда к прямым расходам относят траты посетителей на ООПТ, а также на территории муниципалитетов, которые служат «входной группой», а к вторичным — результат волнового эффекта на местную экономику от прямых затрат¹. Данные аккумулируются

на основе анкетирования посетителей, административных данных и экономической статистики, а также используется метод интервью [10]. К основным платным услугам, реализуемым на ООПТ, относят плату за входной билет, просветительские и рекреационные услуги, проживание, питание, пользование инфраструктурой, а также ряд доходов администрации ООПТ от выдачи разрешений, аренды [11–13]. Рассматриваются и специальные налоги (как % от суммы на проживание), которые далее направляются на охрану природы [14]. К основным источникам финансирования ООПТ также относят бюджетные средства и гранты [15]. Ряд работ посвящён оценке социально-экономического эффекта ООПТ на основе измерения потенциала экосистемных услуг [16–19]. Общим для многих исследований является рассмотрение посетителей ООПТ как единой группы без выделения местного населения, то есть акцент ставится на туристскую привлекательность ООПТ в отрыве от жизни муниципалитета.

Несмотря на представленность тематики в научных исследованиях, считаем, что, наблюдается нехватка работ по оценке вовлеченности ООПТ в культурно-досуговую жизнь и экономическое поведение населения, проживающего в муниципальных образованиях, сопредельных с ООПТ. Мало изученными также являются социально-экономические характеристики ООПТ регионального и местного значения, расположенных на урбанизированных территориях. Целью данной работы является совершенствование и апробация методологии для выявления мнения горожан о вовлеченности ООПТ в их культурно-досуговую жизнь и экономическое поведение.

Статья отражает результаты, полученные при выполнении научно-исследовательского гранта «Экономическая и социокультурная вовлеченность особо охраняемых природных территорий в муниципальное развитие», с использованием данных городов, в которых расположены филиалы РЭУ

Contributions to Local Communities, States, and the Nation. Natural Resource Report NPS/NRSS/EQD/NRR-022/2395. — URL: <https://www.nps.gov/subjects/socialscience/vse.htm> (дата обращения: 10.04.2023).

¹ 2021 National Park Visitor Spending Effects. Economic

имени Г.В. Плеханова. В работа рассматриваются городские округа Оренбург, Брянск и Краснодар. Выбор городов основывался на следующих критериях: разный размер города по численности населения, расположение в различных федеральных округах, примерно одинаковый процент территории городского округа, занятой ООПТ. Из одиннадцати филиалов РЭУ имени Г.В. Плеханова критериям удовлетворяют три исследуемых города.

Методология исследования

Население было дифференцировано на две группы: в первую вошли местные жители, непосредственно проживающие на территории городов (городских округов); во вторую — жители региона, в состав которого входит данный городской округ (за исключением жителей данного городского округа). В результате мы получаем возможность сравнить мнение населения в зависимости от удалённости ООПТ от мест их проживания, но находящегося в рамках одной социально-экономической системы.

Среди вопросов, которые задавались обеим группам отметим следующие: «Какие ООПТ города Вы посещали?» (сопровождается перечнем ООПТ), «Какими платными услугами Вы пользовались на ООПТ города?», «Какую сумму составили Ваши расходы на ООПТ?», «Какова продолжительность Вашего пребывания на ООПТ города?» Жители региона также отвечали на вопрос «Какую сумму составили Ваши расходы на весь период отдыха в городе?», а местные жители — «Как часто Вы посещаете ООПТ города?», «Какую сумму в месяц обычно составляют Ваши расходы на культурно-досуговую программу?».

Кроме анализа данных социологического опроса авторами также выработаны аналитические показатели. Во-первых, производится расчёт средней посещаемости ООПТ местными жителями по всем природным территориям в сопоставлении с численностью населе-

ния. Во-вторых, рассчитываются годовые расходы местных жителей на ООПТ по формуле:

$$C_m^{oopt} = \sum_{i=1}^8 M * \bar{v}_m * \gamma_i * \bar{c}_{m_i}^{oopt} * i \quad (1)$$

где C_m^{oopt} — годовые расходы местных жителей на ООПТ, рублей; M — численность населения городского округа, человек; \bar{v}_m — средняя посещаемость ООПТ местными жителями, %; γ_i — доля местных жителей по частоте посещения ООПТ, %; $\bar{c}_{m_i}^{oopt}$ — средние расходы на одно посещение ООПТ местными жителями по частоте посещения, рублей; i — частота посещения, раз (1–2, 3–4, 5–6, 7–8, 9–10 раз в год; 1, 2–3 раза в месяц; 1 раз в неделю).

Оценка посещаемости ООПТ городских округов

Городской округ Оренбург. Население городского округа составляет 553 тыс. человек. Обследование жителей региона проводилось на территории ООПТ, местных жителей — на территории города Оренбурга. В результате опроса (январь-февраль 2023 г.) получено 150 анкет. Так как на территории городского округа расположена только одна ООПТ («Балка Джеланды-Сай») (0,5% территории городского округа), то при опросе в список были включены ООПТ Оренбургского района («урочище Бахмуткин родник», «урочище Крутой обрыв», «Дендрарий Комсомольского лесничества»), «гора Стеклянная», «Каргалинско-Сакмарские сыртовые колки») и Сакмарского района («гора Гребени», «урочище Муратауз»), расположенные вблизи границ Оренбурга. Единственная ООПТ «Балка Джеланды-Сай» находится за пределами урбанизированной территории, что сказывается на низком уровне посещения местными жителями (4% опрошенных) (табл. 1). Жители региона, которые указали на её посещение, в основном, были из Гая и Орска, а также из Сорочинска и Бузулука. Наиболее популярными среди обеих групп населения являются «гора Гребени» и «гора Стеклянная».

Таблица 1

Характеристика ООПТ города Оренбурга и прилегающих территорий

Table 1

Characteristics of the SPNA of the city of Orenburg and adjacent territories

Наименование ООПТ (ПП – памятник природы)	Площадь ООПТ, га	Посещаемость ООПТ	
		жители города Оренбурга	жители Оренбургской области
ПП «Урочище Бахмуткин родник»	12,5	8%	11%
ПП «Урочище Крутой обрыв»	18,2	9%	9%
ПП «Дендрарий Комсомольского лесничества»	6,5	16%	9%
ПП «Гора Стеклянная»	25	23%	16%
ПП «Балка Желанды-Сай»	506	4%	16%
ПП «Каргалинско-Сакмарские сыртовые колки»	129	7%	7%
ПП «Гора Гребени»	150	72%	77%
ПП «Урочище Муратауз»	26,6	19%	7%

Источник: расчёты авторов по данным исследования.

Особенных различий в модели поведения на ООПТ не наблюдается (табл. 2). В среднем около половины населения пользуется платными спортивно-досуговыми услугами, порядка 70% оплачивают питание, 10% выбирают проживание на ООПТ, 20% – экскурсионное обслуживание. Удалённость от ООПТ оказывает влияние на продолжительность нахождения на территории: те, кто находятся в непосредственной близости, выбирают более короткий период не более 5 часов

(88%), а жители Оренбургской области – от 3 часов и более (93%).

Городской округ Брянск. В городе Брянске проживает 392 тыс. человек. В результате социологического опроса жителей региона и местных жителей Брянска в марте 2023 г. получено 148 анкет. В перечень ООПТ включены три природные территории, которые расположены непосредственно в городском округе («Роща Соловьи», «Овраги Верхний и Нижний Судки с родниками, бровками и отвершка-

Таблица 2

Сравнение модели поведения на ООПТ жителей города Оренбурга и Оренбургской области

Table 2

Comparison of behavioral models of the residents of Orenburg city and Orenburg oblast at the SPNA

Показатель	Жители города Оренбурга	Жители Оренбургской области
Пользование платными услугами на ООПТ		
входной билет	91%	93%
экскурсионное обслуживание	16%	20%
проживание	8%	7%
питание	68%	75%
спортивно-досуговые услуги	51%	45%
Продолжительность пребывания на ООПТ		
до 2 часов	21%	7%
3–5 часов	67%	59%
свыше 6 часов	12%	34%
Расходы на ООПТ за одно посещение		
средние расходы на ООПТ, рублей	3581	4729

Источник: расчёты авторов по данным исследования.

ми («Брянские балки», «Ботанический сад имени Б.В. Гроздова») и 5 ООПТ на территории Брянского района. 2,2% территории Брянска или 405 га связаны с ООПТ. Местные жители активно посещают как ООПТ городского округа, так и прилегающей территории (табл. 3). ООПТ занимают более значительное место в культурно-досу-

говой жизни населения Брянской области. Более трети населения Брянска посещают пять из восьми ООПТ. В отличие от Оренбурга, где близость ООПТ сказывалась на более высоких предпочтениях, население Брянщины более склонно посещать ООПТ в рамках выезда за пределы своего непосредственного проживания.

Таблица 3
Характеристика ООПТ города Брянска и прилегающих территорий

Table 3

Characteristics of the SPNA of the city of Bryansk and adjacent territories

Наименование ООПТ (ПП – памятник природы)	Площадь ООПТ, га	Посещаемость ООПТ	
		Жители города Брянска	Жители Брянской области
ПП «Ботанический сад имени Б.В. Гроздова»	0,8	42%	55%
ПП «Овраги Верхний и Нижний Судки с родниками, бровками и отвершками (Брянские балки) »	114,7	43%	55%
ПП «Роща Соловьи»	290	78%	84%
ПП «Леса вдоль реки Болва»	1164	32%	51%
ПП «Лесной заказник имени Г.Ф. Морозова»	1436,3	9%	10%
ПП «Хотылево»	132	55%	47%
ПП «Дендрарий имени Б.В. Гроздова»	12	16%	27%
ПП «Дендрарий в честь 200-летия лесного департамента России»	14,6	9%	16%

Источник: расчёты авторов по данным исследования.

Таблица 4
Сравнение модели поведения на ООПТ жителей города Брянска и Брянской области

Table 4

Comparison of behavioral models of the residents of Bryansk city and Bryansk oblast at the SPNA

Показатель	Жители города Брянска	Жители Брянской области
Пользование платными услугами на ООПТ		
входной билет	59%	63%
экскурсионное обслуживание	42%	53%
проживание	26%	22%
питание	54%	51%
спортивно-досуговые услуги	46%	51%
Продолжительность пребывания на ООПТ		
до 2 часов	22%	12%
3–5 часов	59%	76%
свыше 6 часов	19%	12%
Расходы на ООПТ за одно посещение		
средние расходы на ООПТ, рублей	3178	7274

Источник: расчёты авторов по данным исследования.

Предпочтения в части длительности посещения ООПТ населением Брянска сходны с жителями Оренбурга, но с определенным уклоном в сторону посещений, превышающих 6 часов (табл. 4). Большая распространённость платных услуг повлияла на значительный разрыв в расходах на ООПТ за одно посещение. Если для тех, кто проживает на сопредельных территориях, они находятся на уровне 3 тыс. рублей (сопоставимом с данными по населению Оренбурга), то в рамках поездок жителей более отдалённых территорий расходы увеличиваются в 2,3 раза.

Городской округ Краснодар. На террито-

рии Краснодара, население которого составляет 1,2 млн человек, в декабре 2022 г. был проведён опрос жителей региона и местных жителей и получено 150 анкет. Территория городского округа Краснодара на 0,9% состоит из ООПТ, однако, в отличие от Оренбурга, их количество составляет 46 объектов общей площадью 753 га. Перечень объектов для исследования составлен из 15 ООПТ суммарной площадью 698 га. В Краснодаре обращает на себя внимание активность местных жителей в части посещений ООПТ, которая преобладает над активностью жителей Краснодарского края (табл. 5).

Таблица 5

Характеристика ООПТ города Краснодара

Table 5

Characteristics of the SPNA of the city of Krasnodar

Наименование ООПТ	Площадь ООПТ, га	Посещаемость ООПТ	
		Жители города Краснодара	Жители Краснодарского края
ПП «Ботанический сад КубГУ»	15,9	60%	45%
ПП «Чистяковская роща»	54,4	75%	65%
ПП «Парк имени Горького»	13,3	79%	49%
ПП «Парк Солнечный остров»	40,3	61%	33%
ПП «Ботанический сад имени И. С. Косенко»	41,1	25%	14%
ПП «Озеро Карасун»	14,1	44%	25%
ПП «Лесопарк «Приречный»	48,2	27%	18%
ПП «Лесопарк Хомуты»	38,7	32%	14%
ПП «Урочище Верхняя и Нижняя Дубинка»	140,7	15%	6%
ППК* «Киргизские плавни»	29,6	15%	0%
ППК* «Болгарский остров»	36,7	12%	2%
ПРЗ* «Урочище Красный Кут»	114,5	40%	2%
ПРЗ* «Парк стадиона Кубань»	9,2	60%	29%
ПРЗ* «Лесопарк Прикубанский»	22,2	32%	6%
ПРЗ* «Лесопарк Краснодарский»	78,7	24%	16%

*ППК — прибрежный природный комплекс, ПРЗ — природная рекреационная зона

Источник: расчёты авторов по данным исследования.

Местные жители расходуют на ООПТ небольшую сумму — 1095 рублей в среднем за одно посещение (табл. 6). По большинству платных услуг доля местных жителей, которые ими пользуются, не превышает 24%, исключение — питание (57%). Оплата входно-

го билета более распространена среди тех, кто проживает в непосредственной близости, чем у населения отдалённых от ООПТ муниципалитетов. Пользование экскурсионным обслуживанием находится на уровне 6–8% от числа опрошенных.

Таблица 6

**Сравнение модели поведения на ООПТ жителей города
Краснодара и Краснодарского края**

Table 6

Comparison of behavioral models of the residents of Krasnodar city and Krasnodar oblast at the SPNA

Показатель	Жители города Краснодара	Жители Краснодарского края
Пользование платными услугами на ООПТ		
входной билет	24%	6%
экскурсионное обслуживание	6%	8%
проживание	3%	3%
питание	57%	55%
спортивно-досуговые услуги	24%	41%
Продолжительность пребывания на ООПТ		
до 2 часов	48%	31%
3–5 часов	43%	69%
свыше 6 часов	9%	0%
Расходы на ООПТ за одно посещение		
средние расходы на ООПТ, рублей	1095	2408

Источник: расчёты авторов по данным исследования.

**Особенности экономического
поведения местных жителей на ООПТ**

Рассмотрим более детально модель экономического поведения населения городских округов в части ООПТ.

Городской округ Оренбург. В среднем ООПТ Оренбурга и прилегающей территории посещают с разной периодичностью в течение года 20% населения городского округа. Наиболее распространенная практика — 1–2 раза в год (61%), и 3–4 раза в год (28%) (рис. 1).

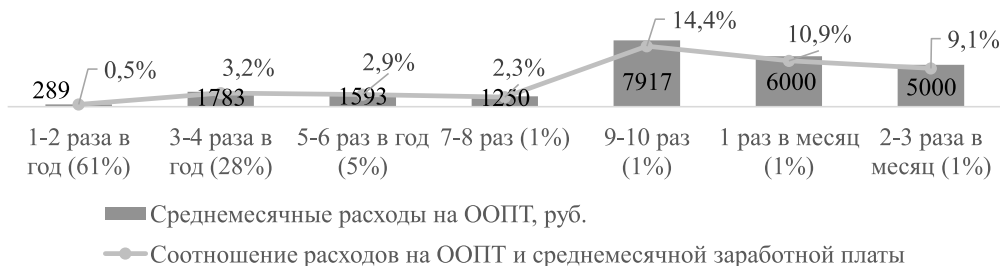


Рис. 1. Экономическое поведение населения города Оренбурга на ООПТ

Fig. 1. Economic behavior of the Orenburg city population at the SPNA

Источник: расчёты авторов по данным исследования.

В зависимости от частоты посещения, годовая сумма на одного жителя может находиться в диапазоне от 3468 до 95000 рублей. Среднемесячные расходы на ООПТ варьируются от 0,5% до 14,4% среднемесячной заработной платы. Суммарные годовые расходы местных жителей на ООПТ оцениваются на уровне 1,4

млрд рублей или 0,9% объёма денежных доходов населения муниципального образования² (табл. 7).

² Имеется в виду сопоставление с показателем «Объём социальных выплат населению и налогооблагаемых денежных доходов населения» // Росстат. Муниципальная статистика. — URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/urov_munst1.htm (дата обращения: 03.04.2023).

Городской округ Брянск. В Брянске в среднем 36% местных жителей бывают в течение года на ООПТ. По мнению местных жителей, они в большей степени склонны к посещению ООПТ не более 4 раз в год (65%) (рис. 2). Также 14% ответили, что бывают на ООПТ 2–3 раза в месяц. Расходы на ООПТ местных жителей за одно посе-

щение находятся на уровне 3178 рублей. В месяц такие расходы могут колебаться от 600 до 6000 рублей, что составляет 1,3% и 12,5% среднемесячной заработной платы горожан. В результате годовые расходы местных жителей – 2,1 млрд рублей (или 1,6% денежных доходов населения городского округа) (табл. 7).

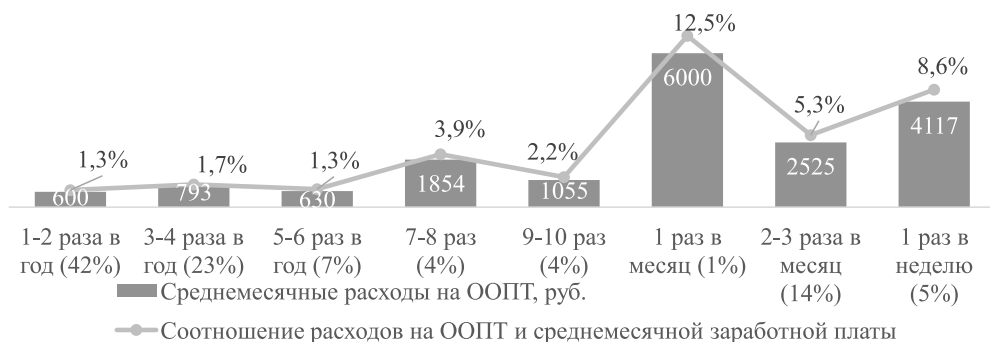


Рис. 2. Экономическое поведение населения города Брянска на ООПТ

Fig. 2. Economic behavior of the Bryansk city population at the SPNA

Источник: расчёты авторов по данным исследования.

Таблица 7

Показатели экономического поведения при вовлеченности ООПТ в культурно-досуговую жизнь населения городских округов

Table 7

Indicators of economic behavior under the SPNA involvement in the cultural and recreation life of the population of urban districts

Показатель	Оренбург	Брянск	Краснодар
Годовое количество местных жителей-посетителей ООПТ, тыс. человек	115,8	146,8	425,7
Средние расходы на ООПТ в месяц на человека, рублей	3404	2197	1280
Средние расходы в месяц на культурно-досуговую программу, рублей	4983	4148	2899
Соотношение среднемесячных расходов на ООПТ и культурно-досуговой программы, %	68%	53%	44%
Среднемесячная заработная плата, руб.	54886	47913	65506
Соотношение расходов на ООПТ в месяц и среднемесячной заработной платы, %	6%	5%	2%
Годовые расходы местных жителей на ООПТ, млрд рублей	1,4	2,1	8,7
Объем годовых доходов населения, млрд рублей	163	134	512
Соотношение годовых расходов на ООПТ и годовых доходов населения, %	0,9%	1,6%	1,7%

Источник: расчёты авторов по данным исследования и Росстата.

Городской округ Краснодар. Среднегодовой уровень посещаемости ООПТ местными жителями — 40%. Почти половина населения совершает прогулки по ООПТ чаще, чем 1 раз в месяц (рис. 3). 18,7% жителей бывают на ООПТ 1 раз в неделю со среднемесячными расходами 4827 рублей. Преимущественная часть населения

в месяц на ООПТ расходует 1000–1500 рублей. Местные жители на ООПТ в месяц в среднем расходуют от 0,02% среднемесячной заработной платы при частоте 1–2 раза в год, и до 7,4% при частоте 1 раз в неделю, что приводит к оценке годовых расходов на ООПТ на уровне 8,7 млрд рублей или 1,7% доходов населения (табл. 7).

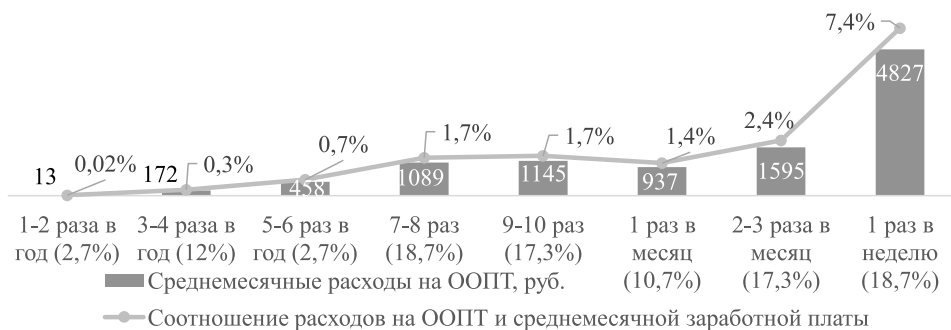


Рис. 3. Экономическое поведение населения города Краснодара на ООПТ

Fig. 3. Economic behavior of the Krasnodar city population at the SPNA

Источник: расчёты авторов по данным исследования.

Заключение

ООПТ Краснодара более интересны для населения городского округа (40%), чем для жителей Краснодарского края (22%). Для городского округа Оренбурга практически различий нет (20% и 19% соответственно). В среднем 36% жителей Брянской области посещают ООПТ города Брянска против 43% населения из самого города. Такую разницу можно объяснить распространённостью ООПТ в регионах: в Краснодарском крае доля муниципалитетов, которые не связаны с ООПТ, составляет 9%, а тех, где природные территории занимают более 10% площади муниципалитета — 27%, в Брянской области — 16% и 23%, в Оренбургской области — 5% и 10% соответственно.

Экономическая модель поведения населения на ООПТ зависима не только от предложения платных услуг, но и от сложившихся предпочтений внутри региона. Среди жителей Краснодара и Краснодарского края невысокий спрос на экскур-

сионное обслуживание и проживание на ООПТ. В среднем за одно посещение ООПТ население Краснодара тратит наименьшую сумму 1095 рублей или 1280 рублей в месяц, однако частота таких посещений более высокая — свыше 1 раза в месяц (47% опрошенных). Однако по мнению жителей городского округа их культурно-досуговая программа более широкая, поэтому, в среднем в месяц, порядка 44% таких расходов направляются на ООПТ.

Население Брянска и Брянской области — активные пользователи всего набора платных услуг. Жители Оренбурга — наиболее активные пользователи спортивно-досуговых услуг. Для обоих муниципалитетов экономическая оценка одного посещения ООПТ одинакова — около трех тысяч рублей. С учётом различий в частоте посещения, население Оренбурга на ООПТ в месяц тратит 68% расходов на культурно-досуговую программу, города Брянска — 53% соответственно.

Таким образом, для 20–40% местного населения исследованных урбанизиро-

ванных территорий — Оренбурга, Брянска и Краснодар — ООПТ стали частью культурно-досуговой жизни. Предложенная методология исследования экономической вовлеченности ООПТ в местное раз-

витие на основе результатов анкетирования позволила дать оценку использования ООПТ как объекта досуга и рекреации для местных жителей этих территорий.

Литература и Интернет-источники

1. **Вишневецкая, Е. В.** Потребительские предпочтения как основа развития экологического туризма на региональном уровне / Е. В. Вишневецкая, В. О. Леонтьев // Научный результат. Технологии бизнеса и сервиса. — 2022. — № 8(3). — С. 3–13. DOI: 10.18413/2408-9346-2022-8-3-0-1; EDN: IHJVJI
2. **Оборин, М. С.** Направление повышения эффективности использования туристско-рекреационных ресурсов малых городов / М. С. Оборин // Вестник Московского университета. Сер. 21. Управление (государство и общество). — 2019. — № 4. — С. 85–98; EDN: OIBKSF
3. **Нырка, Е. А.** Повышение роли ООПТ в развитии «зелёной экономики» / Е. А. Нырка, С. Ю. Гаутауллина // Индустрия туризма: возможности, приоритеты, проблемы и перспективы. — 2019. — Т. 14. — № 2. — С. 290–298. EDN: YLODUR
4. **Калягина, Л. В.** Потенциал развития сельских территорий СФО на базе ООПТ / Л. В. Калягина // Островские чтения. — 2017. — № 1. — С. 493–497. EDN: ZPEEDD
5. **Глазырина, И. П.** Природные парки, бальнеологические ресурсы и развитие сельских территорий / И. П. Глазырина, Н. В. Помазкова, О. Ц. Дармаева // Устойчивое развитие горных территорий. — 2022. — Т. 14. — № 2. — С. 176–186. DOI: 10.21177/1998-4502-2022-14-2-176-186; EDN: BBGUNV
6. **Михайлова, Г. В.** Социальное измерение особо охраняемых природных территорий / Г. В. Михайлова, В. А. Ефимов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2015. — № 4 (40). — С. 151–164. EDN: UGMBDH
7. **Стадолин, М. Е.** Особо охраняемые природные территории местного значения: проблемы управления и развития / М. Е. Стадолин, Е. В. Ямчук // Вестник университета. — 2017. — № 3. — С. 195–199. EDN: VYKENV
8. **Фролова, Е. В.** Туристский потенциал территории и его роль в повышении качества жизни населения / Е. В. Фролова, О. В. Рогач, П. Ш. Шихгафизов // Народонаселение. — 2022. — Т. 25. — № 3. — С. 116–127. DOI:10.19181/population.2022.25.3.9; EDN: IZRIUD
9. **Mayer, M.** The economic impact of tourism in six German national parks / M. Mayer, M. Müller, M. Woltering, J. Arnegger, H. Job // Landscape and Urban Planning. — 2010. — Vol. 97. — No. 2. — P. 73–82. DOI: 10.1016/j.landurbplan.2010.04.013
10. **Walde, J. F.** A protected area between subsistence and development / J. F. Walde, D. T. Huy, U. Tappeiner, G. Tappeiner // International Journal of the Commons. — 2019. — No. 13(1). — P. 175–204.
11. **Куксова, М. А.** Финансирование особо охраняемых природных территорий: потенциальные источники доходов / М. А. Куксова, Е. Ю. Жидкова // Региональная экономика: теория и практика. — 2007. — № 8(47). — С. 147–150. EDN: HFGCVR
12. **Дец, И. А.** Инфраструктура туризма на ООПТ, подведомственных ФГБУ «Заповедное Подлесье» / И. А. Дец, Н. М. Лужкова // Современные проблемы сервиса и туризма. — 2019. — Т. 13. — № 1. — С. 98–106. EDN: IJLDM
13. **Дец, И. А.** Туризм и другие источники доходов особо охраняемых природных территорий: возможности и перспективы / И. А. Дец // Современные проблемы сервиса и туризма. — 2018. — Т. 12. — № 3. — С. 43–51. EDN: UWOSBA
14. **Лисин, Д. А.** Туризм на ООПТ: механизмы финансового управления в условиях рыночной экономики (зарубежный опыт) / Д. А. Лисин // Биосферное хозяйство: теория и практика. — 2018. — № 4(7). — С. 26–35. EDN: YXFMEY

15. **Атамась, Е. В.** Финансирование деятельности ООПТ и применение элементов (механизмов) бизнес-планирования / Е. В. Атамась // Современная экономика: проблемы и решения.— 2019.— № 11.— С. 45–54. DOI: 10.17308/meps.2019.11/2251; EDN: WRZHUT
16. **Шкиперова, Г. Т.** Оценка эколого-экономического эффекта особо охраняемых природных территорий / Г. Т. Шкиперова // Социальное пространство.— 2018.— № 3(15).— С. 1–10. DOI: 10.15838/sa.2018.3.15.5; EDN: XUFCCCL
17. **Тихонова, Т. В.** Экосистемные услуги: пути практического использования / Т. В. Тихонова // Проблемы развития территории.— 2019.— № 1(99).— С. 25–39. EDN: YWTDXV
18. **Тихонова, Т. В.** Социально-экономическая оценка особо охраняемых природных территорий (на примере заказников Республики Коми) / Т. В. Тихонова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз.— 2011.— № 2.— С. 144–157. EDN: NRCNZJ
19. **Литвинова, А. А.** Опыт экономической оценки особо охраняемых природных территорий / А. А. Литвинова, М. Н. Игнатьев, Л. В. Власова // Известия Уральского государственного горного университета.— 2015.— № 3(39).— С. 57–62. EDN: UKPJRX

Сведения об авторах:

Мельникова Татьяна Борисовна, к.э.н., доцент кафедры менеджмента, туризма и гостиничного бизнеса, Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова, Севастопольский филиал, Севастополь, Россия.

Контактная информация: e-mail: nauka_sevrea@mail.ru; ORCID: 0000-0002-2639-498X; РИНЦ AuthorID: 966787.

Портнова Лидия Владимировна, к.э.н., доцент кафедры финансов и менеджмента, Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова, Оренбургский филиал, Оренбург, Россия.

Контактная информация: e-mail: naukaorenrea@list.ru; ORCID: 0000-0001-6068-0448; РИНЦ AuthorID: 685601.

Обидовская Наталья Николаевна, к.э.н., зав. кафедрой гражданского, уголовного права и процесса и финансово-правовых дисциплин, Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова, Брянский филиал, Брянск, Россия.

Контактная информация: e-mail: nata.obidovskaya@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-7426-9710; РИНЦ AuthorID: 830123.

Приходько Карина Согомоновна, к.э.н., доцент кафедры экономики и цифровых технологий, Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова, Краснодарский филиал, Краснодар, Россия.

Контактная информация: e-mail: sergiyan_ks@mail.ru; ORCID: 0000-0001-8420-5174; РИНЦ AuthorID: 651849.

DOI: 10.19181/population.2023.26.3.10

OPINIONS OF RUSSIAN TOWNSPEOPLE ABOUT INVOLVEMENT OF PROTECTED NATURAL AREAS IN THEIR LIFE

**Tatyana B. Melnikova^{1*}, Lidia V. Portnova², Natalya
N. Obidovskaya³, Karina S. Prikhodko⁴**

¹*Plekhanov Russian University of Economics, Sevastopol Branch
(29 Vakulenchuka str., Sevastopol, Russia, 290053)*

²*Plekhanov Russian University of Economics, Orenburg Branch
(50/51–53 Leninskaya/Pushkinskaya str., Orenburg, Russia, 460000)*

³*Plekhanov Russian University of Economics, Bryansk Branch
(8 Begitskaya str., Bryansk, Russia, 290053)*

⁴*Plekhanov Russian University of Economics, Krasnodar Branch
(23 Sadovaya str., Krasnodar, Russia, 350002)*

*E-mail: nauka_sevrea@mail.ru

Funding:

This study was financed by a grant from the Plekhanov Russian University of Economics.

For citation:

Melnikova T.B., Portnova L.V., Obidovskaya N.N., Prikhodko K.S. Opinions of Russian townspeople about involvement of protected natural areas in their life. *Narodonaselenie [Population]*. 2023. Vol. 26. No. 3. P. 117-130. DOI: 10.19181/population.2023.26.3.10 (in Russ.)

Abstract. *Along the development of specially protected natural areas (SPNA), many urban areas are also deeply saturated with them. SPNAs can play an important role in the local economic and social development, however, the methodology for studying the involvement of SPNAs in the local population life is not well developed that determined the purpose of the paper. It is proposed, on the basis of a survey of the population living in the territories adjacent to the SPNA, and within the region, to identify the features of the cultural, recreation and economic behavior of citizens in the protected areas. The methodology was tested in the urban districts of Orenburg, Bryansk and Krasnodar. As a result of the survey, the opinion of the population about specific SPNAs in urban districts was revealed. On average, SPNAs are visited by 20% to 40% of the local residents, who mostly stay in SPNAs for 3–5 hours. More than half of local visitors to protected areas use catering services. Payment for sports and recreation services is more typical for residents of Orenburg and Bryansk. According to local residents, they spend an average of 1.1 to 3.6 thousand rubles per visit to protected areas. According to the frequency of visits to protected areas declared by people, the cost per month can range from 13 rubles to 7.9 thousand rubles. Taking into account the data of economic statistics and the results of the survey, the annual expenditures of local residents on protected areas were estimated, which in Orenburg made 1.4 billion rubles (or 0.9% of the income of the city population), in Bryansk — 2.1 billion rubles (or 1.6% of the income), and in Krasnodar — 8.7 billion rubles (or 1.7% of the income). The approach of analytical processing of survey results and comparison of different sources of information, proposed by the authors, makes it possible to expand data on municipalities.*

Keywords: *specially protected natural area (SPNA), tourism, local population, expenses of local residents, Orenburg, Bryansk, Krasnodar.*

References and Internet sources

1. Vishnevskaya E.V., Leontiev V.O. Potrebitel'skije predpochtenijakakosnova razvitiya ekologicheskogo turizma na regional'nom urovne [Consumer preferences as a basis for the development of ecological tourism at the regional level]. *Nauchnyj rezul'tat. Tehnologii biznesa i servisa [Research Result. Business and Service Technologies]*. 2022. No. 8(3). P. 3–13. DOI: 10.18413/2408–9346–2022–8–3–0–1 (in Russ.)
2. Oborin M.S. Napravlenije povyshenija effektivnosti ispol'zovanija turistsko-rekreacsiionnyh resursov malyh gorodov [Directions for increasing the efficiency of using tourist and recreational resources of small cities]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 21. Upravlenije (gosudarstvo i obshchestvo) [Moscow University Bulletin. Series 21. Public Administration]*. 2019. No. 4. P. 85–98. (in Russ.)
3. Nyrka E. A., Gataullina S. Yu. Povyshenije roli OOPT v razvitiy «zelenoj ekonomiki» [Raising the role of protected natural areas in development of the “green economy”]. *Industriya turizma: vozmozhnosti, priority, problemy i perspektivy [Tourism Industry: Opportunities, Priorities, Problems and Prospects]*. 2019. Vol. 14. No. 2. P. 290–298. (in Russ.)

4. Kalyagina L. V. Potentsial razvitija sel'skih territorij SFO na baze OOPT [Potential for development of rural areas of the Siberian Federal District on the basis of protected natural areas]. *Ostrovskije chtenija [Ostrovsky Readings]*. 2017. No. 1. P. 493–497. (in Russ.)
5. Glazyrina I. P., Pomazkova N. V., Darmaeva O. Ts. Prirodnyje parki, bal'neologicheskiye resursy i razvitije sel'skih territorij [Natural parks, balneological resources and rural development]. *Ustojchivoje razvitije gornyh territorij [Sustainable Development of Mountain Territories]*. 2022. Vol. 14. No. 2. P. 176–186. DOI: 10.21177/1998–4502–2022–14–2–176–186 (in Russ.)
6. Mikhailova G. V., Efimov V. A. Soctsal'noje izmerenije osobo ohranjaemyh prirodnyh territorij [Social assessment of specially protected natural areas]. *Ekonomicheskiye i sotsial'nyje peremeny: fakty, tendentsii, prognoz [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast]*. 2015. No. 4(40). P. 151–164. (in Russ.)
7. Stadolin M. E., Yamchuk E. V. Osobo ohranjaemyje prirodnyje territorii mestnogo znachenija: problemy upravlenija i razvitija [Specially protected natural areas of local importance: Problems of governance and Development]. *Vestnik universiteta [Bulletin of the University]*. 2017. No. 3. P. 195–199. (in Russ.)
8. Frolova E. V., Rogach O. V., Shikhgafizov P. Sh. Turistskij potentsial territorii i ego rol' v povyshenii kachestva zhizni naselenija [Tourist potential of the territory and its role in improving the quality of life of the population]. *Narodonaselenie [Population]*. 2022. Vol. 25. No. 3. P. 116–127. DOI: 10.19181/population.2022.25.3.9 (in Russ.)
9. Mayer M., Müller M., Woltering M., Arnegger J., Job H. The economic impact of tourism in six German national parks. *Landscape and Urban Planning*. 2010. Vol. 97. No. 2. P. 73–82. DOI: 10.1016/j.landurbplan.2010.04.013
10. Walde J. F., Huy D. T., Tappeiner U., Tappeiner G. A protected area between subsistence and development. *International Journal of the Commons*. 2019. 13(1). P. 175–204.
11. Kuksova M. A., Zhidkova E. Yu. Finansirovanije osobo ohranjaemyh prirodnyh territorij: potentsial'nyje istochniki dohodov [Financing of specially protected natural areas: potential sources of income]. *Regional'naja ekonomika: teorija i praktika [Regional Economics: Theory and Practice]*. 2007. No. 8(47). P. 147–150. (in Russ.)
12. Dets I. A., Luzhkova N. M. Infrastruktura turizma na OOPT, podvedomstvennyh FGBU «Zapovednoe Podlemor'e» [Tourism infrastructure in protected areas under management of FSE “Zapovednoe Podlemorye”]. *Sovremennyye problemy servisa i turizma. [Service and Tourism Current Challenges]*. 2019. Vol. 13. No. 1. P. 98–106. (in Russ.)
13. Dets I. A. Turizm i drugije istochniki dohodov osobo ohranjajemyh prirodnyh territorij: vozmozhnosti i perspektivy [Tourism and other types of revenues of protected natural areas: opportunities and prospects]. *Sovremennyye problemy servisa i turizma [Service and Tourism Current Challenges]*. 2018. Vol. 12. No. 3. P. 43–51. (in Russ.)
14. Lisin D. A. Turizm na OOPT: mehanizmy finansovogo upravlenija v uslovijah rynochnoj ekonomiki (zarubezhnyj opyt) [Tourism in specially protected natural areas: mechanisms of financial management in the conditions of market economy (foreign experience)]. *Biosfernoje hozjajstvo: teorija i praktika [Biosphere Economy: Theory and Practice]*. 2018. No. 4(7). P. 26–35. (in Russ.)
15. Atamas E. V. Finansirovanije dejatel'nosti OOPT i primenenije elementov (mehanizmov) biznes-planirovaniija [Financing of protected areas and application of the elements (mechanisms) of business planning]. *Sovremennaja ekonomika: problemy i reshenija [Modern Economics: Problems and Solutions]*. 2019. No. 11. P. 45–54. DOI: 10.17308/meps.2019.11/2251 (in Russ.)
16. Shkiperova G. T. Otsenka ekologo-ekonomicheskogo efekta osobo ohranjaemyh prirodnyh territorij [Assessment of eco-economic effect for specially protected areas]. *Sotsial'noje prostranstvo [Social Area]*. 2018. No. 3 (15). P. 1–10. DOI: 10.15838/sa.2018.3.15.5 (in Russ.)
17. Tikhonova T. V. Ekosistemnye uslugi: puti prakticheskogo ispol'zovaniija [Ecosystem services: ways of their practical application]. *Problemy razvitija territorii [Problems of Territory's Development]*. 2019. No. 1(99). P. 25–39. (in Russ.)
18. Tikhonova T. V. Sotsial'no-ekonomicheskaja otsenka osobo ohranjaemyh prirodnyh territorij (na primere zakaznikov Respubliki Komi) [Socio-economic estimation of the particularly protected

natural territories (by the example of the Komi Republic preserves)]. Ekonomicheskije i sotsial'nyje peremeny: fakty, tendentsii, prognoz [*Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*]. 2011. No. 2. P. 144–157. (in Russ.)

19. Litvinova A. A., Ignatiev M. N., Vlasova L. V. Opyt ekonomicheskoy otsenki osobo ohranjaemykh prirodnykh territorij [Experience in the economic evaluation of specially protected areas]. Izvestija Ural'skogo gosudarstvennogo gornogo universiteta [*News of the Ural State Mining University*]. 2015. No. 3(39). P. 57–62. (in Russ.)

Information about the authors:

Melnikova Tatyana Borisovna, Candidate of Economics, Associate Professor, Plekhanov Russian University of Economics, Sevastopol Branch, Sevastopol, Russia.

Contact information: e-mail: nauka_sevrea@mail.ru; ORCID: 0000–0002–2639–498X; Elibrary AuthorID: 966787.

Portnova Lidia Vladimirovna, Candidate of Economics, Associate Professor, Plekhanov Russian University of Economics, Orenburg Branch, Orenburg, Russia.

Contact information: e-mail: naukaorenrea@list.ru; ORCID: 0000–0001–6068–0448; Elibrary AuthorID: 685601.

Obidovskaya Natalya Nikolaevna, Candidate of Economics, Head of Department, Plekhanov Russian University of Economics, Bryansk Branch, Bryansk, Russia.

Contact information: e-mail: nata.obidovskaya@yandex.ru; ORCID: 0000–0002–7426–9710; Elibrary AuthorID: 830123.

Prihodko Karina Sogomonovna, Candidate of Economics, Associate Professor, Plekhanov Russian University of Economics, Krasnodar Branch, Krasnodar, Russia.

Contact information: e-mail: sergiyan_ks@mail.ru; ORCID: 0000–0001–8420–5174; Elibrary AuthorID: 651849.

Статья поступила в редакцию 02.05.2023, утверждена 15.08.2023, опубликована 30.09.2023.

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНЫХ И ФИНАНСОВЫХ СИСТЕМ



DOI: 10.19181/population.2023.26.3.11
EDN: TVZORY

Порог наступления старости: объективные признаки и субъективное восприятие

Антонов А. И.¹, Назарова И. Б.^{2*}, Карпова В. М.¹, Ляликова С. В.²

¹МГУ имени М. В. Ломоносова

(119 234, Россия, Москва, Ленинские горы, 1, стр. 33)

²ИСЭПН ФНИСЦ РАН

(117218, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 32)

*E-mail: inna-nazarova@mail.ru

Для цитирования:

Антонов А. И., Назарова И. Б., Карпова В. М., Ляликова С. В. Порог наступления старости: объективные признаки и субъективное восприятие // Народонаселение. – 2023. – Т. 26. – № 3. – С. 131-143. DOI: 10.19181/population.2023.26.3.11; EDN: TVZORY

Аннотация. Старение населения является демографическим трендом, характерным для большинства стран. Ситуация роста числа пожилых людей по всему миру повышает актуальность изучения данного вопроса. В статье агрегированы данные источников, определяющих границы наступления старости с опорой на различные теоретико-методологические подходы, а также продемонстрирована доля стариков в демографической структуре российского населения в соответствии с выбранными подходами. Показано, что наиболее популярным возрастом наступления старости, отражённым в теоретических концепциях, считается период от 60 до 65 лет. В статье представлены результаты авторского исследования, в котором приняли участие 1198 респондентов из 65 субъектов Российской Федерации (организовано МГУ имени М. В. Ломоносова совместно с ИСЭПН ФНИСЦ РАН в 2022 г.). Полученные результаты обнаружили некоторые несоответствия между границами, закреплёнными в научном дискурсе, и представления участников исследования о моменте наступления старости. В ходе анализа полученных данных не было обнаружено существенных расхождений в представлениях о моменте наступления старости для мужчин и женщин (69,4 и 68,0 лет соответственно). Зафиксирована тенденция откладывания возраста наступления старости с увеличением возраста респондента. Соотнесение фактического и психологического возраста наступления старости показало, что «преждевременному» старению (когда человек признает себя пожилым, ещё не превысив собственного возраста наступления старости) подвержены свыше половины опрошенных, ассоциирующих себя с пожилыми людьми.

Ключевые слова: старение населения, старость, возрастные границы старости, возрастная структура населения, пожилые люди.

Снижение рождаемости, снижение смертности в старших возрастных группах (связанное с увеличением средней продолжительности жизни), миграция молодого населения — все эти составляющие определяют демографическое старение населения (подробнее, например, [1]). В России доля граждан старше 65 лет в 2022 г. составила 16,04%, а старше 60 лет — 23,13%. Средний возраст жителей Российской Федерации — 40,5 лет (мужчин — 37,7 лет, женщин — 42,9 лет), в 34 субъектах значение показателя превышает 41 год¹. Общий демографический тренд демонстрирует не только старение населения в целом, но и старение населения старших возрастов в частности, благодаря социально-экономическому развитию, возможностям медицины и здравоохранения, социальному обеспечению населения и другим факторам².

В качестве проблемы эксперты отмечают наличие негативных стереотипов в отношении людей старшего возраста и в целом к периоду, и состоянию старости, например: [2–4]. Актуальный социально-экономический и демографический контекст, выражающийся в росте доли старших возрастов в демографической структуре населения, влиянии «пенсионной реформы» на социальные настроения населения и трудовую активность граждан, вовлечению женщин старше 55 лет и мужчин старше 60 лет в трудовую деятельность, обостряет интерес к представителям старшей возрастной когорты и перспективам старения для молодёжи. Указанные социально-демографические процессы связаны с пониманием старения как социального феномена и возраста, в котором человека можно считать старым.

Можно предположить, что возраст выхода на пенсию в целом соответствует представлениям людей о границах наступления старости. Процесс взросления и старения может быть более гармоничным при условии совпадения возрастных границ старения с представлением населения о названном жизненном этапе. Молодое поколение неуверенно смотрит на перспективы старения, в том числе на возможности продолжительной трудовой деятельности. Люди старшего возраста (третьего возраста, старых, пожилых), напротив, считают, что активное включение представителей третьего возраста в трудовую деятельность может стать дополнительным ресурсом для продления активной жизни.

Цель исследования — изучить соответствие возраста старения, принятого в научном дискурсе в качестве теоретически обоснованных возрастных границ, а также информации, закреплённой на законодательном уровне, с представлениями населения о моменте наступления старости. Теоретико-методологическую основу исследования составляют концепции, обосновывающие установление возраста наступления старости, которые являются основой социальной политики в отношении людей старшего возраста в России и мире и могут формировать стереотипы в отношении пожилых людей. Границы для обозначения конкретных возрастных групп могут различаться в зависимости от объективных факторов (самочувствие, здоровье) и субъективных (культура восприятия старости и др.). В статье рассмотрены различные подходы к определению возрастных границ старости с позиции этих двух групп факторов.

В соответствии с концепцией жизненного цикла время индивида делится на этапы: детство, взрослость, «третий возраст» («молодые старики» — «the Young Old») и «четвёртый возраст» («старые старики» — «the Old Old»). Граница между последними двумя этапами проходит на рубеже 75 лет. Для «молодых стариков» характерно относительно хорошее (для

¹ Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2022 года: Стат. сб. / Росстат. — Москва, 2021. — 443 с.

² Global age-sex-specific fertility, mortality, healthy life expectancy (HALE), and population estimates in 204 countries and territories, 1950–2019: a comprehensive demographic analysis for the Global Burden of Disease Study 2019. GBD2019 Demographics Collaborators // Lancet. — 2020. — URL: [https://www.thelancet.com/journals/lancet/article/PIIS0140-6736\(20\)30977-6/fulltext](https://www.thelancet.com/journals/lancet/article/PIIS0140-6736(20)30977-6/fulltext) (дата обращения: 15.02.2023).

своего возраста) здоровье, более высокий уровень образования и благосостояния, энергичность и активность, в отличие от представителей «четвёртого возраста», соответствующих традиционному образу стариков, требующих поддержки и опеки [5]. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) в качестве границ пожилого возраста указывает интервал от 60 до 74 лет, за ним следует старческий возраст — 75–90 лет и этап «долголетия», дифференцирующийся на долгожителей (90–99 лет), столетних (100 лет и более) и супердолгожителей — 110 лет и старше, которых в мире насчитываются единицы (подробно о границах — например: [6]). Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) придерживается 65-летней границы старости³.

Организация объединённых наций (ООН) признала границей наступления старости 65 лет. Подчёркивается, что население можно считать старым, если доля лиц старше вышеупомянутой границы в демографической структуре населения превышает 7% (к сравнению, молодым окажется население, в котором доля старших возрастов зафиксирована на уровне до 4%, а зрелым — от 4 до 7%)⁴ [7]. Согласно шкале демографического старения Ж. Боже-Гарнье — Э. Россета границей наступления старости оказывается 60-летний рубеж. Предлагается считать население старым, если в его демографической структуре доля мужчин и женщин старше 60 лет составляет 12%, а удельный вес граждан от 65 лет и старше превышает 7%. Причём этапы старения также различаются между собой, так, если мужчин и женщин старше 60 лет от 12% до 14%, этот факт ознаменует начальный уровень демографического старения, от 14% до 16% — средний уровень, от 16 до 18% — высокий, свыше 18% — очень высокий уровень соответственно [8; 9].

Результаты исследований показывают, что старость является социальным кон-

структом, а население нередко связывает этот жизненный период с окончанием трудовой деятельности. В среднем к 68 годам большинство мужчин и женщин прекращают работать. Например, в старшей возрастной когорте (70 лет и старше) в трудовую деятельность включены лишь 10% мужчин и 4% женщин, в то время как среди людей от 65 до 69 лет — 31% и 23% соответственно. Таким образом, пожилой возраст наступает после 70 лет, когда работа окончательно отходит на задний план [9].

Методы и демографическая справка

Во II–III квартале 2022 г. коллектив кафедры социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова и лаборатории исследования здоровья населения и системы здравоохранения ИСЭПН ФНИСЦ РАН провёл инициативное исследование на тему: «Когда начинается старость?» среди 1198 респондентов из 65 субъектов РФ. Опрос проходил с использованием CAWI-технологии, метод отбора респондентов — снежный ком. Группа интервьюеров, после прохождения инструктажа, обеспечивала онлайн-рассылку, а также осуществляла персональное интервьюирование респондентов старших возрастов и представителей, не имеющих доступа к Интернету в соответствии с квотным заданием. Выборка репрезентирует население по полу, возрасту (лица 18 лет и старше), семейному положению и типу населённого пункта в соответствии с данными Росстата.

На этапе разведывательно-описательного анализа в качестве статистического инструментария использовались описательные статистики, а также ряд статистических тестов: Т-критерий для независимых выборок, однофакторный дисперсионный анализ с последующим попарным сравнением групп респондентов, критерий хи-квадрат независимости распределений и z-критерий для попарного сравнения долевых распределений ответов респондентов. Во всех использованных статистических процедурах крити-

³ OECD: "Self-rated health and disability at age 65 and over", in Health at a Glance 2021: OECD Indicators. — Paris: OECD Publishing, 2021. DOI: 10.1787/415b0fd4-en.

⁴ The aging, 1965 of population and its economic and social implications. — New York: United Nations, 1965. — 128 p.

ческим значением для отвержения нулевой гипотезы было принято р-значение равное 0,05. В случае попарных сравнений использовалась поправка Бонферрони для компенсации эффекта множественных сравнений. Предпринят регрессионный анализ с целью установления взаимосвязи между социально-демографическими характеристиками респондентов с их представлениями о границах наступления старости.

Численность населения России на 1 января 2022 г., по данным Росстата, составила 145,56 млн. человек, из них мужчин и женщин старше 60 лет — 23,13%, старше 65 лет — 16,04%. Пенсионная группа мужчин в два раза меньше, чем женщин — 16,7% против 33,0% (табл. 1)⁵.

⁵ Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2022 года / Росстат. — Москва, 2021. — URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Bul_chislen_nasel-pv_01-01-2022.pdf (дата обращения: 15.11.2022).

Таблица 1

Доля стариков в структуре российского населения с позиции различных подходов к определению старости

Table 1

The share of old people in the structure of the Russian population in terms of different approaches to the definition of old age

Название, авторы/ организация	Граница старости		Представители старшей возрастной группы в России	
			%	человек
Шкала демографического старения Ж. Боже-Гарнье – Э. Россета	60 лет		23,13	33670411
Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР)	65 лет		16,04	23350232
Организация объединённых наций (ООН)	60–65 лет 16,04		23,13	23350232
			33670411	
Пенсионная группа	Мужчины: 61 год и старше		16,70	11295528
	Женщины: 56 лет и старше		33,0	25681258
Пенсионная группа в соответствии с пенсионной реформой 2018 года	Мужчины: 65 лет и старше		11,6	7830941
	Женщины: 60 лет и старше		27,6	21462496
Пенсионная группа в соответствии с возрастными границами 2018 года	Мужчины: 60 лет и старше		18,04	12207915
	Женщины: 55 лет и старше		34,17	26617721
Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ)	Пожилой возраст	60–74 года	17,40	25332151
	Старческий возраст	75–90 лет	5,20	7572563
	Долголетие	старше 90 лет	0,53	765697
Питер Ласлетт	«Четвёртый возраст» – «старые старики»	старше 75 лет	5,73	8338260

Источник: составлено авторами на основе данных Росстата на 1 января 2022 года. — URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Bul_chislen_nasel-pv_01-01-2022.pdf (дата обращения: 15.02.2023).

Предпочитают не работать с наступлением пенсионного возраста половина женщин и две трети мужчин. Например, после выхода на пенсию с 55 по 59 лет включительно, были трудоустроены 54% женщин и среди мужчин в постпенсионный период (с 60 по 64 года) продолжали работать — 37% опрошенных [9]. Причём причины длительной трудовой деятельности не ограничиваются лишь материальными трудностями, весомый вклад приносят и социально-психологические факторы: желание пенсионеров больше общаться с людьми (32%), любовь к работе (19%) и привычка (16%)⁶. Пожилой возраст в соответствии с пониманием ВОЗ у мужчин наступает ещё в период трудовой деятельности — в 60 лет. Старческий возраст находится в границах от 75 до 90 лет, таких людей в России 5,20%, а представителей этапа «долголетие» (старше 90 лет) в 10 раз меньше — всего 0,53%.

Помимо количественного определения возраста старения (количества лет жизни), существуют качественные характеристики старости, связанные с позитивными и негативными социальными стереотипами в отношении людей старшего возраста. В обществе такие стереотипы могут существовать, дополняя и противореча друг другу, что подтверждается эмпирическими данными. Треть респондентов (29%) считают, что старость — это лишения, примерно столько же убеждены в обратном⁷. Подобному распределению соответствует и посыл о том, что старость в значительной мере является социальным и психологическим конструктом. На данном этапе жизненного пути возможности человека могут ограничиваться не столько естественными и неизбежными признаками, свойственными старшим возрастам, сколько укоренёнными в обществе стереотипами [10, с. 61]. Обще-

ство своим отношением к старости может определять самоощущение и самооценку человека в определённом возрасте, степень удовлетворённости его собственной жизнью [11]. Формируется психологическая старость как самоощущение индивида в пожилом возрасте [12]. Неадекватное восприятие старости может приводить к опасным последствиям. Доказано, что недооценка своего потенциала в старших возрастах, также неблагоприятна, как и его переоценка. Например, выход на пенсию раньше 60 лет, может сопровождаться чувством неудовлетворённости от «неизрасходованного» потенциала, а идентификация себя с более молодой и энергичной группой может быть опасна для психологического и физического здоровья [13, р. 299].

Результаты исследования

Социально-демографический портрет респондентов. Средний возраст опрошенных — 47,1 лет, 75,3% — имеют детей, 53,0% — состоят в зарегистрированном браке, 7,2% — сожители, 11,5% — вдовствующие, 14,7% — никогда не состояли в браке. Свыше половины участников опроса, трудоустроены (58,1%), 13,2% — не заняты, 20,1% — пенсионеры, 8,9% — работающие пенсионеры. Каждый пятый респондент оценил уровень своего дохода ниже среднего (20,6%), 60,0% — как у всех, остальные отнесли себя к высокодоходной группе.

Определение возрастных границ старости. Анализ восприятия респондентами возрастных границ старости проводился на основе блока вопросов о возрасте наступления старости, который задавался как в нейтральной формулировке — без указания пола, так и с соответствующим уточнением (когда наступает старость у мужчин или женщин). Значительных расхождений в представлениях о возрасте наступления старости у мужчин и женщин не было выявлено. Респонденты считают, что старость в целом наступает в 70,7 лет, у мужчин — в 69,4 года, у женщин — в 68,0 лет. Но женщинам свойствен-

⁶ Работа на пенсии: за и против // ВЦИОМ: 7 декабря 2020 года. — URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rabota-na-pensii-za-i-protiv> (дата обращения: 20.02.2023).

⁷ Татарко К.И. Социальные установки относительно старости и её предпочтительный образ в период ранней зрелости // Психологические исследования. — 2018. — Т. 11. — № 60. — С. 10.

но определять более высокие границы наступления старости. Различаются ответы респондентов в зависимости от возраста: молодёжь считает, что старость наступает раньше — в 65,8 лет, а пожилые — в 74,4 года (табл. 2). Выявлена устойчивая тенденция отодвигания возраста старения по мере увеличения возраста респондента, разница между наиболее молодыми и наиболее пожилыми респондентами достигает почти 10 лет. Аналогично данные ВЦИОМ (2018 г.) показали, что средний возраст наступления старости равен 63 годам, кроме этого, происходит устой-

чивое увеличение средних значений возраста у старших возрастных групп (с 58 до 69 лет)⁸. Полученные различия могут объясняться разницей в формулировке вопроса — в опросе ВЦИОМ респондентам предлагалось выбрать один ответ на шкале, соответственно расчёт среднего значения носит более приближенный характер, чем в нашем исследовании.

⁸ Когда начинается старость? // ВЦИОМ: 03 октября 2018 года. — URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/kogda-nachinaetsya-starost-> (дата обращения: 20.02.2023).

Средний и медианный возраст наступления старости в зависимости от пола и возраста респондентов, лет

Таблица 2

Table 2

Average and median age of "old age" depending on sex and age of respondents, years

Респонденты	Возраст наступления старости по мнению респондентов					
	в целом		у мужчин		у женщин	
	Среднее	Медиана	Среднее	Медиана	Среднее	Медиана
Все	70,7	70	69,4	70	68	70
мужчины	69,3	70	68,2	70	65	65
женщины	71,8*	70	70,3*	70	70,3*	70
18–29 лет	65,8	65	64,7	65	63	60
30–44 лет	69,7	70	68,8	70	66,3	65
45–59 лет	71,4	70	70,7	70	69,6	70
60+ лет	74,4*	75	72,1*	70	71,9*	70

*статистически значимые отличия между респондентами разного пола и возраста, $p < 0,05$.

Источник: данные авторского исследования.

Возраст респондентов оказывает влияние на восприятие границ наступления старости, поэтому для оценки влияния других социально-демографических характеристик респондентов (уровень образования, тип населённого пункта, в котором проживает респондент, брачный статус, наличие детей, самооценка здоровья, уровень дохода и статус занятости) были построены многофакторные регрессионные модели, включающие в себя возраст как ковариату. Результаты анализа показали, что значимо взаимосвязанными с оценкой возраста наступления старости, явля-

ются: пол, возраст и субъективное восприятие здоровья (модель 1 — зависимая переменная — возраста старости по выборке в целом), модель 2 — границы старения в отношении мужчин и модель 3 — в отношении женщин) (табл. 3).

Логистическая регрессия (все три модели) подтверждает, что для женщин характерны более высокие границы наступления старости (в целом — на 2,75 лет по сравнению с оценкой мужчин; для возраста старения мужчин — на 2,24 года и для возраста старения женщин — на 4,95 лет). Чем лучше у человека здоровье, тем выше границы наступ-

Таблица 3

Регрессионные модели возраста наступления старости в зависимости от социально-демографических характеристик респондентов

Table 3

Regression models of old age onset depending on the socio-demographic characteristics of respondents

Независимые переменные		Зависимая переменная – возраст наступления старости		
		Модель 1 Без указания пола	Модель 2 мужчины	Модель 3 женщины
Пол	Мужской ^а	-2,75***	-2,24***	-4,95***
Образование	Среднее ^б	0,07	-0,38	-0,95
Тип населённого пункта	Город ^в	1,51*	-0,24	0,93
Семейное положение	Зарегистрированный брак ^г	-0,12	2,01*	0,88
	Незарегистрированный брак	-0,36	0,96	0,44
	Никогда не состоял в браке	1,12	1,64	0,86
Наличие детей	Нет детей ^д	-1,18	-1,71	-0,64
Состояние здоровья	Хорошее ^е	7,55***	8,56***	8,29***
	Удовлетворительное	4,73***	5,45***	5,63***
Наличие хронических заболеваний	Есть ^ж	0,08	0,17	0,32
	Ниже среднего ^з	-0,71	-0,74	0,79
Занятость	Как у всех	0,13	-0,87	1,16
	Занятые ^и	0,28	-0,42	1,56
Возраст	Не занятые (не пенсионер)	-0,19	-1,95	0,26
		0,17***	0,14***	0,20***
Скорректированный R-квадрат		0,100	0,106	0,180

Примечания: * $p < 0,05$, ** $p < 0,01$, *** $p < 0,001$; ^а референтное значение «женский»; ^б референтное значение «высшее»; ^в референтное значение «село»; ^г референтное значение «разошлись, развод, вдовство»; ^д референтное значение «есть дети»; ^е референтное значение «плохое»; ^ж референтное значение «нет»; ^з референтное значение «выше среднего»; ^и референтное значение «пенсионер».

Источник: данные авторского исследования.

ления старости он определяет: улучшение самооценки приводит к увеличению возрастных границ старости на 4–5 лет (для удовлетворительного здоровья) и 7–8 лет для группы с хорошим здоровьем. Наиболее ярко проявляется зависимость ответов от возраста респондента — с увеличением возраста на один год граница старости отодвигается на 0,17 лет в модели 1 (без конкретизации пола), на 0,14 лет для мужчин и на 0,20 лет для женщин.

Можно предположить, что вопрос возрастных границ старости более важен для женщин, чем для мужчин: женщины называют более высокие границы, но и все респонденты (независимо от возраста) называют более высокие границы

старости прежде всего у женщин. Одним из возможных объяснений данного феномена может быть проявление феминизации старости, которое обусловлено в первую очередь значительным преобладанием доли женщин в старших возрастных группах: в соответствии с данными о половозрастной структуре населения России численность женщин в возрасте 65–69 лет в 1,5 раза больше, чем мужчин, а для более старших возрастов (70+) наблюдается более чем двухкратное превышение.

Для женщин старше 60 лет в России характерна более низкая занятость, чем для мужчин, они чаще подвержены риску вдовства и одиночества, и в целом всему комплексу проявлений социаль-

ной изоляции [14]. Возможно поэтому возраст наступления старости у женщин подсознательно может отодвигаться на более поздний срок, и разговор на эту тему может вызывать более сильный эмоциональный отклик, чем рассуждение о возрасте старения мужчин.

Самоидентификация респондентов по возрастному статусу. Характеристика «фактической старости», которая наступает если человек старше того возраста, когда, по его мнению, у людей соответствующего пола наступает старость, рассчитана на основании соотношения трех характеристик респондента: 1) объективная характеристика — фактический возраст респондента; 2) конструируемая социально-демографическая характеристика — возраст наступления старости по мнению респондента; 3) конструируемая социально-психологическая характеристика — самовосприятие себя как пожилого или молодого человека.

Для определения субъективного самовосприятия себя как пожилого человека использовались два вопроса: «Насколько Вы согласны с тем, что Вы... молодой человек/пожилой человек». Среди всех респондентов на основе сопоставления ответов о самовосприятии себя как молодого или пожилого человека были получены четыре группы: 1) группа 1 (21,3%) — люди, которые считают себя пожилыми и не считают себя молодыми; 2) группа 2 (55,4%) — люди, которые считают себя молодыми и не считают себя пожилыми; 3) группа 3 (4,1%) — представители группы имеют амбивалентное самовосприятие: одновременно считают себя и молодым, и пожилым человеком; 4) группа 4 (19,2%) — не отнесли себя ни к одной из указанных категорий.

В качестве характеристики субъективного наступления старости использовались ответы респондентов только первой группы, в которой с увеличением возраста происходит постепенное уменьшение доли тех, кто считает себя

молодыми и постепенное увеличение доли воспринимающих себя в качестве пожилого человека (рис. 1). Свыше 80% респондентов до 40-летнего возраста считают себя молодыми, люди в возрасте от 40 до 60 лет не могут отнести себя ни к молодым, ни к пожилым. А у респондентов старше 60 лет происходит перераспределение самооценок к полюсу «пожилой человек».

Для тех, кто относит себя к пожилым было проведено дополнительное исследование того, насколько адекватна самооценка их реальному возрасту путём выделения двух групп респондентов: 1) пожилой человек, который уже преодолел возраст наступления старости для своего пола (по собственному мнению), 2) пожилой человек, который формально по возрасту ещё не старый (рис. 2). Результаты показали, что более чем у половины респондентов наблюдается «преждевременное» старение: человек признает себя пожилым, при этом он не достиг того возраста, который назвал в качестве наступления старости (то есть ещё не превысив собственного возраста наступления старости). Эта доля остаётся значительной вплоть до 70 лет (не менее двух третей респондентов). Лишь после 70-летнего рубежа субъективное восприятие собственного возраста начинает чаще совпадать с возрастными границами старости, указанными респондентом.

Феномен преждевременного старения (когда человек говорит о себе как о старом, при этом считая, что старость наступает в более позднем возрасте) может рассматриваться как один из индикаторов социальной изоляции людей старшего возраста. Здесь сложно выделить причину и следствие, можно говорить лишь о взаимосвязи: преждевременное самовосприятие себя пожилым ведёт к добровольной изоляции и исключению из социально активной жизни, что в свою очередь приводит к нарастанию социальной изоляции и увеличению ощущения наступившей старости.

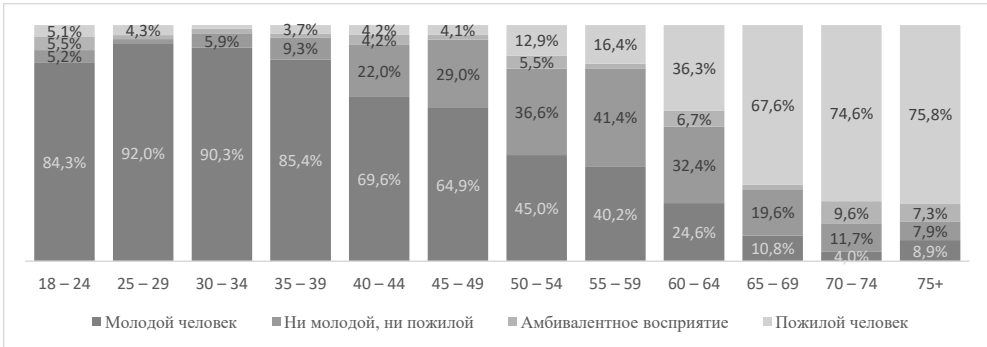


Рис. 1. Изменение самовосприятия себя как молодого/пожилого человека с возрастом
Fig. 1. Changing self-perception of self as a young/older person in the process of growing up

Примечание: значения менее 3% не подписаны на диаграмме

Источник: данные авторского исследования.

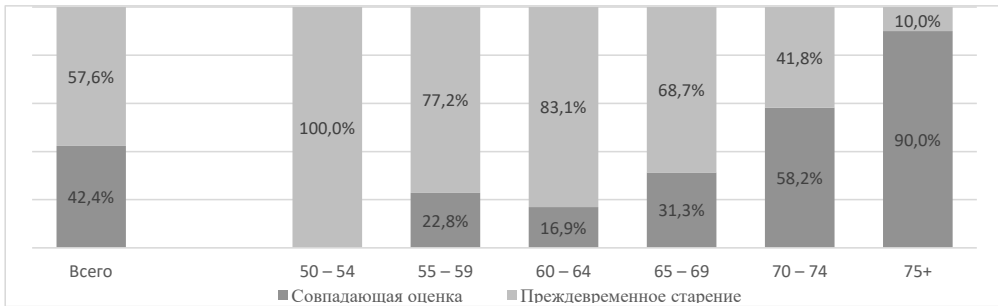


Рис. 2. Совпадение и несовпадение возрастных самооценок с реальным возрастом участников исследования

Fig. 2. Coincidence and non-coincidence of age self-assessments with the real age of respondents

Примечание: в возрастных группах младше 50 лет слишком мала доля тех, кто считает себя пожилым человеком.

Источник: данные авторского исследования.

Заключение

В связи с увеличивающейся продолжительностью жизни и ростом численности людей старших возрастов в демографической структуре населения по всему миру, данная группа начинает играть все большую роль в развитии стран в демографическом, экономическом и социальном аспектах. Дискуссии о моменте наступления старости связаны с двумя группами факторов: объективными, отражающими реальный

уровень состояния здоровья населения, и субъективными, связанными с самооценками людей и характеристиками, которые они могут присваивать себе и другим. Большинство теоретических подходов в качестве возрастного рубежа, после которого человек условно становится старым, указывают диапазон от 60 до 65 лет, причём ответы могут различаться для мужчин и для женщин. Согласно данным глобального исследования Ipsos — 2018, в России старость приходит в 61 год, в то время как в мире дан-

ный жизненный этап начинается на 5 лет позже, а в Испании — в 74 года, в Чили и Колумбии в 71 год⁹.

Согласно нашему исследованию, возраст прихода старости составил 70,7 лет, причём существенных различий в представлениях о возрастных границах старения в отношении мужчин и женщин обнаружено не было. Женщинам свойственно расширять границы наступления старости, отодвигая их на более поздний срок. Наряду с этим зафиксирована тенденция откладывания возраста наступления старости с увеличением возраста человека и с улучшением его самооценки здоровья. Соотнесение фактического и психологического возраста наступления старости показало, что среди тех, кто относит себя к пожилым, более чем в половине случаев наблюдается «преждевременное» старение, то есть ситуация, в которой человек

признает себя пожилым, до того, как преодолеет границу наступления старости, которую самостоятельно обозначил.

Вероятно, более активное включение людей старшего возраста в общественную жизнь, предоставление им возможности занятости без понижения в должности или смены работы на менее квалифицированную, расширение возможностей досуговой деятельности, а также регулярный мониторинг общественного здоровья и проведение профилактических мероприятий в соответствующем направлении окажет положительный эффект на субъективную оценку собственного возраста и позитивно скажется на восприятии старости как значимого этапа жизненного пути, наполненного возможностями и смыслами. Видится разумным создание, развитие и поддержка социально-значимых проектов, нацеленных на активное вовлечение стариков в трудовую и социальную жизнь, призванных обеспечить достойные условия для продуктивной старости.

⁹ The Perennials: исследование восприятия старшего возраста // Ipsos: 18 февраля 2019 года. — URL: <https://clck.ru/33tRoM> (дата обращения: 03.03.2023).

Литература и Интернет-источники

1. **Доброхлеб, В.Г.** Демографическое старение в России и новая социальная реальность / В.Г. Доброхлеб // Народонаселение. — 2022. — Т. 25. — № 2. — С. 66–76. DOI: 10.19181/population.2022.25.2.6; EDN: SCLQUP
2. **Ерзин, А.И.** Образ благополучной старости в представлении студентов / А.И. Ерзин, Н.А. Герашенко // Психолог. — 2015. — № 5. — С. 76–95. DOI: 10.7256/2409–8701.2015.5.16173; EDN: UGQROV
3. **Романычева, И.С.** Социальные стереотипы в отношении пожилых: противоречия и тенденции / И.С. Романычева // Среднерусский вестник общественных наук. — 2013. — № 1. — С. 64–68. EDN: RARTQP
4. **Смирнова, Т.В.** Пожилые люди: стереотипный образ и социальная дистанция / Т.В. Смирнова // Социологические исследования. — 2008. — № 8. — С. 49–55. EDN: JKBPFТ
5. **Laslett, P.** What is old age? Variation over time and between cultures. / P. Laslett // Health and Mortality among Elderly Populations / editors G. Caselli and A. Lopez. — New York : Oxford University Press, 1996. — P. 21–38.
6. **Барсуков, В.Н.** Эволюция демографического и социального конструирования возраста «старости» / В.Н. Барсуков, О.Н. Калачикова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2020. — Т. 13. — № 1. — С. 34–50. DOI:10.15838/ecc.2020.1.67.2; EDN: GDIMRG
7. **Медков, В.М.** Демография / В.М. Медков — Москва : Инфра-М, 2007. — 683 с. EDN: SDPXWX
8. **Россет, Э.** Процесс старения населения / Э. Россет. — Москва : Статистика, 1968. — 508 с.
9. **Рогозин, Д.М.** Пять книг о либерализации старения / Д.М. Рогозин // Психология зрелости и старения. — 2012. — № 4. — С. 59–66.

10. **Vincent, J.** Old age / J. Vincent.— New York : Routledge, 2003.— 208 p.
11. **Козлова, Н. Д.** Отношение к старению у педагогов в связи с социально-психологическими характеристиками личности / Н. Д. Козлова, С. Ю. Жданова // Психолог.— 2020.— № 4.— С. 20–22. DOI: 10.25136/2409–8701.2020.4.3278; EDN: IIGRZV
12. **Смирнова, Т. В.** О профессиональных деструкциях в пожилом возрасте / Т. В. Смирнова // Социологические исследования.— 2007.— № 5(277).— С. 21–28. EDN: HZWNAR
13. **Rijs, K. J.** The effect of retirement and age at retirement on self-perceived health after three years of follow-up in Dutch 55–64 year olds / K. J. Rijs, R. Cozijnsen, D. J. Deeg // Ageing and Society.— 2012.— Vol. 32.— No. 2.— P. 281–306.
14. **Григорьева, И. А.** Траектории старения женщин в современной России / И. А. Григорьева, И. Л. Сизова // Мир России. Социология. Этнология.— 2018.— № 2. DOI: 10.17323/1811–038X-2018–27–2–109–135; EDN: LBFGR

Сведения об авторах:

Антонов Анатолий Иванович, д.филос.н., проф., зав. кафедрой, МГУ имени М. В. Ломоносова, Россия, Москва.

Контактная информация: e-mail: antonov_ai@mail.ru; ORCID:0000–0002–0689–9905; РИНЦ AuthorID: 73511.

Назарова Инна Борисовна, д.э.н., главный научный сотрудник, ИСЭПН ФНИСЦ РАН, Москва, Россия. Контактная информация: e-mail: inna-nazarova@mail.ru; ORCID:0000–0001–8086–1617; РИНЦ AuthorID: 75816.

Карпова Вера Михайловна, к.соц.н., старший преподаватель, МГУ имени М. В. Ломоносова, Россия, Москва.

Контактная информация: e-mail: wmkarpova@yandex.ru; ORCID: 0000–0003–2560–6140; РИНЦ AuthorID: 541955.

Ляликова Софья Викторовна, научный сотрудник, ИСЭПН ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: lyalikova@socio.msu.ru; ORCID: 0000–0002–9043–8158; РИНЦ AuthorID: 955952.

DOI: 10.19181/population.2023.26.3.11

THRESHOLD OF OLD AGE: OBJECTIVE SIGNS AND SUBJECTIVE PERCEPTION

Anatoly I. Antonov¹, Inna B. Nazarova^{2*}, Vera M. Karpova¹, Sofia V. Lyalikova²

¹ Lomonosov Moscow State University

(1/33 Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119234)

²Institute of Socio-Economic Studies of Population of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences
(32 Nakhimovsky prospect, Moscow, Russia, 117218)

*E-mail: inna-nazarova@mail.ru

For citation:

Antonov A. I., Nazarova I. B., Karpova V. M., Lyalikova S. V. Threshold of old age: objective signs and subjective perception. *Narodonaselenie [Population]*. 2023. Vol. 26. No. 3. P. 131–143. DOI: 10.19181/population.2023.26.3.11 (in Russ.)

Abstract. Population aging is a demographic trend characteristic of most world countries, it requires attention from various social institutions. The situation of the growing number of older people around the world increases the relevance of studying this issue. The article aggregates data from different sources that determine the boundaries of the onset of old age based on various

theoretical and methodological approaches. It also shows the proportion of old people in the demographic structure of the Russian population in accordance with the chosen approaches. It is shown that the most popular age of the onset of old age, reflected in theoretical concepts, is within the range of 60–65 years. The article presents the results of the authors' study, which covered 1198 respondents from more than 65 regions of the Russian Federation (organized by Lomonosov Moscow State University together with ISESP FCTAS RAS in 2022). During the analysis of the data obtained, some inconsistencies were found between the boundaries fixed in scientific discourse and the ideas of the study participants about the moment of the onset of old age. The results obtained showed the absence of significant differences in ideas about the moment of old age for men and women (69.4 and 68.0 years, respectively). There is a tendency to postpone the age of old age with an increase in the age of respondent. A correlation between the actual and psychological age of old age showed that "premature" aging (when a person recognizes himself as old, before he exceeds the age of old age he named) is found in more than half of the respondents who associate themselves with older people.

Keywords: population aging, old age, age limits of old age, age structure of the population, elderly people.

References and Internet sources

1. Dobrokhleb V. G. Demograficheskoye starenie v Rossii i novaya sotsial'naya real'nost' [Demographic aging in Russia and new social reality]. *Narodonaselenie [Population]*. 2022. Vol. 25. No. 2. P. 66–76. DOI: 10.19181/population.2022.25.2.6 (in Russ.)
2. Erzin A. I., Gerashchenko N. A. Obraz blagopoluchnoj starosti v predstavlenii studentov [The image of a prosperous old age in the minds of students]. *Psiholog [Psychologist]*. 2015. No. 5. P. 76–95. DOI: 10.7256/2409–8701.2015.5.16173 (in Russ.)
3. Romanycheva I. S. Sotsial'nyje stereotipy v otnoshenii pozhilyh: protivorechiya i tendentsii [Social stereotypes in relation to the elderly: contradictions and trends]. *Srednerusskij vestnik obshchestvennyh nauk [Central Russian Journal of Social Sciences]*. 2013. No. 1. P. 64–68. (in Russ.)
4. Smirnova T. V. Pozhilye lyudi: stereotipnyj obraz i sotsial'naya distantsiya [Elderly people: stereotypical image and social distance]. *Sotsiologicheskije issledovaniya [Sociological Studies]*. 2008. No. 8. P. 49–55. (in Russ.)
5. Laslett P. What is old age? Variation over time and between cultures. *Health and Mortality Among Elderly Populations*. Eds. G. Caselli, A. Lopez. New York: Oxford University Press, 1996. P. 21–38.
6. Barsukov V. N., Kalachikova O. N. Evolyutsiya demograficheskogo i sotsial'nogo konstruirovaniya vozrasta «starosti» [The evolution of demographic and social construction of the age of «old age»]. *Ekonomicheskiye i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast]*. 2020. Vol. 13. No. 1. P. 34–50. DOI: 10.15838/ecc.2020.1.67.2 (in Russ.)
7. Medkov V. M. Demografiya [Demography]. Moscow. Infra-M. 2007. 683 p. (in Russ.)
8. Rosset E. Protsess stareniya naseleniya [The Process of Population Aging]. Moscow. Statistika [Statistics]. 1968. 508 p. (in Russ.)
9. Rogozin D. M. Pyat' knig o liberalizatsii stareniya [Five books on liberalization of aging]. *Psihologiya zrelosti i stareniya [Psychology of Maturity and Aging]*. 2012. No. 4. P. 59–66. (in Russ.)
10. Vincent J. *Old Age*. New York. Routledge. 2003. 208 p.
11. Kozlova N. D., Zhdanova S. Yu., Otnosheniye k stareniyu u pedagogov v svyazi s sotsial'no-psihologicheskimi harakteristikami lichnosti [Attitude to aging among teachers in connection with the social and psychological characteristics of the individual]. *Psiholog [Psychologist]*. 2020. No. 4. P. 20–22. DOI: 10.25136/2409–8701.2020.4.3278 (in Russ.)
12. Smirnova T. V. O professional'nyh destruktivnykh v pozhilom vozraste [On professional destruction in old age]. *Sotsiologicheskije issledovaniya [Sociological Studies]*. 2007. No. 5(277). P. 21–28. (in Russ.)

13. Rijs K. J., Cozijnsen R., Deeg D.J. The effect of retirement and age at retirement on self-perceived health after three years of follow-up in Dutch 55–64 year olds. *Aging and Society*. 2012. Vol. 32. No. 2. P. 281–306.
14. Grigorjeva I. A., Sizova I.L. Trajektorii starenija zhenshchin v sovremennoj Rossii [Aging trajectories of women in modern Russia]. Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya [*Universe of Russia. Sociology. Ethnology*]. 2018. No. 2. DOI: 10.17323/1811–038X-2018–27–2–109–135 (in Russ.)

Information about the authors:

Antonov Anatoly Ivanovich, Doctor of Philosophy, Head of Department, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: antonov_ai_@mail.ru; ORCID:0000–0002–0689–9905; Elibrary AuthorID: 73511.

Nazarova Inna Borisovna, Doctor of Economics, Chief Researcher, Institute of Socio-Economic Studies of Population of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: inna-nazarova@mail.ru; ORCID:0000–0001–8086–1617; Elibrary AuthorID: 75816.

Karpova Vera Mikhailovna, Candidate of Sociology, Senior Lecturer, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: wmkarpova@yandex.ru; ORCID: 0000–0003–2560–6140; Elibrary AuthorID: 541955.

Lyalikova Sofia Victorovna, Researcher, Institute of Socio-Economic Studies of Population of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: lyalikova@socio.msu.ru; ORCID: 0000–0002–9043–8158; Elibrary AuthorID: 955952.

Статья поступила в редакцию 27.03.2023, утверждена 15.08.2023, опубликована 30.09.2023.



DOI: 10.19181/population.2023.26.3.12
EDN: CXHGRZ

ОТНОШЕНИЯ В ЯПОНСКИХ СЕМЕЙНЫХ ПАРАХ, ВОСПИТЫВАЮЩИХ «ОСОБЕННЫХ» ДЕТЕЙ, И СВЯЗАННЫЕ С НИМИ РИСКИ

Хакумура Н.

Университет Гифу

(5011193, Япония, Гифу, Янагидо, 1–1)

E-mail: hakumura.naoya.g4@f.gifu-u.ac.jp

Для цитирования:

Хакумура Н. Отношения в японских семейных парах, воспитывающих «особенных» детей, и связанные с ними риски // Народонаселение. – 2023. – Т. 26. – № 3. – С. 144-157. DOI: 10.19181/population.2023.26.3.12; EDN: CXHGRZ

Аннотация. В статье рассматриваются отношения между супругами, воспитывающими детей, нуждающихся в особом медицинском обслуживании («особенных» детей), и связанные с ними риски с экономической точки зрения, в контексте характера занятости родителей, (работает ли только один родитель или оба). Существует мнение, что бремя, которое приходится нести родителям при воспитании детей, нуждающихся в особом медицинском обслуживании и близких к категории «ребёнок-инвалид», настолько тяжело, что может поставить брак под угрозу. Как характер занятости родителей связан с бременем воспитания детей и как это влияет на отношения пары? В качестве метода исследования был использован анкетный опрос, проведённый в Японии в 2021 году. По всей стране были опрошены пары, воспитывающие детей, которые нуждаются в особом медицинском обслуживании. Анкета состояла из двух частей — с закрытыми и открытыми вопросами. Закрытые вопросы касались состава семьи, в том числе количества детей и их возраста, уровня медицинского ухода за детьми, характера занятости родителей, взаимоотношений пары (разделение домашней работы и ухода за детьми, общение между родителями, частота и причины ссор). При рассмотрении того, как работают родители, ключевыми словами, характеризующими отношения в паре, стали «разделение ответственности» в семьях с двумя заработками и «одиночество» и «сотрудничество» в семьях с одним заработком. В статье отмечается, что одна из причин трудностей в семьях — это слишком широкая формулировка термина «дети, нуждающиеся в особом медицинском обслуживании», и предлагаются меры поддержки, основанные на составлении более чёткой классификации и соответствующие образу жизни семьи (то есть с учётом карьерного роста и других потребностей родителей).

Ключевые слова: дети, нуждающиеся в особом медицинском обслуживании, родители, супружеские отношения, супружеские ссоры, характер занятости родителей.

Введение

Внешние факторы, которые влияют на формирование и образ жизни семей, включают традиции и культуру местности, условия работы, экономические факторы, такие как государственная помощь. В числе внутренних факторов — в том числе, семейные ценности, унаследованные от предыдущего поколения. Эти факторы не существуют отдельно, они тесно взаимосвязаны и влияют на то, как формируются семьи. Например, такие слова, как «инклюзивное общество», «разнообразие», «гендерное равенство» и «реформа стиля работы», направленная на улучшение условий труда, являются широко распространёнными лозунгами и политикой в Японии. Это внешние факторы, которые вносят серьёзные изменения в японскую семью, где традиционно глубоко укоренился патриархальный уклад, унаследованный от поколения родителей: муж работает вне дома, а жена занимается домашним хозяйством и уходом за детьми. Такие изменения привели к искажениям в японской семье. Ссоры между супругами, которые происходят в повседневной жизни, варьируются от незначительных до приводящих к убийствам, но часто они являются результатом столкновения внешних и внутренних факторов.

Воспитание детей принято считать внутрисемейной деятельностью. В последние годы звучат призывы к поддержке воспитания детей, и расширение государственной помощи направлено на снижение нагрузки на семьи. Таким образом, воспитание детей все больше становится внешней, общественной проблемой. Однако в случае, если меры поддержки семей остаются неудовлетворительными, это бремя ещё сильнее переходит в ранг внутрисемейной проблемы. В частности, воспитание детей с особенностями развития (в данной статье: детей, нуждающихся в особом медицинском обслуживании, далее — ДНОМО) ложится на матерей большим бременем, чем воспитание здоровых детей, поскольку таким детям требуется больший уход. Матери испытывают сильное напряжение из-за беспокойства

по поводу своей карьеры, в результате чего в семье накапливаются внутренние стрессы. В СМИ можно встретить много историй женщин, готовых к разводу и возможным финансовым трудностям. По словам одного из директоров родительской организации, при воспитании ДНОМО «матери в большинстве случаев вынуждены бросать работу против своей воли. Отцы, с другой стороны, знают об этом и испытывают тревогу, однажды у них спускает колесо, и в итоге пара разводится»¹.

Воспитывать ДНОМО тяжелее, чем воспитывать здорового ребёнка, и связанные с этим проблемы являются также экономическими проблемами, поскольку напрямую влияют на занятость родителей. Как отмечается в [1], это также является образовательной проблемой, поскольку родители должны посещать школу вместе с ДНОМО для постоянного ухода, и психологической проблемой из-за накапливающихся в семье психологических конфликтов. Эти три проблемы тесно связаны между собой. Цель данной статьи — рассмотреть отношения между супругами, воспитывающими ДНОМО, с экономической точки зрения, то есть в контексте характера их занятости и его влияния на их отношения. В качестве метода исследования использовался анкетный опрос семей, в которых двое родителей воспитывают ДНОМО, проведённый в сентябре-октябре 2021 г., и состоявший из закрытых и открытых вопросов. В анкете было 19 вопросов, касающихся работы, разделения домашней работы и ухода за детьми, общения супругов друг с другом и ссор. С помощью опроса мы выяснили, что волнует родителей, что является причиной их ссор и что нужно делать, чтобы построить прочные отношения.

Конечно, у всех пар бывают ссоры. Но мы хотим уточнить, какие трудности испытывают все родители, а какие характерны именно для родителей ДНОМО. Если существуют уникальные проблемы, связанные

¹ Новости Ённана. На матерей возложено тяжёлое бремя по воспитанию ДНОМО, а отцы... Чувство вины перед коллегами и жёнами, тревоги, которыми нельзя поделиться.— URL: <https://www.47news.jp/8532569.html> (дата обращения: 07.01.2023).

с воспитанием ДНОМО, то, предвидя, что в будущем число таких детей возрастет, необходимо обеспечить семьям адекватную поддержку, чтобы улучшить семейную обстановку и условия воспитания детей.

Взаимосвязь государственной демографической политики Японии со спецификой отношений в семьях с ДНОМО

Особенностями демографической ситуации в Японии являются поздние браки, более старший возраст деторождения и снижение рождаемости. Причины этого часто объясняются увеличением занятости женщин. Уровень занятости женщин неуклонно растёт и в 2021 г. составил 71% (у мужчин этот показатель почти не меняется — 84%)². Закон о равных возможностях в сфере занятости был принят в Японии в 1985 г. после ратификации «Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин», и относительно недавно (в 2016 г.) был принят «Закон о содействии продвижению женщин в профессиональной деятельности». По-видимому, изменения в законодательстве дают устойчивый эффект.

Возраст вступления в первый брак постепенно увеличивался после войны (26,1 лет для мужчин и 22,9 года для женщин в 1947 г.) и достиг 31 года для мужчин и 29,5 лет для женщин в 2021 году³. Средний возраст матери при рождении первого ребёнка увеличился с 25,7 лет в 1975 г. до 30,9 лет в 2021 г., а общий коэффициент рождаемости снизился с 3,65 в 1950 г. до 1,30 в 2021 году⁴. Медицинские достижения всегда вызывали споры. С одной стороны, они положительно

оцениваются как спасающие многие жизни, но, с другой стороны, они нередко подвергаются критике, например пренатальная диагностика как «отбирающая жизнь», поскольку она может быть использована для принятия решений об аборте.

Опасения по поводу рождения ребёнка женщинами в возрасте старше 35 лет часто связаны с риском наличия хромосомных аномалий. По этой причине новые виды неинвазивного пренатального генетического тестирования (non-invasive prenatal genetic testing, далее — NIPT) привлекают большое внимание⁵. NIPT, который появился в Японии в 2010-х гг., позволяет проверить наличие определённых хромосомных нарушений у плода с помощью небольшого количества крови матери, и быстро распространился благодаря более высокой точности по сравнению с обычной пренатальной диагностикой. За семь лет (до марта 2020 г.) было протестировано около 87 тыс. человек, и почти 90% из тех, у кого были обнаружены хромосомные изменения, решили сделать аборт. Учреждения, проводящие такую диагностику, должны получить аккредитацию Японской медицинской ассоциации, но в последние годы появилось много медицинских учреждений, проводящих тест без аккредитации, и к 2020 г. число таких учреждений превысило число аккредитованных⁶. Минздрав Японии был вынужден отреагировать на эту ситуацию и учредил в 2020 г. «Экспертный комитет по NIPT и другим пренатальным тестам».

Цель данной статьи не в том, чтобы поставить под сомнение правильность или неправильность такой диагностики. Однако то, что стимулирует расширение этого тестирования, — это беспокойство будущих родителей о собственной карьере, о воспитании детей, о развивающей среде, о том, как будут складываться отношения в семье, о будущих перспективах. Учитывая тенден-

² Кабинет министров. Белая книга 2022 о гендерном равенстве. — URL: https://www.gender.go.jp/about_danjo/whitepaper/r04/zentai/html/honpen/b1_s02_01.html (дата обращения: 30.6.2023).

³ Япония в цифрах. — URL: <https://www.e-stat.go.jp/dbview?sid=0003411844> (дата обращения: 30.6.2023).

⁴ Министерство здравоохранения, труда и социального обеспечения Японии. Резюме ежемесячного годового отчета по статистике естественного движения населения за 2021 год. — URL: <https://www.mhlw.go.jp/toukei/saikin/hw/jinkou/geppo/nengai21/dl/gaikyouR3.pdf> (дата обращения: 30.6.2023).

⁵ Кавай Р. Пренатальное тестирование с точки зрения женщины. — URL: <https://www.mhlw.go.jp/content/11908000/000696772.pdf> (дата обращения: 30.6.2023).

⁶ Тосимицу К. Пренатальное тестирование: история и современность // Развёртывание евгенической мысли. — URL: <https://www.ritsumei-arsvi.org/essay/essay-3817/> (дата обращения: 30.6.2023).

ции деторождения в Японии, потребность в предродовой диагностике будет расти.

В 2021 г. вступил в силу «Закон о поддержке детей, нуждающихся в особом медицинском обслуживании, и их семей». Понятие «дети, нуждающиеся в особом медицинском обслуживании» появилось недавно. Родители, воспитывающие таких детей, до принятия этого закона много говорили о недостаточной государственной поддержке в воспитании детей. Сейчас этот закон, в котором говорится о поддержке в сфере социального обеспечения, здравоохранения и рабочей среды, остаётся одним из самых противоречивых законов. Можно ли говорить о том, что медленный процесс принятия этого закона и его противоречивое содержание могут усилить неуверенность в будущем среди тех, кто планирует стать родителями в более старшем возрасте, что может ещё больше увеличить потребность в предродовой диагностике?

Как поддержка ДНОМО стала социальной проблемой

Достижения медицины спасли множество жизней. Термин «дети, нуждающиеся в особом медицинском обслуживании» (ДНОМО) обычно относится к тем детям, которых раньше нельзя было спасти во время родов или в ближайшее время после рождения. Это «дети, находящиеся под медицинским наблюдением», которые длительное время находились на стационарном лечении в отделениях интенсивной терапии, и затем продолжают пользоваться респиратором, желудочным свищом и так далее⁷. По оценкам экспертов, сегодня в Японии насчитывается около 20 тыс. таких детей, скорее всего, их число продолжит расти⁸, и вопрос, как государство и местные администрации должны относиться к этим детям, которые не подходят под общеприня-

⁷ Министерство здравоохранения, труда и социального обеспечения Японии. Тенденции мер, связанных с поддержкой ДНОМО. 2020. — URL: <https://www.mhlw.go.jp/content/10800000/000584473.pdf>. (дата обращения: 23.01.2022).

⁸ В статье [1] описаны демографические характеристики таких детей. Но официальной статистики по составу домохозяйств не существует.

тое определение «инвалид», но фактически такими являются, остаётся открытым. ДНОМО не попадают в категорию «инвалидов» (диагностируемых по степени физических и интеллектуальных способностей) в обычных системах школьного образования и социального обеспечения, поэтому таким детям сложно получить поддержку от государства⁹. Постоянный рост числа ДНОМО и проблемы, связанные с их воспитанием — трудности в воспитании, влияние на работу родителей и их самореализацию, а также на отношения в паре, могут вызвать социальную напряжённость вокруг деторождения по мере того, как выявляются недостатки поддержки воспитания детей. То есть тема, рассматриваемая в данной статье, также является демографической и экономической проблемой.

В статье [1] описано, какие потребности есть у таких детей и их родителей и как проблемы, с которыми сталкиваются эти дети и их семьи, поднимаются правительством на национальном и местном уровнях. По результатам исследования ясно, что само определение ДНОМО очень широкое, и понимание потребностей детей и их родителей также очень разнообразно. Такое разнообразие затрудняет разработку систем, ориентированных на поддержку каждого ребёнка и семьи. В данной статье рассматриваются эти потребности с точки зрения характера занятости родителей и того, как они влияют на отношения пары.

Переход проблем ДНОМО в общественную плоскость проходил в несколько этапов: до 1997 г., когда проблемы стали очевидными и появился термин «ДНОМО»; 1998–2004 г. — период неразберихи в здравоохранении, социальном обеспечении и образовании, когда потребовались конкретные административные меры, бюджетирование и руководство; 2005–2011 г. — период мер, связанных с предотвращением незаконных действий (определение медицинской практики, работы персонала, осуществляющего уход); 2012–2015 г. — подготовка законодательных мер (принятие

⁹ НКО «Флоренция». — URL: <https://florence.or.jp/> (дата обращения: 07.01.2023).

Министерством образования, культуры, спорта, науки и технологий «Будущих мер, связанных с медицинским обслуживанием в школах для детей с особыми потребностями» в 2011 г.); период ратификации Конвенции ООН о правах инвалидов в 2016–2020 гг. [2, с. 3.]. Автор проследил процесс создания Национальной ассоциации родителей, лоббирование данной темы известным политиком (чей сын — ДНОМО) и появление этого вопроса как политической проблемы. Результатом вышеописанной серии процессов стало принятие в 2021 г. «Закона о поддержке ДНОМО», который вступил в силу 18 сентября того же года. С принятием этого закона поддержка детей и их семей стала «обязанностью» правительства (см. [1]). В настоящее время «Закон о поддержке ДНОМО» от 2021 г. находится в процессе вступления в силу и изучаются его проблемы.

Отражение воспитания ДНОМО супружескими парами в СМИ

Здесь мы рассмотрим два примера воспитания детей парами в возрасте 30 лет, живущими в соседних районах города, на основе новостных сообщений, распространённых в национальном масштабе в июне 2022 г. («Withnews» — новостное СМИ, принадлежащее крупнейшей газетной компании Японии) и в ноябре 2022 г. (общий новостной сайт, объединяющий новости из 52 газет по всей стране). Первый пример был озаглавлен «Домохозяйка, воспитывающая ДНОМО, начала работать в раннюю утреннюю смену, несмотря на то, что сопровождает мужа, когда его переводят по работе в другой регион»¹⁰, а второй — «На матерей возложено тяжёлое бремя по воспитанию ДНОМО, а отцы... Чувства вины перед коллегами и жёнами, тревоги, которыми нельзя поделиться»¹¹, в обоих случаях речь идёт об опыте ухода за детьми.

¹⁰ Новости Уиз (Withnews). — URL: <https://withnews.jp/article/f022082100qq00000000000000W07n10101qq000025037A> (дата обращения: 07.01.2023).

¹¹ Новости Ённана. — URL: <https://www.47news.jp/8532569.html> (дата обращения: 07.01.2023).

Пример 1. Хитоми (35 лет), проживающая с мужем и тремя детьми, всегда хотела работать, но была домохозяйкой. 4 года назад она родила третьего ребёнка, который является ДНОМО и нуждается в медицинском уходе. Его вес при рождении был 1900 граммов. Большую часть пищи он получает через желудочный зонд, который был установлен, когда ему было три года, но в последнее время он также получает часть пищи через рот. Хотя ему трудно говорить, он начал набирать вес и демонстрирует некоторый прогресс, например, больше времени проводит один в реабилитационном центре (учреждение, предоставляющее лечение и образование для детей с ограниченными возможностями), который он до этого посещал только вместе со своей матерью.

До недавнего времени дни Хитоми проходили так: в первую половину они с ребёнком-ДНОМО посещали реабилитационный центр, постоянно находясь вместе, потом старшие дети возвращались домой из начальной школы, и они проводили время четвером с детьми. У её мужа напряжённый рабочий график, и в будние дни, когда он приходит домой поздно, он редко занимается уходом за детьми или домашними делами. Слова Хитоми: «Мне нравится играть с детьми, но я ощущала тревогу при мысли о том, что вся моя жизнь будет только такой». Однажды Хитоми не выдержала и со слезами на глазах сказала мужу, что хочет работать. Муж согласился, сказав, что ничего не останется, кроме как объединить усилия.

Пример 2. Косукэ (37 лет) живёт с женой, сыном и дочерью. Его дочь Сэйна (2 года), родилась со слабым дыханием и не может есть через рот. Её кормят через трубку в носу, а когда она спит, ей устанавливают кислородный аппарат. Когда она простужается, ей труднее дышать, чем обычно, а пульсоксиметр, прикреплённый к её лодыжке, постоянно пищит. Нередко её приходится везти в больницу поздно вечером. Косукэ с женой оба работают. Они пользуются услугами детского центра инвалидов, больницы и сиделки на дому, чтобы присматривать за Сэйной в течение дня. С помощью «координатора ДНОМО», который

координирует использование услуг, они смогли найти место, где её можно оставлять. Супруги работают два-три раза в неделю и забирают Сэйну вечером. Они расписывают необходимые домашние дела и делят их поровну. Сразу после рождения Сэйны Косукэ страдал, потому что не мог ни с кем поговорить о своих проблемах. Он думал о том, как ему разговаривать с женой и как воспитывать ребёнка. Было трудно говорить с врачами и медсёстрами, да и времени для этого не было. Он во многом не соглашался со своей женой, и они часто ссорились.

В двух вышеупомянутых случаях пары смогли сохранить свои семьи, обсудив ситуацию и разделив обязанности по уходу за детьми в приемлемой для обоих форме. В Примере 1 описана мать, которая постоянно занята заботой о детях, но при этом беспокоится о собственной карьере. В Примере 2 показана пара, которая совместно воспитывает детей, объединив свои усилия. Конечно, трудно сказать, в какой степени эти примеры являются репрезентативными для всех семей, воспитывающих ДНОМО. По словам тех, кто занимается консультационными услугами в клиниках, в обществе до сих пор сохраняется мнение, что «мужчины должны работать, а женщины заниматься домашним хозяйством». В сочетании с разрывом в доходах между мужчинами и женщинами во многих случаях у матерей нет другого выбора, кроме как бросить работу. С другой стороны, 90% отцов продолжают работать и несут тяжёлое финансовое бремя из-за больших расходов на медицинские услуги. Исходя из этого, кажется, что существует много семей с одним доходом, таких как Пример 1.

Самопомощь, взаимопомощь, официальная помощь

Особые потребности, которые есть у ДНОМО, инвалидов и пожилых, требуют ухода, условия предоставления которого зависят от района, в котором живёт человек. Основной принцип ухода в Японии заключается в следующем: комплексное меди-

цинское обслуживание, долгосрочный уход, профилактика, жилье и жизнеобеспечение предоставляются для того, чтобы люди могли продолжать жить самостоятельно в соответствии со своими способностями в привычных для них областях¹². Это создаёт региональные различия.

Ю. Тоёта и другие [3, с. 63] охарактеризовали механизм региональной комплексной системы поддержки ДНОМО и их семей как «самопомощь», региональная «взаимопомощь» (волонтерские семинары), «общественная помощь» (консультационная поддержка специалистов, имеющих квалификацию координаторов) и «официальная помощь». Однако даже в рамках этой системы многие обращают внимание на то, что механизм сильно зависит от региональных различий и «самопомощи» — внутрисемейной деятельности.

Существует немало академических исследований, описывающих потребности родителей, в том числе родительский стресс. В таких исследованиях изучается, как и в какой степени «официальная помощь» (социальные ресурсы) соответствует «самопомощи» родителей и насколько она эффективна. Например, говорят, что стресс у таких родителей выше, чем у родителей здоровых детей того же возраста, а отсутствие кого-то, с кем можно посоветоваться, приводит к невозможности делиться информацией и справляться со стрессом. Степень родительского стресса также зависит от того, какую медицинскую помощь получает ребёнок, и от наличия социальных ресурсов [4, с. 28].

Вступивший в силу в 2021 г. «Закон о поддержке ДНОМО» предусматривает обязанность органов местного самоуправления поддерживать детей, посещающих детские сады и школы, и расширять системы консультаций. В то же время детским садам рекомендуется выделять медсестёр и сотрудников, способных проводить такие манипу-

¹² Мини-брошюра по продвижению комплексного ухода в сообществе // Бюро здравоохранения и социального обеспечения Кинки, Министерство здравоохранения, труда и социального обеспечения в Японии. — URL: <https://kouseikyoku.mhlw.go.jp/kinki/tiikihoukatsu/documents/minipamph.pdf> (дата обращения: 07.01.2023).

ляции, как удаление мокроты и так далее, чтобы можно было предоставить надлежащий медицинский уход и поддержку без родительского надзора [1]. Кроме того, этот закон направлен на устранение региональных различий в поддержке, предотвращение увольнения родителей с работы и предоставление им возможности расширить свой жизненный выбор [5, с. 4].

Результаты опроса супружеских пар

Прошёл год с момента вступления в силу закона о поддержке ДНОМО. В какой степени содержащиеся в законе принципы способствуют поддержке семей с ДНОМО? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, мы провели анкетный опрос в сети Интернет, который состоял из 19 вопросов. Опрос проводился в сентябре-октябре 2022 г. по всей Японии среди родителей, воспитывающих ДНОМО. При поиске людей, готовых ответить на вопросы, мы обратились за помощью к Общественной национальной сертифицированной НКО «Флоренция» (Токио)¹³, Национальной гражданской ассоциации «Крылья», поддерживающей ДНОМО и их семьи (Токио)¹⁴ и Общей объединённой ассоциации медицинского обслуживания PPS.lab (Айти)¹⁵, которые распространили информацию среди людей, имеющих отношение к данной проблеме. Все эти организации оказывают поддержку родителям в вопросах ухода за ДНОМО, а иногда и сотрудничают с медицинскими, социальными и образовательными учреждениями. В установленные сроки было получено 85 ответов (мужчины — 11, женщины — 74). Большой разрыв между числом мужчин и женщин связан с тем, что в подавляющем большинстве случаев именно женщины несут ответственность за уход за детьми в семьях и участвуют в деятельности вышеуказанных организаций.

¹³ НКО «Флоренция». — URL: <https://florence.or.jp/> (дата обращения: 07.01.2023).

¹⁴ Национальная гражданская ассоциация «Крылья» — URL: <https://wings-japan.jimdofree.com/> (дата обращения: 07.01.2023).

¹⁵ Общая объединённая ассоциация медицинского обслуживания PPS.lab — URL: <https://www.ppslab.org/ppslab0715/> (дата обращения: 07.01.2023).

Структура семьи и уход за ДНОМО. Большинство ответивших мужчин и женщин находятся в возрасте 30–40 лет. Наибольшее число респондентов (55) живут в регионе Канто, где расположен Токио, за ним следует регион Тюбу, где находится префектура Айти (15), и регион Кинки, где расположена префектура Осака (9). Также было четыре человека из регионов Кюсю/Окинава и по одному из регионов Сикоку и Тюоку.

Вопросы анкеты касались родителей, бабушек и дедушек, а также ДНОМО и их братьев и сестёр. Рис. 1 показывает, что наибольшее количество нуклеарных семей воспитывают не только ДНОМО, но и их сиблингов. Что касается возраста ДНОМО, наибольшее количество семей воспитывают ДНОМО в возрасте от 7 до 9 лет (21 человек), за ними следует группа в возрасте от 4 до 6 лет (16), от 0 до 3 лет (15), от 10 до 12 лет (11) и т.д. Возраст от 7 до 12 лет соответствует группе, посещающей начальную школу. Вероятно, многие родители состоят в вышеуказанных организациях, чтобы обмениваться информацией и обращаться за советом по вопросам учёбы в школе.

На вопрос «Сколько ухода требуется вашему ребёнку ДНОМО?» были даны следующие ответы: уход 24 часа в сутки (42 респондента), часто в течение дня (16), несколько раз в течение дня (16) и другое (11). Постоянное сопровождение родителями или медицинским работниками при этом необходимо не только детям, которым нужен круглосуточный уход, но и тем, кому он нужен «часто» или «несколько раз», поскольку неизвестно, когда именно в течение дня этот уход потребуется.

Что касается занятости родителей, наибольшее количество пар (45 респондентов) заявили, что полный или неполный день работают оба супруга, в то время как в 39 парах работает только отец, а в одной — только мать. Что касается рабочего времени, то наибольшее число супружеских пар работает в дневную смену (36 респондентов), в 8 случаях в ночную смену работает только муж, и в одном оба.

Респондентов также попросили указать примерное соотношение обязанностей по

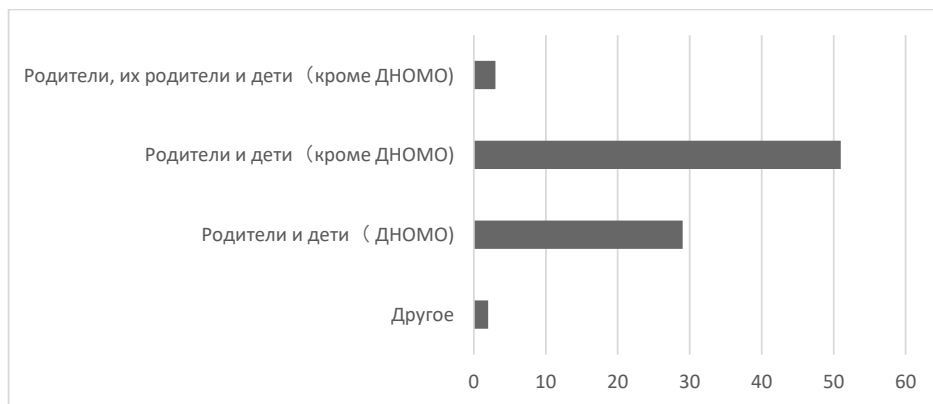


Рис. 1. Состав семьи, число опрошенных

Fig. 1. Family composition, number of respondents

Источник: анкетный опрос, проведённый для данного исследования в 2021 году.

дому и уходу за детьми. Самым распространённым ответом был «мать 70%, отец 30%» (57 респондентов), далее следуют «мать 100%, отец 0%» (16), «мать и отец по 50%» (11) и «мать 30%, отец 70%» (1 респондент).

Взаимоотношения в супружеских парах в контексте характера занятости супругов

Насколько часто супруги общаются друг с другом в повседневной жизни? На рис. 2

показана крайняя степень поляризации. В то время как некоторые семьи обходятся только минимальными разговорами, другие общаются в той или иной степени каждый день и вместе едят. Хотя границы между этими вариантами нечеткие, виден разрыв между супругами в случае ответа «Только минимальный разговор».

Отвечая на вопрос о том, с кем они советуются по вопросам воспитания детей, респонденты чаще всего выбирали супругов, а затем сообщество родителей

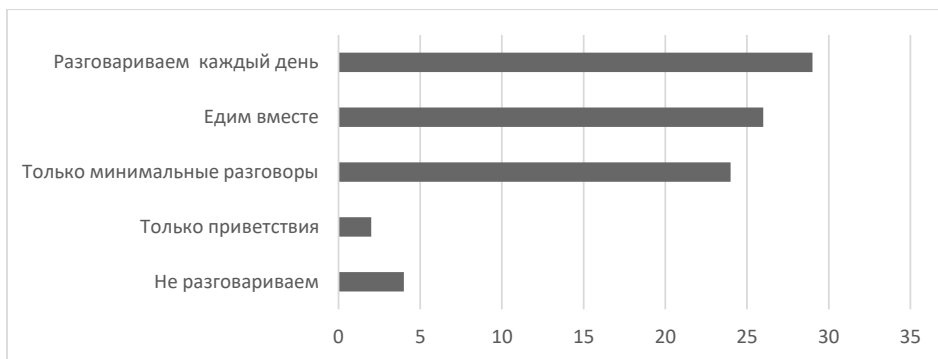


Рис. 2. Частота разговоров между супругами, число опрошенных

Fig. 2. Frequency of conversations between spouses, number of respondents

Примечание: «Едим вместе» может означать один раз в день.

Источник: анкетный опрос, проведённый для данного исследования в 2021 году.

ДНОМО. Предположительно, воспитание детей входит в «минимальный разговор». На рис. 3 показаны ответы на вопрос о том, как часто происходят ссоры между супругами. Наибольшее количество семей ссорится 1–3 раза в месяц, что примерно

совпадает с частотой ссор среди всех супругов в Японии. Большинство ссор происходит лично, и почти нет ссор в социальных сетях, по смс/в мессенджерах или по телефону.

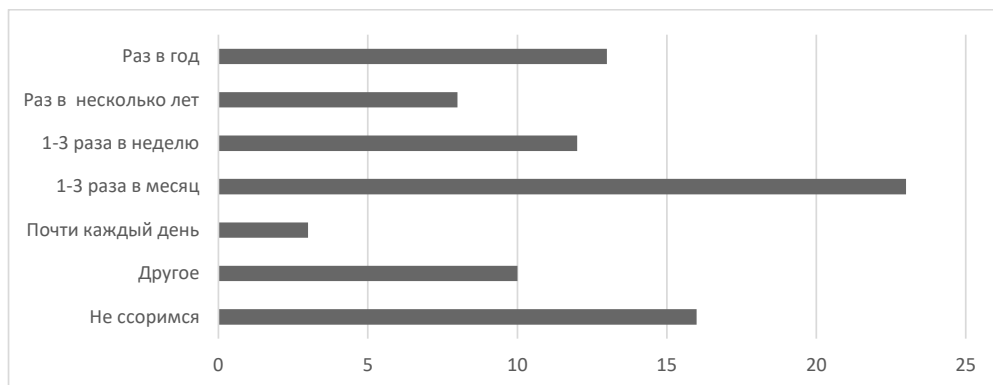


Рис. 3. Частота супружеских ссор, число опрошенных

Fig. 3. Frequency of marital conflicts, number of respondents

Источник: анкетный опрос, проведённый для данного исследования в 2021 году.

Что касается причин ссор (рис. 4; допускается несколько вариантов ответа), «распределение домашней работы и способы её выполнения» было самым распространённым ответом, за которым следовало «приоритет работе и друзьям», а затем «образ жизни». Можно сказать, что результаты данного анкетирования близки

к результатам опроса всех супружеских пар страны.

Обобщим приведённые данные. Независимо от того, как родители работают, почти нет разницы в проценте ответов о том, что ссоры вызваны проблемами с воспитанием детей (табл. 1). При этом в семьях с одним доходом доля ссор, вы-

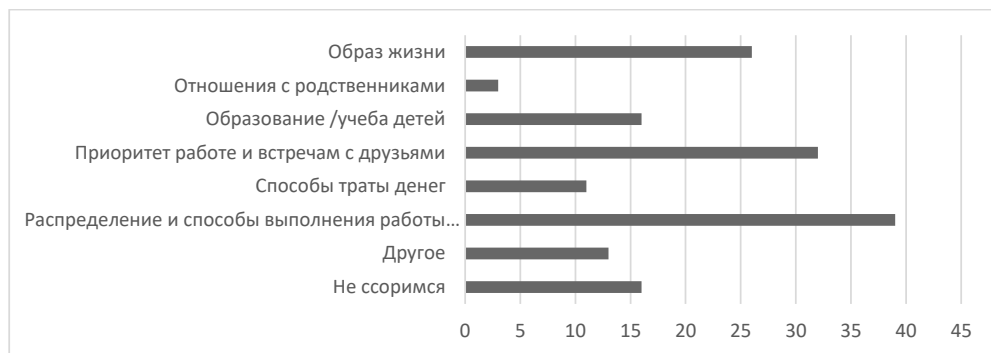


Рис. 4. Причины ссор, число опрошенных

Fig. 4. What causes the conflicts?, number of respondents

Источник: анкетный опрос, проведённый для данного исследования в 2021 году.

Таблица 1

Характер занятости родителей и причины ссор (количество и %)

Table 1

Parental employment of parents and causes of conflicts (person and %)

Семья	Общее количество ответов	Домашнее хозяйство		Образование / учёба детей		Образ жизни	
		ответы	%	ответы	%	ответы	%
С двойным доходом	45	22	49%	19	42%	19	42%
С одним доходом	39	14	36%	16	41%	12	31%

Источник: анкетный опрос, проведённый для данного исследования в 2021 году.

званных «домашними делами» или «образом жизни», невелика. Возможно, это связано с тем, что в большинстве случаев эту работу изначально берет на себя женщина.

Однако даже в такой ситуации «образование/учёба детей» все же становится причиной ссор. Это может быть связано с тем, что матерям сложно заниматься повседневными делами в одиночку, и они бы хотели больше помощи от своих мужей.

С другой стороны, «образование/учеба детей» редко называется в качестве причины ссор в семьях с двойным доходом. Возможно, в этом случае вопросы, связанные с детьми, могут входить в вопросы о разделении домашних дел и повседневной жизни.

Дальше перечислим ответы на вопросы открытого типа, среди которых можно увидеть как причины ссор, не зависящие от характера занятости супругов, так и причины, на которые он оказывает большое влияние. Например, вот эти ответы не имеют отношения к тому, как работают родители: «Даже когда я спрашиваю мнение мужа, я не получаю нормального ответа», «Не совпадает мнение об образовании детей», «Различия в отношении к деньгам», «Если мужу что-то не нравится в моем поведении, он не будет со мной разговаривать», «Будущее других наших детей» (примечание — не ДНОМО).

Однако есть и причины, связанные с характером занятости, например: «Мы сталкиваемся в вопросах, связанных с уходом за детьми и домашним хозяйством», «Он не заботится о детях, хотя мы оба работаем» (в семьях с двойным доходом). Есть также причины ссор, общие именно для

семей, где работает только мужчина, например: «Он не занимается домашним хозяйством и детьми, потому что работает», «Он может дремать несколько часов после еды, хотя у меня нет времени вздремнуть». Причины этих ссор не ограничиваются семьями с ДНОМО и можно сказать, что ссоры происходят почти так же, как и в семьях, воспитывающих здоровых детей, но так ли это на самом деле? Чтобы глубже изучить отношения между родителями, мы исследовали элементы, необходимые для поддержания отношений между супругами.

Наблюдение: как сохранить супружеские отношения

Этот анкетный опрос состоял из двух частей: с вопросами закрытого и открытого типа. Мы попросили респондентов оглянуться на свои супружеские отношения и записать, что им нужно было сделать, чтобы сохранить их. В целом они отвечали так: «Общайтесь, говорите чётко и не обижайтесь», «Сохраните время для разговоров, время для сна и время для себя. Не позволяйте своим родителям слишком сильно вмешиваться в дела вашей семьи», «Мы все время порознь. Поэтому нет ссор. Нет разговоров. Конечно, нет сотрудничества или понимания», «С тех пор, как я уволилась и стала домохозяйкой, у нас появилось время, и мы начали говорить о серьёзных и тривиальных вещах». Рассмотрим типичные ответы в зависимости от того, как работает пара.

Семьи с двойным доходом: «1) Из-за усталости мы спорим друг с другом, кто

больше занимается домашними делами и детьми. Отношения становятся все хуже, и я хочу терапии, но у меня нет времени; 2) Когда ребёнок был маленьким, он часто болел, приходилось водить его к врачу. Я взяла отпуск с работы после родов, поэтому меня это не беспокоило. Но когда я вернулась на работу, мне перестало хватать времени, однако муж, как и раньше, абсолютно не помогает; 3) хотя я тоже работаю на полную ставку, я понимаю, что у моего мужа лучше зарплата и более высокое социальное положение. Я уважаю его, но мне трудно совмещать работу и детей. Я хочу, чтобы он понял, как это сложно; 4) Надо уважать друг друга. Работа жены по уходу за ДНОМО и воспитанию детей в целом должна уважаться так же, как и работа вне дома. Нужно придерживаться концепции совместного ухода за ДНОМО. В частности, мужчина не должен использовать работу как предлог для того, чтобы не осуществлять медицинский уход за ребёнком. То, что правительство принуждает семьи самостоятельно ухаживать за ДНОМО, также является фактором изоляции и обострения домашних раздоров; 5) Важно сделать так, чтобы любой из нас мог ухаживать за ребёнком, если кто-то из нас будет, например, внезапно госпитализирован».

Среди ответов семей с двойным доходом можно найти много комментариев о том, что мать не имеет свободы в своих чувствах. Есть много женщин, которые приходят домой уставшими с работы, но им все ещё приходится брать на себя значительную часть домашних дел и ухода за детьми. Нельзя использовать работу как предлог для того, чтобы не заниматься домашним хозяйством и детьми. В частности, при рассмотрении взаимосвязи между характером занятости родителей и медицинским обслуживанием детей заслуживает внимания мнение женщины, вышедшей на работу после длительного перерыва.

Семьи с одним доходом: «1) Я думаю, что матери ДНОМО испытывают сильное одиночество, так как их связь с внешним

миром ослабевает. Важно, чтобы у них была возможность выговориться и обратиться за советом, чтобы уменьшить свою тревогу; 2) Супружеским парам трудно найти время. Поэтому мы общаемся друг с другом утром перед работой и вечером после. Мы в хороших отношениях, потому что мы заботимся друг о друге. Как бы ни был занят мой муж, он всегда моет 90% предметов ухода; 3) Я понимаю, что нужно заботиться друг о друге, но я очень устаю, и когда муж приходит домой, дел становится ещё больше. Я уже не жду помощи в уходе за детьми; 4) Я хочу, чтобы муж мог заботиться о ребёнке, делать домашние дела и оказывать ребёнку медицинскую помощь даже если меня нет рядом; 5) Все родители ДНОМО являются хорошими друзьями и сплочёнными парами. Я думаю, что есть много семей, которые разделяют свои страдания и укрепляют свои связи. Даже если есть пары, которые много ссорятся, причины, как мне кажется, в чем-то другом».

Что насчёт семей с одним доходом? Как уже упоминалось, нередко родители, ухаживающие за ДНОМО в течение дня, чувствуют себя одиноко и испытывают дискомфорт. В семьях с двойным доходом на первом месте стоит «разделение (задач)», в то время как в семьях с одним доходом это «одиночество» и «сотрудничество».

Интерес представляют второй и пятый комментарии. Есть семьи, где супруги поддерживают друг друга, и где узлы укрепляются благодаря тому, что они разделяют одну и ту же боль. Такие комментарии позволяют бороться с предубеждением, что родители ДНОМО = трудное воспитание = много ссор. Это связано с тем, что определение ДНОМО слишком широко, а потребности ребёнка (необходимая медицинская помощь) слишком разнообразны, более того, ценности каждой пары и характер занятости также отличаются. Если необходимый уход не выходит за рамки того, с чем родители могут справиться, и при этом они получают внешнюю поддержку, стресс родителей с меньшей вероятностью достигнет точки кипения в виде ссоры.

Хотя ДНОМО — это относительно новое понятие, требуется более детальная классификация термина. При этом также важно понять, к чему стремится семья в целом с точки зрения родительских предпочтений (включая характер занятости и развитие карьеры), другими словами, что возможно, а что нет в рамках «самопомощи» и «общественной (государственной) помощи», недаром закон 2021 года называется «Законом о поддержке семей ДНОМО». Все это важные пункты в продвижении гендерного равенства и реформы занятости.

С помощью анкетирования также удалось выявить потребности не только родителей ДНОМО, но и родителей в целом. Исходя из этого, можно сказать, что для развития «мер поддержки по уходу за детьми» в Японии требуется продолжить рассматривать вопрос о том, как родители работают (карьерный рост) и ухаживают за ДНОМО, одновременно уточняя рамки «самопомощи», «взаимопомощи» и «общественной помощи».

Заключение

В современной Японии слышны различные лозунги, поощряющие социальные изменения, такие как «создание ин-

клюзивного общества», «гендерное равенство», «социальное продвижение женщин» и «реформа стиля работы». В статье рассматривается то, как перечисленные лозунги связаны с воспитанием ДНОМО в контексте характера занятости родителей. Конечно, такие лозунги должны структурно преобразовывать и пронизывать общество. Однако в реальности эти лозунги пока оказываются далёкими от реальной жизни семей, воспитывающих ДНОМО, кроме того, ожидается, что число таких детей будет расти, и чем дольше сохранятся эти тенденции, тем больше будут возрастать демографические и экономические риски.

В рамках опроса мы получили много ответов со всей страны. Эти ответы были разными, что говорит о том, что опыт воспитания ДНОМО может сильно отличаться в каждой семье. Слишком широкое определение ДНОМО упускает из виду многие потребности детей и родителей. Сейчас, когда назрели социальные изменения, требуется более детальное переопределение термина и системы поддержки ухода за детьми. Внимание правительства к каждой из этих потребностей и разработка системы поддержки поможет снизить уровень тревоги, связанной с вопросами рождения и воспитания детей.

Литература и Интернет-источники

1. **Хакумура, Н.** Поддержка в Японии детей, нуждающихся в особом медицинском обслуживании / Н. Хакумура // Народонаселение. — 2022. — Т. 25. — № 3. — С. 163–175. DOI: 10.19181/population.2022.25.3.13; EDN: VPKUZB
2. **Симокава, К.** История принятия закона о поддержке детей, нуждающихся в медицинской помощи: в год 30-летия рождения «медицинской помощи» / К. Симокава // Новая нормализация. — 2022. — Февраль. — С. 2–3. (на японском языке)
3. **Тоёта, Ю.** Предпосылки для продвижения комплексного ухода в сообществе для поддержки детей, которым требуется медицинский уход и их семей / Ю. Тоёта [и др.] // Уход в общине. — 2022. — Т. 24. — № 8. — С. 62–64. (на японском языке)
4. **Хаси, С.** Реальность стресса, связанного с уходом за ДНОМО, среди родителей / С. Хаси [и др.] // Международный. — 2022. — Т. 21. — № 1. — С. 21–30. (на японском языке)
5. **Като, Ч.** Обзор и объяснение Закона о поддержке детей в связи с медицинским уходом, созданного совместно с заинтересованными сторонами / Т. Като // Новая нормализация. — 2022. — Февраль. — С. 4–5. (на японском языке)

Сведения об авторе:

Хакумура Наоя, доцент, Университет Гифу, Гифу, Япония.

Контактная информация: e-mail: hakumura.naoya.g4@f.gifu-u.ac.jp; ORCID: 0000-0002-6423-5592.

DOI: 10.19181/population.2023.26.3.12

FUTURE RISK IN JAPANESE PARENTS RAISING CHILDREN WITH SPECIAL NEEDS

Naoya Hakumura

Gifu University

(1-1 Yanagido, Gifu City, Japan, 5011193)

E-mail: hakumura.naoya.g4@f.gifu-u.ac.jp

For citation:

Hakumura N. Future risk in Japanese parents raising children with special needs. *Narodonaselenie [Population]*. 2023. Vol. 26. No. 3. P. 144-157. DOI: 10.19181/population.2023.26.3.12 (in Russ.)

Abstract. *This paper examines relationships in married couples raising children with special needs — children requiring medical care, from an economic point of view in the context of parental employment. There is an opinion that the burden of parents with children requiring medical care who are close to being a “handicapped child” is so heavy, that the couple’s relationship can be jeopardized. How does the parents’ employment relate to the burden of parenting and how does it affect the couple’s relationship? The research method is a survey of married couples with children throughout Japan (conducted in 2021). The questionnaire consisted of two parts: with multiple choice questions and open-ended questions. The multiple choice questions dealt with (1) family structure: number of persons in the household including number of children requiring medical care and their age, (2) parental employment, and (3) marital relationship (division of housework and childcare, communication between parents, frequency and reasons for fights). In considering how parents work, terms such as “shared responsibility” for dual-income families and “isolation” and “cooperation” for single-income families were key words in considering sustainable marital relations. The open-ended questions part shows what is necessary for the parents to maintain a sustainable relationship. In this paper we come to the conclusion that one of the reasons for troubles that the parents face is the fact that the definition of the term “children requiring medical care” is too broad. We suggested that this term should be subdivided so that administrative support could be spread widely, and that support should be tailored to the family’s lifestyle (e.g., career and other parental needs).*

Keywords: *children requiring medical care, parents, marital relationship, matrimonial conflicts, parental employment.*

References and Internet sources

1. Hakumura N. Podderzhka v Yaponii detej, nuzhdajushikhsja v osobom meditsinskom obsluzhivanii [The support for children requiring medical care in Japan]. *Narodonaselenie [Population]*. 2022. Vol. 25. No. 3. P. 163–175. (in Russ.)
2. Shimokawa K. Iryutekikeajishienhouseiritsu no haikei “iryutekikea tanjou 30nen no fushime no toshi ni” [Background of the establishment of the “act on the support for children requiring constant medical care and their families”- In the 30th year since the emergence of “constant medical care”]. *Shin nomaraizeshon [New Normalization]*. 2022. 2 gatsugo. P. 2–3. (in Japanese)

3. Toyota Y. et al. Iryoutekikeaji to kazokushien heno chiikihoukatsukeasuishin no haikai [Background of promotion of comprehensive community care to support children requiring medical care and their families]. *Chiikikearing [Community Care]*. 2022. Vol. 24. No. 8. P. 62–64. (in Japanese)
4. Hashi S. et al. Mishuugaku no iryoutekikeaji wo youiku suru oya no ikujisutoresu no jittai [Parenting Stress in Parents of Preschool Children Requiring Medical Care]. *Intaanashonaru [International]*. 2022. Vol. 21. No. 1. P. 21–30. (in Japanese)
5. Kato Ch. Toujisha to tomoni tsukurareta iryoutekikeajishienhou no gaiyou to kaisetsu [“Act on the support of children requiring constant medical care” Outline and Rationale by the parties concerned]. *Shin nomaraizeshon [New Normalization]*. 2022. 2 gatsugou. P. 4–5 (in Japanese)

Information about the author:

Hakumura Naoya, Associate Professor, Gifu University, Gifu City, Japan.

Contact information: e-mail: hakumura.naoya.g4@f.gifu-u.ac.jp; ORCID: 0000–0002–6423–5592.

Статья поступила в редакцию 05.03.2023, утверждена 15.08.2023, опубликована 30.09.2023.



DOI: 10.19181/population.2023.26.3.13
EDN: SYDKII

ПРИЧИНЫ ДИСФУНКЦИИ ИНСТИТУТА АТТЕСТАЦИИ МЕДИЦИНСКИХ СПЕЦИАЛИСТОВ

Коленникова О.А.

ИСЭПН ФНИСЦ РАН

(117218, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 32)

*Научно-исследовательский институт организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения города Москвы (НИИОЗММ ДЗМ)
(115088, Россия, Москва, ул. Шарикоподшипниковская, 9)*

E-mail: kolennikova@mail.ru

Для цитирования:

Коленникова О.А. Причины дисфункции института аттестации медицинских специалистов // Народонаселение. – 2023. – Т. 26. – № 3. – С. 158-169. DOI: 10.19181/population.2023.26.3.13; EDN: SYDKII

Аннотация. С целью повышения уровня квалификации медицинских специалистов, и как следствие для обеспечения качественной медицинской помощи населению, в сфере медицины действуют институты оценки квалификации. Один из них — аттестация на квалификационную категорию — был внедрён в советскую систему здравоохранения, но в последние годы заинтересованность медиков в получении категории значительно ослабла. Это вызывает серьёзную обеспокоенность специалистов и актуализирует выяснение причин произошедшего. В статье проведён ретроспективный анализ с привлечением широкого круга источников нормативно-правовой и статистической информации и дана оценка факторов этого явления самими медицинскими специалистами, полученная в ходе их анкетного опроса в организациях Москвы. Результаты показали, что дисфункцию института аттестации вызвал комплекс внутренних и внешних причин. В первую очередь, произошёл сбой в механизме материального стимулирования, который напрямую связан с общей системой оплаты труда в бюджетном секторе экономики. Выяснилось также, что в связи с рабочей перегрузкой значительно ухудшились условия подготовки к прохождению аттестационных мероприятий, снизилась заинтересованность руководителей в наличии у сотрудников категории, и сам престиж категории, особенно у молодых кадров, упал. Поэтому без принятия специальных мер институту аттестации на квалификационную категорию грозит деинституционализация. Ключевые направления необходимых изменений — пересмотр режима работы с резервированием требуемого объёма времени для дополнительной профессиональной подготовки, а также организационное совмещение проведения аттестационных и аккредитационных экзаменационных процедур. Первоочередной задачей в части усиления заинтересованности медицинских специалистов в получении категории является восстановление ответственности материальных стимулов. В рамках новой отраслевой системы оплаты труда (ОСОТ) в государственном секторе медицины предусмотрена унификация принципов начисления доплат за категорию, но апробация зарплатной реформы приостановлена до 2025 года.

Ключевые слова: врач, медсестра, здравоохранение, квалификация, квалификационная категория, аттестация.

Введение

Здравоохранение является важнейшей отраслью, инвестирующей в человеческий капитал [1]. Доля специалистов высшего и среднего уровня квалификации в сфере здравоохранения и социальных услуг более чем в 1,5 раза выше, чем в среднем в экономике, а выход врачей на пик квалификации, если судить по зарплатным показателям, происходит примерно на десять лет позже в сравнении со специалистами высшей квалификации в целом¹. Не только базовая подготовка медицинских специалистов требует больших затрат времени и ресурсов, но и последующее поддержание их знаний и навыков в актуальном состоянии [2].

В здравоохранении особенно важно обеспечить соответствие между навыками, которые нужны и которыми обладают работники, поскольку их нехватка чревата проблемами с качеством и безопасностью оказания медицинской помощи. Регулярные опросы населения показывают, что с квалификацией медицинских специалистов имеются проблемы. Так, по данным опроса россиян, проведённого в 2022 г. Левада-Центром, 62% респондентов оценивали профессиональный уровень большинства врачей ниже, чем требуется². Согласно результатам опросов в странах ОЭСР, в здравоохранении квалификация работников в большей мере соответствует требованиям рабочих мест, чем в других секторах экономики: 89% врачей указали на её соответствие, у 4% работа могла быть выполнена с более низкой квалификацией, и только 7% требовался более высокий уровень знаний и навыков; у медицинских сестёр несоответствие квалифи-

кационным требованиям немного выше: 10% обладали чрезмерной квалификацией, а 9% были недостаточно квалифицированы для той работы, которую они выполняют. В отличие от общих оценок квалификации, детальное изучение компетенций показало, что врачи и медицинские сестры используют более разнообразный набор навыков, чем специалисты технических и других профессий, что усложняет их работу. У значительного числа медиков ощущалась нехватка знаний в отдельных навыках, поэтому 51% опрошенных врачей и 43% медсестёр сообщили, что им требуется дальнейшее обучение, чтобы справляться со своими обязанностями [3].

Поскольку медицина — сфера с высокой долей интеллектуального труда, то вложения в неё (в части нового оборудования, технологий диагностики и схем лечения, лекарственных препаратов и др.) принесут ожидаемую отдачу, только если новации будут своевременно транслироваться в практику, а значит требуется регулярное обновление знаний и навыков работников. Для того чтобы врачебный и средний медицинский персонал оставался в курсе последних достижений медицинской науки, в мировой практике была разработана концепция непрерывного медицинского образования (continuing medical education), её суть заключается в постоянном поддержании и совершенствовании профессиональных знаний и навыков. Впоследствии изменение взглядов на обучение взрослых, самих систем здравоохранения (упор на первичное звено, новые модели ухода за хроническими больными, цифровизация и внедрение телемедицины и многое другое) привели к необходимости расширения концепции непрерывного медицинского образования до модели непрерывного профессионального развития (continuing professional development) [4]. В рамках данной модели акцентируется, что одних только медицинских знаний и навыков недостаточно в современной системе оказания медпомощи.

Специалисты полагают, что нужны также развитые навыки межличностного общения и межпрофессиональной команд-

¹ Сведения о заработной плате работников организаций по категориям персонала и профессиональным группам за октябрь 2021 года // Росстат: [сайт]. — URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/60671> (дата обращения: 12.03.2023).

² Караева О. Доверие системе здравоохранения // Пресс-выпуск «Левада-центр» от 16.02.2022. (АНО «Левада-Центр» внесена в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента): [сайт]. — URL: <https://www.levada.ru/2022/02/16/doverie-sisteme-zdravooohraneniya/> (дата обращения: 12.03.2023)

ной работы, самосознание и социокультурная чувствительность, аналитические навыки в решении проблем, личностные качества, системное мышление, открытость к непрерывному обучению [5] и способность эффективно использовать цифровые технологии [6]. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) разработала Глобальную систему квалификационных требований, которая включает 24 взаимосвязанных и взаимозависимых компетенции, объединенных в шесть групп — ориентированность на людей, принятие решений, коммуникация, сотрудничество, научно-обоснованная практика и личное поведение³. Концепция непрерывного профессионального развития, таким образом, подразумевает комплексное совершенствование специальных знаний и навыков, управленческих, социальных и личностных качеств, а под самим профессиональным развитием понимается изменение психики в процессе освоения и выполнения профессионально-образовательной, трудовой и профессиональной деятельности [7].

В нашей стране потребности населения в доступной и качественной медицинской помощи на фоне постоянного недофинансирования системы здравоохранения требуют как улучшения качества подготовки новых кадров, так и усиления стимулов к повышению квалификации работающих медицинских специалистов. В ответ на вызовы государство предпринимает определённые шаги: теперь допуск медиков к работе возможен только через их аккредитацию (вместо прежней сертификации), а для обеспечения требуемого для её прохождения уровня знаний и навыков внедрена система непрерывного медицинского и фармацевтического образования (НМО). Помимо обязательной аккредитации есть и другой, регулируемый Минздравом, институт оценки

квалификации — аттестация врачей и специалистов среднего звена на получение квалификационной категории, действующая на принципах добровольности. Функционально аттестация соответствует концепции непрерывного профессионального развития, ее основные задачи — стимулировать профессиональный рост и ответственность медиков за качественное выполнение должностных обязанностей, стратифицировать их по уровню профессионализма для лучшей расстановки кадров через допуск к более сложной работе, в том числе к руководящим позициям. Как закреплено в статье 72 Закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»⁴, она даёт право, пройдя положенные экзаменационные процедуры, получить категорию (вторую, первую или высшую) и рассчитывать на соответствующие выплаты.

Аттестация на категорию уходит корнями в советскую систему здравоохранения, её внедрение в практику было уникальной социальной новацией, однако в последнее время число имеющих категорию медицинских специалистов падает, внутри медицинского сообщества слышна критика, касающаяся утраты или, по крайней мере, ослабления её целевого предназначения. К сожалению, научных работ на эту тему крайне мало, аттестация как бы отошла на второй план — всё внимание исследователей сфокусировано на внедрении системы НМО и института аккредитации. В числе интересных работ публикация по результатам социологических исследований в 2014 и 2018 гг., в которой показано, что аттестация мотивирует лишь небольшую часть медицинского персонала, тех, у кого по её итогам произошли позитивные изменения либо в характере труда (более интересная и содержательная работа, должностное продвижение), либо в уровне его оплаты [8]. Важным представляет-

³ Глобальная система квалификационных требований в интересах всеобщего охвата услугами здравоохранения [Global competency framework for universal health coverage]. — Женева: Всемирная организация здравоохранения, 2022. — 26 с. — URL: <https://www.who.int/ru/publications/i/item/9789240034686> (дата обращения: 12.03.2023).

⁴ Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». // Министерство здравоохранения Российской Федерации: [сайт]. — URL: <https://minzdrav.gov.ru/documents/7025-federalnyy-zakon-323-fz-ot-21-noyabrya-2011-g> (дата обращения: 12.03.2023).

ся анализ проблем системности институтов оценки квалификации, который свидетельствует о фактически функциональной разбалансированности этой системы [9]. Остаются слабо изученными симптомы и, главное, причины невыполнения аттестацией в полной мере тех функций, ради которых и существует данный социальный институт. Цель статьи — проанализировать проявления дисфункции института аттестации медицинских специалистов на квалификационную категорию, выявить факторы этих дисфункций, а также предложить рекомендации для нормализации положения.

Эмпирическую базу исследования составили нормативно-правовые документы, официальная статистика, включающая данные Росстата и ведомственной статистики Департамента здравоохранения города Москвы (ДЗМ), и материалы массового опроса врачей в медицинских организациях города Москвы, проведенного в 2022 г. по репрезентативной выборке (711 анкет) для занятых в системе московского здравоохранения. Ошибка выборки при расчёте относительных величин с вероятностью 0,954 не превышает 3,7%.

Эволюция института аттестации и проявления его дисфункции

Выяснение характера сбоя в работе аттестационного механизма с шестидесятилетней историей требует ретроспективного анализа. Категории были введены в систему отечественного здравоохранения в начале 1960-х гг.⁵ и присваивались с учётом стажа работы по специальности за объём и качественные результаты работы, прохождение курсов специализации, усовершенствования и других форм повышения квалификации, в том числе на рабочем месте, за печатные труды и другое. При присвоении категорий рекомендова-

лось соблюдать их последовательность, то есть движение по ступеням профессионального роста, при этом поток кандидатов регулировался, поскольку Минздрав был лимитирован в расходах на эти цели⁶. Правила проведения аттестации неоднократно дорабатывались: с 1970 г. аттестация стала проводиться по привычным сегодня трём категориям, в 1981 г. был ограничен срок действия результатов аттестации и определена необходимость переаттестации 1 раз в пять лет. Взыскательные требования и административный контроль ограничивали массовое получение категории: в 1990 г. имели высшую категорию 5% врачей, 12% — первую, 6% — вторую, а 77% — её не имели⁷. Доплаты за категорию являлись действенным стимулом (в частности, у врачей с присвоением высшей категории оклад повышался на 30 руб., первой — на 15 рублей), но не менее важную роль играл престиж врача или медсестры с категорией, а сами результаты аттестации использовались как инструмент кадровой политики для продвижения лучших специалистов в системе должностных позиций. Эти и другие преимущества мотивировали медиков прилагать усилия к её получению.

В постсоветское время аттестация на категорию сохранилась, но введение в 1992 г. единой тарифной сетки по оплате труда работников бюджетной сферы (ЕТС) изменило систему материального стимулирования: квалификационная категория повышала разряд труда и таким образом должностной оклад. Административное регулирование кандидатов на аттестацию ослабло, из нормативных документов исчезли рекомендации по должностному продвижению, и в целом возмож-

⁵ Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 14.01.1960 г. № 58 «О мерах по дальнейшему улучшению медицинского обслуживания и охраны здоровья населения СССР» // Библиотека нормативно-правовых актов СССР: [сайт]. — URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_5492.htm (дата обращения: 12.03.2023).

⁶ Постановление ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС от 15 июля 1964 г. № 620 «О повышении заработной платы работников просвещения, здравоохранения, жилищно-коммунального хозяйства, торговли и общественного питания и других отраслей народного хозяйства, непосредственно обслуживающих население» // Библиотека нормативно-правовых актов СССР: [сайт]. — URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_6108.htm (дата обращения: 12.03.2023).

⁷ Здравоохранение в России: Стат. сб. / Госкомстат России. — Москва, 2001. — С. 292.

ности получить категорию расширились. Это нашло отражение в росте числа врачей с квалификационной категорией. В 2006–2007 гг. оно достигло максимального за весь период существования аттестации значения в 55%, но затем начало неуклонно снижаться⁸.

По имеющимся данным Росстата, к началу 2022 г. имели высшую и первую кате-

⁸ Здравоохранение в России: Стат. сб. / Госкомстат России – Росстат. – Москва, 2001, 2005, 2007, 2009, 2013, 2015, 2019, 2021 годы. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13218> (дата обращения: 12.03.2023).

горию (сведения о второй категории отсутствуют) 262,6 тыс. врачей и 630,6 тыс. специалистов среднего медицинского персонала. Тенденции сокращения имевших категорию во врачебном и сестринском составе похожи (рис. 1). С 2010 г. число аттестованных врачей снизилось с 47% до 35% в 2021 г. (то есть на четверть), а медиков среднего звена – с 55% до 43% (на 21%). Таким образом, у врачей сокращение шло интенсивнее, однако причины, по всей видимости, имели схожий характер.

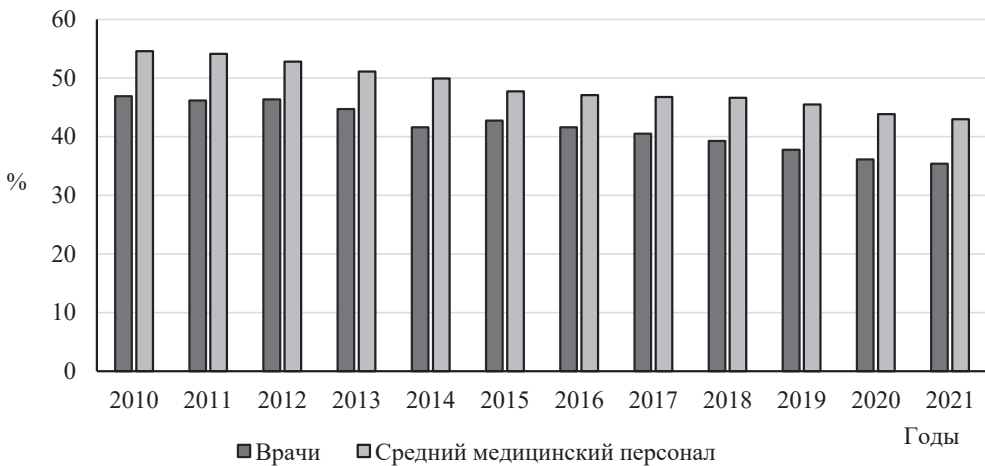


Рис. 1. Численность медицинских специалистов, имевших высшую и первую квалификационные категории в 2010–2021 гг., % от общего числа

Fig. 1. The number of medical specialists who had the highest and first qualification categories in 2010–2021, % of the total number

Источник: Росстат: [сайт]. – URL: <https://fedstat.ru/indicator/34184> (дата обращения: 12.03.2023).

Ссылаясь на отсутствие подобной системы квалификационных категорий за рубежом, ряд экспертов стал высказывать сомнения в её необходимости⁹. По мнению специалистов, в отличие от советского времени, в институте аттестации стало больше формализма, а само понятие «квалификационная категория» в значительной мере было девальвировано [10]. Правила аттестации (тестирование по утвер-

ждённым программам, экспертная оценка квалификационной работы и собеседование) неоднократно пересматривались в направлении большей стандартизации, были ужесточены требования к аттестационным комиссиям, расширен доступ к аттестации молодых кадров (для получения второй категории установлен стаж 3 года, для первой – 5 лет и высшей – 7 лет). Но внесённые коррективы de facto не исправили ситуацию, поскольку у медиков ослабла мотивация к получению категории.

⁹ Мельниченко Н. Квалификация врача – категория экономическая // Медицинская газета, апрель 2004 года: [сайт]. – URL: <http://www.spruce.ru/attestation/rules/melanch.html> (дата обращения: 12.03.2023).

Причины нарушения функционирования института аттестации

Ключевой причиной сокращения участвующих в аттестации стало изменение системы материального стимулирования. Отмена ЕТС и переход к новым системам оплаты труда (НСОТ) в бюджетной сфере изменили роль доплат за категорию. Внедрение НСОТ было нацелено на повышение доли стимулирующих выплат в общем размере оплаты труда и их тесную привязку к текущим результатам труда. Опираясь на результаты социологических исследований, специалисты выяснили, что доплата за категорию стала малозначительной в сравнении с выплатами стимулирующего характера [11].

Согласно майским указам Президента РФ (2012 г.), система оплаты труда медицинских специалистов вновь была реформирована. В настоящее время в федеральных организациях надбавка за категорию включена в перечень стимулирующих выплат, её размер составляет 10% базового оклада при наличии второй, 15% — первой и 20% — высшей категории. В региональных системах здравоохранения порядок

выплат разный: где-то централизован, где-то регулируется на уровне отдельных организаций. В московском здравоохранении организации самостоятельно управляют размером выплат за категорию, которые могут производиться при условии достаточной финансовой обеспеченности¹⁰. Различные региональные принципы выплат за категорию сказались на динамике масштабов участвующих в аттестации, что хорошо прослеживается в Москве (рис. 2). За период 2015–2020 гг. число врачей с категорией снизилось в целом по стране на 15%, а в столице — в 1,8 раза. По-иному менялся и состав аттестованных: если в среднем в российском здравоохранении сильнее падал интерес к аттестации у более молодых кадров, то в Москве основные сокращения пришлись на вторую и высшую категории, то есть на молодых и докторов старших возрастных групп (наиболее опытных).

¹⁰ Приказ Департамента здравоохранения города Москвы от 9 июня 2012 г. № 531 «О мероприятиях по переходу медицинских организаций государственной системы здравоохранения города Москвы на систему оплаты труда, отличную от тарифной системы оплаты труда работников государственных учреждений города Москвы» (с изменениями на 23 июля 2021 г.).

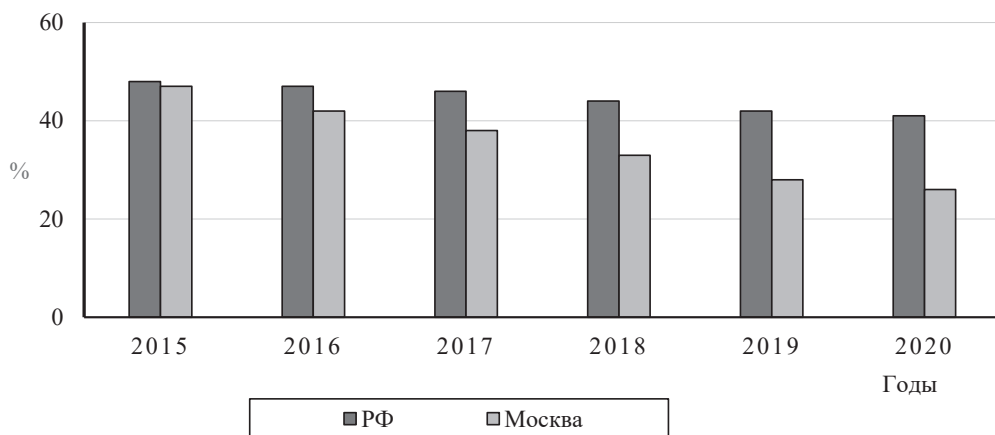


Рис. 2. Численность врачей, имевших квалификационную категорию, в РФ и Москве в 2015–2020 гг., %

Fig. 2. The number of qualified doctors in Russia and Moscow in 2015–2020 гг., %

Источники: Ведомственная статистика Департамента здравоохранения Москвы; Здравоохранение в России — 2019, 2021 гг. Стат. сб. // Росстат: [сайт]. — URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13218> (дата обращения: 12.03.2023).

В ходе анкетного опроса московских врачей мы выясняли, почему снижается число врачей, имеющих категорию (на рис. 3). Главной причиной респонденты назвали высокую загруженность работой и нехватку времени. Эти ответы согласуются с данными других опросов, согласно которым более 3/4 врачебного персонала испытывают чрезмерную нагрузку на работе и усталость [12]. Как видно, увеличение интенсивности труда, характерное для современного здравоохранения, ухудшило условия для подготовки и участия в оценочных процедурах.

Вторыми по важности факторами стали ослабление материальных стимулов (низкие доплаты за категорию или их отсутствие) и падение престижа врача с категорией. Менее значимы увеличение врачебного состава без необходимого стажа и общее снижение профессионализма врачей. Помимо этого, респонденты назвали и иные причины: плохая организация аттестации и изменение правил ее проведения; препятствия со стороны руководства в связи с необходимостью выплат из об-

щего фонда оплаты труда; высокий уровень стресса, который приходится испытывать во время экзаменационных процедур и другое. Таким образом, сокращение числа врачей с категорией вызвано комплексом материальных и нематериальных факторов.

В подразделениях по оказанию помощи в амбулаторных условиях воздействие названных факторов сильнее: в поликлиниках выше загруженность работой и потому острее ощущается нехватка времени для подготовки к оценочным процедурам, в них почти в 2 раза чаще, чем в больницах не выплачивают положенные надбавки за категорию. По данным ведомственной статистики, темпы сокращения числа аттестованных в первичном звене здравоохранения (особенно среди участковых врачей терапевтов и педиатров, врачей общей практики) существенно выше, чем среди работающих в стационарах.

Мы выясняли у респондентов, что врачам даёт категория. Каждый четвёртый ответил, что она ничего не даёт. Для других в числе мотивирующих факторов глав-



Рис. 3. Причины снижения количества врачей с категорией, % от числа опрошенных

Fig. 3. Reasons for the decrease in the number of doctors with the category, % of the number of respondents

Источник: анкетный опрос врачей в московских медицинских организациях в 2022 году.

ными остаются выплаты за квалификационную категорию — на это указали 48% опрошенных. Большинство респондентов не видит или не ощущает должного материального поощрения за категорию, более того, гарантии выплат далеко не всегда соблюдаются. Суммы выплат, указанные респондентами, сильно дифференцированы, к примеру, за высшую категорию они варьировались от десятой части процента до 30% и выше к базовому окладу. При низкой доле базового оклада в структуре заработной платы, доплаты даже в размере 30% теряют прежнюю действенность. Выявилась и слабая информированность о положенных начислениях за категорию: менее 30% опрошенных смогли назвать конкретные цифры (не всегда зная градацию по категориям).

Важным назван также тот факт (отметили 37% респондентов), что категоричность повышает самооценку, а это является одним из опорных элементов профессионального развития. При этом выяснилось, что стремление подтвердить достигнутый уровень квалификации зачастую является единственным мотивом пройти аттестацию (поскольку остальные не работают), но для массового вовлечения медиков в данную систему профессионального развития требуется разноплановая система предпочтений. Свидетельством значимости в ней материальных стимулов является то, что врачи, имеющие возможность подрабатывать, по большей части перестали тратить силы и время на участие в аттестационных мероприятиях.

На профессиональное признание со стороны коллег указали 12% респондентов, но большую значимость они придавали предпочтениям пациентов лечиться у врача с категорией (19%), ещё 10% — возможностям оказания платных услуг, что влияет на размер оплаты труда в условиях эффективного контракта. Значительное число (17%) респондентов обратили внимание на дополнительные шансы перейти на лучшее место работы, к примеру, в ведущие региональные и федеральные медицинские центры, в частную ме-

дицину, где наличие квалификационной категории ценится выше. А вот о допуске к более сложным видам работ сказали только 7% опрошенных, то есть для профессионального роста, предоставления более квалифицированной работы получение категории открывает мало дополнительных возможностей, поэтому в системе мотивации ориентированных на профессиональную карьеру (особенно молодых специалистов) аттестация не играет значимой роли.

Выяснилось также, что ключевая роль руководства (вышестоящего и непосредственного) в стимулировании повышения квалификации и выявлении достойных кандидатов на получение категории тоже значительно ослабла: только 40% опрошенных сказали о заинтересованности в этом своих руководителей. Как следствие вышеназванных причин, главная функция института аттестации ослабляется, и этот факт подтверждается данными анкетного опроса — только 35% респондентов полагали, что категория стимулирует профессиональный рост врачей.

Выводы

Интерес к получению квалификационной категории у медицинских специалистов падает. Её получение остаётся привлекательным для тех, в чьих подразделениях по результатам аттестации происходят позитивные сдвиги в характере труда и/или в уровне его оплаты, а также для тех, кому важно повышение профессиональной самооценки. Но, судя по статистике, численность таковых неуклонно снижается. Поэтому без принятия специальных мер аттестации на квалификационную категорию грозит деинституционализация, в то время как на этот социальный институт возложены особые функции по развитию трудового потенциала здравоохранения путем стимулирования профессионального роста медицинских специалистов выше установленного базового уровня, дающего право на работу по специальности.

Для восстановления нормального функционирования института аттестации важно пересмотреть режим работы медицинских специалистов с выделением требуемого объёма времени и обеспечения условий для дополнительной профессиональной подготовки, поскольку чем выше категория, тем серьезнее запросы у медиков к дополнительной подготовке, а значит и к совершенствованию системы дополнительного профессионального образования в целом. Оптимизировать затраты времени и усилий медиков может организационное совмещение проведения экзаменационных процедур аккредитации и аттестации, и такой опыт в Москве уже дал положительные результаты. Чтобы доплаты за категорию стали действительными, они должны ощутимо повы-

шать заработную плату. Меры в этом плане разработаны в рамках новой отраслевой системы оплаты труда (ОСОТ) в государственном секторе медицины, которые предусматривают унификацию принципов начисления заработной платы, включая выплаты за категорию, но запуск пилотного проекта зарплатной реформы пока приостановлен до 2025 года¹¹.

¹¹ Постановление Правительства РФ от 1 июня 2021 г. № 847 «О реализации пилотного проекта в целях утверждения требований к системам оплаты труда медицинских работников государственных и муниципальных учреждений здравоохранения» (с изменениями на 30 ноября 2021 г.).— URL: <https://docs.cntd.ru/document/603801983?marker=7D20K3>; Постановление Правительства РФ от 5 июля 2022 г. № 1205 «О приостановлении действия постановления Правительства РФ от 1 июня 2021 г. № 847».— URL: <https://docs.cntd.ru/document/351082310?marker=6500IL>. (дата обращения: 12.03.2023).

Литература и Интернет-источники

1. **Соболева, И. В.** Проблемы воспроизводства человеческого потенциала в трансформационной экономике / И. В. Соболева.— Москва : ИЭ РАН, 2006. EDN: QRQDTD
2. **Коленникова, О. А.** Специалисты с высшим медицинским образованием на рынке труда / О. А. Коленникова // Народонаселение.— 2021.— Т. 24.— № 2.— С. 131–141. DOI: 10.19181/population.2021.24.2.12; EDN: ASMJYV
3. **Schoenstein, M.** Skills use and skills mismatch in the health sector: what do we know and what can be done? / M. Schoenstein, T. Ono, G. LaFortune // Health workforce policies in OECD countries: right jobs, right skills, right places.— Paris : Organization for Economic Cooperation and Development, 2016.— P. 163–183. DOI: 10.1787/9789264239517–9-en
4. **Khan, A. W.** Continuing Professional Development (CPD); What should we do? / A. W. Khan // Bangladesh Journal of Medical Education.— 2012.— No. 1(1).— P. 37–44. DOI: 10.3329/bjme.v1i1.12857
5. **Maeda, A.** Skills for the future health workforce: Preparing health professionals for people-centred care / A. Maeda, K. Socha-Dietrich // OECD Health Working Paper No. 124.— Paris: OECD Publishing, 2021.— 46 p. DOI: 10.1787/68fb5f08-en
6. **Коленникова, О. А.** Владение медицинскими специалистами цифровыми технологиями / О. А. Коленникова // Народонаселение.— 2022.— № 3(25).— С. 189–199. DOI: 10.19181/population.2022.25.3.15; EDN: ZNJVOT
7. **Зеер, Э. Ф.** Теоретические основания профессионального развития человека / Э. Ф. Зеер // Профессиональное образование и рынок труда.— 2013.— № 1.— С. 8–10. EDN: VVFDVN
8. **Шишкин, С. В.** Роль аттестации медицинских работников в повышении трудовой мотивации / С. В. Шишкин, А. Л. Темницкий // Вопросы государственного и муниципального управления.— 2019.— № 2.— С. 141–67. EDN: YFYLYE
9. **Коленникова, О. А.** Проблемы системности институтов оценки квалификации медицинских специалистов / О. А. Коленникова, М. С. Токсанбаева // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины.— 2022.— Т. 30.— Специальный выпуск.— С. 1027–1032. DOI: 10.32687/0869–866X-2022–30–s1–1027–1032; EDN: MWKXUX

10. **Абакаров, С. И.** О необходимости реорганизации системы аттестации врачей-стоматологов / С. И. Абакаров, В. Д. Вагнер, Д. В. Сорокин, Д. С. Абакарова // Институт стоматологии. — 2012. — № 54(1). — С. 18–21. EDN: PDUHDV
11. **Алексеева, Н. Ю.** Социологическое исследование эффективности внедрения новой системы оплаты труда в учреждениях здравоохранения / Н. Ю. Алексеева, Г. М. Гайдаров, Л. П. Пчела, С. В. Макаров // Сибирский медицинский журнал. — 2010. — № 2. — С. 86–90. EDN: KKYDQS
12. **Аксенова, А. И.** Профессиональный рост и трудовые стратегии медицинских работников / А. И. Аксенова, О. А. Александрова, Н. В. Аликперова [и др.] — Москва : НИИОЗММ ДЗМ, 2020. — 226 с. EDN: UJSVOC

Сведения об авторе:

Коленникова Ольга Александровна, к.э.н., ведущий научный сотрудник, ИСЭПН ФНИСЦ РАН; научный сотрудник НИИОЗММ ДЗМ, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: kolennikova@mail.ru; ORCID: 0000-0002-0138-6115; РИНЦ AuthorID: 77253.

DOI: 10.19181/population.2023.26.3.13

INSTITUTION OF CERTIFICATION OF MEDICAL WORKERS: THE REASONS FOR DYSFUNCTION

Olga A. Kolennikova

*Institute of Socio-Economic Studies of Population of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences
(32 Nakhimovsky prospect, Moscow, Russia, 117218)*

*Research Institute for Healthcare Organization and Medical Management of
Moscow Healthcare Department*

(9 Sharikopodshipnikovskaya str., Moscow, Russia, 115088)

E-mail: kolennikova@mail.ru

For citation:

Kolennikova O.A. Institution of certification of medical workers: the reasons for dysfunction. *Narodonaselenie [Population]*. 2023. Vol. 26. No. 3. P. 158-169. DOI: 10.19181/population.2023.26.3.13 (in Russ.)

Abstract. *Institutions of qualification assessment in the field of medicine are designed for improving the level of qualification of medical specialists, and as a result for providing quality medical care. One of them is certification of medical workers for the qualification category. Certification was introduced into the Soviet healthcare system, but in recent years, the interest of doctors in obtaining the category has significantly weakened. This actualizes clarification of the causes of the situation. The article makes a retrospective analysis involving a wide range of sources of the regulatory and statistical information and presents an assessment of the factors of this phenomenon by medical specialists themselves, obtained during their questionnaire survey in organizations of Moscow. The obtained results showed that the dysfunction of the certification institute was caused by a complex of internal and external factors. First of all, there was a failure in the mechanism of material incentives, directly related to the general system of remuneration in the public sector of the economy. Due to the work overload, the conditions for preparing for certification activities have deteriorated significantly, the interest of managers in having workers of the category has decreased, and the prestige of the category itself, especially among young cadres, has fallen. Therefore, without taking special measures, the*

institute of certification for the qualification category is threatened with deinstitutionalization. The key areas of the necessary changes are revision of the operating mode with reservation of the required time for additional professional training, as well as organizational combination of the certification and accreditation examination procedures. The restoration of the effectiveness of material incentives for the category can be expected with the introduction of a new wage system in the public sector of medicine, but the start of its testing has been postponed again until 2025.

Keywords: doctor, nurse, healthcare, qualification, qualification category, certification.

References and Internet sources

1. Soboleva I. V. Problemy vosproizvodstva chelovecheskogo potentsiala v transformatsionnoj ekonomike [*Problems of Reproduction of Human Potential in the Transformational Economy*]. Moscow. IE RAS [Institute of Economics RAS]. 2006. (in Russ.)
2. Kolennikova O. A. Spetsialisty s vysshim meditsinskim obrazovaniem na rynke truda [Specialists with higher medical education on the labor market]. *Narodonaselenie [Population]*. 2021. Vol. 24. No. 2. P. 131–141. DOI: 10.19181/population.2021.24.2.12 (in Russ.)
3. Schoenstein M., Ono T., LaFortune G. Skills use and skills mismatch in the health sector: what do we know and what can be done? *Health Workforce policies in OECD Countries: Right Jobs, Right Skills, Right Places*. Paris. Organization for Economic Cooperation and Development. 2016. P. 163–183. DOI: 10.1787/9789264239517–9-en
4. Khan A. W. Continuing Professional Development (CPD); What should we do? *Bangladesh Journal of Medical Education*. 2012. No. 1(1). P. 37–44. DOI: 10.3329/bjme.v1i1.12857
5. Maeda A., Socha-Dietrich K. Skills for the future health workforce: Preparing health professionals for people-centred care. *OECD Health Working Paper No. 124*. Paris. OECD Publishing. 2021. 46 p. DOI: 10.1787/68fb5f08-en
6. Kolennikova O. A. Vladeniye meditsinskimi spetsialistami tsifrovymi tekhnologiyami [Using digital technologies by medical professionals]. *Narodonaselenie [Population]*. 2022. No. 3(25). P. 189–199. DOI: 10.19181/population.2022.25.3.15 (in Russ.)
7. Zeer E. F. Teoreticheskiye osnovaniya professional'nogo razvitiya cheloveka [Theoretical foundations of professional development of a person]. *Professional'noye obrazovaniye i rynek truda [Vocational Education and Labour Market]*. 2013. No. 1. P. 8–10. (in Russ.)
8. Shishkin S. V., Temnitsky A. L. Rol' attestatsii meditsinskih rabotnikov v povyshenii trudovoy motivatsii [The role of certification of health workers in labor motivation]. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya [Public Administration Issues]*. 2019. No. 2. P. 141–67. (in Russ.)
9. Kolennikova O. A., Toksanbaeva M. S. Problemy sistemnosti institutov otsenki kvalifikatsii meditsinskih spetsialistov [Systemic problems of institutions for assessing the qualification of medical specialists]. *Problemy sotsial'noy gigieny, zdravoohraneniya i istorii meditsiny [Problems of Social Hygiene, Public Health and History of Medicine]*. 2022. Vol. 30. Special issue. P. 1027–1032. DOI: 10.32687/0869–866X-2022–30-s1-1027–1032 (in Russ.)
10. Abakarov S. I., Vagner V. D., Sorokin D. V., Abakarova D. S. O neobkhodimosti reorganizatsii sistemy attestatsii vrachej-stomatologov [On the need to reorganize the system of attestation of dentists]. *Institut stomatologii [The Dental Institute]*. 2012. No. 1(54). P. 18–21. (in Russ.)
11. Alekseeva N. Yu. Sotsiologicheskoye issledovaniye effektivnosti vnedreniya novoy sistemy oplaty truda v uchrezhdeniyah zdravoohraneniya [Sociological aspects of efficacy of payment new system in health care establishments]. *Sibirskiy meditsinskij zhurnal [Siberian Medical Journal]*. 2010. No. 2. P. 86–90. (in Russ.)

12. Aksenova A. I., Aleksandrova O. A., Alikperova N. V. et al. Professional'nyj rost i trudovyje strategii meditsinskih spetsialistov [*Professional Growth and Labor Strategies of Medical Workers*]. Moscow. 2020. 226 p. (in Russ.)

Information about the author:

Kolennikova Olga Aleksandrovna, Candidate of Economics, Leading Researcher, Institute of Socio-Economic Studies of Population of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences; Researcher, Research Institute for Healthcare Organization and Medical Management of Moscow Healthcare Department, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: kolennikova@mail.ru; ORCID: 0000-0002-0138-6115; Elibrary AuthorID: 77253.

Статья поступила в редакцию 15.03.2023, утверждена 15.08.2023, опубликована 30.09.2023.



DOI: 10.19181/population.2023.26.3.14
EDN: PEPDXL

ОСОБЕННОСТИ КРЕДИТНОГО ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЁЖИ РОССИИ: ТЕНДЕНЦИИ И РИСКИ

Ярашева А. В.¹, Аликперова Н. В.^{1,2*}, Марков Д. И.^{2,3}

¹ИСЭПН ФНИСЦ РАН

(117218, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 32)

²Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
(125993, Россия, Москва, Ленинградский проспект, 49)

³Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ)
(119034, Россия, Москва, ул. Пречистенка, 38)

*E-mail: natalie_danilina@mail.ru

Для цитирования:

Ярашева А. В., Аликперова Н. В., Марков Д. И. Особенности кредитного поведения молодёжи России: тенденции и риски // Народонаселение. – 2023. – Т. 26. – № 3. – С. 170-182. DOI: 10.19181/population.2023.26.3.14; EDN: PEPDXL

Аннотация. В статье рассмотрены актуальные аспекты кредитного поведения россиян, включающие в себя изменения в объёмах заимствований за последние 4 года, а также динамику задолженности по кредитам, в том числе просроченной. На основе результатов авторского социологического исследования (два замера в 2022 и 2023 гг.) выявлены особенности активных действий и установок молодёжи в сфере долгового поведения. Анализ показал усиление вектора на готовность вовлечения данной возрастной группы населения в кредитные практики. Осуществлено сравнение установок молодёжи относительно условий, при которых оправдано уклонение от выполнения обязательств по возврату долгов: 1) перед кредитными организациями; 2) перед родственниками и знакомыми. Выявлены представления молодёжи о порицании в российском обществе практик такого уклонения. Результаты опросов показали: наличие у респондентов кредитного договора способствует формированию более ответственного поведения в отношении соблюдения сроков уплаты. Позиция молодёжи в применении к нарушению условий возврата кредита иная в различных группах: самые молодые респонденты (17–20 лет) видят больше причин для возможности невозврата кредита. Среди причин, при которых допустимо, по мнению молодёжи, не отдавать долги, наиболее вескими для респондентов являются ситуации, когда кредит был оформлен мошенниками без согласия самого человека (67%), в случае серьёзных проблем со здоровьем и необходимостью трат на лечение (38%), если кредитор увеличил процент по кредиту в одностороннем порядке (34%), в случае потери работы (26%). Выделены кредитные риски, характерные не только для молодёжи, но и всех возрастных групп россиян: ухудшение «кредитного качества» заёмщиков и риски нарушения обязательств (невывлаты и нарушение сроков возврата) по кредитам вследствие снижения уровня реальных доходов.

Ключевые слова: кредитное поведение, кредиты, кредитные стратегии, молодёжь, финансовые институты, финансовое поведение, риски.

Введение

Современные реалии, характеризующиеся волной серьёзных испытаний последних нескольких лет, негативным образом отразились на всех аспектах социально-экономической жизни. Сначала пандемия COVID-19, далее, геополитические разногласия на мировой арене ощутимо нарушили все сферы общественной жизни: изменился привычный уклад жизни людей, отразившийся на экономических ожиданиях населения. Всё это повлияло на мировоззрение и ценности, способы коммуникации между людьми, на повышение градуса неопределённости, апатичности и психологической неустойчивости в обществе.

Поведение участников финансового рынка также претерпевает ряд изменений под влиянием вышеперечисленных факторов, тем самым, задавая определённые тенденции, по крайней мере, на краткосрочную перспективу. На сегодняшний день финансовое поведение россиян характеризуется многообразием и в некоторых случаях сложностью практик, начиная с формирования осведомлённости и информированности о финансовых продуктах и операциях, заканчивая реализацией тех или иных финансовых стратегий, что повышает риски для участников финансовых отношений.

Из всех видов экономического поведения наибольшему риску на сегодняшний день подвержены действия населения на рынке кредитных услуг. В первую очередь это касается задолженности россиян перед кредитными организациями, которая достигла угрожающих размеров [1]. В частности, это относится к молодым людям, которые в силу особенностей возраста, в том числе и психологических (склонность к демонстративному поведению), а также неопытности во взаимодействии с банками, подвержены риску необеспечения долгов по кредитам, несвоевременности выплат, а также нерациональности в управлении личными финансами. Осложняет ситуацию и тот факт, что потеря (снижение) доходов потенциальных заёмщиков и тех, кто уже имеет долги по кредитам, приво-

дит к сокращению возможностей обслуживания займов. По итогам третьего квартала 2022 г. реальные располагаемые доходы населения (доходы за вычетом обязательных платежей, скорректированные на инфляцию) снизились на 3,4% по сравнению с тем же периодом предыдущего года¹. Усугубляется проблема и тем, что пока сохраняется неопределённость относительно восстановления уровня доходов населения в ближайшем будущем.

Методология исследования

Научные подходы к изучению как вновь возникших, так и накопившихся за последние несколько лет проблем на рынке кредитных услуг, а также поиск путей выхода из сложившейся ситуации предлагают в своих работах российские учёные, опираясь на такие ключевые факторы [2] влияния как: уровень денежных доходов населения, как важнейший показатель спроса на кредитные услуги [3], инфраструктурные возможности и риски для заёмщиков [4], мотивы и установки формирования кредитных стратегий россиян [5; 6], ценностные ориентации молодёжи [7; 8], экономические ожидания и их влияние на принятие решений в сфере кредитования [9; 10], наличие и проблемы кредитной задолженности населения в регионах России [11; 12].

Эмпирическую базу данной работы составили результаты авторского исследовательского проекта «Экономическая культура современной российской молодёжи», включающего проведение онлайн-опроса российской городской молодёжи от 17 до 35 лет по квотной выборке с репрезентацией по полу, возрасту, типу населённого пункта и федеральному округу². В ре-

¹ Снижение реальных доходов россиян ускорилось к осени // РБК: [сайт]. – URL: <https://www.rbc.ru/economics/02/11/2022/6362802c9a7947d5c397cd54> (дата обращения: 21.04.2023).

² Для исследований были определены следующие квоты: по полу – мужчины – 51%, женщины – 49%; по возрасту – 17–20 лет – 12%, 21–25 года – 11%, 24–26 лет – 12%, 27–29 лет – 14%, 30–32 года – 21% и 33–35 лет – 30%; по типу населённого пункта – города-миллионники – 35%, 500–950 тыс. чел. – 16%, 100–500 тыс. чел. – 27%, от 50 до 100 тыс. чел. – 10% и города менее 50 тыс. чел. – 12%; по федеральному округу – ЦФО – 25%, СЗФО – 11%, ЮФО – 11%, СКФО – 8%, ПФО – 21%, УФО – 7%, СФО – 11% и ДФО – 6%.

зультате было проведено два замера: первый реализован с 16 февраля по 3 марта 2022 года, второй — с 20 по 28 февраля 2023 года. В рамках первого замера опрошены 600 респондентов (средний возраст 28 лет), 49% выборки оценили потребительские возможности семьи, в которой живут, на уровне выше среднего (могли позволить себе бытовую технику и больше). Второй замер — 620 респондентов — сходен первому по полу, возрасту, типу населённого пункта и федеральному округу, 56% выборки оценили выше среднего потребительские возможности семьи, в которой живут. Инструментарий исследования подразумевал выявление мнений респондентов по широкому кругу тематик от представлений об обычаях, традициях, стереотипах, сложившихся в сфере российской экономики, до трудо-

вых, сберегательных и кредитных установок. Применительно к данной статье авторов интересуют вопросы, связанные с отношением молодёжи к кредитным практикам заимствования и возврата долгов.

Результаты исследования

Согласно данным, характеризующим динамику кредитования банками физических лиц в России, за последние несколько лет можно отметить рост по ключевым показателям кредитования. Несмотря на небольшой спад по объёму выданных кредитов в феврале 2023 года, можно увидеть, что их объём за предыдущие годы активно рос (табл. 1). При этом и объём задолженности, в том числе просроченной, продолжает увеличиваться год от года (табл. 2).

Таблица 1

Информация о кредитах, предоставленных физическим лицам — резидентам, млн. рублей

Table 1

Information on loans given to resident individuals, million rubles

Период	Объём выданных кредитов		
	всего	в рублях	в иностранной валюте
Февраль 2023	1605713	1605601	112
Февраль 2022	1722442	1691677	30765
Февраль 2021	1404144	1393258	10886
Февраль 2020	1172619	1169929	2690

Источник: составлено авторами на основе статистических данных ЦБ.

Таблица 2

Объём задолженности по кредитам, выданным физическим лицам — резидентам, млн. рублей

Table 2

Amount of the indebtedness under loans given to resident individuals, million rubles

Период	Задолженность по кредитам					
	всего	в рублях	в иностранной валюте	в том числе просроченная		
				всего	в рублях	в иностранной валюте
Февраль 2023	27311746	27288636	23109	1108998	1098754	10243
Февраль 2022	25165054	25103658	61396	980259	966261	13998
Февраль 2021	20375898	20316116	59782	931550	913156	18393
Февраль 2020	17916773	17839242	77531	768785	746916	21869

Источник: составлено авторами на основе статистических данных ЦБ.

Если рассматривать изменения в установках россиян относительно их кредитных намерений за период с 2019 по

2023 гг., то следует выделить небольшой рост оптимизма в феврале-марте 2023 г., предположительно связанный с декла-

рацией разнообразных льгот при выдаче кредитов населению, в частности, льгот по ипотеке (табл. 3).

Согласно проведённому авторскому исследованию, установки молодёжи в отношении кредитов также демонстрируют

Динамика кредитного оптимизма россиян в 2019–2023 гг., в %

Таблица 3

Table 3

Dynamics of credit optimism of Russians from 2019 to 2023, in %

Мнение респондентов	январь.19	январь.20	январь.21	январь.22	январь.23	февраль.23	март.23
Как Вы думаете, сейчас – хорошее время, чтобы брать кредиты, или нет?							
Скорее хорошее	11	14	12	12	11	14 ↑	16 ↑
Скорее плохое	76	72	73	76	72 ↓	67 ↓	63 ↓
Затрудняюсь ответить	13	14	15	12	17	19	21

Источник: Индекс кредитного оптимизма (доверия) // ВЦИОМ: [сайт]. – URL: <https://wciom.ru/ratings/index-kreditnogo-optimizma-doverija> (дата обращения: 21.04.2023).

усиление вектора на готовность вовлечения в кредитные практики. Так, по сравнению с 2022 г., в 2023 г. наблюдается рост доли респондентов, воспользовавшихся

и намеренных воспользоваться кредитной картой, ипотекой и автокредитом, взять кредит на развитие бизнеса, а также образовательный кредит (табл. 4).

Установки молодёжи в отношении кредитов в 2022 и 2023 гг.*, в % от опрошенных

Таблица 4

Table 4

Youth attitudes towards loans in 2022 and 2023, in % of respondents

Вид кредита (заимствования)	Наличие или готовность	2022	2023
Воспользоваться кредитной картой	Уже имеют	12	21 ↑
	Намерены взять	4	14 ↑
Взять ипотеку	Уже имеют	15	13
	Намерены взять	12	22 ↑
Взять потребительский кредит	Уже имеют	10	9
	Намерены взять	12	9 ↓
Оформить автокредит	Уже имеют	5	5
	Намерены взять	6	10 ↑
Взять кредит на развитие бизнеса	Уже имеют	1	2
	Намерены взять	4	7 ↑
Взять образовательный кредит для себя, или для Ваших детей	Уже имеют	1	3 ↑
	Намерены взять	3	5 ↑
Доверительный заём (потребительский кредит, предоставляемый банком своим надёжным клиентам на более выгодных условиях)	Уже имеют	1	-
	Намерены взять	4	-
Долговой заём на срочные цели	Уже имеют	1	-
	Намерены взять	2	-

* Полная формулировка вопроса: «Планируете ли Вы в ближайшее время...?». В 2023 г. варианты ответов «Доверительный заём...» и «Долговой заём на срочные цели» не предлагался респондентам. Источник: результаты авторского исследования.

Сократилась доля тех, кто не имел кредиты (с 70% до 65%), выросла тех, кто имеет один кредит, незначительно снизилась доля опрошенных, имеющих два вида кредита: с 10% до 8%. Процент за-

кредитованности молодёжи может оказаться и выше, так как в опросе не тестировались другие виды кредитов, например, микрокредит (рис. 1).

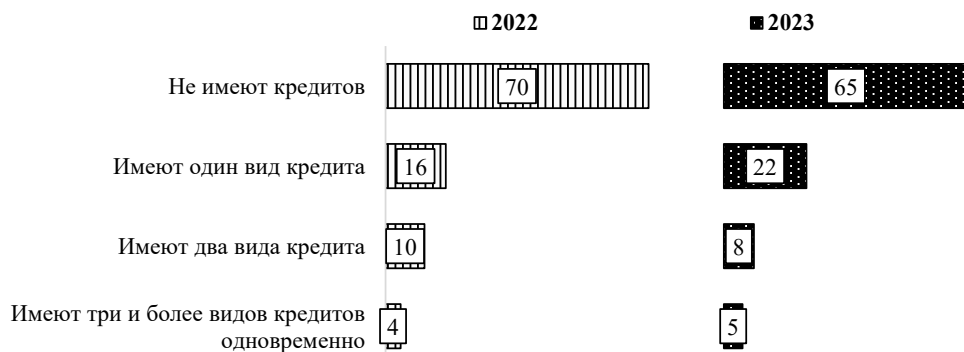


Рис. 1. Количество кредитов у молодёжи в 2022 и 2023 гг., в % от опрошенных

Fig.1. The number of loans among young people in 2022 and 2023, in % of respondents

Источник: результаты авторского исследования.

Увеличение кредитов у молодёжи наблюдается по всем возрастным группам (кроме 25–29-летних), особенно явная динамика в группах 17–20 лет и 21–24 года, что говорит о повышении интереса к данному инструменту со стороны более молодой аудитории (табл. 5). Подобный интерес может объясняться, с одной стороны,

повышением уровня финансовой грамотности (особенно в вузах, благодаря расширению образовательных программ в этом направлении); с другой — большим вовлечением молодёжной аудитории в трудовые отношения, следовательно, увеличением возможностей для оформления кредитного договора.

Наличие кредитов у молодёжи по возрастным группам в 2022 и 2023 гг., в % от опрошенных, имеющих хотя бы один вид кредита по каждой группе

Таблица 5

Table 5

Availability of loans to young people by age group in 2022 and 2023, in % of respondents who have at least one type of loan for each group

Возраст	2022	2023
17–20 лет	11	24 ↑
21–24 лет	22	33 ↑
25–29 лет	41	37 ↓
30–35 лет	31	38 ↑

Источник: результаты авторского исследования.

Если говорить об установках молодых людей в отношении возврата кредита, а также условий, при которых возврат может быть отсрочен или вообще не осуществлён, то в 2023 г. в сравнении с 2022 г. явных изменений не отмечено. Так, $\frac{3}{4}$ опрошенных полагают, что в России «сильно» или «отчасти» порицается уклонение от погашения кредиторской задолженности, четверть отмечают обратное. Однако, когда речь идёт о микрофинансовых организациях, то неуплата кредита воспринимается опрошенными более спокойно: 33% указали, что такое поведение

в целом не порицается в российском обществе. Несколько иное отношение к уклонению от возврата долга своим родственникам и знакомым: более четверти респондентов считают данные практики «сильно порицаемыми». Это позволяет говорить о более высокой ответственности молодых людей перед близкими людьми, чем перед кредитными организациями. А также фиксирует произошедший, пусть и незначительный, сдвиг в сторону сокращения практик уклонения от выплат долгов и первым, и вторым (табл. 6).

Таблица 6

Представления молодёжи о порицании в российском обществе практик уклонения от уплаты долгов по кредитам* в 2022 и 2023 гг., в % от опрошенных

Table 6

Young people's views on the censure in Russian society for evading payment of loan debts in 2022 and 2023, in % of respondents

Мнение респондентов	2022	2023
«Уклонение от погашения кредиторской задолженности перед банком»		
В целом НЕ порицается	25	25
ОТЧАСТИ порицается	55	57 ↑
СИЛЬНО порицается	20	18 ↓
«Уклонение от погашения кредиторской задолженности перед микрофинансовой организацией»		
В целом НЕ порицается	-	33
ОТЧАСТИ порицается	-	49
СИЛЬНО порицается	-	18
«Уклонение от уплаты долга знакомым или родственникам»		
В целом НЕ порицается	20	21 ↑
ОТЧАСТИ порицается	49	51 ↑
СИЛЬНО порицается	31	28 ↓

* Полная формулировка вопроса: «Какие и в какой степени из нижеперечисленных явлений порицаются в российском обществе?»

Источник: результаты авторского исследования.

Что касается отношения молодёжи к нарушению условий возврата кредита, 59% опрошенных считают: независимо от ситуации нужно возвращать кредит в срок, 41% — что всё же бывают исключения, ко-

гда простительно не вернуть кредит вовремя. Причём такие установки оказались устойчивы и почти не изменились за год в период между замерами (табл. 7).

Таблица 7
Отношение молодёжи к нарушению условий возврата кредита* в 2022 и 2023 гг., в %

Table 7

Attitude of young people to violation of the terms of loan repayment in 2022 and 2023, in %

Мнение респондентов	2022	2023
Бывают ситуации, когда допустимо, простительно не возвращать кредит вовремя	43	41
Не вернуть кредит в нужный срок – недопустимо, какой бы не была ситуация	57	59

* Полная формулировка вопроса: «С каким из предложенных суждений Вы согласны?»

Источник: результаты авторского исследования.

В разрезе демографических характеристик выявлено: если различия в установках по полу незначительны, то по возрасту – между самой молодой (17–20 лет) и самой возрастной (30–35 лет) группами молодёжи разница ощутима: первые более склонны к нарушению сроков возврата кредита (52%), к поиску «уважительных» причин невозврата, вторые – к боль-

шей ответственности и строгому соблюдению сроков. Наличие кредита способствует формированию более ответственного поведения в отношении соблюдения сроков уплаты, что может обуславливаться «знакомством» на практике с санкциями, которые последуют в случае нарушения. Иными словами, «легко не вернуть, когда нечего возвращать» (табл. 8).

Таблица 8
Отношение к нарушению условий возврата кредита в различных группах молодёжи в 2023 году, в % от опрошенных по каждой группе

Table 8

Attitude to violation of the terms of loan repayment in various groups of young people in 2023, % of respondents in each group

Мнение респондентов	Пол		Возраст*		Наличие кредита	
	М	Ж	17–20	30–35	Нет	Есть
Бывают ситуации, когда допустимо, простительно не возвращать кредит вовремя	42	40	52	41	43	37
Не вернуть кредит в нужный срок – недопустимо, какой бы не была ситуация	58	60	48	59	57	63

*Чтобы подчеркнуть различия, представлены крайние возрастные группы.

Источник: результаты авторского исследования.

Среди причин, при которых допустимо не возвращать кредит, наиболее вескими для респондентов являются ситуации, когда кредит оформлен мошенниками без согласия самого человека (67%), в случае серьёзных проблем со здоровьем и необходимостью трат на лечение (38%), если кредитор увеличил процент по кредиту в одностороннем порядке (34%), в случае потери работы и, как следствие, утраты возможности платить по кредиту (26%). При этом, доля называющих уважительные причины, чтобы не платить по креди-

ту, выросла за год. В социально-демографическом разрезе прослеживается возрастная тенденция: самые молодые респонденты видят больше причин для невозврата кредита по сравнению с самыми старшими (табл. 9).

Однако те, кто имеет кредит, оказались более расположены к ситуациям, когда санкции за невозвращение кредита точно не последуют, а респонденты с высокими³

³ Респонденты с низкими потребительскими возможностями – те, кто выбрали вариант ответа «Денег хватает только на продукты питания, однако покупка одежды вызывает затруднение» или более низкий по рангу вариант;

Таблица 9

Отношение к нарушению условий возврата кредита в различных группах молодёжи в 2023 г., в % от опрошенных по каждой группе

Table 9

Attitude to violation of the terms of loan repayment in various groups of young people in 2023, % of respondents in each group

Причина	Возраст*		Потребительские возможности*		Наличие кредита	
	17–20	30–35	Низкие	Высокие	Нет	Есть
Когда кредит был оформлен мошенниками без согласия самого человека	70	69	60	56	64	71
В случае серьёзных проблем со здоровьем, когда требуются средства на лечение	48	39	29	38	39	35
Если кредитор в одностороннем порядке увеличил процент по кредиту	43	35	31	25	34	33
В случае потери работы, когда нечем погасить кредит	27	27	19	22	25	28
Когда наказание за невозвращение кредита точно не последует	17	7	10	10	7	13
В случае переезда в другую страну	8	4	3	7	3	5
Ни в каком случае	15	20	25	25	21	19

*Чтобы подчеркнуть различия, представлены крайние группы по возрасту и потребительским возможностям.

Источник: результаты авторского исследования.

потребительскими возможностями, по сравнению с другими группами, в качестве уважительной причины чаще указывали на переезд в другую страну.

Выводы

На основе проведённого авторского исследования можно выделить три основных тренда кредитного поведения молодёжи.

1. Востребованность кредитов среди молодёжи выросла с 2022 по 2023 гг., а рост доли закредитованных обусловлен включением в кредитные практики младшей возрастной аудитории (17–20 лет).

2. Установки молодёжи в отношении невозврата кредита, нарушения его условий устойчивы и почти не измени-

к группе с высокими потребительскими возможностями относятся респонденты, отметившие вариант «Денег хватает на все, кроме таких дорогих приобретений как загородный дом» и более высокий по рангу вариант

лишь за период двух измерений. Младшие возрастные аудитории в большей степени склоняются к нарушению условий кредита; при этом наличие кредита, наоборот, способствует «кредитной дисциплине». В целом сохраняется высокий уровень ответственности за погашение кредитов, однако, поводов для неуплаты достаточно, причины таких решений по сравнению с прошлым годом становятся все более убедительными для самих респондентов.

3. Основная причина невозврата кредита — «если он был оформлен мошенниками», при этом в качестве причин в 2023 г. стали чаще называть увеличение ставки кредитором в одностороннем порядке и потерю места работы, что может обуславливаться динамикой социально-экономической ситуации в стране. Снижение доли тех, кто указывает на необходимость уплаты кредита в любом случае, представляется следствием отмеченного

ранее включения в кредитные практики самых молодых групп.

Выявленные тренды влекут за собой ряд преимуществ и рисков. Среди последних можно выделить: 1) снижение доходов потенциальных заёмщиков может как ограничить их собственные кредитные желания из-за сужения возможностей обслуживания займов, так и наоборот, привести к ещё большему спросу на кредиты из-за нехватки финансовых средств и потребности в удовлетворении текущих нужд [13]. При этом присутствует неопределённость относительно восстановления доходов граждан и компаний в будущем; 2) ухудшение «кредитного качества» заёмщиков и рост кредитного риска; 3) ужесточение банками стандартов кредитования, в том числе за счёт снижения лимитов по кредитным продуктам, что приведёт к замедлению темпов кредитования; на фоне ухудшения финансового положения отдельные банки могут сталкиваться с нехваткой капитала для наращивания кредитования.

Таким образом, с точки зрения финансовой стабильности ускоренный рост потребительского кредитования может привести к росту уязвимости банковского сектора и к возможным рискам невозврата долгов. Однако с учётом принимаемых Банком России макропруденциальных мер и формируемого банками запаса капитала, банковский сектор останется устойчивым: банки смогут покрыть убытки и продолжить кредитование населения.

С социальной точки зрения, в т.ч. с учётом влияния платежей по обслуживанию кредитов на реальные располагаемые до-

ходы населения, можно заключить, что пока потребительское кредитование не оказывает доминирующего негативного влияния, помогая при этом не снижать уровень потребления при стагнации доходов населения. В то же время потенциальный рост долговой нагрузки, в том числе, в ситуации появления семьи и увеличения для молодых людей иждивенческой нагрузки [14], является очень важным социальным риском (здесь может помочь ограничение за счёт введения показателя долговой нагрузки — ПДН). Кроме того, в последнее время появились способы снижения кредитной нагрузки, а именно возможность оформления банкротства физлиц. Такой способ может вводить некоторых людей в заблуждение о возможности быстрого и простого избавления от всех долгов без последствий. В данной ситуации повышается роль кредитных организаций при оценке платёжеспособности заёмщика, полном информировании клиентов о продуктах и содействии в решении сложных финансовых ситуаций, связанных с непредвиденными жизненными обстоятельствами (например, помощи в реструктуризации долга). Дополнительно к этим мерам, дальнейшее повышение финансовой грамотности населения также будет способствовать росту ответственности заёмщиков перед банками.

Исходя из вышесказанного, изучаемая тема остаётся актуальной в отношении её дальнейшей разработки в части выявления различий в установках молодёжи к отдельным видам кредитов, и особенно к наиболее сложному для выполнения обязательств по возврату — ипотеке.

Литература и Интернет-источники

1. **Ярашева, А. В.** Поведенческая экономика: население на рынке кредитных услуг / А. В. Ярашева, С. В. Макап, Ю. А. Симагин // *Народонаселение*. — 2020. — Т. 23. — № 3. — С. 48–58. DOI: 10.19181/population.2020.23.3.5; EDN: HRYZTW
2. **Стребков, Д.** Основные типы и факторы кредитного поведения населения в современной России / Д. Стребков // *Вопросы экономики*. — 2004. — № 2. — С. 109–128. DOI: 10.32609/0042-8736-2004-2-109-128; EDN: PJEUPV
3. **Троп, Т. И.** Денежные доходы населения как фактор кредитного поведения населения / Т. И. Троп // *Учёные записки. Вып. 19 / ред. О. М. Прокапало*. — Хабаровск : Институт экономических исследований Дальневосточного отделения РАН, 2020. — С. 147–163. EDN: SDCTCN

4. **Шнейдерман, И. М.** Кредитное поведение населения: тенденции и риски / И. М. Шнейдерман, А. В. Ярашева // Вопросы статистики.— 2019.— Т. 26.— № 3.— С. 15–22. DOI: 10.34023/2313-6383-2019-26-3-15-22; EDN WAPXWH
5. **Дикий, А. А.** Жизнь в кредит: установки и поведенческие стратегии россиян / А. А. Дикий // Социологические исследования.— 2012.— № 5.— С. 134–140.
6. **Аликперова, Н. В.** Монетарные установки молодёжи в условиях социально-экономической нестабильности / Н. В. Аликперова // Уровень жизни населения регионов России.— 2021.— Т. 17.— № 3.— С. 372–381. DOI: 10.19181/Isprg.2021.17.3.7; EDN: XOYNIM
7. **Аликперова, Н. В.** Представления российской молодёжи об экономической нравственности / Н. В. Аликперова, Д. И. Марков // Социальное пространство.— 2022.— Т. 8.— № 4. DOI: 10.15838/sa.2022.4.36.7; EDN: JKSPAT
8. **Марков, Д. И.** О перспективах исследования экономической культуры российской молодёжи / Д. И. Марков // Доходы, расходы и сбережения населения России: тенденции и перспективы: Материалы VII Международной научно-практической конференции (Москва, 30 ноября 2021 года) / отв. редактор А. В. Ярашева.— Москва : ФНИСЦ РАН, 2022.— С. 126–131. DOI: 10.19181/conf.978-5-89697-387-4.2022.23; EDN: LTYPNS
9. **Александрова, О. А.** Влияние экономических ожиданий на финансовое поведение российского населения / О. А. Александрова, А. В. Ярашева // Вопросы статистики.— 2016.— № 5.— С. 70–79. EDN: WAWXKR.
10. **Масленников, В. В.** Влияние поведенческих циклов на экономику / В. В. Масленников, А. В. Ларионов // Экономика. Налоги. Право.— 2020.— № 2.— С. 34–44. DOI: 10.26794/1999-849X-2020-13-2-34-44; EDN: IRWWKE
11. **Петухов, Н. А.** Задолженность населения по кредитам в регионах Российской Федерации / Н. А. Петухов // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент.— 2016.— Т. 10.— № 1.— С. 51–57. DOI: 10.14529/em160105; EDN: VSKPLT
12. **Ярашева, А. В.** Динамика кредитной задолженности россиян по макрорегионам / А. В. Ярашева // Доходы, расходы и сбережения населения России: тенденции и перспективы: Сборник материалов IV Международной научно-практической конференции (Москва, 4 декабря 2018 года) / ред. А. В. Ярашева, О. А. Александрова, Н. В. Аликперова.— Москва : ИСЭПН РАН, 2019.— С. 165–167. EDN: ZRGDLF
13. **Гамукин, В. В.** Влияние среднедушевых доходов на кредитное и сберегательное поведение населения в России / В. В. Гамукин, О. С. Мирошниченко // Уровень жизни населения регионов России.— 2021.— Том 17.— № 1.— С. 57–66. DOI: 10.19181/Isprg.2021.17.1.5; EDN: UYWFTA
14. **Золотарева, К. Ю.** Кредитное поведение молодых семей в условиях современного общества / К. Ю. Золотарева // Современное общество: вопросы теории, методологии, методы социальных исследований.— 2021.— Т. 1.— С. 203–207. EDN: UIIZOR

Сведения об авторах:

Ярашева Азиза Викторовна, д.э.н., проф., проф. РАН, зав. лабораторией, ИСЭПН ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: baktriana@rambler.ru; ORCID: 0000-0002-6041-7700; РИНЦ AuthorID: 519466.

Аликперова Наталья Валерьевна, к.э.н., ведущий научный сотрудник, ИСЭПН ФНИСЦ РАН; доцент, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: natalie_danilina@mail.ru; ORCID: 0000-0002-5028-078X; РИНЦ Author ID: 754213.

Марков Дмитрий Игоревич, исследовательский менеджер Департамента социальных исследований Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ); ассистент, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: dimarkov1998@yandex.ru; ORCID:0000-0001-9380-0506; РИНЦ AuthorID: 1076893.

DOI: 10.19181/population.2023.26.3.14

FEATURES OF CREDIT BEHAVIOR OF RUSSIAN YOUTH: TRENDS AND RISKS

Aziza V. Yarasheva¹, Natalia V. Alikperova^{1,2*}, Dmitry I. Markov^{2,3}

¹*Institute of Socio-Economic Studies of Population of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (32 Nakhimovsky prospect, Moscow, Russian Federation, 117218)*

²*Financial University under the Government of the Russian Federation (49 Leningradsky prospect, Moscow, Russian Federation, 125993)*

³*Russian Public Opinion Research Center (VCIOM) (38 Prechistenka str., Moscow, Russia, 119034)*

*E-mail: natalie_danilina@mail.ru

For citation:

Yarasheva A. V., Alikperova N. V., Markov D. I. Features of credit behavior of Russian youth: trends and risks. *Narodonaselenie [Population]*. 2023. Vol. 26. No. 3. P. 17-182. DOI: 10.19181/population.2023.26.3.14 (in Russ.)

Abstract. *The article discusses the current aspects of the credit behavior of Russians, including changes in the volume of borrowings over the past 4 years, as well as the dynamics of indebtedness, including overdue loans. Based on the results of the author's sociological research (two measurements — in 2022 and 2023), the features of active actions and attitudes of young people in the field of debt behavior are identified. The analysis showed strengthening of the vector on the willingness to involve this age group of the population in credit practices. There was carried out a comparison of the attitudes of young people regarding the conditions under which evasion of obligations to repay debts is justified: 1) debts to credit institutions; 2) to relatives and acquaintances. The views of Russian youth on the censure for such evasion practices in Russian society are examined. The survey results show that the presence of a loan agreement of respondents contributes to formation of a more responsible behavior regarding compliance with payment deadlines, in contrast to the situation of the absence of debt (only with the intention to enter into debt relations). The position of young people in relation to the violation of loan repayment terms is different in different groups: the youngest respondents (17–20 years old) see more reasons for the possibility of non-repayment of the loan. Among the reasons why it is permissible, in the opinion of young people, not to repay debts, the most compelling for respondents are the situations when the loan was issued by fraudsters without the consent of the person himself (67%), in case of serious health problems and the need to spend on treatment (38%), if the lender increased the interest on the loan unilaterally (34%), in case of job loss (26%). Credit risks typical not only for young people, but also for all age groups of Russians are highlighted: deterioration of the “credit quality” of borrowers and risks of breach of obligations (non-payment and violation of repayment terms) on loans due to a decrease in real income.*

Keywords: *credit behavior, loans, credit strategies, youth, financial institutions, financial behavior, risks.*

References and Internet sources

1. Yarasheva A. V., Makar S. V., Simagin Yu. A. Povedencheskaya ekonomika: naseleniye na rynke kreditnykh uslug [Behavioral economy: population in the credit services market]. *Narodonaselenie [Population]*. 2020. Vol. 23. No. 3. P. 48–58. DOI: 10.19181/population.2020.23.3.5 (in Russ.)
2. Strebkov D. Osnovnyye tipy i faktory kreditnogo povedeniya naseleniya v sovremennoy Rossii [Basic types and factors of the credit behavior of Russian citizens]. *Voprosy Ekonomiki [Economic Issues]*. 2004. No. 2. P. 109–128. DOI: 10.32609/0042–8736–2004–2–109–128. (in Russ.)
3. Trop T. I. Denezhnyye dokhody naseleniya kak faktor kreditnogo povedeniya naseleniya [Monetary income as a factor in the credit behavior of population]. *Uchenyye zapiski [Scientific Notes]*. Issue 19. Ed. O. M. Prokapalo. Khabarovsk. Institut ekonomicheskikh issledovaniy Dal'nevostochnogo otdeleniya RAN [Institute of Economic Studies of the Far Eastern Branch RAS]. 2020. P. 147–163. (in Russ.)
4. Shneiderman I. M., Yarasheva A. V. Kreditnoye povedeniye naseleniya: tendentsii i riski [Population borrowing behavior: trends and risks]. *Voprosy statistiki [Statistical Issues]*. 2019. No. 26(3). P. 15–22. DOI: 10.34023/2313–6383–2019–26–3–15–22 (in Russ.)
5. Diky A. A. Zhizn' v kredit: ustanovki i povedencheskiye strategii rossiyan [Life on credit: attitudes and behavioral strategies of the Russians]. *Sotsiologicheskkiye issledovaniya [Sociological Studies]*. 2012. No. 5. P. 134–140. (in Russ.)
6. Alikperova N. V. Monetarnyye ustanovki molodozhi v usloviyakh sotsial'no-ekonomicheskoy nestabil'nosti [Monetary attitudes of young people in conditions of socioeconomic instability]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]*. 2021. Vol. 17. No. 3. P. 472–481. DOI: 10.19181/isprr.2021.17.3.7 (in Russ.)
7. Alikperova N. V., Markov D. I. Predstavleniya rossijskoj molodozhi ob ekonomicheskoy npravstvennosti [Ideas of Russian youth about economic morality]. *Sotsial'noye prostranstvo [Social Area]*. 2022. Vol. 8. No. 4. Available at: <http://socialarea-journal.ru/article/29474> (Accessed: 20 April 2023). (in Russ.) DOI: 10.15838/sa.2022.4.36.7
8. Markov D. I. O perspektivakh issledovaniya ekonomicheskoy kul'tury rossiyskoy molodozhi [On the prospects for studying the economic culture of Russian youth]. *Dokhody, raskhody i sbrezheniya naseleniya Rossii: tendentsii i perspektivy [Incomes, Expenditures and Savings of the Russian Population: Trends and Prospects]*. Proceedings of the VII international research and practical conference. Moscow, 30 November 2021. Ed. A. V. Yarasheva. Moscow. FNISTs RAN [Federal Center of Theoretical and Applied Sociology RAS]. 2022. P. 126–131. (in Russ.)
9. Aleksandrova O. A., Yarasheva A. V. Vliyaniye ekonomicheskikh ozhidaniy na finansovoye povedeniye rossiyskogo naseleniya [The impact of the economic expectations on financial behavior of the Russian population]. *Voprosy statistiki [Statistical Issues]*. 2016. No. 5. P. 70–79. (in Russ.)
10. Maslennikov V. V., Larionov A. V. Vliyaniye povedencheskikh tsiklov na ekonomiku [Influence of behavioral cycles on the economy]. *Ekonomika. Nalogi. Pravo. [Economics, Taxes and Law]*. 2020. No. 2. P. 34–44. (in Russ.). DOI: 10.26794/1999–849X–2020–13–2–34–44 (in Russ.)
11. Petukhov N. A. Zadolzhennost' naseleniya po kreditam v regionakh Rossiyskoy Federatsii [Public debt under credits in the regions of the Russian Federation]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika i menedzhment [Bulletin of the South Ural State University. Series: Economics and Management]*. 2016. V. 10. No. 1. P. 51–57. (in Russ.)
12. Yarasheva A. V. Dinamika kreditnoy zadolzhennosti rossiyan po makroregionam [Dynamics of Russian credit debt by macroregions]. *Dokhody, raskhody i sbrezheniya naseleniya Rossii: tendentsii i perspektivy [Incomes, Expenditures and Savings of the Population of Russia: Trends and Prospects]*. Proceedings of the IV international research and practical conference (Moscow, 4 December 2018). Eds. A. V. Yarasheva, O. A. Aleksandrova, N. V. Alikperova. Moscow. ISEPN RAN [Institute of Socio-Economic Studies of Population RAS]. 2019. P. 165–167. (in Russ.)

13. Gamukin V. V., Miroshnichenko O. S. Vliyaniye srednedushevykh dokhodov na kreditnoye i sberegatel'noye povedeniye naseleniya v Rossii [Influence of the average per capita income on credit and savings behavior of the population in Russia]. Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii [*Living Standards of the Population in the Regions of Russia*]. 2021. Vol. 17. No.1. P. 57–66. DOI: 10.19181/lspr.2021.17.1.5 (in Russ.).
14. Zolotareva K. Yu. Kreditnoye povedeniye molodykh semey v usloviyakh sovremennogo obshchestva [Credit behavior of young families in modern society]. Sovremennoye obshchestvo: voprosy teorii, metodologii, metody sotsial'nykh issledovaniy [*Modern Society: Issues of Theory, Methodology, Methods of Social Studies*]. 2021. Vol. 1. P. 203–207. (in Russ.)

Information about the authors:

Yarasheva Aziza Viktorovna, Doctor of Economics, Full Professor, Institute of Socio-Economic Studies of Population of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Contact Information: e-mail: baktriana@rambler.ru; ORCID: 0000–0002–6041–7700; Elibrary AuthorID: 519466.

Alikperova Natalia Valerievna, Candidate of Economics, Leading Researcher, Institute of Socio-Economic Studies of Population of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences; Associate Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation.

Contact Information: e-mail: natalie_danilina@mail.ru; ORCID: 0000–0002–5028–078X; Elibrary AuthorID: 754213.

Markov Dmitry Igorevich, Research Manager, Russian Public Opinion Research Center (VCIOM); Assistant, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: dimarkov@fa.ru ORCID:0000–0001–9380–0506; Elibrary AuthorID: 1076893.

Статья поступила в редакцию 03.05.2023, утверждена 15.08.2023, опубликована 30.09.2023.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ ИСЭПН ФНИСЦ РАН



DOI: 10.19181/population.2023.26.3.15
EDN: PAMBVS

VI МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ – РИМАШЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ «СБЕРЕЖЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ: ЗДОРОВЬЕ, ЗАНЯТОСТЬ, УРОВЕНЬ И КАЧЕСТВО ЖИЗНИ»

В марте 2023 г. состоялись VI Римашевские чтения «Сбережение населения России: здоровье, занятость, уровень и качество жизни», организованные Институтом социально-экономических проблем народонаселения имени Н.М. Римашевской ФНИСЦ РАН (ИСЭПН ФНИСЦ РАН) совместно с Отделением общественных наук РАН. Для обсуждения на конференции были представлены пять тематических блоков: 1) демографические показатели современной России: рождаемость, смертность, расселение и миграция населения — основные тенденции и их детерминанты; 2) человеческий потенциал России: образование, физическое, психическое и социальное здоровье населения и определяющие их факторы; 3) уровень жизни населения: что происходит с занятостью, какими являются и какими должны быть зарплаты, пенсии, социальные трансферты; 4) качество жизни населения: экологическая и продовольственная безопасность, жилищная обеспеченность, доступность социальных услуг, возможности профессиональной самореализации, гендерные проблемы; 5) народонаселение и пандемия COVID-19: проблемы и направления решений. Модераторами выступили сотрудники ИСЭПН ФНИСЦ РАН: В.Г. Доброхлеб, д.э.н., проф., зав. лаборатории гендерных проблем; З.А. Хоткина, к.э.н., доцент, в.н.с.; О.А. Ефанова, к.фил.н., доцент, в.н.с.; И.О. Милованова, к.соц.н., с.н.с.

С приветственным словом к участникам обратился директор ИСЭПН ФНИСЦ РАН, член-корреспондент РАН В.В. Локосов. Он отметил, что название конференции отражает актуальные стратегические и долгосроч-

ные проблемы развития российского общества, но каждый год акцент делается на наиболее актуальных ракурсах их рассмотрения. Директор ИСЭПН ФНИСЦ РАН выразил уверенность, что «проведение этих и последующих Римашевских чтений будет успешным, плодотворным и продолжит разработку научного обоснования и практического сопровождения главной цели современного общественного развития: сбережения народа России и его человеческого потенциала, а также помогут прояснить требующую научно обоснованного решения проблему социально-экономической уязвимости России, связанную с процессами депопуляции, снижением заселенности территории страны».

Конференция открылась докладом проф. В.Г. Доброхлеб. В своей работе «Демографический потенциал населения России» она подняла вопрос об обновленном демографическом прогнозе и необходимости проведения более активной социальной политики, направленной на улучшение показателей демографического потенциала России. Автор отметила, что обновленный прогноз Росстата представляет рост (в среднем сценарии) ожидаемой продолжительности жизни в 2024 г. до 75,5 лет, а в 2030 г. — до 77,5 лет, а это не предполагает прописанных Указом Президента достижение 78 лет в 2024 г. и 80 лет — в 2030 году. Доля же населения в возрасте 65+ в России на начало 2021 г. составляет 15,8%, а по международным стандартам население считается демографически старым, когда этот показатель достигает 7%. Демографическое старение усугубляется в России значительным гендерным дисбалансом, который неравномерно

затрагивает российские регионы. Средний возраст мужчин в нашей стране составляет 37,7 лет, а женщин — 42,9 лет.

В докладе д.э.н., зам. директора по научной работе ИСЭПН ФНИСЦ РАН, проф. Департамента социологии Финансового университета при Правительстве РФ, научного сотрудника НИИ организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения Москвы (НИИ-ОЗММ ДЗМ) О.А. Александровой «Проблемы реализации молодёжью самосохранительных установок» исследуются самосохранительные установки как ключевой элемент воспроизводства населения на примере столичной молодёжи. Проживающая в столице молодёжь в своём большинстве осознаёт ценность здоровья, считает заботу о нём нормой и обязанностью каждого человека, а в качестве ключевого фактора, определяющего здоровье и долголетие, видит образ жизни, хотя ситуация с ведением ими здорового образа жизни противоречива. Отдельно О.А. Александрова выделяет медицинскую активность молодёжи. Так, столичная молодёжь, соглашаясь с необходимостью диспансеризации и признавая наличие факторов риска для здоровья в виде наследственных заболеваний, одновременно старается не следовать этим умозрениям на практике, объясняя такое поведение различными причинами, в том числе недостаточной эффективностью современной медицины, а также отсутствием денег на проведение обследований.

Следующую актуальную тему подняла М.Н. Храмова, к.физ.-мат.н., зав. отделом демографической безопасности и моделирования демографических процессов ИДИ ФНИСЦ РАН в докладе «Межрегиональная миграция населения и возможности для устойчивого развития в регионах российского Дальнего Востока». Исследователь не только определяет основные проблемы демографического развития регионов Дальнего Востока и формирования человеческого капитала в этом стратегически важном регионе нашей страны, но и предлагает экспертные варианты их решения. Автор делает вывод, что несмотря на существующие экспертные

варианты решения проблем и материальные инструменты стимулирования переезда в регионы ДФО, кардинального изменения в структуру миграции это не принесёт.

В докладе «Процессы расселения и внутренней миграции в Республике Бурятия» д.соц.н., в.н.с. Бурятского научного центра Сибирского отделения РАН (Улан-Удэ) Ю.Г. Бюраева продолжила тему исследования миграции. Автор обращает внимание на тот факт, что миграционный отток коренного населения усиливается в двух направлениях: за пределы республики и из сельской местности в столицу и её пригороды. Сдерживанию этого потока могло бы помочь создание соответствующих экономических условий, нивелирование конкурентных преимуществ жизни в городских условиях в пользу сельских, улучшение социальной инфраструктуры.

Проблемы миграции были освящены также в выступлениях исследователей: 1) старшего инженера Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения РАН (Сыктывкар) Н.Ю. Журавлёва. Автор исследует нюансы миграционного поведения в выступлении по теме «Особенности миграции населения Республики Коми в 1990–2020 гг.»; 2) к.э.н., с.н.с. Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения РАН (Сыктывкар) А.В. Смирнова «Цифровые следы миграционных процессов в российской Арктике», в котором он доказывает, что «цифровые следы» могут быть полезны в изучении закономерностей миграционного движения населения, так как официальная статистика не предлагает детальных данных о перемещениях на муниципальном и поселенческом уровнях.

Своё видение факторов, влияющих на снижение смертности в России, представила в своей работе д.э.н., доцент, в.н.с. ИСЭПН ФНИСЦ РАН Ю.В. Дмитриева. На формирование потенциала снижения смертности оказывает влияние большое количество факторов, поэтому предлагается брать наиболее информативные из них: численность населения, структурные и поведенческие пока-

затели. А в качестве одного из возможных инструментов формирования потенциала снижения смертности предлагается рассматривать уменьшение предотвратимой и преждевременной смертности от хронических заболеваний в средних и старших возрастах, прежде всего мужского населения.

Полемику вызвал материал «Академический капитализм как средство уничтожения интеллектуального потенциала нации», предложенный д.э.н., проф. РАНХиГС при Президенте РФ А.А. Овсянниковым. Автор делает неутешительный вывод о том, что новый облик системы образования, находящейся в ситуации социально-экономического давления, встроенного в конструкцию академического капитализма, и вынужденного максимизировать прибыль и одновременно минимизировать издержки на производство образовательных услуг, теряет свои системные свойства. Также быстро уменьшается её культурно-воспитательная роль, как и конкурентоспособность знаний, умений и навыков, получаемых современными учениками и студентами в условиях «оптимизации системы образования». В большей мере, по мнению исследователя, деградирует система высшего образования: высшие учебные заведения страны расколоты, стареющие их кадры слабо восполняются притоком молодых учёных и преподавателей.

Вскрывающим сегодняшнюю негативную тенденцию увеличения неполных семей в России стало выступление д.соц.н., проф., проф. МГУ имени М.В. Ломоносова А.Б. Синельникова «Демографическая структура семей в России (по данным переписей)». В подтверждение своих выводов автор приводит статистические данные: неполных семей в 2002 г. было 30% среди семей с детьми до 18 лет, в 2021 г. их стало 39%. Среди семей с одним ребёнком почти половина (49%) неполные, а среди семей с двумя детьми их 30%.

Вклад в анализ данных последней переписи населения внесён к.э.н., ведущим аналитиком Института социальной политики НИУ «Высшая школа экономики», в.н.с. ИСЭПН ФНИСЦ РАН Л.М. Прокофьевой и к.э.н., ведущим аналитиком Института социальной политики НИУ «Высшая школа экономи-

ки», в.н.с. ИСЭПН ФНИСЦ РАН И.И. Корчагиной в докладе «Демографическая структура домохозяйств в России по данным переписей населения», где исследованы изменения демографической структуры домохозяйств и выявлены такие тенденции как сокращение их среднего размера, увеличение доли «одиночек» и уменьшение доли домохозяйств с детьми.

Обобщения в рамках Республики Коми, сделанные по переписи населения 2021 г., представлены в выступлении «Некоторые характеристики уровня рождаемости по итогам Всероссийской переписи населения — 2021» д.э.н., г.н.с. Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения РАН (Сыктывкар) В.В. Фаузера. Им рассмотрены основные показатели рождаемости. Анализ автора показал, что самая большая доля приходится на женщин, родивших два ребёнка — 41,3%. Также отмечается, что состояние в браке и занятость женщин влияют на уровень рождаемости, а между уровнем образования и средним числом рождённых детей нет линейной зависимости. Исследуя такой аспект, как возраст матери при рождении первого ребёнка, В.В. Фаузер сравнивает две последние переписи 2010 и 2021 гг. и отмечает, что календарь первых рождений не изменился.

Репродуктивной истории и рождаемости также посвящены работы к.соц.н., старшего преподавателя социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова В.М. Карповой «Репродуктивные истории многодетных семей (социологический анализ)» и к.э.н. из РАНХиГС при Президенте РФ А.О. Макаренцевой «Рождаемость в России: календарные и когортные тенденции».

Вопросы формирования человеческого потенциала поднимались в работах:

1. «Родительство в структуре семейного потенциала: гендерный аспект» к.фил.н., доцента, в.н.с. ИСЭПН ФНИСЦ РАН О.А. Ефановой. Показано, что гендерная асимметричность родительства негативно влияет на характеристики семейного потенциала. Исследователь выявляет факторы, препятствующие формированию равного родительства

и более активного участия мужчины в заботе о детях. Также автор отмечает, что гендерное сознание россиян противоречиво. В России сохраняются гендерные стереотипы и значительная часть опрошенных (85,3% респондентов по данным опроса, проведённого ИСЭПН ФНИСЦ РАН в сентябре 2021 г. в Воронежской, Ивановской и Рязанских областях), разделяет мнение, что мужчина должен обеспечивать семью и защищать её, а 63,4% считают основной задачей женщины заботу о детях и муже. В то же время результаты опроса фиксируют сдвиги в представлениях россиян о равноправном родителстве, так 82,2% респондентов отметили, что мужчина должен вносить такой же вклад в уход и воспитание детей, как и женщина.

2. «Репродуктивный потенциал молодёжи и отношение к браку» к.соц.н., с.н.с. ИСЭПН ФНИСЦ РАН Е.В. Ковалевской. Автор подтверждает, что постепенно традиционная модель семьи становится менее привлекательной для молодых людей, а возраст вступления в первый брак увеличивается. Все чаще молодые люди выбирают незарегистрированные супружеские союзы (сожительства). Автор делает вывод, что такой вариант супружества не выполняет в полной мере одну из главных функций семьи — репродуктивную. Так, доля бездетных среди таких семейных союзов почти в три раза больше, чем среди пар, состоящих в официальном браке.

«Высшее и непрерывное образование как показатели развития интеллектуального потенциала современного общества» стало темой выступления к.соц.н., с.н.с. ИСЭПН ФНИСЦ РАН И.О. Миловановой. Автор подтверждается вывод о том, что именно высшее образование в большей степени позволяет показать приоритет развития личности и важность ответственности человека за свою жизнь и судьбу своей страны.

Теме интеллектуального потенциала посвящено выступление «Самообразование как фактор развития интеллектуального потенциала» м.н.с. Институт социологии НАН Беларуси (Минск) Д.М. Гриб. Автор доказывает, что самообразование является важным фактором развития интеллектуального по-

тenciала, а также становится необходимой составляющей непрерывного образования личности, условием ее карьерного роста, однако не все люди осознают его значение. Так, по данным исследования, 25% респондентов пока не занимаются самообразованием, но планируют заняться в будущем, а 44% — не занимаются самообразованием и не планируют им заниматься.

Ключевые тенденции в современной системе высшего образования: развитие инфраструктуры непрерывного образования; рост равенства возможностей через цифровизацию образования и решение проблем с недофинансированием высшего образования, а также с помощью принятия ряда мер, останавливающих отток квалифицированных кадров, проанализированы в выступлении н.с. Центра экономической теории социального сектора Института экономики РАН М.А. Арзуманян на тему «Высшее образование в условиях социально-экономических трансформаций: перспективы развития человеческого потенциала».

Различным аспектам человеческого потенциала также были посвящены работы: «Переселенческие процессы в формировании и развитии человеческого потенциала современной России» к.э.н., в.н.с. ИСЭПН ФНИСЦ РАН Т.В. Шевцовой; «Самообразование как характеристика интеллектуального потенциала медицинских работников» к.соц.н., зав. отделом социологии социальной сферы Института социологии НАН Беларуси (Минск) В.Р. Шухатович.

В выступлении «Субъективная оценка счастья как фактор, влияющий на человеческий потенциал» лаборанта-исследователя ИСЭПН ФНИСЦ РАН М.В. Цимбал представлена альтернативная экономическому подходу оценка личного счастья и благополучия человека как одного из ключевых факторов, влияющих на человеческий потенциал. Например, негативная оценка жизненной ситуации влечёт к девиантному, деструктивному поведению, насилию, а такое состояние может привести к невозможности развития и реализации человеческого потенциала.

К теме качества жизни населения обратилась в своём выступлении «Вовлечен-

ность населения регионов России в интернет-пространство как фактор повышения качества жизни» к.э.н., с.н.с. ИСЭПН ФНИСЦ РАН О.А. Алексеева. «Качество жизни пожилых людей в отражении общественного мнения» проанализировала н.с. ИСЭПН ФНИСЦ РАН С.В. Ляликова. Также проблемам качества жизни населения (продовольственной безопасности, жилищной обеспеченности, доступности социальных услуг, возможности профессиональной самореализации) посвящены материалы: 1) д.э.н., г.н.с. ИСЭПН ФНИСЦ РАН И.Б. Назаровой и аспиранта Российского университета дружбы народов, ассистента Российского национального исследовательского медицинского университета имени Н.И. Пирогова Р.С. Нестерова «Клиенты ВИЧ-сервисной НКО: особенности поведения»; 2) с.н.с. ИСЭПН ФНИСЦ РАН А.К. Гузановой «Проблемы жилищной обеспеченности домохозяйств в современной России»; 3) д.п.н., проф., зав. кафедрой психологии управления Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород) Л.Н. Захаровой и магистранта этого университета М.В. Рутницкой «Готовность к делегированию и принятию полномочий как показатель социального здоровья персонала»; 4) старшего преподавателя кафедры социологии и социальной работы Петрозаводского Государственного Университета (Петрозаводск) Н.Л. Фадеевой и старшего преподавателя кафедры социологии и социальной работы Петрозаводского Государственного Университета (Петрозаводск) Д.И. Сачука «К вопросу о качестве жизни в депрессивном регионе» и других исследователей.

Ряд работ был посвящён гендерной проблематике. В докладе «Разработка и обоснование перечня предельно критических значений показателей гендерного неравенства» к.э.н., в.н.с. ИСЭПН ФНИСЦ РАН З.А. Хоткина предлагает использовать новый аналитический инструмент оценки ситуации, основанный на концепции предельно критических значений (ПКЗ) показателей, разработанной проф. В.В. Локосовым. Исходя из этой концепции, автор разделяет их на две

группы: первая — «пороговые» показатели, которые нельзя (нежелательно) превышать; вторая — условно «эталонные» показатели, к которым следует стремиться. Исследователь отмечает, что в разрабатываемом гендерном перечне ПКЗ практически нет «пороговых» показателей, а есть лишь условно «эталонные». Далее автор представляет перечень ПКЗ по двум направлениям: экономическая и политическая сфера, поскольку в сферах образования и здравоохранения гендерный паритет в России достигнут.

К.э.н., с.н.с. ЦЭМИ РАН Н.А. Винокурова в докладе «Традиционность взглядов и поведения в гендерной сфере в России» привела доказательства преемственности традиций во взглядах и поведении мужчин и женщин при выборе профессий в такой сфере занятости, как культура. Статистические данные подтверждают, что в России в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений работает более 66% женщин и заработки работников в сфере культуры ниже средних по РФ. Однако желание женщины работать в сфере культуры не снижается и девушки представляют себе работу в организациях культуры как «женскую», хорошо сочетающуюся с личной, семейной жизнью и стабильную.

Результаты пилотного исследования представлены в работе аспиранта факультета социальных наук Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород) И.А. Лангман «Отношение к переработкам персонала разного возраста и пола: пилотное исследование».

Несколько авторов подтвердили важность изучения и решения экологических проблем в нашей стране. Так, изучает факторы, воздействующие на массу образованных твёрдых коммунальных отходов (ТКО), д.э.н., г.н.с. ИСЭПН ФНИСЦ РАН Е.В. Рюмина в своей работе «Экологическое поведение населения: образование ТКО». Автор приводит расчёт образования ТКО, представляет данные в региональном разрезе и делает попытку выяснить, чем обусловлена межрегиональная дифференциация показателей образования ТКО на одного человека. Самая высокая

доля регионов, превышающих среднее по стране значение образования ТКО на одного человека, выявлена в ДФО—73% регионов, далее идут ЦФО (44%), ЮФО (37,5%), СЗФО (27%), ПФО (21%), УФО (17%), СФО (10%), во всех регионах СКФО этот показатель ниже среднего по стране. Докладчик, предполагая зависимость отходов от потребительских расходов, а тех, в свою очередь, от среднедушевого дохода, представляет результат расчёта коэффициента корреляции, который показал отсутствие постоянной пропорции между расходами и отходами по регионам, что может свидетельствовать об отличиях в структурах потребления.

К.э.н В.Н. Дронов (Рязанский государственный радиотехнический университет имени В.Ф. Уткина) и к.э.н., учёный секретарь ИСЭПН ФНИСЦ РАН О.Н. Махрова в материале «Устойчивое развитие в контексте внедрения EGS практик» обосновали, что принципы EGS должны быть осознаны и приняты корпорациями, сотрудниками и потребителями. Анализируя российские реалии, авторы приходят к выводу, что 80% компаний реального сектора экономики России до настоящего времени не начали применять ESG в практику в своей деятельности.

Последствиям пандемии COVID-19 посвящена работа «О миграционном поведении иностранных работников в период завершения пандемии коронавируса» к.э.н., зав. лабораторией миграционных исследований ИСЭПН ФНИСЦ РАН Е.С. Красинца. Анализ данных ведомственной отчётности и официальной статистической информации базы Росстата, а также данных трёх раундов социологических опросов трудовых мигрантов, проведённых в Калининградской области в июле-августе 2020–2022 гг. показал, что с началом пандемии произошло резкое уменьшение количества рабочих мест в отраслях и секторах экономики, где были задействованы трудовые мигранты, а на рынке труда сформировалась избыточная численность трудовых мигрантов. Со второй половины 2020 г. рост спроса на иностранную рабочую силу вызвал приток рабочих из-за рубежа, который в ближайшее время увели-

чится, так как за два последних года доля тех, кто планирует вернуться в Россию на работу выросла с 65% до 75%. Автор предлагает разработать ряд мер регулирования доступа иностранных граждан на российский рынок труда, которые отсеют избыточные потоки и позволят привлечь востребованные группы.

Ещё один аспект постковидной жизни раскрыт учёным из Санкт-Петербурга, к.соц.н., с.н.с. Социологического института РАН—филиала ФНИСЦ РАН К.А. Галкиным в материале «Особенности адаптации пожилых людей в постковидное время: городские и сельские различия». Полуструктурированные интервью, проведённые в двух регионах РФ: Санкт-Петербурге и сёлах Республики Карелия, среди людей в возрасте от 65 до 75 лет, на пенсии и нигде не работающих, позволило автору сделать вывод о том, что существуют различия между адаптацией к ковидному периоду и к постковидной реальности, обусловленные территорией проживания (город или село), возрастом, а также в целом восприятием ситуации пандемии и её последствий.

Подводя итоги, хотелось бы поблагодарить всех участников VI Римашевских чтений и её организаторов, выразить надежду, что и последующие конференции пройдут успешно и продуктивно, будут по-прежнему поднимать актуальные проблемы современного общества и представлять интерес для широкого круга исследователей, научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов, а также представителей органов государственной и муниципальной власти, изучающих демографические показатели, пытливо интересующихся проблемами человеческого потенциала и качества жизни различных слоёв населения.

Материал подготовили:

Доброхлеб В. Г., д.э.н., проф., главный научный сотрудник ИСЭПН ФНИСЦ РАН;

Милованова И. О., к.соц.н., старший научный сотрудник ИСЭПН ФНИСЦ РАН.



DOI: 10.19181/population.2023.26.3.16
EDN: EDN: OLDRTQ

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «МЕДИЦИНСКИЕ КАДРЫ: ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ»

Здоровье населения — одна из ключевых составляющих человеческого потенциала страны. Содействовать его сохранению призвана система здравоохранения, неотъемлемой частью которой являются медицинские кадры. От их знаний, опыта, владения современными медицинскими технологиями и, не в последнюю очередь, умения слышать пациента зависит эффективность медицинской помощи. Не случайно, наряду с задачей количественного обеспечения здравоохранения медицинскими кадрами, в фокусе общественного внимания всегда находится и вопрос их профессионализма. Сегодня стремительное развивается не только медицинская наука — серьёзно перестраивается и организация работы медицинских учреждений. Это требует как рефлексии нового опыта, так и прогноза изменений.

Указанным вопросам была посвящена состоявшаяся 23 мая 2023 г. в рамках Московской недели общественного здоровья научно-практическая конференция «Медицинские кадры: взгляд в будущее», организованная совместно ИСЭПН ФНИСЦ РАН и НИИ организации здравоохранения и медицинского менеджмента (НИИОЗММ) Департамента здравоохранения Москвы (ДЗМ). В мероприятии приняли участие руководители кадровых служб столичного здравоохранения, представители медицинских и научно-исследовательских организаций, со-модераторами конференции выступили д.э.н., зам. директора по научной работе ИСЭПН ФНИСЦ РАН О. А. Александрова и д.э.н., доцент, ведущий научный сотрудник ИСЭПН ФНИСЦ РАН Е. И. Медведева.

Приветствуя собравшихся, О. А. Александрова обратила внимание на неслучайный характер продолжающегося уже не

один год плотного взаимодействия двух научных учреждений, одно из которых занимается демографической проблематикой, а другое — вопросами организации и управления системой здравоохранения. Одним из научных направлений, лежащих в сфере интересов обоих коллективов, является изучение кадрового потенциала российского здравоохранения, качества занятости медицинских работников, их мотивации, верности профессии, удовлетворённости трудом.

Темой первого доклада, представленного руководителем «Дирекции по координации деятельности медицинских организаций ДЗМ» и учредителем благотворительного фонда помощи медицинским работникам «Благодарность» А. С. Безмянным, стала «Профилактика и борьба с профессиональным выгоранием медицинских работников и управленческих кадров медицинских организаций». Усилия руководителей медицинских организаций направлены на укомплектование кадрами, их обучение и сохранение, формирование сплочённых команд, борьбу с профессиональным выгоранием. Последнее связано с переутомлением от растущего функционала и неудовлетворённостью резко возросшей в объёме работой. Ранее такое состояние кодировалось в международной классификации болезней ВОЗ как «Реакция на тяжёлый стресс и нарушение адаптации», теперь — как «Профессиональное выгорание». В некоторых странах, особенно в Северной Европе, где это считается заболеванием, большим оформляют листы нетрудоспособности. Исследование, проведённое в 2022 г. фондом «Благодарность», показало: из опрошенных 23 тыс. медицинских работников 16,5% находятся в серьёзном стрессе и думают об уходе из профессии,

и ещё 50% считают свою работу достаточно стрессовой; около половины иногда ощущали у себя признаки профессионального выгорания, 36% — часто и ещё 12% — очень часто; 17% опрошенных признались, что испытывают сильное выгорание. По мнению 10% медработников, ключевую роль в выгорании играет рутинная работа, ещё 37% считают её одной из причин, этим подтверждается гипотеза о том, что выгоранию подвержены не только врачи скорой помощи и медики, часто сталкивающиеся с летальными исходами, но и врачи общей практики и профилактической медицины — так, опыт работы столичных павильонов здоровья говорит о том, что стресс может вызывать и отсутствие информации о судьбе пациентов, у которых в ходе профилактического осмотра выявлено серьёзное заболевание. Последствиями выгорания становятся низкая продуктивность, ошибки и отток медицинских кадров. Причины выгорания можно разделить на связанные с: недостатком уважения со стороны пациентов или администрации; осуждением врачебных ошибок и риском судебного преследования; отсутствием видимых карьерных перспектив для молодых сотрудников; административной нагрузкой, нечётким распределением обязанностей и др. Профилактике риска выгорания призваны служить мероприятия, позволяющие переключиться, снять стресс: участие в социальных проектах, волонтерство, помощь в других больницах, посадка деревьев и так далее. Другое направление — снижение рабочей нагрузки: освобождение врачей от немедицинских функций, внедрение системы поддержки принятия врачебных решений, организация комнаты психологической разгрузки. Особое направление связано с обучением руководителей бережному отношению к своим сотрудникам. Чаще всего медики уходят из профессии в первые 5 лет. Серьёзность проблемы требует разработки методологии профилактики выгорания, её внедрения в образовательные программы медицинских училищ и вузов, а также постоянного мониторинга состояния медработников с по-

мощью тестирований и опросов и организации в медицинских организациях комнат и территорий отдыха.

Опытом работы по аккредитации и профессиональному развитию поделилась зам. директора «Московского центра аккредитации и профессионального развития в сфере здравоохранения» А.В. Камашева. Существенные изменения в последние 30 лет роли врача, ускоренное развитие медицинской науки и технологий, цифровизация, изменение портрета пациента и его требований к врачу напрямую влияют на требования к уровню квалификации медработников. Согласно исследованию столичного Кадрового центра, в 2023 г. подавляющее большинство из 45 тыс. опрошенных медиков признались, что им не хватает профессиональных компетенций и ещё около трети — «надпрофессиональных» навыков: около 55% респондентов нуждаются в развитии компетенций в рамках своей специализации, ещё 7% — по другой специальности, и порядка 20–30% ощущают нехватку так называемого *soft skills*. Однако современные вызовы диктуют необходимость комплексного подхода, предполагающего развитие профессиональных, коммуникативных, лидерских, командных, а также цифровых компетенций, без которых сейчас невозможно представить кабинет любого врача. При этом особый акцент должен быть сделан на развитии «человекоцентричности» — способности понимать потребности пациентов и их родственников, а также медработников. Другим важным навыком является способность к мультидисциплинарному подходу, позволяющему достигать синергетического эффекта от работы бригады врачей разных специальностей. Новые принципы и форматы обучения задают процессы цифровизации, позволяющие применять дистанционное обучение, расширяющие доступ к электронным библиотекам, видеоматериалам, ресурсам для тестирования. Технологии искусственного интеллекта, симуляторы, виртуальная реальность позволяют врачам получить опыт и отработать навыки оказания медицинской по-

мощи в сложных ситуациях. Актуальными являются курсы повышения квалификации по работе с системой ЕМИАС, различным телемедицинским направлениям, в частности, по овладению системой поддержки врачебных решений. Здесь ключевым является обучение медиков навыкам грамотного и эффективного онлайн-взаимодействия с пациентами и их семьями, умению в дистанционном формате выявлять их потребности и доносить необходимую информацию.

Доклад, посвящённый роли наставничества в развитии медицинских кадров, представила к.э.н., с.н.с. ИСЭПН ФНИСЦ РАН Ю.В. Бурдастова. По данным ВОЗ, ключевыми вызовами в сфере здравоохранения являются недостаточные инвестиции в образование, подготовку, поддержку медработников; дефицит медперсонала; интенсивная миграция квалифицированных кадров; уход из профессии; низкое качество медицинской помощи. При этом глобальные тренды состоят в изменении эпидемиологических профилей и структуры населения: помимо инфекционных заболеваний, нагрузка на системы здравоохранения растёт за счёт неинфекционных и хронических состояний. И медработники должны быть способны эффективно реагировать на изменяющиеся условия. Кадровые задачи любой медицинской организации, в первую очередь, связаны со снижением текучести кадров, укреплением их лояльности, формированием стабильного и сплочённого коллектива. Одновременно особый акцент ставится на минимизации количества ошибок, нежелательных побочных явлений, жалоб пациентов, увеличении уровня их удовлетворённости. Отсюда — объективная необходимость в методах, позволяющих решать эти задачи. Одним из них является наставничество, призванное купировать риски путём передачи опыта более квалифицированными специалистами; кроме того, наставник может формировать навыки управления, участвовать в создании профессиональной команды. Наставляемый работник получает поддержку на этапе интеграции

в медицинскую организацию либо в дальнейшей деятельности. В большей степени в наставнике нуждаются новые сотрудники, а также те, кому требуется социально-психологическая поддержка. Эффективная работа системы наставничества позволяет стабилизировать численность кадров и создать корпус из высокопрофессиональных лояльных сотрудников. Для этого наставничество должно иметь комплексный, системный характер. В отделе кадров должен быть куратор, располагающий базой данных с наставниками по различным направлениям — сопровождение на рабочем месте и решение практических вопросов, повышение квалификации, купирование профессионального выгорания, усиление мотивации и др. После определения характера проблемы у наставляемого ему должен быть назначен соответствующий наставник. В рамках пациентоцентричной системы особую роль должны играть наставники, формирующие соответствующие навыки работы с пациентами; это может быть реализовано посредством различных тренингов и лекций, отработкой непосредственных коммуникаций с пациентами и их родственниками. Таким образом, для работников наставничество — это новые знания и умения, позитивные эмоции, общение с единомышленниками, обретение поддержки, выход за пределы рутины, усиление мотивации и возможности карьерного роста; для организации — сохранение кадров, формирование высокопрофессионального коллектива для эффективной работы.

В современных условиях необходимо иначе воспринимать задачи, которые выполняет медицинская сестра. Данному вопросу был посвящён доклад «Помощники врача» начальника управления сопровождения диспансерного наблюдения «Центра медицинской профилактики ДЗМ» А.В. Новикова. С 2022 г. в Москве реализуется программа проактивного диспансерного динамического наблюдения, которое осуществляет мультидисциплинарная команда, включающая в себя врача, его помощника и пациента. Цель этой совмест-

ной деятельности — контроль над заболеванием, динамикой его прогрессирования, снижение числа обращений в поликлинику и вызовов скорой медицинской помощи. Каждый участник имеет свою зону ответственности. Сегодня одну и ту же информацию получает помощник врача, врач и сам пациент, что позволяет при положительной динамике не посещать поликлинику, а при обнаружении проблем в результатах исследований, на которые пациент был направлен курирующим его помощником врача, вызвать пациента на внеплановый приём. Такой подход помогает лечащему врачу своевременно назначить или скорректировать лечение, дать рекомендации по образу жизни, питанию и так далее. Помощники врачей — это прошедшие специальный курс обучения специалисты со средним медицинским образованием, которые могут дистанционно сопровождать пациента на всех этапах диспансерного наблюдения. В их 8 трудовых функций входят: объяснение важности регулярного наблюдения у врача, прохождения полного комплекса исследований; вовлечение пациента в заботу о своём здоровье; мотивирование пациентов, не посещающих поликлинику и не проходивших обследования; информирование о перечне исследований и сроках их прохождения; помощь с записью на исследования и приём; инструктирование о правилах подготовки к исследованиям, поддержка пациентов; разъяснение результатов анализов и объяснение правил приёма лекарств; обучение пациентов правильному ведению дневника здоровья. Помощники ведут электронную медицинскую карту, объединяющую пациента, врача и его помощника в едином информационном поле. Ежемесячно каждому помощнику в работу поступает от 400 до 450 пациентов. Ежедневно каждый помощник связывается примерно со 100 пациентами. Работа помощников состоит из 3-х циклов взаимодействия с пациентами. Первичным пациентам нужно позвонить, рассказать о программе, вовлечь в заботу о своём здоровье, помочь с записью и подготовкой к исследованию. Второй группе

пациентов необходимо позвонить и записать их на ряд дополнительных исследований — на контрольный диспансерный приём. Третьей группе нужно напомнить о предстоящем исследовании или приёме, при необходимости помочь с их переносом или отменой. Четвертая группа — это те, кому не смогли дозвониться, или те, кто перенёс свою программу. За год реализации программы достигнуты впечатляющие результаты: к программе подключена 51 столичная медицинская организация и свыше 4 тыс. врачей — терапевтов, врачей общей практики, кардиологов, неврологов; 400 помощников врачей обучены и трудоустроены. На проактивном наблюдении по 9 нозологиям находится свыше 1 млн. пациентов. Свыше 800 тыс. пациентов уже прошли полный комплекс обследования и пришли на контрольный диспансерный приём, и свыше 270 тыс. пациентов проходят повторный цикл.

Основные тренды кадровых трансформаций обозначил в своём докладе зам. начальника Организационно-аналитического управления ДЗМ А. И. Ушенин. Социально-демографические и технологические факторы стремительно и серьёзно влияют на рынок труда. Уже сегодня в Атласе новых профессий, подготовленном Агентством стратегических инициатив, центром «Сколково», федеральными ведомствами, включая Министерство высшего образования и науки, видны изменения в медицинских профессиях. Сегодня в московском здравоохранении занято 200 тыс. сотрудников, и наиболее вероятный сценарий развития на ближайшую перспективу не предполагает резкого роста потребностей в медицинском и немедицинском персонале. В большей степени вырастет запрос на изменение качественного состава, уровень требований к компетенциям. Рост продолжительности жизни и, как следствие, рост числа пациентов с хроническими заболеваниями меняет спектр необходимых медицинских услуг и потребности в медицинском и немедицинском персонале. Одновременно происходит технологиче-

ский скачок: идёт автоматизация рутинных операций, внедряются искусственный интеллект и телемедицинские технологии, что приводит к снижению нагрузки как на медицинских, так и на немедицинских работников. Внедряются новые форматы трудовых отношений: в медицинские организации активно привлекаются внешние совместители и фрилансеры; производится аутсорсинг отдельных услуг; централизуются бэк-офисные работы (бухгалтерские услуги и подобное). По оценке компании Oliver Wyman, у более чем 50% сотрудников сферы здравоохранения по всему миру к 2030 г. роли и функции изменятся таким образом, что будет недостаточно провести точечную профессиональную переподготовку специалиста или руководителя — потребуется создание новых программ непрерывного образования и принципиально новый подход к подготовке кадров на уровне среднего и высшего медицинского образования. В условиях, когда пациенты требуют нового ценностного подхода, важно посмотреть на процесс трансформации культуры здравоохранения с точки зрения модели спиральной динамики, в соответствии с которой культурно-ценностные изменения поступательно проходят ряд витков. «Красная культура» в большей степени ориентируется на результат и на высокий уровень индивидуализма; для неё характерен затруднённый обмен опытом, кросс-функциональная коммуникация усложнена; стиль лидерства тяготеет к административно-командному формату. Элементы «синей культуры» — это некий свод правил и стандартов; внутри организации всё нацелено на стабильный качественный результат, в помощь сотрудникам идут новые технологии, позволяющие систематизировать и автоматизировать труд. На переход и фиксацию на этом уровне культуры потребуется порядка 6 лет. Далее идёт «оранжевая культура» — культура взаимодействия, эффективности и непрерывных улучшений, человекоцентричных систем. Переход от одной культуры к другой длится несколько лет, за которые происходят системные преобразования. Культура ме-

няется медленнее всего, потому что больше всего меняется сознание людей. Технологии же трансформируются достаточно быстро. Для адаптации к новым реалиям и ролям важно непрерывно развивать и обучать сотрудников, и в центре модели должен быть человек, причём не только пациент, но и специалист, работающий с пациентом.

Зарубежный опыт организации работы междисциплинарных команд в первичном звене представила аналитик НИИОЗМ ДЗМ А.С. Тимофеева. Под влиянием экзогенных и эндогенных факторов появляются новые форматы работы и координации, в том числе, формирование междисциплинарных команд, включающих бригады как узкопрофильных, так и многопрофильных специалистов. Появление подобных инновационных практик в первичном звене стимулировала пандемия COVID-19, однако эти изменения пока что имеют локальный характер. Хотя вызовы в виде повышенных требований со стороны пациентов, ограничения финансирования и дефицита кадров требуют внедрения новых организационных технологий. В междисциплинарной команде представители разных специальностей вместе планируют, координируют и оказывают медицинскую помощь. Примером такой команды служит травматологическая бригада, работающая на месте ДТП. Первой страной, применившей такой формат работы, были США. Там же в качестве стандартной утверждена направленная на координацию и улучшение медицинской помощи модель «Медицинского дома». Первый ее принцип — «комплексный уход», включающий профилактику, оздоровление, неотложную помощь и лечение хронических заболеваний, для чего формируется междисциплинарная команда, в которую могут входить врачи, медицинские сестры — обычные и расширенной практики, помощники врачей, фармацевты, диетологи, социальные работники, педагоги и координаторы по уходу. Второй принцип — «ориентированность на пациента», требующая от команды медиков понимания и уважения уникальных по-

требностей, культуры, ценностей и предпочтений каждого пациента. Сам пациент и члены его семьи — равноправные участники команды, полностью информированные о планах лечения и ухода; медики обучают пациента уходу за собой на том уровне, который он сам выбирает. Третий принцип — «скоординированный уход», означающий помощь пациенту в получении услуг в других учреждениях системы здравоохранения и за её пределами. Четвёртый принцип — «доступные услуги», предусматривающий медицинскую помощь в более короткие сроки при неотложных состояниях, а также увеличение времени индивидуального приёма. Пятый принцип — «качество и безопасность», заключающийся в опоре на принципы доказательной медицины, инструменты поддержки принятия клинических решений, участия в мероприятиях по оценке эффективности работы и удовлетворённости пациентов. Примеры организации медицинской помощи в первичном звене на основе междисциплинарного подхода имеются и в других странах. В Великобритании в рамках сети первичной медико-санитарной помощи врачи общей практики и их помощники сотрудничают с другими медицинскими специалистами, аптеками, психиатрическими, социальными и другими службами. Цель — предотвращение первичных и повторных госпитализаций. Во Франции, где первичную медико-санитарную помощь оказывает сеть из 23 тыс. врачей общей практики (1 врач на 1600 жителей), были созданы многопрофильные медицинские центры, интегрированные в местную экосистему социальных и медицинских партнёрств. От простых групповых практик командная работа таких партнёрств отличается наличием общего плана и координацией ухода: административная команда отслеживает достаточность времени нахождения пациента с врачом, проведение всех клинических процедур, отвечает за обеспечение персонала расходными материалами и средствами индивидуальной защиты, управляет потоком пациентов, проводит телемедицинские консультации. В Ис-

пани междисциплинарные команды на первичном уровне состоят из семейных врачей, педиатров, стоматологов, медсестёр, помощников медсестёр, социальных работников, администраторов и тесно сотрудничают с акушерами-гинекологами, другими узкими специалистами, фармацевтами, рентгенологами, лабораториями. Медсёстры играют ключевую роль в профилактике заболеваний, укреплении здоровья и санитарном просвещении, а также первые оказывают неотложную помощь. В Австралии растёт число крупных медицинских центров, предоставляющих интегрированную помощь в первичном звене. Среди успешных проектов — HealthOne, виртуальная организация, обслуживающая район с неблагополучным, разнообразным в культурном отношении населением. Пациентов в неё направляют врачи общей практики, поставщики услуг местного медицинского округа, государственные и неправительственные организации. Медицинские сёстры общей практики организуют междисциплинарные конференции, координируют уход силами различных поставщиков услуг, сами участвуют в уходе и обеспечивают информацией о пациенте врача общей практики или куратора данной команды. В Японии в последние 10 лет были сделаны шаги по продвижению командной медицины и многопрофильного сотрудничества, но пока лишь в рамках стационаров, где помимо врачей и медицинских сестёр, пациентам помогают социальные работники, диетологи и физиотерапевты. Ожидается, что возрастающая сложность медицинской помощи в стареющем обществе приведёт Японию к модели совместного ухода за пациентами и на первичном уровне. В Китае в целях достижения всеобщего охвата услугами здравоохранения к 2030 году и снижения роста расходов на здравоохранение также происходит реформирование первичной медико-санитарной помощи. В состав мультидисциплинарных команд, лечащих пациентов в центрах общественного здоровья или на дому, вошли специалисты, ставящие диагноз и определяющие план лече-

ния, врач общей практики, реализующий этот план и ежедневный мониторинг, и менеджер, отвечающий за санитарное просвещение и мероприятия по ведению пациента. В Казахстане начальный этап деятельности междисциплинарных команд был сосредоточен на четырёх приоритетных неинфекционных заболеваниях — артериальной гипертензии, сахарном диабете, хронической сердечной недостаточности и хронической обструктивной болезни лёгких. Были разработаны специальные программы ведения таких пациентов. Дополнение команд социальными работниками и психологами позволило эффективнее решать психосоциальные аспекты проблем со здоровьем, которые часто являются ключевыми факторами перерасхода ресурсов. Таким образом, на смену неспособной отвечать вызовам времени — старению населения, росту коморбидной патологии и подобному классической западной модели первичной помощи приходит новая модель, в которой все больше непрофильных функций передаются медсёстрам, фармацевтам, психологам, диетологам, социальным работникам.

Доклад начальника отдела оценки и анализа данных медицинской статистики НИИОЗММ ДЗМ В. М. Ивановой был посвящён влиянию COVID-19 на численность и состав врачебных кадров. В период пандемии в России, как и в других странах, отток и нехватка специалистов привели к огромной перегрузке персонала, что негативно повлияло на его психоэмоциональное состояние. Несмотря на рост спроса на врачей общей практики, их число снижается. В Москве, в том числе, за счёт изменения маршрутизации и алгоритма оказания первичной медицинской помощи, их численность за последние 5 лет снизилась более чем на 9%. В 2022 г. в Москве на 10 тыс. человек приходилось 38,3 врача; если не учитывать годы пандемии, то обеспеченность в столице врачами постоянно растёт (по данным ВОЗ, в Великобритании на 10 тыс. населения приходится 31,7 врачей, во Франции — 33,2, в Китае — 23,9, в Японии — 26,1). В Москве средний возраст

врачей всех специальностей за последние 5 лет снизился и составляет 44,2 года, а самой многочисленной группой являются молодые специалисты в возрасте до 35 лет — с начала пандемии их стало больше на 11,8%. Вторая по численности группа — врачи в возрасте 36–45 лет (порядка 33,6%), на третьем месте — врачи в возрасте старше 60 лет (более 14%). В Москве женщины составляют более двух третей всех медицинских кадров, однако удельный вес медиков-мужчин растёт и составил в 2022 г. 30%.

Подводя итоги конференции, со-модератор Е. И. Медведева отметила, что доступность медицинской помощи для россиян остаётся важнейшим социальным показателем, который напрямую зависит от возможностей системы здравоохранения. Одним из ключевых условий для этого является обеспечение медицинских организаций квалифицированными кадрами. Необходимо изучать существующие тренды и новые запросы для формулирования верных выводов и принятия грамотных управленческих решений. Кадры в медицине решают всё, и от того, насколько адекватными будут форматы взаимодействия, обучения, переобучения, привлечения новых медицинских кадров, зависит эффективность работы системы здравоохранения.

Материал подготовили:

Александрова О. А.,

д.э.н., зам. директора по научной работе
ИСЭПН ФНИСЦ РАН, научный сотрудник
НИИОЗММ ДЗМ, профессор Финансового
университета при Правительстве РФ;

Медведева Е. И.,

д.э.н., доцент, ведущий научный сотрудник
ИСЭПН ФНИСЦ РАН, научный сотрудник
НИИОЗММ ДЗМ;

Махрова О. Н.,

к.э.н., учёный секретарь ИСЭПН ФНИСЦ РАН,
научный сотрудник НИИОЗММ ДЗМ.



DOI: 10.19181/population.2023.26.3.17
EDN: EPVLDP

У МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «СОЦИАЛЬНАЯ ДИНАМИКА НАСЕЛЕНИЯ И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ»

У Международная научно-практическая конференция «Социальная динамика населения и человеческий потенциал» прошла 22–23 июня 2023 года. Конференция была организована Институтом социально-экономических проблем народонаселения имени Н.М.Римашевской Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИСЭПН ФНИСЦ РАН) при поддержке Отделения общественных наук РАН и кафедры социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Пленарное заседание открыл директор ИСЭПН ФНИСЦ РАН, член-корр. РАН В.В. Локосов, который в своём докладе раскрыл теоретико-методологические основы оценки человеческого потенциала, а также обратился к исторической ретроспективе понимания и определения человеческого потенциала. Отмечено, что в современных реалиях необходимо учитывать, что «человеческий потенциал является одним из ключевых понятий, интегральных для исследования и диагностики общественных процессов. Дефиниция нуждается в расширительном толковании и не может сводиться к сугубо экономическим понятиям, таким как «человеческий капитал», «человеческие ресурсы», «трудовой потенциал» или «человеческий потенциал экономики». В.В. Локосов указал на то, что «человеческий потенциал состоит из трех базовых подсистем: биосоциальной (демографической), социально-экономической (трудовой) и социокультурной (духовно-нравственной)». Таким образом «человеческий потенциал допустимо трактовать как совокупность имеющих биосоциальных, социально-экономических и социокультурных свойств населения, которые возможно реализовать при наличии мотивационной готовности и определенных соци-

ально-исторических и природно-географических условий».

С пленарными докладами выступили: Леонов О.Ю. — заместитель председателя Комитета Государственной Думы по развитию гражданского общества, вопросам общественных и религиозных объединений; Черныш М.Ф. — директор ФНИСЦ РАН, член-корр. РАН; Бахтизин А.Р. — директор ЦЭМИ РАН, член-корр. РАН; Антонов А.И. — заведующий кафедрой социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Леонов О.Ю. отметил важность жилищных мер при разработке эффективных стратегий поддержки семей с детьми, в частности подчеркнул значимость отдельного (малозэтажного) жилья. Именно данный аспект должен стать ключевым в социальной и семейно-демографической политике, направленной на поддержку семей с несколькими детьми и повышение уровня рождаемости.

Черныш М.Ф. подчеркнул необходимость поиска и использования новой терминологии, соответствующей отношению к человеку, семье и детям. Сегодня превалирует экономический дискурс и терминология, соответствующая современному капитализму, который привёл общество к потребительству и индивидуализму. Нужна другая терминология, которая описывает человека как наивысшую ценность в контексте значимости таких ориентиров как «достоинство» и «справедливость». Учёные высказываются о том, что обоснование приоритета нуклеарной семьи было ошибкой. Расширенная семья выполняет ряд функций, которые полностью не может взять на себя ни один из существующих социальных институтов, например, воспитательную функцию, обеспечивающую межпоколенную преемственность, вовлекая прародителей во внутрисе-

мейные процессы. Расширенная, многолетняя семья также исключала проблему одиночества. Поэтому необходима переориентация современной экономики и социальной политики на семью как целостность, а не на индивида как частное.

Бахтизин А.Р. рассмотрел аспекты долгосрочного демографического прогнозирования, продемонстрировав различия в оценке численности населения до 2100 года и точность прогнозных данных на примере трех моделей: ООН, IASA и IHME. В своём докладе автор выделил факторы, которые оказывают на рождаемость позитивное (финансовая поддержка, гибкий график работы одного из родителей, расширенный отпуск по уходу за ребёнком и другие) и негативное (отсутствие стабильной работы, неблагоприятная экономическая ситуация, рост безработицы и другие) влияние. Репродуктивные ожидания женщин предсказывают рецессии. Опыт разных стран демонстрирует, что экономическое стимулирование (в частности, материнский капитал) не приводит к стабильному увеличению рождаемости, на которую оказывает влияние комплекс факторов (социальное давление, система ценностей, финансовая поддержка, территория проживания, образование и др.). В то же время одной из эффективных мер поддержки семей с детьми может стать качественное жилье и дезурбанизация.

Антонов А.И. обратил внимание на то, что капитализм является антисемейным строем. Изменился социум, сегодня мы живём в обществе «ценностного вакуума», т.е. то, что раньше было добродетелью, может стать пороком и наоборот. В современном мире популярна концепция перенаселённости. В науке обсуждаются темы индивидуализма, престижа и самореализации. Но для нашей страны, обладающей обширными территориями и весомым ресурсным потенциалом, необходимо расширенное воспроизводство населения, а не просто замедление темпов депопуляции посредством привлечения миграционных потоков.

Обсуждение социальных проблем, связанных с развитием человеческого потенциала, было продолжено в рамках пяти сек-

ций: 1) «Репродуктивное поведение и семейно-детный образ жизни», 2) «Здоровье населения и его обеспечение», 3) «Формирование и воспроизводство демографического потенциала», 4) «Экономическое поведение населения: старые и новые тренды», 5) «Жилищная политика в России: обеспечение человеческого потенциала» и круглого стола «Межпоколенная преемственность ценностей семейно-детного образа жизни».

Секция «Репродуктивное поведение и семейно-детный образ жизни» (руководитель — А.И. Антонов, соруководитель — С.В. Ляликова) была посвящена отдельным аспектам трансформации института семьи и привлекательности семейно-детного образа жизни. Основные докладчики сделали акцент на неэффективности исключительно экономических мер стимулирования рождаемости, обратив внимание на значимость социальных и психологических факторов поддержания привлекательности образа семьи с несколькими детьми в глазах обществности. Ионцев В.А. (МГУ имени М.В. Ломоносова) в докладе «Демографическое развитие России в условиях господства глобально-либеральной модели демографического перехода» подчеркнул, что положительный выход из демографической катастрофы возможен при условии перехода страны на Евразийский путь демографического развития. Жаворонков А.В. (Институт социологии ФНИСЦ РАН) обратил внимание на то, что потенциально потребность в детях системна, но порядок античеловеческих явлений блокирует её реализацию. Багирова А.П. (Уральский федеральный университет) и Вавилова А.С. (Новосибирский государственный университет экономики и управления) рассмотрели тему солидарности в российском обществе и эффективность поддержки семей со стороны бизнеса, которая без дополнительных федеральных и региональных программ, безусловно, является недостаточной, но очень важной для сотрудников организаций. Новоселова Е.Н. (МГУ имени М.В. Ломоносова) отметила, что семья является важнейшим институтом, который может справиться с проблемой одиночества и помочь человеку избежать различных видов депривации.

Взаимоотношения с ближайшим окружением являются залогом благополучия и счастья. В докладах Безруковой О.Н. (Санкт-Петербургский государственный университет), Гурко Т.А. (Институт социологии ФНИСЦ РАН), Кульковой И.А. (Институт экономики Уральского отделения РАН) были рассмотрены специфические проблемы семьи. В частности, Безрукова О.Н. рассмотрела проблему постразводного отцовства в молодых семьях, обратив внимание на необходимость развития правовых, экономических, информационных, социокультурных, психологических мер поддержки молодых семей и отцов, находящихся в ситуации развода.

На секции «Здоровье населения и его обеспечение» (руководитель — И.Б. Назарова, со-руководители — М.Ю. Сурмач и Р.С. Нестеров) были рассмотрены проблемы сохранения потенциала здоровья населения. Валиахметов Р.М. (Уфимский университет науки и технологий) напомнил, что объективным критерием благополучия и качества жизни в стране является здоровье его граждан. Вместе с тем на здоровье и смертность населения влияет много факторов как объективных (развитие экономики региона, занятость, доходы, экология и другие), так и субъективных (особенности образа жизни и демографического поведения, культуры межличностных отношений, семейно-брачного статуса и так далее). В социально-демографической политике важно учитывать и то, что не все зависит от финансирования и функционирования учреждений здравоохранения. Одновременно с этим важно формировать у населения здоровьесберегающие практики, культивировать основы самосохранительного поведения и здорового образа жизни. Журавлёва И.В. и Лакомова Н.В. (Институт социологии ФНИСЦ РАН) рассмотрели необходимость повышения ответственности граждан за своё здоровье. Экспертам необходимо взять на вооружение факторы, которые связаны со здоровьем, и, воздействуя на них, осуществлять управление позитивным поведением индивида в различных сферах жизни, нацеленных на сохранение здоровья.

Назарова И.Б. (ИСЭПН ФНИСЦ РАН) обратила внимание на дифференциацию ре-

гионов по состоянию здоровья, выделив типичные регионы, где все показатели здоровья соответствуют определённому уровню (позитивные показатели, характеризующие здоровье и качество жизни, или, напротив — негативные), а также неконсистентные, где показатели находятся на разных полюсах позитивного и негативного континуума, что требует дополнительной интерпретации социально-экономических характеристик регионов. Погорелов А.Р. (Тихоокеанский институт географии РАН) в докладе «Здоровье населения Камчатского края: пространственно-временные различия и региональные проблемы» представил развёрнутый анализ состояния здоровья населения Камчатского края, отметив, что дифференциация по здоровью может существовать и в рамках одного региона, в зависимости от социальных и географических показателей.

Актуальным сегодня остаётся индекс человеческого развития (ИЧР) как один из сводных показателей, характеризующих в том числе долгую и здоровую жизнь. Кучмаева О.В. и Колотуша А.В. (МГУ имени М.В. Ломоносова) предложили в расчётах ИЧР использовать показатель ожидаемой продолжительности здоровой жизни (ОПЗЖ). Авторы указывают на то, что индекс ОПЗЖ целесообразно использовать в качестве индикатора здоровья. Если исходить из сути ИЧР как индикатора качества жизни, то в большей степени различия в качестве жизни жителей российских регионов определяются детерминантами здоровья, в том числе доступностью медицинских услуг и качественных продуктов, экологической ситуацией, условиями труда, стратегиями самосохранительного поведения.

В рамках секции было рассмотрено здоровье и здоровьесберегающие стратегии различных социально-демографических групп. Галкин К.А. (Социологический институт — филиал ФНИСЦ РАН) сравнил стратегии заботы о здоровье пожилых людей в городской и сельской местности. Решение проблем со здоровьем в рамках взаимодействия врачей с названной категорией граждан имеет свои особенности и оказывается весьма значимым для регионов с быстро старею-

щим населением. Результаты исследования рекомендуют учитывать при разработке курсов по ключевым принципам этического взаимодействия врачей с пациентами, проживающими в различных типах населённых пунктов, в том числе в городской и сельской местности. В настоящее время данному аспекту уделяется мало внимания при подготовке медицинского персонала и переподготовке профильных специалистов.

Колесник Н.В. (Социологический институт—филиал ФНИСЦ РАН) в своём докладе рассказала о предпосылках профессионального стресса в работе педагогов российских школ с учётом региональных различий. Работа педагога нередко сопровождается высоким уровнем стресса, вместе с тем в ряде регионов сложились более благоприятные условия, позволяющие сохранить психическое здоровье работников образовательной сферы. Автор обратил внимание на то, что результаты исследования будут положены в разработку мер социальной политики, направленной на защиту здоровья педагогов. Максимова М.Ю. (Государственный университет «Дубна») подняла вопрос о здоровье молодого поколения. Докладчик обратил внимание на то, что молодёжь подвержена воздействию рекламы, нередко популяризирующей разрушительный образ жизни. В то же время, данный ресурс можно использовать и для достижения иных целей, обращённых к активизации практик самосохранительного поведения.

Секция «Формирование и воспроизводство демографического потенциала» (руководитель—В.Н. Архангельский, соруководитель—Н.Е. Русанова) была посвящена проблемам демографического развития регионов России, в том числе особенностям городских и сельских агломераций. Вангородская С.А. и Реутов Е.В. (Белгородский государственный национальный исследовательский университет) обосновали важность управления демографическими аспектами устойчивого развития сельских территорий Центрального Черноземья. Авторы предложили систему мер, которая будет способствовать выстраиванию долговременной стратегии в отношении демографического

развития сельских территорий. В частности, стратегия должна предусматривать такие шаги как: 1) удержание негативной тенденции уменьшения численности сельского населения; 2) устранение дисбалансов гендерной и возрастной структуры сельского населения; 3) повышение рождаемости; 4) снижение уровня смертности.

Морошкина М.В. (Институт экономики Карельского научного центра РАН), Мурашкина Л.В. (Петрозаводский государственный университет) раскрыли особенности Национального проекта «Образование» в современных реалиях, выделив его преимущества и недостатки. Попова Л.А. (Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения РАН) обратила внимание на изменение численности и структуры населения Республики Коми за последний межпереписной период. Перепись 2021 г. показала, что продолжается сокращение численности населения республики (актуальный показатель—ниже уровня 1959 г.), снова увеличился вклад миграции; продолжается рост городского населения; доля населения в трудоспособном возрасте впервые оказалась ниже показателей по стране в целом.

Красинец Е.С. (ИСЭПН ФНИСЦ РАН) оценил роль трудовой иммиграции в развитии человеческого потенциала современной России: сегодня в практику управления трудовой иммиграцией следует внедрить организационно-правовые механизмы, позволяющие обеспечить приоритет на занятие свободных рабочих мест российскими гражданами. Важно предпринять дополнительные меры, направленные на стимулирование приезда востребованных трудящихся-мигрантов и ограничение доступа на рынок труда тех, в ком нет необходимости. Русанова Н.Е. (ИСЭПН ФНИСЦ РАН) рассказала о современных методах решения вопроса бесплодия и проблемах, сопровождающих использование вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ). Неоднозначную роль играет расширение доступности ВРТ для тех категорий населения, которым естественное зачатие недоступно или нежелательно по социальным причинам: одиноким

женщинам, чайлд-фри и прочим. Архангельский В.Н. (ИДИ ФНИСЦ РАН) рассмотрел различия в показателях рождаемости среди городского и сельского населения в РФ. Демографические процессы, которые протекают в России, соответствуют ситуации в Республике Беларусь.

Ридевский Г.В. (НИИ труда Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь) представил демографическую ситуацию в Беларуси. Процессы депопуляции, которые начались в 1956 г. с сельской местности, в 1994 г. охватили всю страну и наконец с 2020 г. — городское население, в частности. Таким образом, депопуляция в Беларуси стала одним из мощных факторов трансформации системы расселения, в том числе городского и сельского населения. Развивающиеся в Беларуси процессы агломерирования, а также иные процессы пространственной интеграции городских и сельских поселений, приводят к размывтию дихотомии городской и сельской местности, центров и периферий, ведут к нивелированию различий между ними, в том числе в контексте демографического развития.

На секции «Жилищная политика в России: обеспечение человеческого потенциала» (руководитель — И.М. Шнейдерман, соруководитель — И.В. Пилипенко) были рассмотрены основные аспекты жилищной политики. Белкина Т.Д. (Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН) отметила достижения в строительстве жилья, однако, сравнив удельный вес затрат на жилищное строительство в общем объёме накопленного основного капитала в России и развитых странах Европы и Америки, оказалось, что в нашей стране этот показатель практически вдвое меньше. Генцлер И. В., Железнова Е. П., Лыкова Т. Б. и Пузанов А. С. (Фонд «Институт экономики города») обосновали необходимость совершенствования механизмов социальной поддержки населения. Ноздрина Н.Н. и Шнейдерман И.М. (ИСЭПН ФНИСЦ РАН) отметили, что развитие строительства индивидуальных и малоэтажных домов, обеспеченных социальной и инженерной инфраструктурой, в регионах России позволит успешно решать проблемы совершенствования

структуры расселения, повышения качества жизни населения и решения демографических проблем. Нешатаев А.В. (Уральский федеральный университет) обосновал важность просемейной инфраструктуры (особенно в депрессивных регионах России), которая может стать одним из важнейших условий в вопросах повышения рождаемости. Гузанова А.К. (ИСЭПН ФНИСЦ РАН) рассмотрела важность развития концепции пригородной недвижимости как второго жилья. Русанов А.В. (МГУ имени М.В. Ломоносова) обосновал жилищный потенциал подмосковных садово-дачных образований.

Пилипенко И.В. (ИСЭПН ФНИСЦ РАН) отметил, что новое жильё, возводимое в последние десятилетия, нацелено не только на удовлетворение спроса со стороны нуждающихся в улучшении жилищных условий, но и часто служит объектом для инвестиций, не влияя в реальности на показатель жилищной обеспеченности. Михалева Э.А. (МГУ имени М.В. Ломоносова) подчеркнула важность государственной поддержки в форме субсидий или налоговых льгот для решения жилищных проблем, не менее важной является система государственно-частного партнёрства (ГЧП). Пасовец Ю.М. (Курский государственный университет) отметила, что особенно острой проблема улучшения жилищных условий становится для многих молодых людей, испытывающих существенные трудности с приобретением собственного жилья. Рюмина Е.В. (ИСЭПН ФНИСЦ РАН) обосновала важность ресурсосбережения в жилищной сфере. Обозначено, что сельское население характеризуется большим стремлением к бережному отношению к природной среде в сравнении с городскими жителями.

Данилов С.В. (Уфимский государственный нефтяной технический университет) оценил особенности региональных программ доступности жилья в Приволжском федеральном округе. Отмечено, что несмотря на широкий спектр федеральных и региональных программ, в вопросах обеспеченности жильём большое значение по-прежнему играет доход населения. Также были рассмотрены вопросы дифференциации уровня жилищной обеспеченно-

сти субъектов Приволжского федерального округа (Сазыкина М.Ю., Трофимова Н.В., Мамлеева Э.Р.—Институт стратегических исследований Академии наук Республики Башкортостан); значимость государственных программ как механизмов улучшения жилищных условий молодых семей (Храброва К.Г.—Ярославский государственный университет имени П. Г Демидова), влияние идеологии на развитие сельского расселения (Шаров С.Ю.—ИСЭПН ФНИСЦ РАН).

На секции «Экономическое поведение населения: старые и новые тренды» (руководитель—А.В. Ярашева, соруководитель—С.В. Крошили) были рассмотрены практики потребительского поведения россиян в условиях глобальных вызовов (Сейфуллаева М.Э.—Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова), в том числе с учётом региональных особенностей (Пастухова Е.Я., Морозова Е.А.—Кемеровский государственный университет); актуальные тренды финансового поведения российских домохозяйств (Молчанов И.Н.—МГУ имени М.В. Ломоносова, Финансовый университет при Правительстве РФ). Исследования в сфере труда были представлены докладами «Анализ численности рабочей силы в Северо-Западном федеральном округе РФ» (Трегуб И.В.—Финансовый университет при Правительстве РФ); «Вектор на самозанятость в России: ситуация «до» и «после» пандемии» (Медведева Е.И., Кутеева К. А.—ИСЭПН ФНИСЦ РАН) и «Отношение студенческой молодёжи к труду и безработице» (Рыжих М.В.—Российский Университет Дружбы Народов имени Патриса Лумумбы). Соловьёв А.К. (Финансовый университет при Правительстве РФ) раскрыл факторы и условия формирования пенсионного потенциала различных категорий населения. Крошили С.В. (ИСЭПН ФНИСЦ РАН, Рязанский государственный медицинский университет имени академика И.П. Павлова) и Крошили И.С. (Рязанский государственный радиотехнический университет имени В.Ф. Уткина) рассмотрели новые форматы финансово грамотного поведения населения на примере чат-ботов.

На круглом столе «Межпоколенная преемственность ценностей семейно-детного

образа жизни» (модератор—д.соц.н., проф., проф. социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова Синельников А.Б., сомодератор—учёный секретарь конференции, н.с. ИСЭПН ФНИСЦ РАН Ляликова С.В.) участники обсудили проблемы института семьи, различные аспекты репродуктивного поведения, а также особенности внутрисемейного единства и межпоколенческого взаимодействия.

Шевченко И.О. (Российский государственный гуманитарный университет) обратила внимание на важную роль отца в многодетной семье. Доброхлеб В.Г. (ИСЭПН ФНИСЦ РАН) обосновала значимость солидарности как основы преемственности поколений в российском обществе. Дорофеева З.Е. (НИУ «Высшая школа экономики») раскрыла тему родительской вовлеченности и трансформацию ценностной структуры населения, а также особенности межпоколенной трансляции ценностей внутри семьи. Карпова В.М. (МГУ имени М.В. Ломоносова) дала анализ вариативности линий репродуктивного поведения. Павлюткин И.В. (Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет) отметил, что религиозная социализация может модерировать связь между религиозностью и рождаемостью.

Подводя итог вышеизложенному, отметим, что работа конференции велась по широкому перечню направлений, а взаимодействие участников было организовано в разных форматах (пленарное и секционные заседания, круглый стол) и предусматривало очное и дистанционное участие. Оргкомитет надеется, что V Международная научно-практическая конференция «Социальная динамика населения и человеческий потенциал» обеспечила площадку для взаимодействия заинтересованных лиц, учёных и практиков.

Материал подготовили:

Назарова И. Б.,

д.э.н., главный научный
сотрудник ИСЭПН ФНИСЦ РАН;

Ляликова С. В.,

научный сотрудник ИСЭПН ФНИСЦ РАН.

Материал пересылается через официальный сайт журнала («отправить рукопись»): <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/population>. Формат страницы – А4. Текст должен быть набран шрифтом Times New Roman, кегль 12, междустрочный интервал 1,5. Рисунки и схемы выполняются в черно-белом цвете и дополнительно предоставляются в отдельных файлах в форматах JPEG, PDF и в исходном формате. Названия таблиц и рисунков даются на русском и английском языках. Под таблицами и рисунками указывается источник информации. Список литературы формируется в порядке упоминания в тексте и приводится после текста статьи. Ссылки в тексте на источник в списке литературы даются в квадратных скобках (напр., [5, с. 8]), а на нормативно-правовые документы и статистические материалы – в виде подстрочной ссылки внизу страницы. Общий объём материала от 0,5 до 1,0 п.л. В соответствующих местах ставится буква «ё».

Для статей обязательны:

- наличие аннотации, ключевых слов, и пристатейного списка литературы, оформленного по ГОСТ Р 7.0.100–2018 «Библиографическая запись. Библиографическое описание: общие требования и правила составления»;
- сквозная нумерация таблиц, рисунков, схем, подстрочных ссылок, математических формул;
- в начале каждой статьи после её названия необходимо указывать фамилию автора(ов) статьи, место и почтовый адрес работы, электронный адрес автора-ответственного исполнителя;
- аннотация и ключевые слова на русском языке приводятся перед текстом статьи;
- список литературы на русском языке и другие источники информации приводятся после текста статьи;
- название статьи; имена и фамилии авторов/автора, аннотация, ключевые слова, список литературы на английском языке приводятся после списка литературы на русском языке;
- в конце статьи приводится подробная информация об авторе(ах) на русском и английском языках: фамилия, имя и отчество, учёная степень, должность и место работы с указанием города и страны, электронный адрес, ORCID, Researcher ID Web of Science, Scopus Author ID, PИНЦ Author ID.

Требования к написанию аннотаций

Аннотация на русском языке должна быть:

- информативной (не содержать общих слов)
- отражать основное содержание статьи и результаты исследований. Предмет, тема, цель работы указывается в том случае, если они не ясны из заглавия статьи;
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);
- объём текста должен включать от 200 (минимум) до 250 слов.

Аннотация на статью на английском языке по объёму может быть больше аннотации на русском, не быть калькой русскоязычной аннотации.

Требования к переводу на английский язык пристатейного списка литературы

В зарубежных стандартах в библиографических записях не используются разделительные знаки, применяемые в российском ГОСТе («//» и «-»). Название книги и журнала/газеты отделяются от Ф.И.О. авторов и заглавия статьи типом шрифта и точкой. Для изданий не на английском языке делаются и перевод, и транслитерация. При ссылке на книжные издания названия издательства, организации и города (места издания) приводятся полностью. Обязательно указание диапазона страниц при описании статей в журналах или сборниках и общего количества страниц – в книжных изданиях. В конце неанглоязычных публикаций в скобках указывается язык, для русскоязычных: (in Russ.). Статьи из электронных источников описываются аналогично печатным изданиям с дополнением данных об адресе и дате доступа.

Примеры:

1. Yarygina T. Bednost' v bogatoj Rossii [Poverty in rich Russia]. Obshchestvennye nauki i sovremennost' [Social Sciences and Modern World]. 1994. No. 2. P. 25–35. (in Russ.)
2. Sarkisyan G. S., Kuznetsova N. P. Potrebnosti i dohod sem'i [Family Needs and Income]. Moscow. Ekonomika [Economics]. 1967. 178 p. (in Russ.)
3. Stepukhina I. L. Formirovaniye regionalnoy sistemy upravleniya obnovleniyem gorodskoy zhiloy zastroyki. [Formation of the regional system of management of the city housing stock renovation]. Arkhangel'sk. 2009. 184 p. Available at: <https://dlib.rsl.ru/01004325199> (Accessed: 18 May 2019). (in Russ.)

Требования к формулам:

- формулы должны быть набраны в формульном редакторе Word;
- после формулы ставится запятая, со следующей строки с абзаца после слова «где» расшифровка символов формулы в том порядке, в котором они идут в формуле; единицы измерения обязательны. Расшифровка даётся в строчку;
- греческие буквы набирают прямым шрифтом, латинские – курсивом;
- перенос формул следует делать на знаках равенства и соотношения между левой и правой частями формулы, знаках сложения и вычитания, на знаке умножения применением косоного креста (x) в конце одной строки и в начале следующей строки;
- знак умножения между буквенными символами не ставится ($A = be$), а между числами ставят точку по центру строки ($5 \cdot 30$);
- единицы измерения физических величин приводятся в системе СИ и отделяются от значения одним пробелом (12,87 мм, 58 Дж/моль), за исключением градусов и процентов (90° , 20°C , 50%);
- в качестве десятичного знака в формуле используется запятая (например: 14,67).

Все статьи проходят рецензирование и проверку в системе «Антиплагиат». Результаты рецензирования и решение редколлегии о принятии представленной статьи к публикации сообщаются авторам.

ПОДПИСНОЙ ИНДЕКС

журнала ***НАРОДОНАСЕЛЕНИЕ*** в «Урал-пресс»: 79183
ISSN 1561-7785